

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РОМАН ГЛУШКОВ

КЛЕТКА БЕЗ ВЫХОДА

Роман Глушков
Клетка без выхода

Я видел удивительное – тот, кто умер, победил смерть, ибо над ним она больше не властна.

Кабир

Глава первая

– Доброе утро, мистер Мэддок. Проходите, располагайтесь. Что желаете: чай, кофе?

– Здравствуйте, мистер Адамс. Спасибо, ничего не надо. Хотелось бы сразу перейти к делу.

– Как вам угодно. В таком случае, докладывайте. Вижу, вы в настроении. У вас есть для меня хорошие известия?

– Совершенно верно, мистер Адамс. Профессор Эберт просил вам передать, что наши вложения в проект «Джесси Джеймс» полностью оправдались. Результаты экспериментов положительны и стабильны. А сегодня утром мне даже удалось познакомиться с нашим подопытным!

– Просто потрясающие новости, Патрик! Ну и как настроение у этого тупого бандита?

– Сказать по правде, Джесси не такой тупой, как мы привыкли о нем думать. Разумеется, сейчас он дезориентирован и плохо подчиняется приказам, но при желании с ним можно говорить практически на любые темы. Само собой, кроме научных. В данном вопросе он мало что смыслит.

– Надеюсь, вы не сообщили Джесси, что с ним произошло и где он находится?

– Конечно, нет, мистер Адамс. Разглашение этой информации подопытному поставит под угрозу весь проект. Мы понятия не имеем, как Джесси отреагирует на правду, и не собираемся рисковать, проверяя это. На данный момент наш «воскресший» гадает, умер он и попал в загробный мир или чудом выжил после того ограбления и участвует в некоем интерактивном шоу. Думаю, со временем он остановит свой выбор на первой версии.

– А вы не допускаете, что может найтись добрая душа, которая откроет Джесси истину, мистер Мэддок?

– Маловероятно, мистер Адамс. Скитальцы беспрекословно соблюдают закон Мертвой Темы, и Джесси уже имел шанс убедиться, что бывает с теми, кто задает лишние вопросы.

– Подопытный не пострадал?

– Ничуть. Мы нарочно не стали мелочиться и заранее присвоили Джесси статус маэстро проксимо-боя.

– Правильное решение, Патрик. Что ж, передайте профессору Эберту от меня огромную благодарность. Старина Элиот еще раз доказал, что мы не прогадали, предоставив ему работу после всех громких скандалов вокруг его имени.

– Элиот Эберт непременно останется доволен вашими теплыми словами, мистер Адамс. Значит, вы даете нам «добро» на начало второго этапа проекта «Джесси Джеймс»?

– Не только даю, но и настаиваю на скорейшем его осуществлении, мистер Мэддок. Джесси нужен в Терра Нубладо как воздух. Сегодня там царит не свобода, а настоящая анархия. Это грозит нам массовым исходом. Не спорю, исход неизбежен, но он должен произойти естественным путем и не сегодня. Вы согласны, Патрик?

– Абсолютно, мистер Адамс. Пока мы прогнозируем массовый исход из Терра Нубладо лишь через четыре года. К тому времени нами будет полностью подготовлена к заселению Терра Олимпия, поэтому убытки от исхода сведутся к минимуму.

– Я слышал, Патрик, вы разрешаете вашей дочери посещать Терра Олимпия. И каковы ее первые впечатления?

– Анабель безумно нравится гулять по этому миру, пусть он пока и далек от совершенства. Она уверена, что из трех наших миров Терра Олимпия – самый лучший. Думаю, мы движемся в правильном направлении.

– Как, кстати, самочувствие вашей девочки?

– Благодарю вас, сейчас все хорошо. Вы очень помогли ей, мистер Адамс, познакомив нас с академиком Госсом. Анабель вернулась из его клиники просто другим человеком.

– Мне приятно это слышать. Если потребуются еще какая помощь, непременно обращайтесь. Разумеется, Патрик, вы запретили Анабель появляться сегодня в

Терра Нубладо? То, что происходит там в настоящий момент, противоестественно и дико.

– Я пытался, но... Анабель было не удержать. Ей нравится жить в этом мире, даже несмотря на беспорядки. Порой мне кажется, что только там Анабель по-настоящему счастлива. У меня просто не поднимается рука лишить дочь ее единственной радости. Именно по этой причине я согласился возглавить наш проект по восстановлению порядка в Терра Нубладо. И я непременно доведу его до конца. «Джесси Джеймс» готов начать свой крестовый поход.

– Что ж, попутного ему ветра... Вот ведь какие парадоксы иногда преподносит судьба, Патрик: двадцать лет назад этот Джесси со своими друзьями хотел разорить нашу корпорацию на солидную сумму, а сегодня ему приходится спасать нас же от убытков. Я надеюсь, убудку понравится его новый мир и он в нем приживется.

– Он приживется, мистер Адамс. Могу вам это гарантировать. Терра Нубладо просто создан для таких, как наш Джесси. Какому еще бандиту доводилось попадать после смерти в настоящий бандитский рай?..

В Терра Нубладо многие вещи выглядят, мягко говоря, странно. Даже дорожная грязь чавкает под ногами как-то по-особому мерзко. На вид вроде бы обычная грязь, и сапоги в ней вязнут, а все равно, прошагав немного по раскисшей дороге, понимаешь: что-то здесь не так. Хоть беги по этой грязи сломя голову, хоть шагай в неторопливом темпе, изменится только ритм монотонных чавканий. Сами же звуки будут однообразны, словно удары метронома.

Тик-так, тик-так...

Хлип-хлюп, хлип-хлюп...

Ничего оригинального, и предсказуемо на сто шагов вперед.

Впрочем, если не заикливаться на этой мелочи, она вскоре перестает раздражать. А когда беседуешь с попутчиком, то и вовсе про нее забываешь. Жаль только, что попутчики редко составляют мне компанию, поэтому и приходится в своих постоянных скитаниях слушать лишь звуки окружающего мира: пение птиц, стрекот цикад, ветер, шелестящий в листве... Или как сегодня: шум дождя, drobный стук капель по полям шляпы да хлюпанье промокших сапог. Правда, еще одним средством от скуки служили раздумья, тягучие и хмурые, подобно тучам над головой.

От раздумий никуда не убежать, и я давно смирился с мыслью, что они – мое вечное проклятье. Такое же, как и Терра Нубладо – мир, где я вынужден находиться уже без малого пять лет. Не жить, а именно находиться, ибо то, что принято называть жизнью, осталось для меня в прошлом. Поэтому разрешите представиться: Арсений Белкин – бывший грабитель и прожигатель жизни, бывший незаконный эмигрант, бывший человек... Короче, по всем статьям – бывший.

В мире, где я родился и вырос, уже нет человека по имени Арсений Белкин, жившего в начале двадцать первого века и занимавшегося незаконной деятельностью в странах Западной Европы. Такой образ жизни в конечном итоге и привел к тому, что в ходе последнего ограбления я был щедро нашпигован свинцом. Но по странному капризу судьбы не умер, а спустя какое-то время очнулся в здравом уме и твердой памяти. Только не на больничной койке тюремного госпиталя, а здесь, в незнакомом мире под названием Терра Нубладо. Мире, где отсутствовал горизонт, даже в ясную погоду затянутый клубами тумана. Необъяснимый туман рассеивался при приближении, а потом словно из ничего постепенно сгущался за спиной. Туман присутствовал в Терра Нубладо постоянно, независимо от того, было ли тепло, холодно, светило солнце или моросил дождь. Поначалу это явление крайне раздражало, но со временем я перестал обращать на него внимание, объяснив его преломлением света в атмосфере.

Я пришел на туманный материк, сохранив прежнее тело и память, но утратив имя. Однако этот мир не считал нужным дарить мне новое. Чудом воскресший Арсений Белкин был сегодня известен в Терра Нубладо как Проповедник. Но проповедовал я не любовь и всепрощение, а жесткие законы Баланса – единственно правильную религию этого мира. Мои проповеди предназначались исключительно для одержимых Величием – нечестивцев, ступивших на гибельный путь Дисбаланса – местного воплощения абсолютного зла.

Любой христианский златоуст мгновенно утратил бы дар речи при виде моих методов убеждения паствы. Однако с одержимыми Величием иначе было нельзя. Я воздействовал на грешников при помощи слов Откровения, а также двуствольного штуцера «Экзекутор», носимого мной под плащом-накидкой. Причем последним приходилось пользоваться гораздо чаще. Несовместимый набор подручных средств для проповедников моего родного мира, но в Терра Нубладо такое совмещение несовместимого выглядело вполне нормально. Как говорится, по пастве и проповедь.

Что поделаешь, законы Баланса – это не десять заповедей Христовых, о которых здесь слыхом не слыхивали и которые в моем мире всяк был волен нарушать как

ему заблагорассудится. С местными законами такое своевольное обращение было недопустимо. Малейшее колебание Баланса приводило к катастрофическим последствиям – свободный мир постоянно находился на грани хаоса. Почти все обитатели Терра Нубладо это понимали, но, к сожалению, находились среди них такие, кто целенаправленно стремился к Дисбалансу, проникаясь его разрушительными идеями. Дабы образумить этих одержимых, мне и были дарованы Балансом всеисильные слова Откровения. А крупнокалиберный штуцер для их пущей убедительности – это уже как само собой разумеющееся.

Благодаря моим проповедям, сегодня в Терра Нубладо уже не было того засилья одержимых Величием, как раньше. Они периодически объявлялись то здесь, то там, но массового характера их грехопадение не носило. И все же каждый из зафиксированных фактов одержимости нуждался в дотошной проверке, поэтому я до сих пор продолжал мотаться по провинциям, таская свой крест Проповедника.

Арсений Белкин – Проповедник! Да, удивительную долю уготовила мне судьба в странном мире Терра Нубладо, ставшем для меня загробным...

Хорошо сказано: «Каждому воздастся по его вере». Короткая фраза, однако принцип высшей справедливости отражен в ней достаточно емко; принцип, не делающий исключения даже для тех, кто вообще не верил в пресловутую высшую справедливость. Вот и мне воздалось: не верил, а значит, не получил никакого снисхождения. Пришлось убедиться в этом на собственной шкуре, только не при жизни, а уже после смерти. Насколько распространялась моя вера, настолько и отмерил мне справедливости Высший Судья.

Счастлив тот, чья отлетевшая в иной мир душа обрела желанный покой, растворившись в какой-нибудь райской нирване или чем-то подобном, что испокон веков олицетворяло для человека посмертное счастье и куда мне давно был заказан путь. Впрочем, я не особо-то и рвался в райские кущи. Жил, как считал правильным, брал от жизни все, до чего мог дотянуться, и соблюдал моральные принципы, какие обременяли меньше всего. Но вот ведь как получилось: кандалная гиря моих грехов оказалась недостаточно тяжелой, чтобы утащить грабителя и афериста Арсения Белкина прямиком в ад.

А куда утащила, я и сам толком не знал.

Что для меня Терра Нубладо? Милосердие или наказание? Рай или ад? Добро или зло?.. Мои родители – убежденные христиане, – от которых я с малолетства выслушивал всякий религиозный бред, понятия не имели, что материи, которые виделись им только в черно-белых тонах, в действительности обладают множеством оттенков. Что я твердо уяснил в своей загробной жизни: нет в природе

ни рая, ни ада, по крайней мере, в том виде, какими их принято представлять. В этом и заключена суть высшего правосудия: виновны все, и потому со всех взыскивают одинаково. Мы ждем после смерти либо наказание, либо награду, а получаем вовсе не то, на что рассчитывали.

Праведники ропщут – не таким блеклым представляли они себе царствие небесное, куда стремились всю свою праведную жизнь. Праведники не ведают, что расплачиваются крахом хрустальных замков за свой подсознательный эгоизм: «я бескорыстен и добр при жизни только потому, что убежден – на том свете со мной сполна за все рассчитаются». Вот и получите расчет, аккурат «по вере вашей».

Грешники, ожидавшие вечные муки, поначалу радуются: оказывается, не все так плохо, как предполагалось! Погодите, вскоре на смену вашей радости тоже придет раздражение. По себе знаю. Вот, к примеру, мой список наказаний: пытка одиночеством, страх и недоверие ко мне всех подряд, жуткие приступы беспамятства, а также обязанность держать язык за зубами и исполнять чужую волю. Все это безусловно гуманнее дьявольского котла с кипящей серой, но приятного в такой жизни тоже мало.

Ради справедливости, однако, следует упомянуть и о плюсах загробной жизни грешника Белкина, с некоторых пор именующегося Проповедником. Я обладал свободой и мог расхаживать беспрепятственно по всему материку. Мне позволялось жить по особым законам и открывать ногой любые двери, поскольку я считался слугой Баланса – бойцом самой крутой местной «конторы». Мне была доверена великая тайна Откровения, что также следовало считать за честь. Никто из обычных обитателей Терра Нубладо не мог похвастаться столь привилегированным статусом. Даже власти предрержащие. Их вседозволенность, бывало, выходила за рамки приличия, но редко когда переступала границы законов Баланса. Местные небожители чтили общепринятый высший порядок и уважительно относились к тем, кто поддерживал его.

И без того ограниченная туманом, в дождь видимость в Терра Нубладо ухудшалась еще сильнее. Сейчас я мог толком рассмотреть лишь то, что находилось от меня максимум в двадцати шагах. Единственно верным ориентиром являлась лишь окончательно раскисшая дорога. Месить грязь мне уже осточертело, но сбежать от этого монотонно чавкающего проклятия было нельзя. Вдоль дороги пролегали широкие, уже успевшие наполниться дождевой водой канавы, огороженные невысокими заборами, служащими одновременно и границами пастбищ. Погруженный в раздумья, я пропустил момент, когда ступил на обжитые

территории, и теперь при виде изгородей у меня приподнялось настроение. Я приближался к фермерскому поселку, а там непременно будет постоянный двор, в котором для скитальца отыщется сухой уголок и горячий ужин. По всем признакам, дождь стихал, и где-то к полуночи он обещал прекратиться вовсе.

Странное чавканье было не единственной отличительной чертой местной грязи. Второй ее особенностью являлось мгновенное высыхание, что определенно лишало здешних свиней одной из главных радостей в их свинской жизни. Так что если после полуночи распогодится, уже к рассвету я отправлюсь в дальнейший путь по сухому тракту.

Мне еще не доводилось бывать в здешних местах, хотя по многим дорогам Терра Нубладо я хаживал не однажды. Правда, я мог и заблуждаться. Музе дальних странствий ничего не стоило занести меня сюда во время очередного провала в памяти, какие иногда со мной происходили.

Пристрастие к спиртному, коим страдал я при жизни, в загробном мире меня совершенно не беспокоило. Поэтому, в отличие от хронического алкоголика Белкина, Проповедника можно было с чистой совестью назвать трезвенником. Однако беспричинные приступы амнезии, после которых воспоминания о забытых часах, а иногда и днях, так и не восстанавливались в памяти, давали повод задуматься о «дурном наследии», оставленном мне прежним образом жизни. Порой я засыпал в одном месте, а просыпался в другом, отмахав в состоянии лунатизма довольно приличное расстояние. И хорошо, если просыпался на постоялом дворе или в постели какой-нибудь вдовствующей фермерши. Случалось, что сознание возвращалось ко мне в дороге, прямо на ходу. При этом я всегда спотыкался и падал, поскольку редко удавалось после таких пробуждений сразу сориентироваться в пространстве и времени. Проклиная все на свете, я тогда усаживался прямо на обочину и тужился вспомнить, что происходило со мной в забытьи, но, как и любой лунатик, ничего не припоминал о своих бессознательных похождениях.

И все же кое-что после таких приступов в голове задерживалось. Я мог совершенно не помнить, где и когда происходила наша встреча с маэстро Гвидо, однако его приказы отпечатывались у меня в памяти даже в состоянии амнезии.

Пожилый скиталец Гвидо, которого я прозвал за глаза Занудой, был, пожалуй, моим единственным другом в Терра Нубладо. С поправкой на то, что другом на туманном материке можно было считать любого, кто искал с тобой встречи без намерений поквитаться за старые обиды. Меня давно терзало подозрение, что Зануда причастен к моим провалам в памяти и исподтишка воздействует на мое

сознание каким-нибудь гипнозом. Но дальше подозрений эти догадки не продвинулись. За руку я Гвидо не ловил, да и далеко не каждое его появление было сопряжено с приступами беспамятства.

Гвидо обладал в Терра Нубладо почетным статусом «маэстро». Титул этот ты имел право носить, если сумел добиться абсолютного, непререкаемого авторитета. Неважно, в какой области – главное, чтобы о твоих заслугах пошла гулять стойкая молва, а сам ты мог при надобности доказать любому несогласному, что почетная приставка «маэстро» перед твоим именем – отнюдь не фикция. Испытание на подлинность проходили не все, и самопровозглашенных «маэстро» раскусывали сразу. Настоящих носителей знака высшей доблести в туманном мире было очень мало. Мой друг Гвидо относился как раз к таким.

Зануда не являлся маэстро в боевых дисциплинах, наоборот, его коньком всегда была сугубо мирная дипломатия. Гвидо был кем-то вроде странствующего мирового судьи. Частенько диктаторы провинций нанимали его, чтобы без кровопролития уладить какой-либо несущественный спор. Авторитет Гвидо в урегулировании конфликтов был непререкаем. Во-первых, мой друг относился к старожилам Терра Нубладо, а во-вторых, был совершенно неподкупен и порой только из принципа отказывался от огромных вознаграждений. Гвидо ценил авторитет маэстро дипломатии превыше всего – это и являлось его главнейшим достижением в жизни.

А еще Зануда, как и я, служил Балансу и был не только моим старшим товарищем, но также координатором и посредником, доводившим до меня волю наших покровителей. Подозреваю, что, если бы не это веское обстоятельство, Гвидо никогда не стал бы со мной сотрудничать, так как он, в свою очередь, тоже считал меня несусветным занудой...

– Стезя несущего Откровение терниста, но почетна, – с пафосом заметил Зануда три дня назад, во время нашей последней встречи, когда я по привычке попытался втянуть его в очередной спор. Гвидо, как обычно, сразу перешел на менторский тон и не преминул лишний раз напомнить мне о долге Проповедника. – Откровение – это дар, который дается не за жизненные заслуги или добродетель. Выбор Баланса непредсказуем, но не случаен. И если он избрал тебя из множества достойных, ты должен покорно склонить голову и подчиниться. К тому же Откровение даровано тебе не для личной пользы, а для восстановления порядка в мире. Проповедник – всего лишь посредник, маленькая гирька на рычаге весов мироздания. От ее перемещения зависит выверенность Баланса. Мир меняется, и на платформе его весов никогда не лежит постоянный вес. Поэтому, подобно гирьке,

Проповедник тоже должен находиться в движении и ни на минуту не забывать о своем предназначении...

– Эй-эй, притормози! Не надоело в сотый раз твердить об одном и том же? – раздраженно перебил я Гвидо. – И почему, когда я начинаю задавать вопросы, ты всегда прячешься от них за развесистыми словесными дебрями?

– Ты знаешь почему, – обиделся Зануда. – Потому что все твои вопросы так или иначе касаются Мертвой Темы. Да, ты – Проповедник – можешь вполне безболезненно для себя говорить вслух все что вздумается. В том числе и рассуждать на Мертвую Тему. Но не забывай, что даже те, кто просто выслушивает твои неподобающие речи, так или иначе потом страдают. И я – не исключение, хотя наравне с тобой служу вечным идеалам Баланса. К сожалению, ко мне закон Мертвой Темы строг не меньше, чем к обычным скитальцам и оседлым.

– Неужели нельзя ответить на мои вопросы в обход правил? Я же не заставляю тебя давать конкретные ответы. Намекни, растолкуй знаками, объясни иносказательно... Ведь существуют десятки вариантов внятно выразить одну и ту же мысль! А для такого велеречивого болтуна, как ты, это и вовсе не должно быть проблемой. В конце концов, имею я право знать, какого черта тащу на себе этот крест!

– Тише! Прекрати немедленно! – зашикал и замахал руками Гвидо. – Столько лет учу тебя уму-разуму, а ты все никак не усвоишь: в Терра Нубладо не носят на спине крестов! Упоминание о чуждых ритуалах относится к Мертвой Теме. Не вздумай опять использовать где-либо подобную фигуру речи! И я не собираюсь пытаться перехитрить Баланс, беседуя с тобой намеками и знаками на Мертвую Тему! В Терра Нубладо даже последние болтуны давно усвоили, о чем можно говорить, а о чем нельзя. Один ты никак не уймешься. А все потому, что наши законы тебе попустительствуют! Будь ты простым скитальцем, сразу бы ощутил на собственной шкуре, что такое – сболтнуть лишнего. Вмиг излечился бы от всех своих глупостей! И вообще, советую брать пример с оседлых. Они никогда не заговорят с тобой на Мертвую Тему, поскольку не допускают Дисбаланса даже в мыслях.

– Это я давно заметил, – согласился я. – С оседлыми и просто поговорить – проблема. Вроде бы с виду неглупые люди, а словарный запас у них на одном листке бумаги уместится. Ладно, умолкаю, не буду заставлять тебя нарушать табу...

– О, нет! Какое «табу»?! Ну я же по-человечески попросил! – взмолился Зануда. На лице его и впрямь проступила нездоровая бледность, а руки затряслись. Как

здорово, что я имел к Мертвой Теме иммунитет, в противном случае проповедовать Откровение было бы попросту невозможно. Большинству адептов Дисбаланса удавалось «богохульствовать» и при этом сохранять отменное самочувствие. Однако остановить Проповедника, ослабив его таким способом, было сложно. Хотя иногда и меня начинало мутить от словесной ереси. Видимо, таким способом высшие покровители не давали мне забыть, что их законы едины для всех, в том числе и для избранных.

– Прости. – Я шутливо ударил себя по губам. – Опять глупость ляпнул. Нельзя, значит, нельзя... Ты принес мне патроны?

– Получи. – Гвидо достал из кармана три полные коробки ружейных патронов и протянул мне. Я высыпал боеприпасы на стол и взялся неторопливо снаряжать пояс-патронташ, стараясь засовывать патроны в ячейки не слишком глубоко – во время схватки так будет сподручнее извлекать заряды по паре за раз. Специалист по проксимо-бою вроде меня начинал схватку задолго до появления врага. Именно из таких мелочей, как скорость перезарядки или плавность куркового механизма, и складывалась победа в скоростном проксимо-бою.

– Расходуй боеприпасы экономно, – порекомендовал Гвидо, следя за моими манипуляциями. – Я не могу кормить тебя этими «конфетами» от пуза – это противоречит Балансу.

– Где ты достаешь это сокровище? – поинтересовался я, вертя в пальцах латунный цилиндр. – Насколько я в курсе, патроны редчайшего четвертого калибра имеются только в оружейной лавке Чико – оседлого торговца из фуэртэ Кабеса. Однако что любопытно: Чико тебя никогда не видел. А покупателя такого экзотического и дорогого товара он бы наверняка запомнил – память у оседлых торговцев исключительная.

– Так вот чем ты занят на досуге: наводишь обо мне справки! – недовольно запыхтел маэстро. – Поверь, ты понапрасну тратишь время. Лучше бы в бордель вместо этого сходил – куда полезнее провел бы досуг.

– Ты сам вынуждаешь меня заниматься поисками правды. Не желаешь распространяться о себе, зато чересчур много осведомлен обо мне! Откуда тебе известно мое настоящее имя?..

– Умоляю: только не начинай опять!..

– Но, похоже, ты прав – я и впрямь зря теряю время. Ни оседлым, ни скитальцам не известно, откуда ты взялся. Так где ты берешь патроны? Только не ври, что

выменял их у встречного скитальца! Ни один бродяга, вооруженный «Экзекутором», не выставит на обмен такие драгоценные боеприпасы.

– У меня свои каналы поставок, – слегка приоткрыл карты скользкий старик. – Познакомиться с этими людьми у тебя не получится – они и мне-то не слишком доверяют.

– Еще один секретный альянс?

– Что-то типа того. Но в рамках закона. Баланс для этих ребят не менее свят, чем для нас.

– Все ясно, – огорченно вздохнул я. – Станный ты человек, Гвидо. вроде бы делаем с тобой общее дело, а у тебя от меня сплошные тайны.

– Ты тоже не подарок, – парировал Зануда. – В прошлую встречу опять меня напугал – вел себя как полудохлая рыба. Тогда слова из тебя было не вытянуть, зато сегодня ишь какой разговорчивый!

– Мне нездоровилось, – соврал я, – а ты все равно послал меня на проповедь.

– Это не отговорка. – Было заметно, что маэстро не поверил. Я никогда не рассказывал ему о своих провалах в памяти, но интуиция подсказывала мне – Зануда о них прекрасно знает, хоть вида не подает. – Сила духа и вера в Идеальный Баланс обязана укреплять Проповедника на его нелегком пути. К тому же ты идешь по нему не один. У тебя есть наставник – я! Помогать тебе восстанавливать Баланс – мой святой долг. И, как видишь, я безропотно следую ему, а также пытаюсь служить для тебя примером...

– Понеслась душа... по кочкам! – Я умоляюще закатил глаза к потолку. – Угомонись, старик, ты мне всю плешь уже прокапал своими нравоучениями. Вот дождешься, уйду я от тебя на вольные хлеба...

Последние слова являлись дежурной шуткой, к тому же не очень веселой. В действительности уйти в отставку с поста Проповедника мне было нельзя. Попытка такого бегства была однажды мной предпринята и результата не принесла. Где-то после первого полугодия безостановочных проповедей я потерял-таки терпение и решил, что пришла пора круто изменить свою судьбу. Никаких запредельных целей я перед собой не ставил: переквалифицироваться в обычного вольного скитальца – вот и все, что я планировал сделать. Свобода от возложенных неизвестно кем обязательств и легкая бродячая жизнь выглядели притягательно, и Арсений Белкин не устоял перед искушением.

Я рассудил, что сполна рассчитался с Балансом за все и ему не составит труда подыскать себе нового Проповедника. Но оказалось, на самом деле мой долг был неоплатным, и Добро навечно закабалило меня на борьбу со Злом. Очевидно, по причине моих не искупленных грехов, впечатляющий список которых явно висел у покровителей на видном месте. А дабы Арсений Белкин убедился в собственной глупости раз и навсегда, Баланс доходчиво разъяснил ему, кто в Терра Нубладо царь и бог...

Тот памятный приступ беспамятства – такой вот грустный каламбур – случился со мной в самый неподходящий момент. Я поднимался по лестнице в номер-люкс, снятый мной в «Туманном Бродяге» – одном из лучших постоянных дворов фуэртэ Кабеса, столицы Терра Нубладо. На руках у меня страстно дышала прекрасная Консуэла, настоящая королева этого заведения, владелец которого – оседлый торговец Бартоломео – отбирал девушек на «службу» путем сурового экзамена. Консуэла успевала подрабатывать здесь еще и певичкой. Пела она не ахти как, однако с лихвой компенсировала сей недостаток виртуозным мастерством в своей основной специальности.

Не каждому скитальцу было по карману позволить себе ночь с Консуэлой, однако со мной певичка согласилась уединиться за чисто символическую плату. «Для поднятия авторитета» – раскрыла Консуэла причину своей щедрости. Правда, я так и не успел спросить, чьего авторитета – ее или моего. Но то, что авторитет у Проповедника поднимается буквально на глазах, мог, наверное, заметить любой, кто в тот момент взглянул бы пониже моей поясной бляхи.

Вечер вышел на диво незабываемым. Я постарался на широкую ногу отметить свой уход в отставку с поста хранителя Баланса. Правда, приходилось делать это в гордом одиночестве, но к одиночеству я за полгода уже привык. Несколько забредших на ночлег постояльцев не стремились напрашиваться в компанию к одиозному Проповеднику, и если не считать их косых взглядов, ничто не мешало мне наслаждаться первыми мгновениями свободной жизни. А подсевшая ко мне за столик Консуэла, на удивление охотно откликнувшись на мой призывный жест, стала и вовсе главным украшением чудесного вечера. Украшением, которым мне предстояло насладиться по-настоящему уже у себя в номере...

Итак, мы поднимались по лестнице. Разгоряченная Консуэла шептала мне в ухо такие слова, от которых любая воспитанная девушка вмиг сгорела бы от стыда. Я нес проказницу в постель и предвкушал, как то, что она мне пообещала, вот-вот воплотится в реальность. Оставалось лишь распахнуть дверь номера и дойти до кровати, где вольный скиталец Арсений (достаточно кличек – пора бы, наконец, вернуть себе законное имя!) начнет в полной мере радоваться прелестям жизни...

Я споткнулся и упал столь внезапно, что перехватило дыхание. Больше всего я испугался за Консуэлу, но девушка вдруг исчезла из моих объятий, словно растворилась в воздухе. Недоумевая, как это меня угораздило споткнуться на ровном месте и куда испарилась Консуэла, я только через несколько секунд определил, что нахожусь вовсе не в «Туманном Бродяге», да к тому же идеально трезв! Вместо грязного дощатого пола я растянулся на каменистом горном плато, и ко мне уже со всех ног бежали пятеро вооруженных людей. По их воинственным крикам и взятому на изготовку оружию было ясно, что разговаривать со мной они не собираются.

Мое мгновенно протрезвевшее сознание едва поспело за столь стремительной переменой обстановки. Благо, к спонтанным провалам в памяти мне было уже не привыкать, поэтому я пришел в чувство до того, как разъяренная компания открыла по мне огонь. Выхваченный из-под плаща «Экзекутор» с грохотом выплюнул в ближайшего противника двойной заряд жакана, и не успел еще враг рухнуть наземь с развороченной грудью, а я уже держал в кулаке готовую к перезарядке следующую пару патронов.

Мои враги готовились к простому убийству одинокого бродяги, а не к дуэли по правилам проксимо-боя, иначе они наверняка разыграли бы более сложный сценарий атаки. После того как я уложил второго из нападавших, защищаться уже пришлось им. Да и разве это можно было назвать защитой? Парни просто кинулись врассыпную, как тараканы, уповая на то, что собьют меня с толку. Хотя двигались они резво, спору нет. Впрочем, обогнать пулю сложно даже при такой чрезмерной резвости.

Вот в чем, оказывается, дело: обидевшись на мою отставку, Баланс устроил мне неожиданное свидание с очередной компанией одержимых Величием! А то, что судьба кинула меня из объятий красавицы именно к ним, стало понятно уже через полминуты, когда враг, первым отведавший моего свинца, выплюнул кровь и начал снова подниматься на ноги. Окончательно уgomонить его и его приятелей мне предстояло лишь могущественными словами Откровения...

Проповедь выдалась трудной, но я справился. Слабое место одержимых Величием заключалось в том, что они чрезмерно полагались на свое физическое превосходство, при этом забывая, что абсолютного Величия в природе нет и быть не может. Железный закон Баланса, действенный в каждом из известных мне миров, гласил: если где-то что-то прибавилось, в другом месте непременно от чего-то убудет. Одержимые приобретали просто нечеловеческие физические качества, однако, как правило, утрачивали здравомыслие и инстинкт самосохранения. Поэтому адепты Дисбаланса не слишком задумывались об

осторожности и лезли напролом, будучи в полной уверенности, что ни один обитатель Терра Нубладо не сумеет причинить им вреда.

Так оно, в принципе, и было, однако со мной случай особый. Здесь Зануда был прав: сила Проповедника не в оружии, а в Откровении, ибо только оно обладало властью над одержимыми и умирало их мятежные натуры. И все-таки без поддержки «Экзекутора» в этот омут нечего было даже соваться...

Разумеется, тот провал в памяти оказался отнюдь не случаен. Всевидящие покровители дали мне усвоить простую истину: Проповедник принадлежит Балансу с потрохами. И ныне, и присно, и вовеки веков. Аминь... Второй раз проверять, так это или нет, я не стал, поскольку ненавидел подобные сюрпризы и боялся, что следующий намек покровителей будет гораздо убедительней.

Тяжко жить на белом свете, не ведая смысла собственной жизни. В загробном мире это тоже не исключение. Только переживается острее: когда становится известно, что вместо ответов смерть преподносит лишь новые загадки, пропадает последняя надежда на обретение истины.

Терра Нубладо населяли обычные смертные, чье отличие от обитателей моего прежнего мира заключалось только в более низком уровне развития цивилизации да ряде странностей, вызванных местными законами природы, к которым, впрочем, довольно быстро привыкаешь. Неудивительно, что поначалу я решил, будто после тяжелого ранения в голову не умер, а угодил сначала в тюремный госпиталь, а оттуда – в некое масштабное телевизионное шоу о Диком Западе с участием уголовников – а как иначе все это можно было объяснить? Хотя думал я так недолго – пока не повстречал маэстро Гвидо, который первым делом познакомил меня с главным здешним законом, несуразным и диким даже для Дикого Запада. В Терра Нубладо закон Мертвой Темы почитался еще выше, чем закон Омерта на Сицилии, и тоже представлял собой своеобразный кодекс молчания.

Мертвая Тема... Запрет на слова, которые убивают. Причем убивают именно слова, а не люди, которых они могут оскорбить. Хотя могут убить и люди, в чьем присутствии будет затронута в разговоре Мертвая Тема – никто не желает страдать от чьих-то необдуманных речей... Поразительное явление. Столкнувшись с ним вплотную, я окончательно уверился, что не участвую в публичном шоу, а очутился черт знает где. Солнце, луна, знакомые растения и животные, вполне нормальные, пусть и малоцивилизованные люди – типичная реальность конца позапрошлого века... Если бы не вечный туман на горизонте, еще ряд незначительных странностей, да Ее Величество Мертвая Тема. Возникало чувство, что произнесенные вслух, чужеродные этому миру слова вызывали ярость у духов

местной природы и те карали любого, кто оскорблял их неуважением. Поэтому я волей-неволей научился следить за своей речью при людях и придерживаться ее в рамках Мертвой Темы. Но благодаря иммунитету Проповедника все же частенько ностальгировал, бранясь наедине с собой привычными «земными» ругательствами и тем самым подвергая себя психологической разгрузке.

Только это все равно не избавляло от жгучего желания излить кому-нибудь душу. А также выяснить, что скрывал за душой, к примеру, тот же маэстро Гвидо – убежден, ему было о чем мне рассказать. Как, вероятно, и каждому, кто топтал дороги туманного мира и вынужден был держать рот на замке, соблюдая суровый кодекс молчания...

В деревенском трактире «Посох пилигрима» было многолюдно – похоже, сюда сбежались от дождя скитальцы со всей округи. Попасть под дождь в Терра Нубладо не являлось слишком крупной неприятностью – благодаря уже упомянутым мной странностям местной воды, промокшая одежда высыхала за считанные минуты прямо на теле, – и все равно, странствовать при непогоде желающих находилось мало.

В этом мире дождь был, пожалуй, главной причиной, объединяющей скитальцев для общения. Хорошая погода способствовала путешествиям, плохая – собирала вольных бродяг под крышами трактиров и постоянных дворов, где тут же стихийно возникали такие скитальческие мини-конгрессы: бурлила меновая торговля, обсуждались последние новости, праздновались встречи и пропущенные в дороге праздники, рождались новые альянсы единомышленников, заключались пари и разворачивались целые чемпионаты по азартным играм. И если фермеры благодарили силы Баланса только за благоприятную погоду, владельцы трактиров радовались и ливням, и морозам, и буранам, и многодневным туманам, что вынуждали постояльцев подолгу задерживаться на одном месте и кутить, соря деньгами направо и налево.

Сегодняшняя непогода не обещала стать затяжной, однако владельцу «Посоха пилигрима» грех было на нее жаловаться. Шумная и пестрая орава скитальцев гуляла с размахом и ни в чем себе не отказывала. В трактире не оставалось свободных столов, но за некоторыми еще имелись незанятые места. Вновь прибывшему следовало лишь вежливо попросить разрешения у какой-нибудь компании присесть за их стол да угостить сотрапезников выпивкой.

Впрочем, Проповеднику позволялось не соблюдать такой ритуал. Никто не кинется в драку, если я усядусь рядом с ним на скамью – давно миновали те времена, когда

меня еще не узнавали в лицо. Сегодня я мог трапезничать с любой компанией без риска спровоцировать ссору. Кое-кто, конечно, все равно будет недоволен, но дальше демонстративного ухода из-за стола это недовольство не пойдет. И все же я предпочитал выбирать себе соседей, какие хотя бы внешне походили на благородных – в моей посмертной ипостаси общество приличных людей нравилось мне куда больше. Эта «чистоплотность» вызывала протест у негодяя Белкина, ранее не чуравшегося якшаться с любым отребьем, но строгий Проповедник давно дал понять этому мерзавцу, что его время безвозвратно ушло. Надо заметить, что мерзавец возмущался теперь только для вида – он побаивался Проповедника, как побаивается твякающая шавка свирепого волкодава.

Часть посетителей «Посоха пилигрима» столпилась в углу зала, где за игровым столом разыгрывалась партия в калибрик – так называлась азартная игра, в которой вместо фишек использовались пустые гильзы из-под патронов. В игре могли участвовать до десяти человек за раз. Передавая право хода по кругу, игроки переставляли фишки на игровом поле, разыгрывая незамысловатые тактические комбинации. Играющие начинали партию с маленьких гильзочек от дамских «дыроколов» и по мере прохождения игры заменяли их на все более крупнокалиберные. Выигрывал тот, кто быстрее всех заполучал на руки расклад из пяти массивных гильз от станковой картечницы «саранча».

Калибрик был столь же простым и динамичным, как шашки, к тому же давал возможность играть командами. Поэтому частенько за игровым столом разворачивались нешуточные страсти. На игроков делались ставки, будто на беговых крыс – еще одна местная забава, имевшая массу поклонников. В «Посохе пилигрима» игра тоже проходила бурно, и всяк заглядывающий в трактир не удерживался от соблазна подойти к играющим и поинтересоваться, как движется игровой процесс. После чего многие оставались у игрового стола делать ставки в тотализаторе или дожидаться своей очереди подвигать гильзами.

Проповедник явился исключением из общего правила. В прошлом моя тяга к азартным играм была достаточно сильна, но сегодня она испарилась бесследно вместе с пристрастием к алкоголю. Вероятно, будь распространены в Терра Нубладо карточные игры, я бы не отказывал себе в удовольствии иногда перекинуться в картишки. Но здесь эта забава была не в ходу, а греметь гильзами по столу у меня желания не возникало. Следовало понимать, что карты также принадлежали к Мертвой Теме, хотя каким образом они способствовали Дисбалансу, непонятно. Версию, что в туманном мире они просто не зародились, я даже не рассматривал – говорят, карточные игры существовали уже во времена дремучего рабовладельческого строя.

Я покосился на галдящих в углу игроков и их болельщиков и, не задерживаясь, направился к огню. Страсть как хотелось отогреть продрогшее под дождем тело, а у ближайшего к камину стола как раз обнаружилось свободное местечко.

Появление Проповедника не осталось незамеченным в «Посохе пилигрима». По всей видимости, оно и стало самым ярким событием за последний час. Все, кто находился в зале, оторвались от своих занятий и долго с опаской наблюдали за мной, словно я вошел не один, а притащил за собой на поводке медведя. Даже игроки прекратили двигать фишки и почти минуту следили за моими действиями. Протиравший кружки трактирщик, судя по его вмиг скисшей физиономии, забеспокоился, как бы появление зловещего гостя не вспугнуло чересчур мнительных клиентов. Музыкант, терзающий на крохотной сцене струны потертого пелискара – похожего на кривую гитару музыкального инструмента, – сбился с такта и долго не мог возобновить прерванную мелодию. Даже те, кто хлебнул лишка и уже дремал, уронив головы на столы, зашевелились, потревоженные непривычной тишиной. Я полагал, что в мой адрес непременно последует чей-нибудь псевдоостроумный комментарий, как это случалось в городских трактирах, но желающих самоутвердиться не выискалось – мой промокший и озлобленный вид не располагал к шуткам.

Пауза продлилась недолго. Вскоре прежняя шумная атмосфера вновь наполнила «Посох пилигрима». Игроки вернулись к игре, пелискар забренчал что-то жизнерадостное, спавшие опять уткнулись лбами в засаленные столы, и только трактирщик продолжал наблюдать за мной, ожидая, когда я потребую ужин. Но я не спешил: первым делом – отогреться, а потом все остальное.

Я уселся на скамью, развернувшись лицом к камину. Вместе с теплом накатила усталость и дремота. Хотелось наплевать на все и уподобиться моему соседу по скамье. Скиталец, у которого явно не хватало денег на съем комнаты, спал прямо за столом, подложив под щеку худую дорожную сумку. Моего появления он не заметил. В отличие от изнурившего скитальца, я мог позволить себе выкупить на ночь номер, но сейчас мне было не до отдыха. Я намеревался продолжить путь, как только прекратится дождь. Отогреться, поужинать да послушать разговоры скитальцев – вот и вся программа на сегодняшний вечер.

Возле огня одежда на мне просохла еще до того, как я успел скинуть плащ. Удивительное свойство местной воды создавало массу удобств и избавляло прачек Терра Нубладо от утомительного процесса отжима и сушки. Нигде в туманном мире вы не встретите развешанного на веревках выстиранного белья. Но что особо радовало – подмоченный порох высыхал столь же быстро. Поначалу меня удивляло, почему при такой повышенной испаряемости не пересыхают здешние

реки. Потом, когда в багаже моих знаний скопилось много подобных нелогичностей, я перестал удивляться всему подряд. Заострять внимание на каждой загадке природы, а тем более пытаться их разгадать, значило понапрасну тратить время. Если на них и имелись ответы, они надежно скрывались под покровом Мертвой Темы.

– Изволите подать ужин, респетадо Проповедник? – Трактирщик решил не дожидаться, пока я вспомню о нем, и явился сам. Такая предупредительность была нехарактерна для захолустного заведения и говорила скорее не об отлаженном сервисе, а о прижимистости владельца, экономившего на официантах.

– Да, разумеется, – не отрывая взор от огня, кивнул я. – Что-нибудь горячее на твой выбор, респетадо...

– Марио. Просто Марио.

– ...Марио. И стакан воды.

– Воды?

– Именно так, – подтвердил я. По меркам Терра Нубладо, моя просьба выглядела экзотичной. У скитальцев было не принято пить в трактирах воду. Но я был далек от большинства скитальческих традиций, в том числе и от этой. К тому же в настоящий момент я находился на службе, поэтому не прикасался даже к легким спиртным напиткам.

– Сию минуту, респетадо Проповедник! – раскланялся Марио и убежал на кухню.

Возможно мне показалось, но после моего появления веселье в трактире сбавило обороты. Игра в калибрик протекала уже не столь азартно, хотя ставки продолжали приниматься. На меня продолжали коситься – скитальцев, многие из которых видели Проповедника впервые, интересовало, каков я в повседневной жизни, что ем и пью и как планирую проводить вечер. Пока же я просто сидел, уставившись в камин и ожидая, когда Марио подаст ужин. Изредка я бросал взгляд на оконное стекло, по которому стекали дождевые капли, и пытался определить, не кончается ли дождь.

– Так не бывает! – вдруг воскликнул на весь зал один из игроков. – Четвертый раз подряд, Кастор! Ты выигрываешь четвертый раз подряд с одним и тем же перевесом!

– И что ты хочешь этим сказать, Берси? – возмутился игрок, к которому обращались. – Да, и впрямь удивительное совпадение, но похоже, мне сегодня крупно везет!

– Провались я пропадом, если это так! – вскипел недовольный Берси. – Два раза подряд – еще куда ни шло! Но четыре – это чересчур!

В поисках поддержки Берси обернулся на остальных игроков и болельщиков. Те явно только и ждали, пока кто-нибудь из них первым заявит протест. За столом поднялся гвалт, который сразу усилился, когда за обвиненного в нечестной игре Кастора вступились его болельщики. От шума пробудился даже мой сладко спящий сосед. Зевая, он фамильярно положил ладонь мне на плечо, видимо, желая поинтересоваться, что за скандал, но едва разглядел спросонок, кого побеспокоил, вздрогнул и отдернул руку, будто угодил ею в горящий камин. «Прошу прощения», – промямлил сосед, отодвигаясь от меня и тесня скитальца, сидевшего от него слева.

Скандал между тем усугублялся. Берси со товарищи распалился не на шутку, Кастор и его приятели от них не отставали. Пальцы большинства спорщиков были уже заложены за ремни, поближе к рукояткам пистолетов, ножей и сабель.

Я не сомневался, что с минуты на минуту кто-нибудь обязательно предъявит Кастору обвинение в одержимости Величием. В обычных спорах такими обвинениями не бросаются, но перебранка игроков, слово за слово, постепенно пересекла ту грань, за которой примирение уже невозможно. Слишком много гадостей было сказано во всеуслышание, чтобы оставлять их без ответа, так почему не ударить по оппоненту самым тяжким упреком?

Этот упрек выкрикнул Берси, уже не отдающий отчет своим словам. Обвинение прозвучало подобно команде, по которой спорщики в мгновение ока повыхватывали оружие. Загрохотал перевернутый игровой стол, зазвенели рассыпавшиеся по полу латунные фишки-гильзы. Впрочем, начинать кровопролитие никто не спешил. Спорщики продолжали осыпать друг друга ругательствами, но оружие в ход не пускали. При этом каждый из спорщиков то и дело посматривал на меня – как отреагирует Проповедник на известие, что в трактире вдруг отыскался одержимый.

Я же никак не реагировал, поскольку слышал крики «пожар», но огня не видел и дыма не чуял. С подобными уловками мне не раз приходилось сталкиваться, когда, бывало, та или иная компания, затевающая с кем-либо конфликт, стремилась привлечь Проповедника на свою сторону. Реагируй я на каждое голословное обвинение, от меня сегодня шарахались бы не только одержимые, но и добропорядочные скитальцы.

«Мексиканское противостояние» – кажется, так называли аналогичную ситуацию в моем родном мире. Этаким командный турнир по «русской рулетке». Для

стартового сигнала достаточно, чтобы сорвались нервы хотя бы у одного участника этого турнира. Один дрогнувший на спусковом крючке палец, и через пару секунд пол будет завален трупами...

Я развернулся вполоборота к скандалистам, дабы отчетливо видеть каждого члена этой наэлектризованной компании, а особенно тех, под чьи выстрелы я мог ненароком угодить. Глупо будет пасть нечаянной жертвой чужих обид. Уповать на заступничество сил Баланса тоже глупо: являйся я для покровителей незаменимым человеком, давно получил бы в подарок неуязвимость от пуль. Но их за прошедшие пять лет целители уже извлекли из моего тела не меньше двух десятков...

На свободном материке Терра Нубладо нет ни полицейских, ни судей, поэтому не приходилось ожидать вмешательства в трактирную разборку кого-то со стороны. Все протекало по закону Баланса: возобладает разум – все останутся живы; прольется кровь – выжившие приобретут авторитет как хорошие стрелки и фехтовальщики. Естественно, за счет тех, кого они пристрелят или прирежут. Авторитет – вот что действительно обладало ценностью в туманном мире. Здесь авторитет не покупался за деньги и не возникал сиюминутно, его приходилось сначала долго зарабатывать, а затем отстаивать. Скиталец, заслуживший непререкаемый авторитет, мог собрать вокруг себя единомышленников и сам становился диктатором порядков: брал под контроль часть какой-либо провинции, изгоняя прежних хозяев, укреплялся в ней, облагал данью отвоєванные поселения, призывал на службу наемников-скитальцев и рекрутов из оседлых жителей, формировал маленькие армии, дабы защищать свой статус и по мере роста сил завоевывать земли соседей – таких же самопровозглашенных диктаторов. Благодаря непрекращающемуся политическому переделу, а точнее беспределу, количество провинций Терра Нубладо и их границы не могла отразить объективно ни одна карта.

– Респетадо Проповедник!.. – взмолился выбежавший из-за стойки Марио. – Вмешайтесь, образумьте их! Не дайте свершиться трагедии!

– Не вижу, в чем трагедия, – отмахнулся я. – Перебрали ребята чуток, сейчас остынут и успокоятся. Где твой вышибала?

– Нет у меня вышибалы! – чуть не плача ответил трактирщик. – Зачем он мне в этой глуши? Мне и повару-то порой платить нечем! Прошу вас, респетадо Проповедник! Они же уничтожат репутацию моего заведения! А я так долго скитался, чтобы открыть трактир! Чем мне тогда кормить детей?

– Так ты скиталец? – подивился я. Редчайший случай, когда вольный бродяга променивал ветер странствий на оседлую жизнь, не достигнув в Терра Нубладо более-менее высокого статуса. Но, как говорится, каждому – свое. – Решил стать первым в истории маэстро-трактирщиком?.. Ладно, попробую потолковать с твоими клиентами, авось и образумлю их.

И с раздражением подумал, что, когда мой друг-дипломат бывает и впрямь позарез мне нужен, его почему-то днем с огнем не сыщешь.

– Большое спасибо, респетадо! – благодарно закивал Марио. – Век не забуду вашей доброты! Только умоляю: поторопитесь, а то они уже вот-вот...

Действовать требовалось решительно, но аккуратно. Самая крупная ошибка, какую я мог допустить, – это попытаться привлечь к себе внимание резким криком или тоже начать размахивать оружием. Переполненная взрывчатыми парами агрессии, атмосфера в заведении после такого вмешательства воспламенилась бы однозначно. Поэтому я приближался к зоне конфликта нарочито неторопливо, дабы все спорщики имели возможность меня заметить. Но, несмотря на мирные намерения, штуцер я все-таки с собой прихватил.

– Прошу слова, респетадос! – громко и размеренно произнес я, стараясь быть услышанным сквозь потоки угроз и обвинений. Гомон плавно утих, а те из спорщиков, кто стоял ко мне спиной, оперативно сменили позиции так, чтобы держать меня в поле зрения. Кое-кто даже счел Проповедника более опасным противником и перенацелил оружие на него.

– Чего тебе, Проповедник?! – рявкнул Кастор, наверняка успевший проклясть свое игровое везение, уже неважно, случайное или нет.

– Могу помочь вам уладить проблему, – предложил я, не спеша переложив «Экзекутора» на сгиб локтя стволами в сторону. Такая поза только на первый взгляд выглядела не агрессивной. На самом деле в проксимо-бою она служила стартовой позицией для дюжины тактических приемов. – На своем веку я повидал одержимых больше, чем все вы, вместе взятые. Для меня распознать одержимого – вопрос двадцати секунд. Этого человека... – свободной рукой я указал на Кастора, – обвинили по-крупному, но, если ему нечего скрывать, я быстро оправдаю его перед вами.

– Э-э-э, все знают, чем заканчиваются твои проповеди! – заартачился Кастор, удерживающий на мушке револьвера своего главного оппонента Берси. – Ты сравниваешь людей с грязью! Превращаешь их в ничто! В ноль! Я не хочу по твоей

милости стать таким! У меня и без того в последнее время сплошные проблемы, а стоило раз повезти, как на тебе – опять всем поперек горла встал!

– Поправка! – уточнил я. – То, чего ты боишься, называется Воздаянием. Если ты чист перед Балансом, оно тебе не грозит. Баланс не причиняет вреда тому, кто чтит его законы.

– Все так говорят, – нервно хохотнул Кастор, – а потом вдруг выяснится, что случилось какое-нибудь недоразумение и тебе воздалось по ошибке! Только потерянное уважение уже не вернуть! Клянусь, я сроду не поклонялся Дисбалансу и не собираюсь иметь с ним дело! Лучше получить пулю и умереть с честью, чем после твоей проповеди ползать в грязи и жрать гнилые бобы! Проваливай, Проповедник, как-нибудь без тебя разберемся!

– Постой, амиго! – не согласился с Кастором один из его защитников – пожилой скиталец с морщинистым лицом. Было заметно, что он и прочие их товарищи, хоть и готовы защищать до конца общие интересы, погибать все же не хотят. Да и перевес сил был отнюдь не в их пользу. – Респетадо Проповедник прав. Вспомни Хуареса, который заглядывал сюда вчера, унижался и готов был подрядиться на любую работу. Я знаю эту мразь. Когда-то Хуарес страдал одержимостью и причинил немало гадостей честным скитальцам. Если бы в свое время он отвертелся от проповеди, вчера он не стал бы с нами даже разговаривать. Просто перебил бы всех, обобрал до нитки и пошел дальше. Да, я тоже видел от Баланса мало хорошего, но Проповедник свое дело знает – это точно.

– Ты что, не веришь мне на слово, Квинт? – злобно процедил Кастор.

– Верю, – ответил его приятель, – потому что хорошо тебя знаю. Но если ты еще не заметил, таких, как я, здесь очень мало. Мой тебе совет: послушайся Проповедника.

– Давай, не тяни! – поддакнул ему Берси, выставивший перед собой длинную широколезвийную саблю. – Чем дольше ерепенишься, тем хуже для тебя!

– Заткнись! – вскричал загнанный в угол Кастор. – Все заткнитесь! Мерзавцы! Я доверял вам, а вы, значит, решили так со мной обойтись, да?! Тоже мне – амигос! А ты, Проповедник, вместо того, чтобы унижать честных скитальцев, шел бы лучше ловил эту болтливую дуру Кассандру! Или кишка тонка повязать девчонку? А меня даже пальцем не вздумай тронуть! Я не для того истоптал всю Терра Нубладо, чтобы ты меня сегодня публично унижал! Не для того, слышишь?! За Баланс он борется! Нет здесь Баланса! Давно нет! И не будет уже никогда! Сдох этот проклятый мир! Сгнил на корню! Хотите, догнивайте вместе с ним! А я не хочу!

Права Кассандра: будут миры гораздо лучше и справедливее этого! Я уйду отсюда! И надеюсь, с вами в новом мире уже не встречу! Прощайте... амигос!

После этих слов он упер дуло револьвера в лоб и выстрелил...

Никто из нас опомниться не успел, а Кастор уже валялся на полу с развороченным затылком. Лужа черной крови растекалась по полу, медленно подбираясь к упавшему рядом с простреленной головой дымящемуся револьверу.

Это было первое самоубийство, с которым мне довелось столкнуться в Терра Нубладо. Я уже повидал здесь много насильственных смертей: и в локальных диктаторских войнах, и в разборках между скитальцами; в том числе сам совершил по долгу службы немало убийств. Однако чтобы человек добровольно вынес себе мозги на глазах у всех – такое мне еще видеть не приходилось. Столь легкий способ ухода из жизни был не принят в туманном мире, по крайней мере истории о висельниках, утопленниках, прыгунах с утесов и прочих самоубийцах мне тут не рассказывали.

– Вот идиот! Уж чего-чего, а такого я от Кастора не ожидал! – покачал головой Квинт, плавно спуская взведенный боек и пряча револьвер в кобуру. Плюясь и вполголоса бранясь, остальные скитальцы последовали примеру Квинта – виновник переполоха мертв, причина раздора устранилась сама собой. Оружие было убрано, и все-таки бывшие спорщики не расходились, продолжая смотреть друг на друга с нескрываемой враждебностью.

– Кому достанется его выигрыш, вещи и оружие? – спросил Берси, кивнув на мертвого Кастора. Похоже, это и мешало перевозбужденным скитальцам окончательно утомиться. Будучи в большинстве, Берси и его товарищи тем не менее не взяли на себя раздел имущества застрелившегося собрата. Предложение о дележе было адресовано Квинту – самому пожилому и явно самому авторитетному среди присутствующих.

– Не торопись, – осадил Квинт нервно потиравшего ладони Берси, после чего обратился ко мне: – Респетадо Проповедник, вы еще можете определить причину феноменального везения нашего погибшего друга? Думаю, мы обязаны непременно это выяснить.

– Безусловно, могу, – подтвердил я. Уважительная манера общения седовласого и потертого жизнью Квинта мне импонировала. Он прекрасно ориентировался в ситуации и знал, с кем следует вести себя в рамках приличия, а на кого можно при необходимости и повысить голос. Грамотный подход к людям был наверняка не единственным достоинством этого скитальца. Я полагал, что искусством стрельбы

Квинт также владел отменно, и для меня не стало бы откровением, если бы именно он выжил, разразись в «Посохе пилигрима» бойня. Вряд ли Квинт являлся маэстро, поскольку иначе для погашения конфликта хватило бы одного его слова, но крепким авторитетом пожилой скиталец бесспорно обладал. С такими людьми, как он, я не рискнул бы разговаривать грубо, даже обвиняй они меня в чем-либо. Так почему же не оказать Квинту услугу, раз просит?

Положив «Экзекутора» на пол, я опустился на колени и склонился над трупом. Не хотелось поворачиваться спиной к Берси и его приятелям, но я рассчитывал, что Квинт не допустит с их стороны подлянки в мой адрес...

С живыми людьми все обстоит намного проще – даже оглохнув от выстрелов и пребывая в глубоком шоке, они способны воспринимать Откровение и идти на взаимное общение. Но выяснить всю правду о Касторе, пока его труп не остыл, тоже можно было попытаться. Мне не требовалось воскрешать самоубийцу, да я и не умел делать этого – Проповедник все-таки не чудотворец. И пусть труп оставался глух к Откровению, следы одержимости у него в голове сохранялись отчетливо. Мои исследования, правда, осложнялись тем, что некоторая часть мозга Кастора была разбросана по ближайшей стене, но оставшейся части могло вполне хватить. Главное, чтобы пуля не повредила таламус – тот участок головного мозга, в котором у одержимых Величием происходили всевозможные аномалии. По их наличию либо отсутствию я и собирался ответить на заданный мне вопрос.

Разбитая черепная коробка ускорила мне доступ к головному мозгу Кастора (прежде в аналогичных случаях мне приходилось делать обязательное вскрытие). Все, что от меня потребовалось, так это вонзить пальцы между полушарий мозга, нащупать таламус и произвести диагностику. Каким образом я ее делаю? Чего не знаю, того не знаю. Добавлю только, что в Терра Нубладо мне не пришлось учиться мастерству патологоанатома-мозговеда – волею Баланса, я воскрес, уже обладая таким даром.

Не посвященный в мои действия человек назвал бы их кощунством, однако в трактире к ним отнеслись с пониманием, лишь некоторые брезгливо скривились и отвернулись. Вообще, отношение к покойникам в Терра Нубладо было на редкость простым – никаких обязательных погребальных обрядов, траурных церемоний и показного горя. Да что там траур – в Терра Нубладо и кладбищ-то как таковых не имелось. Мертвецов закапывали где придется, и после первого же дождя их могилы, над которыми не водружали ни холмиков, ни обелисков, исчезали, зарастая травой. Так хоронили и близких родственников, и врагов, и случайных попутчиков. Весьма любопытное отношение к смерти, впрочем, не лишнее своей логики. Полная свобода – главный жизненный принцип Терра Нубладо, –

присутствовала здесь во всем, в том числе и в отказе от обязательств перед мертвыми. О них просто помнили, и этой памяти было вполне достаточно. Как живым, так и покойникам. А если об усопшем забывали, значит, настолько ценили его при жизни. Справедливые и естественные отношения, в которых только на первый взгляд отсутствовало уважение к мертвым. Когда же со временем ты привыкал к такой необременительной традиции, все остальные начинали в сравнении с ней выглядеть надуманными и лицемерными.

Самоубийца Кастор не станет исключением – или трактирщик Марио, или Квинт отнесут поутру его тело в ближайший лесок и предадут земле, после чего отправятся по своим делам и уже никогда не вернутся на могилу Кастора. Лишь будут изредка вспоминать о нем при случае: да, проживал когда-то в Терра Нубладо такой скиталец; чертовски повезло однажды этому сукиному сыну в калибрик, и, не будь он так недоверчив к Проповеднику, жить бы бедняге да жить...

Но стоп: следует ли в случае с Кастором говорить об обычном везении?

Я прикрыл глаза и отрешился от трактирного шума; выгодный момент для того, кто надумает поквитаться с Проповедником и разнести ему голову выстрелом в упор. Мои пальцы миллиметр за миллиметром двигались сквозь липкое мозговое вещество, прокладывая себе путь между развороченных пульей полушарий и приближаясь к таламусу. Я отчетливо почувствую, когда обнаружу его. Не физически, нет, а на совершенно другом, подсознательном уровне. Это будет неприятно – словно подсматриваешь в замочную скважину за чужой личной жизнью, – но так необходимо. Я не впервые проводил исследование таламуса у трупов и до сих пор не сумел привыкнуть к тому, что при этом происходило. Ты словно не копался в сгустках жировых тканей, а принимал дозу сильного галлюциногена. Галлюцинации, или сны наяву – самое верное объяснение моим ощущениям.

Как всегда, «приход» случился резко и неожиданно. Лавиной накатила чужая жизнь со всеми ее интимными подробностями. Но их львиная доля меня не интересовала. Обладая кое-каким опытом, я уже знал, где именно искать нужную информацию и как быстрее извлечь ее на поверхность.

Покойный Кастор не солгал – последние пару лет ему и впрямь не везло. Выбрал не ту сторону в недавней войне диктаторов южных провинций, был ранен и чудом унес ноги после разгрома войска своего нанимателя. Лишился практически всего: личных вещей, оружия, но самое обидное – изрядной доли авторитета. Если бы не заначка, предусмотрительно оставленная Кастором на постоялом дворе в фуэртэ

Марипоза – револьвер, немного денег и кое-какие предметы первой необходимости, – ему пришлось бы совсем туго.

Идем дальше... Участие в сомнительных альянсах и несколько провальных авантур по быстрому обогащению еще больше пошатнули авторитет Кастора. Устроиться в мерсенарии к диктатору после членства в бандитской шайке крайне проблематично, поэтому Кастор и не пытался возобновить прежнюю жизнь. Просто скитался от поселения к поселению, попутно осваивая секреты калибрика, которым раньше не увлекался. Трактирная игра тоже могла поспособствовать поднятию авторитета, недаром маэстро калибрика вообще не носят оружие – им рады в любом скитальческом альянсе и оберегают как зеницу ока. Еще бы, ведь им по силам всего за несколько минут обеспечить деньгами и себя, и опекающих их товарищей. Кастор мечтал дорасти до маэстро игры. От мечтателя требовалось только одно – почаще выигрывать, а в идеале – не проигрывать вовсе. На свою беду, скиталец позабыл один из принципов этого мира, который гласил: чрезмерное стремление к идеалу зачастую ведет не к цели, а толкает в пропасть Дисбаланса.

Да, Кастор являлся одержимым, как ни прискорбно было это признавать.

Сказать по правде, это была даже не одержимость – так, легкая безобидная мания. Но четкий отпечаток Дисбаланса я обнаружил в голове Кастора практически сразу. Словно след ящерицы на гладко выметенном ветром песке, словно мутная струя грязи в прозрачном ручье, словно облачко, возникшее на бездонно-голубом небе... Только не ложка дегтя в бочке меда – помеха не уничтожила общей гармонии моих видений, она лишь вносила в них незначительные отклонения.

Одержимость Величием – нечто вроде профессионального заболевания скитальцев, причем поражало оно далеко не каждого из них. Вспышки одержимости случались как единичного, так и массового характера, хотя к инфекционным это заболевание не относилось, скорее – к психическим отклонениям. Одержимость была словно паника – прежде всего она поражала слабых духом. Кастор являл собой типичный пример жертвы одержимости – обиженный на жизнь, впавший в отчаяние молодой человек, ступивший на тропу поражений и потерь. Таких заматерелых скитальцев, как Квинт, одержимость обычно обходила стороной, но и здесь попадались свои исключения.

А вот у кого я ни разу не наблюдал одержимость Величием, так это у диктаторов, их приближенных, а также оседлых обитателей Терра Нубладо. С первыми двумя категориями выходила парадоксальная ситуация. Казалось бы, подобравшись к вершине Олимпа, эти люди просто обязаны были впасть в одержимость, которая

легко превратила бы их в натуральных богов. Ан нет! Похоже, образ жизни диктаторов и их сподвижников награждал их иммунитетом к болезни «черни» – другого объяснения я не видел. Теория моя была подкреплена доказательствами. Если свергнутые диктаторы обычно не выживали, то их ближайшие соратники, оставаясь в живых, превращались в обычных скитальцев и утрачивали прежнюю невосприимчивость к одержимости. Загадка иммунитета оседлых тоже наверняка имела аналогичное объяснение. Но у этой, самой многочисленной, однако и самой странной группы населения хватало других загадок, и иммунитет к одержимости являлся не главной из них.

Одержимость вторгалась в сознание жертвы внезапно – будто ломался психологический барьер или сгорал в голове некий предохранитель. Относительно ровная цепочка колебаний своеобразной «энцефалограммы» – так схематически отражалась у меня перед глазами жизнь Кастора и других, ранее обследованных мной одержимых – нарушалась резким скачком, после которого ритм колебаний заметно менялся, хотя и оставался стабильным. После этого скачка жизнь одержимого начинала протекать по иным нормам, несовместимым с существующими в Терра Нубладо. И пусть даже сам одержимый зачастую не собирался причинять вред обществу, он все равно становился социально опасен. Словно водитель-лихач из моего родного мира. Беспечный ездок не стремится кого-то задавить, он лишь пытается самоутвердиться. Однако плату за его самоутверждение несут те, кто случайно оказывается под колесами его автомобиля.

Единственной жертвой одержимости Кастора пал он сам. Его партнеры по игре, оставшиеся с пустыми карманами и уязвленным самолюбием, страдали разве что морально и уж тем более не умирали. Кастор являлся всего лишь мелким обманщиком, а не злодеем. Истинные маэстро калибрика долго учатся искусству просчитывать партию на много ходов вперед, исходя из стиля игры противника. Тому, кто взял игровые фишки лишь три недели назад, при всем старании было невозможно овладеть подобным мастерством без озарения свыше. Впрочем, как и мастерством профессионального шулера. В Терра Нубладо не верили в озарение, поскольку здесь оно являлось первейшим признаком одержимости Величием. И мне вновь пришлось подтвердить эту истину...

Я открыл глаза и совершил глубокий вдох. Мир вокруг шатался, словно силы Дисбаланса вдруг решили перевернуть его вверх тормашками. Перед глазами плясали цветные кляксы, и было боязно подниматься с колен – не хватало еще, чтобы я потерял равновесие и грохнулся на пол, как пьяный в стельку. Но я все же рискнул и, опираясь о стену, встал на ноги. Посетителям трактира срочно

требовался вердикт, и их нетерпеливые взгляды сошлись сейчас на мне, как на зачитывающем приговор председателе жюри присяжных.

Нелегко быть судьей, а тем более судьей в деле, где невозможно отыскать компромиссный вариант. В любом случае наживешь себе если не врагов, то недоброжелателей. На мое счастье, я не давал клятв судить не предвзято, поэтому был волен поступать так, как подсказывала совесть. Интересы Баланса в этом судебном процессе уже не затрагивались – после смерти одержимого мои высшие покровители автоматически реабилитировали его.

– Ваш друг играл честно, – ответил я Квинту. – Похоже, сегодня ему и впрямь крупно повезло в игре.

– ...Но не повезло с противниками, – добавил Квинт, которого мой ответ удовлетворил. К чему я, собственно говоря, и стремился.

– Прошу прощения?.. – возмутился было Берси, но Квинт перебил его:

– Ты и другие проигравшие заберете себе вещи и патроны – в качестве моральной компенсации этого хватит. Револьвер я оставляю себе и погребением тоже займусь сам.

– А выигрыш?! – выкрикнул кто-то, видимо самый нетерпеливый. – Как поделим выигрыш? Сумма немаленькая!

– Да, сумма приличная, – признал Квинт. – Но половина ее в любом случае причитается хозяину заведения. Насколько я в курсе, Кастор еще не расплатился по счетам.

– Двести десять монет за харч и выпивку! – подал голос из-за стойки все еще бледный от испуга Марио. – Плюс двадцать за аренду игрового места! А за сломанный стол кто заплатит?

– Вот видите, респетадос, – подытожил Квинт. – Кастор был честным скитальцем и, не сдай у него нервы, он наверняка расплатился бы с долгами. Будет справедливо завершить его незаконченные дела, благо их не так уж и много. Но мы не должны забывать и о том, что респетадо Проповедник тоже нуждается в вознаграждении.

– Это лишнее, – поспешил откреститься я. – Я ни в чем не нуждаюсь. Баланс дарует мне все, что необходимо.

– В таком случае позвольте хотя бы оплатить вам ужин, – предложил Квинт. – Так сказать, в знак уважения к справедливым законам Баланса.

Пришлось согласиться. Сотня сэкономленных монет пригодится в любом случае, да и полностью отказываться от вознаграждения в Терра Нубладо не принято.

Остаток выигрыша Квинт поделил между теми, кто в отшумевшей ссоре вступился за покойного Кастора. Себе справедливый распорядитель не взял ни монеты, вполне удовлетворившись осиротевшим револьвером без патронов. Результаты раздела устроили всех. Даже вспыльчивый Берси признал их честными, хотя в глубине души он явно не доверял моей экспертной оценке – это выдавал его не слишком любезный взгляд. В общем, как я и предсказывал – без недоброжелателей не обошлось. Слепо полагаться на авось я не стал. Чтобы Берси вдруг не решил запоздало оспорить результаты экспертизы, пришлось все время держать «Экзекутор» на виду. Такая профилактическая мера обычно отрезвляла любого недоброжелателя.

Пока я отмывал испачканные в крови руки, Квинт с приятелями вынесли тело Кастора на улицу, а трактирщик без лишних напоминаний организовал мне персональный столик и сервировал его по высшему разряду, как то: хорошенько протер от грязи столешницу, подал белый, без отрубей, хлеб и как следует прожаренное мясо с гарниром не из фасоли, а из отборного картофеля. И вдобавок ко всему поставил на стол полный графин прозрачного напитка, на первый взгляд принятого мной за крепкий амарго – разновидность местного самогона. Но после дегустации выяснилось, что это обычная вода, разве что кристально чистая, очевидно привезенная с гор для приготовления все того же амарго. Хитрый Марио здраво рассудил, что расплачивающийся деньгами покойного товарища Квинт вряд ли будет скупиться перед Проповедником. Поэтому трактирщик и взял на себя ответственность выставить перед почетным гостем свои самые изысканные угощения. Марио огорчало только то, что я был трезвенником, иначе вместо графина с водой на столе очутился бы безмерно дорогой тропесар – вино для аристократов, секрет изготовления которого я не выяснил до сих пор.

Не хотел устраивать пир, да чужое несчастье помогло. Впрочем, хорошо подкрепиться не помешает – следует восстановить силы после довольно изнурительной проверки покойника «на благонадежность». Меня ничуть не беспокоил тот факт, что пришлось погрешить перед истиной. Не так уж сильно преступил закон Кастор, чтобы начисто уничтожить его посмертную репутацию. Однако согласись он на диагностику добровольно, я бы ничем ему уже не помог и горькая правда всплыла бы на поверхность. Пришлось бы прямо здесь устраивать публичную проповедь. Поэтому Кастор и предпочел проглотить пулю. Как ни крути, а поступок достойный.

– Не возражаете, если я присяду, респетадо Проповедник? – вывел меня из застольных раздумий подошедший Квинт.

– Присаживайтесь, если не боитесь потом прослыть моим приятелем, – согласился я, заканчивая трапезу. – Только предупреждаю, что собеседник из меня не слишком словоохотливый.

– Благодарю вас. – Квинт уселся напротив, положив руки на стол. Мне пришлось сделать то же самое – принятый у скитальцев жест вежливости, означающий, что я не выстрелю в собеседника под столом из карманного «дырокола». – Я заметил, вы пьете только воду. Это силы Баланса запрещают вам употреблять крепкие напитки?

– Вовсе нет, – ответил я. – Амарго вызывает помутнение рассудка и пагубно влияет на ясность мыслей. Я должен сохранять над собой контроль днем и ночью. Трезвость – норма моей жизни.

И это слова Арсения Белкина, когда-то и дня не живущего без выпивки! Знал бы, что такое стыд, сгорел бы от него сей же момент.

– Понимаю, респетадо, – кивнул Квинт. – Давно хотел с вами познакомиться, но все не представлялось случая. Вы не вступаете в альянсы и никто не знает маршрутов ваших скитаний. Но вы всегда вовремя появляетесь там, где возникают вспышки одержимости. У вас потрясающая осведомленность и быстрые ноги, ведь говорят, вас ни разу не видели путешествующим верхом.

– Терпеть не могу лошадей, – поморщился я, припоминая свою первую и последнюю попытку освоить верховую езду. Никакого результата, кроме вывихнутого плеча и пожизненного отращения к этим непарнокопытным строптивцам, мне достичь не удалось. – А от поездок в дилижансах меня тошнит. Скитаться на своих двоих намного приятней... Водички не желаете?

– Нет, спасибо... Да, я слышал, что лошади шарахаются от вас как от огня.

– Неужели настолько уродлив?

– Я не в этом смысле...

– Шучу, шучу. Все просто: лошади прекрасно чувствуют тех, кто их ненавидит. Так что наша нелюбовь с давних пор крепка и взаимна... Что еще интересного болтают обо мне в народе?

– Да много чего болтают, – махнул рукой Квинт. – Только мало тех сплетен похоже на правду. Хотя в некоторые я верю. Например, когда меня заверяют, что вы – маэстро боя на короткой дистанции.

– Неправда, – опроверг я это громкое заявление. – Я никогда не называл себя маэстро и не намерен отвечать на ваш вызов, если вы вдруг вздумаете устроить мне испытание.

– Я бы в жизни не осмелился бросить вам такой вызов, респетадо, – поспешил заверить меня Квинт. – Есть в мире вещи, которые следует принимать на веру и без доказательств. Даже не называй вы себя маэстро проксимо-боя, я бы с готовностью присвоил вам этот статус. И не потому, что вы деретесь исключительно с одержимыми. Только маэстро, скитаясь в одиночку, выберет себе в качестве оружия «Экзекутор». Двуствольный штуцер по-настоящему грозен лишь в умелых руках. С ним удобно воевать в команде, бок о бок с товарищами, которые всегда прикроют вас при перезарядке. Но вы ходите без сопровождения. Это значит, либо вы виртуозно владеете «Экзекутором», либо... извините – неуязвимый.

– Вот куда вы клоните, респетадо Квинт, – догадался я. – Вам не терпится подтвердить те слухи, согласно которым Проповедник якобы сам одержим Величием и пули его не берут.

– Ну... так думает большинство моих знакомых, – замялся Квинт, после чего уточнил: – Только не я!

– А что думаете вы?

– Респетадо Проповедник не одержимый, поскольку он не скиталец. Вы – выходец из оседлых. Вы ведь помните свое детство?

– Разумеется. Оно прошло очень далеко от этих мест.

– Где, если не секрет?

– Я бы мог вам ответить, будь мы одни, но здесь полно народу. Вряд ли им понравится то, что они услышат.

Квинт озадаченно нахмурился и отвел взгляд.

– Значит, и я в вас ошибался, – произнес он немного погодя. – Вам известен закон Мертвой Темы, следовательно, вы не оседлый. Пять лет назад в Терра Нубладо никто о вас ничего слышал, а сегодня о Проповеднике, несущем Откровение, толкуют все, от мала до велика. Яснее ясного, что ваше появление было ответом сил Баланса на наплыв одержимых Величием, едва не повергших этот мир в хаос.

Любопытно, почему Баланс выбрал именно такую тактику? Неужели у него не нашлось иного, более рационального способа обуздать одержимых?

Квинт затрагивал тему, которой я озадачивался уже несметное количество раз. И впрямь, иногда поступки богов выглядят для нас не слишком рациональными, что наводит на мысль, а так ли в действительности всемогущи эти боги? В моем родном мире церковь развеивала подобные сомнения универсальными отговорками, типа «на все воля божья» или «неисповедимы пути Господни». В переводе на понятный язык это означало «не твоего ума дело». И все же в том мире жили не такие мстительные боги, как в Терра Нубладо. Здесь расплата за излишнее рвение в поиске истины наступала мгновенно.

Квинт прекрасно чувствовал, где пролегает черта, за которую ему нельзя переступать, и сформулировал свой главный вопрос – «кто ты в действительности и откуда, Проповедник?» – при помощи безобидных рассуждений. Скиталец явно рассчитывал, что я отвечу ему в той же манере: завуалированно, держась в рамках дозволенного и обходя Мертвую Тему намеками. Квинт был неглуп и легко догадался бы, что я скрываю за этими намеками. Только у меня, при всем уважении к собеседнику, отсутствовало всякое желание знакомить его с догадками касательно моего перерождения. Знал бы правду, раскрыл бы ее, а так... Рассказывать же Квинту отнюдь не образцовую биографию Арсения Белкина – тут одними намеками не обойдешься.

А если честно, устал я от всех этих тайн и догадок. Настолько устал, что осточертело о них даже вспоминать. Проходимец Белкин, чернорабочий Баланса Проповедник... Какая в итоге разница? В первом мире я не убивал, но всюду занимался грабежами и постоянно кутил в свое удовольствие; во втором – служу якобы силам Добра, но пускаю в ход оружие при каждом подходящем случае. Раньше лишь брал, теперь таким вот своеобразным способом возвращаю долги. Так кто из нас менее грешен: Арсений Белкин или Проповедник? Скажете, второй? Это опять же как посмотреть. Миротворчество, которое я хотел совершить полчаса назад, имело под собой самые благие намерения, и во что в конце концов все вылилось? Хотя, говоря начистоту, если бы не я, ссора могла разрешиться гораздо трагичнее.

– Будь в мире все устроено рационально, – ответил я на последний вопрос Квинта, – люди давно жили бы в согласии и не вгрызались друг другу в глотки при малейшей обиде. Но такому не бывать, поскольку это противоречит основным законам Баланса. Как можно уравновесить чаши мировых весов, когда одна из них останется пустой? Принцип Абсолютного Баланса гласит: чаша с добродетелью должна быть адекватна чаше, наполненной пороками. Так было, есть и будет.

Искореним одержимость – появится новое зло и новый Проповедник для борьбы с ним...

Эх, жаль, Зануда не слышал! Он бы наверняка сейчас мной гордился, поскольку его уроки я усвоил хорошо: хочешь вежливо уйти от ответа – напускай на себя умный вид и начинай рассуждать на вечные темы.

– О роли пороков в урегулировании Баланса – это вы точно подметили, респетадо, – согласился Квинт. – Именно поэтому вы до сих пор позволяете разгуливать по Терра Нубладо мелким одержимым, вроде Кассандры Болтливый Язык? Так сказать, чтобы мы слишком не расслаблялись и всегда помнили об угрозе.

В его словах слышалась плохо скрываемая ирония.

– Вы о той девушке, о которой говорил перед смертью Кастор? – попросил я уточнения. Поворот нашей беседы мне не понравился, однако вопрос был задан конкретный, даже провокационный. Уклоняться от него прежним приемом являлось попросту несолидно.

– Да, о ней: Кассандре Болтливый Язык, – Квинт произнес это имя с подчеркнутой размеренностью. – Хотите сказать, что ни разу не слышали об этой девчонке-прорицательнице?

– Почему же? Доводилось, – признался я. – Как и о многих других одержимых, якобы безнаказанно шастающих по провинциям. Кое-кого из них мне сдавали прямо на руки бдительные скитальцы, вроде нашего Берси. Только ни один из тех пойманных не был удостоен Откровения. Именно по этой причине я всегда пользуюсь лишь своими, проверенными источниками информации. Они не лгут. Что же касательно прорицательницы, то пока я не слышал, чтобы кто-то пострадал от ее сказок о счастливом будущем.

– Возможно, и так, но мне не раз доводилось слышать обратное: эти сказки касаются Мертвой Темы, а сама одержимая Кассандра невосприимчива к ней, – возразил Квинт. – Зачем, спрашивается, скитальцам наговаривать на безобидную девчонку? Мы с покойным Кастором столкнулись с Кассандрой на прошлой неделе в фуэртэ Транквило. Но проверять, правду о ней толкуют люди или нет, не рискнули. Обошли стороной – пусть прорицает себе на здоровье. Нам и без ее предсказаний неплохо скиталось.

– Если прорицательница причиняет своими словами вред, почему никто до сих пор не занялся ею? – недоверчиво спросил я. – К злостным одержимым она не

относится. Неужели группе скитальцев не по зубам поймать и прикончить вредоносную девчонку?

– Кассандра не носит оружия, – пояснил Квинт. – Именно поэтому она до сих пор жива. Какому скитальцу охота терять авторитет, убивая безоружную девку? Ее проще обойти стороной, как и поступили мы с Кастором.

– Чего, интересно, она добивается? – рассудил я вслух. – Авторитет таким образом зарабатывает? Или скандальную популярность? Сомнительная жизненная цель, но, кажется, Кассандра ее уже достигла.

– Возможно, она просто сумасшедшая, – выдвинул более рациональное предположение собеседник. – Прорицатели, они ведь все немного... не от мира сего.

«Как и Проповедники, – хотел добавить я, но промолчал, отметив про себя: – Однако отрадно слышать, что не я один здесь выходец из другого мира».

– Вы меня заинтриговали, респетадо Квинт, – налив себе новый стакан воды, произнес я. – Так или иначе, требуется выяснить, кто такая эта Кассандра. Говорите, что в последний раз видели ее в фуэртэ Транквило? Замечательно. Завтра я отплываю на север и загляну в тот городок на обратном пути. Проверим, так ли болтлив и опасен язык Кассандры, каким вы мне его описали...

Глава вторая

– *Мистер Мэддок, я вызвал вас, чтобы спросить, почему вы не даете мне исчерпывающую информацию по проекту «Джесси Джеймс». Вы намеренно утаили от меня ряд фактов или просто не сочли важным включить их в свои отчеты?*

– *Боюсь, я вас не понимаю, мистер Адамс. Все мои отчеты об интеграции Джесси в Терра Нубладо подробны и объективны. О каких фактах идет речь?*

– *Не стану скрывать: вчера я беседовал с профессором Эбертом, и он рассказал мне кое-что интересное, о чем вы по неизвестной мне причине умолчали. Согласно вашим отчетам, все проходит гладко и исход почти прекратился...*

– *Так и есть, мистер Адамс.*

– *Погодите, не перебивайте, Патрик. Да, вы остановили исход, и это похвально. С этой точки зрения ваша работа над проектом заслуживает всяческих похвал.*

Однако вы не докладывали о том случае, когда Джесси заартачился и хотел уклониться от исполнения своих обязанностей. Как вас понимать? Неужели вы сочли этот инцидент несущественным?

– Вот вы о чем!.. Да, подобное и впрямь имело однажды место, но все было улажено в кратчайший срок. Не думаю, что по данному поводу стоило волноваться – обычная техническая накладка, только и всего.

– Позвольте с вами не согласиться, Патрик. Я рад, что вы оперативно нашли управу на строптивца, однако поставить меня в известность было все-таки необходимо. Вы должны осознавать, что, если Джесси решит окончательно и бесповоротно выйти из игры, нам его не удержать. Проект придется закрыть, а это значит, что вложенные в него средства улетят в трубу. Мы понимали, что наши вложения окупятся не сразу, поэтому в первую очередь рассчитывали на стабильность работы проекта. Если вы не можете дать на это гарантий, лучше скажите сейчас. Иначе вам придется держать ответ не передо мной, а перед нашими акционерами.

– В данный момент я не вижу причин закрывать проект «Джесси Джеймс», мистер Адамс. Беря в расчет, что проект не имеет аналогов и нам приходится самим разрабатывать необходимые параметры и стандарты, дела наши движутся весьма неплохо. Акционерам пока не о чем беспокоиться.

– Хорошо, допустим. Но профессор Эберт также сообщил, что Джесси не оставляет попыток докопаться до правды и постоянно пытается проникнуть в библиотеки. Не спорю, любопытство для него вполне естественно, однако вы опять же не ни слова не упоминаете об этом в отчетах.

– Потому что и здесь не вижу причин для беспокойства. В библиотеки нашему правдоискателю проникнуть так же сложно, как выйти за пределы своего мира.

– Эх, мне бы хоть каплю вашего оптимизма, мистер Мэддок! Жаль, не могу позволить себе такую роскошь...

– Элиот Эберт только за тем и приходил, чтобы поведать вам неизвестные подробности из жизни Джесси, мистер Адамс?

– Нет, конечно. Наш темный гений приносил мне свои аналитические выкладки по запросу, которым я озадачил Эберта неделю назад. Касательно того, целесообразно ли начинать эксперименты по адаптации Джесси к условиям Терра Олимпия.

– Переход в Терра Олимпия окажется серьезным испытанием для Джесси, мистер Адамс, и мы с Эбертом уже не раз обсуждали это. Джесси быстро адаптировался в Терра Нубладо лишь потому, что она близка к нашей реальности. Вряд ли у него получится так же скоро привыкнуть к Терра Олимпия, и не факт, что получится вообще. На данном этапе нашего проекта я бы не стал подвергать подопытного столь серьезным психологическим перегрузкам.

– А вот профессор Эберт с вами не согласен, мистер Мэддок. По его мнению, он без труда заставит Джесси чувствовать себя в Терра Олимпия так же комфортно, как и в Терра Нубладо. И профессор готов хоть сегодня доказать это. Дело за малым: Эберту нужно дополнительное финансирование.

– Элиоту всегда не хватает денег на исследования. Похоже, он готов рисковать здоровьем Джесси только ради дополнительной финансовой подпитки своей лаборатории. Вам надо отдавать на растерзание акционерам не меня, а Эберта.

– Про попытку адаптации профессор высказался теми же словами, какими утешали меня вы: у нас нет причин для беспокойства. Я выделю Элиоту половину средств от тех, что он просит. Пусть лабораторная крыса трудится, это в наших же интересах. И вам, Патрик, необходимо срочно объединить с Эбертом усилия. Он – педант и практик, и ему катастрофически не хватает творческого мышления, как у вас. Профессор перенесет Джесси в Терра Олимпия, а выдумать для подопытного правдоподобную легенду – это уже по вашей части. Я знаю, что Джесси вам доверяет и сегодня вы для него – единственный друг.

– Единственный друг Джесси – это его двустволка. Но вы правы, мистер Адамс: мы с Элиотом Эбертом в ответе за того, кого приручили, так что нянчиться с этим дьяволом – наша святая обязанность...

Заниматься пиратством в Терра Нубладо не возбраняется, как и любой другой антисоциальной деятельностью. В мире Баланса не существует законов, запрещающих выбирать себе род занятий, от простых до уникальных, наподобие создания культа амарго; члены этого экзотического культа часто организовывали в столице грандиозные фестивали, где вручали друг другу награды, типа «пропойца месяца» или «промот года».

Мечтаешь быть пиратом? Будь им! Только смиришься с мыслью, что твой авторитет укрепится лишь в узком кругу тебе подобных, а пиратская карьера продлится до того момента, пока ты не затронешь интересы какого-нибудь диктатора. Живущие в постоянной вражде, при пиратских набегах диктаторы объединялись на

удивление быстро и давали отпор любому, кто посягал на их собственность. Аналогичная ситуация складывалась с грабителями, наемными убийцами, ворами и прочими, кого плут Белкин считал бы собратями, а Проповедник относил к помехе, частенько возникающей на пути.

Туманный мир давал право на жизнь всем, кто подчинялся законам Баланса, доверяя обитателям самостоятельно урегулировать между собой отношения. Каждый выживал всеми доступными ему способами – хоть и малоцивилизованные, но предельно честные правила игры. Твоя судьба зависела только от твоих личных качеств и, разумеется, удачи. Деньги, связи и прочая «движущая сила», характерная для развитой цивилизации, здесь помогали лишь отчасти. Зачем давать взятку приближенному диктатора, если ты вправе прикончить его и занять вакантное место?

Я, кажется, слышал, как кто-то сказал «анархия»? В принципе, верное определение, причем в Терра Нубладо анархия действительно являла собой мать порядка. А в роли отца выступал Баланс. Вместе же эта парочка создавала у себя в доме вольготные условия для жизни тем, кто не был слишком притязателен и воспринимал как должное прохладное к себе родительское отношение.

Правда, кое-кто мнил, что эта вседозволенность не имеет границ, и впадал в одержимость Величием. Для таких нерадивых отпрысков Баланса и существовал Проповедник – крепкий отцовский ремень, поучающий остолопов уму-разуму.

Речное пиратство – занятие куда более рискованное, нежели морское. Каким бы широким ни выглядело русло реки, у пирата все равно оставался очень небольшой простор для маневров. Да и удирать груженному награбленной добычей речнику всегда приходилось в жуткой спешке – мерсенарии диктатора легко догоняли нерасторопного флибустьера по берегу на лошадях. И, несмотря на подобный риск, всегда находились желающие взять на абордаж набитые товарами торговые ланчи.

Негоцианты защищались, как могли: нанимали выносливых гребцов, увешивали мачты парусами, закупали безумно дорогие картечницы и мортиры, после установки которых и без того неповоротливые ланчи едва не скребли киями дно. Пираты тоже не оставались в долгу: ставили плавучие заграждения, применяли гарпуны, сети, лодки-тараны, стреляли по торговцам из отобранных у них же картечниц и мортир. В общем, веселая жизнь порой кипела на речных просторах Терра Нубладо.

Рек на туманном материке было предостаточно. Мой путь лежал к самой крупной из них – Пуресе, – берущей свое начало на закованном льдами севере и теряющейся в удушливых болотах безлюдного Юга. Весь год Пуреса держалась

довольно полноводной и даже в засушливые месяцы на ней не прекращалось судоходство. Противоположный берег реки даже в узких местах русла всегда скрывался за пеленой тумана. И потому каждый раз, когда я выходил к берегам Пуресы, мне чудилось, будто я заплутал и по ошибке добрел аж до западного побережья, к морю Встречного Ветра.

Сегодня мой маршрут отличался от обычного и я не искал перевозчика, дабы попасть на другой берег. У маленькой деревенской пристани, куда я добрался ближе к рассвету, Проповедника уже поджидала ланча. Согласно плану, с которым наемни меня ознакомил Зануда, мне предстояло совершить путешествие на север, вверх по реке. А насколько оно затянется, зависело от дальнейшего развития событий.

– Вы на редкость пунктуальны, респетадо Проповедник, – польстил мне Инод, капитан и владелец торговой ланчи «Гольмсток», когда я поднялся по сходням к нему на борт. – Мы причалили лишь двадцать минут назад. Маэстро Гвидо поставил нас в курс дела. Я всегда готов услужить Балансу и рад видеть вас на борту «Гольмстока»!

– Странное имя у вашей лодки, – заметил я, пристально взглянув на Инода. Слабый отзвук Мертвой Темы прозвенел у меня в голове. Или это только почудилось? Хотя глаза явно не лгали, а логика уже переставляла местами слоги в названии ланчи. – Что оно означает?

– Никакого секрета, респетадо, – и глазом не моргнув, ответил негоциант. – Так звали породистого скакуна у одного моего хорошего знакомого. Быстрый был конь, словно ветер бегал, клянусь, не лгу! Вот и пришло мне в голову это имя, когда ланчу строил. А что оно означает, этого я вам, респетадо Проповедник, не скажу, потому что сам не знаю.

Отвертелся, значит, хитрая негоциантская морда! Ну да черт с тобой, нет времени освежать тебе память, а иначе ты живо припомнил бы разгадку этого ребуса.

– Разрешите отчаливать, респетадо Проповедник? – услужливо поинтересовался Инод.

– Я больше никого не жду, – проворчал я. Лицемерный владелец этой посуды не вызывал у меня никакого расположения.

Инод понимающе кивнул, после чего замахал руками и принялся громко понукать командой, которая тут же засуежилась, начав готовить ланчу к отплытию.

Меня приняли на борт «Гольмстока» не в качестве пассажира или охранника, хотя капитан и получил в лице Проповедника бесплатный эскорт. Ланча Инода являлась наживкой, а я был крючком, который скрывался в ней. В этом и заключалась моя очередная служба: сидеть в плывущей на север ланче и терпеливо ждать до тех пор, пока нуждающиеся в Откровении сами не пожалуют тепленькими ко мне в руки.

Пиратская шайка Твердолобого Либро уже давно снискала себе грязную славу по всей Пуресе, от севера до юга. И не было бы в этом ничего необычного, если бы слава Либро дозрела до кондиции в нормальный срок – полгода, как минимум. Все скороспелые авторитеты в Терра Нубладо достигались только в состоянии одержимости Величием, а значит, пришла пора напомнить Твердолобому, каким силам он посмел угрожать своей абордажной саблей.

Со слов Гвидо, уже два диктатора разбили кулаки о твердые лбы этой шайки. Сам Либро чуть ли не в одиночку справлялся с целым отрядом мерсенариев – это подтверждали скитальцы, которые выжили после провалившихся карательных операций. Чертова дюжина одержимых пиратов вот-вот угрожала полностью парализовать главную торговую магистраль Терра Нубладо. Мотаясь на своем катамаране по реке и наводя ужас на порядочных негоциантов, Твердолобий серьезно дестабилизировал экономику центрального региона. На диктаторов, чьи ланчи также подвергались разграблениям, надежды больше не было. Пуреса превратилась в натуральный анклав Дисбаланса; трещину, расколовшую пополам туманный мир. Удар извечно противостоящих нам сил Хаоса был нанесен неожиданно и стратегически выверенно.

Не в меру распоясавшийся Либро поневоле наступал на собственное горло. Чем больше наглел флибустьер, тем меньше торговых ланч курсировало по Пуресе и, следовательно, скуднее становилась добыча. Однако отдельные смельчаки все еще не отказывались идти на риск, пытаясь перевозить товар по реке. На это мы и рассчитывали: одиноко плывущая вверх по течению, груженная под завязку ланча должна была непременно привлечь внимание Твердолобого. Мне же оставалось только не упустить шустрого Либро, вполне вероятно, еще не ожидающего в гости Проповедника.

При хорошем попутном ветре «Гольмсток» мог идти против течения под одними парусами, однако в это утро ветер дул слабый, и Инод рассадил вдоль бортов две дюжины гребцов, нанятых им в прибрежных фермерских поселениях. Гребцы не налегали на весла, лишь вполсилы пошевеливали ими, помогая ветру двигать ланчу вверх по реке. Спешить не следовало, но, плыви мы чересчур медлительно, это выглядело бы подозрительно.

Помимо капитана, основная команда «Гольмстока» состояла из трех человек: двое обслуживали паруса, один периодически измерял глубину лотом-грузилом. Сам Инод нес бессменную вахту у штурвала. Я устроился на корме, под навесом, сев таким образом, чтобы наблюдать за тем, что творится и по курсу, и за кормой.

Инод вел ланчу, не выходя на стремнину и держась ближе к левому берегу, с которого он меня подобрал. Из-за дождя, лившего вчера весь день и половину ночи, туман сгустился, и потому даже ближний берег просматривался лишь нечеткими очертаниями. По нему тянулись беспросветные леса, которые должны были закончиться где-то у фуэртэ Транквило. Туда я планировал наведаться на обратном пути, чтобы встретиться с прорицательницей...

Кассандра Болтливый Язык, прорицательница, о которой в туманном мире ходило столько слухов... Пророчица, которая действительно знала многое об иных мирах, или бессовестная лгунья, обожавшая своими байками пудрить мозги честным скитальцам? Я давно хотел встретиться с Кассандрой, но наши пути, как назло, ни разу не пересеклись. Словно параллельные прямые. Говорило ли это о том, что мы с прорицательницей одного поля ягоды? Вполне возможно. Или это мои покровители препятствовали нашей встрече? И такое не исключено.

Если Квинт прав и прорицательница одержима Величием, значит, она станет первой одержимой в моей практике, с которой мне, вероятно, удастся по-человечески побеседовать. Разговаривать с другими одержимыми бесполезно. До прослушивания Откровения они не хотят этого делать, после – уже не могут. Те редкие случаи, когда мне удавалось перед проповедью обменяться с одержимым парой фраз, ровным счетом ничего не значили. Да и что это были за фразы – сплошная брань и угрозы. Вряд ли безоружная сеньорита Болтливый Язык проявит ко мне агрессию, так что шансы на откровенный разговор с прорицательницей у меня имелись неплохие. Если Кассандра способна без ущерба для себя болтать на Мертвую Тему, то Проповедник с его иммунитетом являлся для прорицательницы просто идеальным слушателем. Главное, не вспугнуть девушку и сразу дать понять, что я ей не враг. А потом уже будет видно, заслужит она проповедь или мы разойдемся полюбовно.

Черт побери, наконец-то в моей загробной жизни появилась цель! Блюсти интересы Баланса – это не цель, а опостылевшая повинность. Идеальный Баланс – утопия, и похоже только один Гвидо верит в него. Я верил в более достижимые вещи, такие, как Истина. Она действительно существовала, но ее требовалось долго и упорно искать. И вот теперь я, кажется, разглядел в туманном мире ориентир для поиска этой неуловимой Истины...

Хлип-хлюп... Хлип-хлюп...

Волны за бортом и весла гребцов нота в ноту повторяли все ту же набившую оскомину однообразную мелодию. Что творилось в этом мире со звуками? Такое впечатление, что Создатель Терра Нубладо отобрал из богатейшей звуковой палитры Вселенной лишь то, что пришлось ему по вкусу. Вкусы же у него оставляли желать лучшего, как и музыкальный слух. Признаю, что в музыке я профан, однако уже долгое время меня обуревали сомнения, что в туманном мире не все в порядке с количеством музыкальных нот. Вероятно, именно по этой причине местные народные композиторы пользовались от силы тремя-четырьмя, а особо одаренные – максимум пятью нотами. Вот и сейчас в песне, что затянули гребцы, была и мелодия, и гармония, но все равно чего-то недоставало. Может быть, души, абсолютно не нужной для музыки загробного мира?

К обеду распогодилось. Туман наконец-то вернулся в норму, рассеялся и отполз обратно, к линии горизонта. Ближний берег теперь просматривался хорошо, дальний как всегда оставался невидимым. За день нам попались на глаза лишь несколько рыбацких ланч, прочий водный транспорт словно вымер. Некогда оживленная торговая магистраль, ныне Пуреса выглядела пустынной и вызывала чувство тоскливого одиночества. И похоже, не у меня одного: дабы разогнать тоску, гребцы тянули одну песню за другой. Не знаю, как Иноду и команде, а мне от таких песен хотелось выброситься за борт. Хоть бы на пелискаре кто певцам подыграл, что ли...

Время, которое в туманном мире вообще не имело привычки бежать, тянулось столь же медленно, как наша ланча. Многие бы отдал сейчас за простую книгу, пусть даже с поэзией, к которой почему-то с детства не питал теплых чувств. Однако ни прозы, ни поэзии в Терра Нубладо никто не документировал. Все истории и стихи переходили из уст в уста, отчего одна и та же популярная байка зачастую рассказывалась совершенно по-разному. Например, легенда о Проповеднике доходила до моих ушей в нескольких вариантах. Единственные книги, которые я здесь видел, были скитальческие путевые блокноты да амбарные книги негоциантов и трактирщиков. И тем сильнее вызывало недоумение наличие в фуэрте Кабеса и других крупных городах библиотек – монументальных зданий, построенных в готическом стиле, попасть куда было еще сложнее, чем в диктаторскую цитадель. Решив как-то наведаться в столичную библиотеку, я был остановлен крепко запертыми массивными воротами, оснащенными солидным врезным замком. На требовательный стук никто не ответил. Имейся у меня при себе воровской инструмент, я бы без проблем вскрыл этот замок – Проповедник знал, как проделывать такие фокусы, от Арсения Белкина. Но из пригодного для

взлома инструмента под рукой был только «Экзекутор», использовать который для подобных целей являлось признаком дурного тона. Да и неизвестно, как отреагировали бы горожане на мое поведение. Проповедник, выламывающий дверь в общественное учреждение, – долго бы народ судачил о моей выходке. Поэтому пришлось отказаться от намерений приобщиться к здешней культуре.

Та же ситуация раз от разу повторялась и перед дверьми других библиотек. Видимо, для их посещения Проповедник рожей не вышел. Обидно – не то слово. Меня до сих пор терзало любопытство, кто же ходил в эти практически единственные культурные заведения в Терра Нубладо и за какие заслуги выдавались ключи от них. Даже живущие по соседству с библиотеками горожане затруднялись ответить на этот вопрос...

Фуэртэ Транквило миновали вечером. Инод решил не останавливаться на ночлег в городе, под защитой мерсенариев местного диктатора Фило. Предприимчивый капитан решил, что мое присутствие на ланче позволяет ему сэкономить на охране и аренде причала, и потому необходимость ночевать в городе автоматически отпадала. Я догадывался, что, когда маэстро Гвидо обсуждал с Инодом условия моей поездки, негоциант недолго торговался. Риск путешествия с Проповедником по пиратским территориям компенсировался минимальными издержками и бесплатной охраной. Оставив за кормой пристань фуэртэ Транквило, мы последовали дальше. Мерсенарий, выскочивший на причал при нашем появлении, провожал нас недоуменным взглядом. Похоже, после спада темпа речных перевозок здесь радовались каждому, кто пришвартовывался у пристани.

Инод выбрал для ночной стоянки узкую песчаную заводь севернее города, но, испугавшись посадить «Гольмсток» на мель, бросил якорь, не приближаясь к берегу. Кто желал, мог оставаться в ланче, но все предпочли ночевать на суше, даже несмотря на то, что до нее пришлось добираться вплавь. На «Гольмстоке» остался только вахтенный. Инод и остальные побросали провизию и одеяла в легкий одноместный ялик, а сами прямо в одежде попрыгали за борт и поплыли к берегу. Прихватив «Экзекутор», я последовал примеру команды. Страсть как не тянуло сигать в холодную воду, однако пребывание на шаткой палубе успело мне за день порядком осточертеть. Такой сухопутной крысе, как я, было неудобно пребывать долгое время в неестественной среде.

Одна из странностей, к каким я до сих пор не привык в Терра Нубладо, – это купание. Быстро высыхающая одежда перестала удивлять меня в первые же дни, но купание... Сложно описать ощущения, что испытывал я, плывя к берегу. Воды Пуресы не выталкивали мое тело на поверхность – очутившись за бортом, я словно обрел невесомость и не поплыл, а полетел. Нырание вообще не требовало усилий –

погружение и всплытие давались мне с одинаковой легкостью. Сопротивление воды отсутствовало напрочь, но тем не менее скорость моего плавания напрямую зависела от энергичности гребков и речного течения. Голова шла кругом от подобной алогичности. На вид и на вкус вроде бы обычная вода, разве что чересчур пресная. А как окунешься с головой, начинаются форменные чудеса. Зато какое удобство, если вдруг надумаю утопиться. И камень искать не надо – просто доплыву до дна, улягусь на мягких водорослях, да вдохну полной грудью. Любопытно, удастся ли таким образом провести Баланс, или он успеет бросить мне спасательный круг в виде очередного приступа амнезии?..

Через полчаса на пляже уже пылал костер, а один из гребцов, расставив над огнем треногу, усердно помешивал в котле что-то густое и сдобренное ароматными пряностями. Инод попытался позвать меня в компанию, но я отказался. За угощением непременно последуют нежелательные расспросы, на которые мне в качестве благодарности волей-неволей придется отвечать. Да и судя по выражению лиц помощников Инода, им не слишком хотелось хлебать из одного котла с Проповедником. Вежливо поблагодарив за приглашение, я сказал, что сыт, после чего удалился от речников и расположился у выхода из заводи – там, где река просматривалась вплоть до границы тумана. Пусть лучше Инод упрекает меня в нелюдимости, чем в халатном отношении к служебным обязанностям. Проповедник не отдыхал – он продолжал нести службу.

Слушая долетавшие от костра разговоры, сдержанный смех и незлобивые перебранки, я постарался вздремнуть – появившись на реке подозрительная ланча, скучающий на палубе «Гольмстока» вахтенный обязательно засечет ее. Несомненно, когда речники заснут, он тоже захрапит вместе с остальными – я заметил, что хитрец уже втихаря свил себе уютное гнездышко на канатной бухте – чуёт, что Инод поленится плыть к нему среди ночи с проверкой! А пока вахтенный маячил на глазах у капитана и поглядывал на реку, я имел право расслабиться. Мне удалось покемарить вполглаза еще в пути, теперь предстояло добавить к дневному сну ровно столько, чтобы грядущей ночью бодрствование не пришлось для меня в тягость.

Первыми угомонились гребцы. Словно по команде, они единодушно поднялись на ноги, отошли от костра и отправились спать. Оседлые всегда и везде старались придерживаться пусть символического, но распорядка. Подобный консервативный уклад жизни проявлялся у них во всем, поэтому наемные работники из них выходили просто идеальные: дисциплинированные, покладистые и непривередливые. А вот в качестве вояк оседлые выглядели не слишком впечатляюще, хотя когда диктаторы рекрутировали их на войну, они маршировали

в бой безропотно. К сожалению, кроме героического фатализма, другими воинскими достоинствами оседлые похвастаться не могли. Рядовой мерсенарий-скиталец стоял в бою полудюжины оседлых рекрутов, а для бойцов вроде Квинта они и вовсе были не противники. На труде оседлых зиждилась экономика Терра Нубладо, а политические игры были всецело отданы на откуп скитальцам. Силы Баланса считали, что так справедливо, и я не видел повода не соглашаться с ними.

Инод еще какое-то время поточил лясы с помощниками, после чего уснули и они. В полудреме я уловил, что беседа у костра стихла, и усилием воли прогнал остатки сна. Настала моя очередь бодрствовать. Впереди ожидалась беспокойная ночь – где-то по реке рыскала на своем катамаране шайка Твердолобого Либро. Если Гвидо снабдил меня достоверной информацией, темнота не являлась для Твердолобого преградой, а следовательно, он мог легко захватить нас врасплох. Мы были не настолько гостеприимны, чтобы позволить одержимому пирату хозяйничать на нашей ланче. В Терра Нубладо не принято приходить в гости без приглашения, а тем более приходить по ночам. Кто забывал эту старую традицию, тому напоминали о ней в убедительной форме. Проповедник обязан был предъявить Твердолобому последний решительный довод в том, что Либро зарвался. Сам одержимый этого, к сожалению, не понимал...

Благодаря туманному горизонту рассветы и закаты в Терра Нубладо не выглядят столь впечатляюще, как, например, на Лазурном побережье Средиземного моря. Вечером солнце растворяет свой багровый диск в тумане, а утром просто выныривает из белой пелены с противоположной стороны света. Обычно я глядел на эти каждодневные природные явления равнодушно, но сегодня рассвет пробудил во мне радость. Прежде всего он известил нас о том, что ночь прошла спокойно, а днем любые неприятные сюрпризы воспринимаются уже не так болезненно. По крайней мере, к визиту негодяев это относится.

Отплывали, как и планировалось, с первыми лучами солнца. Впереди предстоял еще один день речной прогулки для меня и рутинной работы – для остальных. Однако не успела на мне после возвращения на «Гольмсток» просохнуть одежда, а гребцы, разминая плечи, только-только закрепили в уключинах весла, как вдруг на фоне тумана, со стороны фуэртэ Транквило, показалось темное пятнышко.

По Пуресе двигалась ланча, и все бы ничего, только неслась она против течения с умопомрачительной скоростью. О двигателях в Терра Нубладо пока слыхом не слыхивали, даже о паровых, а чтобы развить такую прыть на парусе и веслах,

требовался сильный ветер, прочные огромные паруса и команда, сплошь состоящая из олимпийских чемпионов по академической гребле. Неизвестно, кем являлись гребцы на той посудине, но паруса на ней стояли стандартные, а ветер в это утро дул умеренный.

Мы не отрываясь следили за приближающейся ланчей. Даже невозмутимые оседлые привстали со скамеек и тревожно всматривались в даль. Вскоре стало понятно, что лодок в действительности две и движутся они, скрепленные между собой, под одним парусом. Гребцы катамарана работали веслами в невероятном темпе, отчего, казалось бы, не слишком быстроходная посудина рассекала речные волны словно торпеда.

И эта «торпеда» шла напрямиком на «Гольмсток»!

– Либро! – заскрежетал зубами Инод. – Нам не успеть выйти из заводи! Он запрет нас здесь, как в бутылке!

– Вот и отлично, – ответил я и, поймав удивленный взгляд капитана, пояснил: – Оставайтесь на месте и никуда не бегите. Горловина у нашей «бутылки» узкая – помнишь, ты еще боялся вчера, что мы в нее не протиснемся? Катамарану сюда и подавно не проникнуть. Либро бросит его у выхода и снарядит к вам сухопутную делегацию. Это разделит и ослабит его силы.

– Что вы задумали, респетадо?

– Разыграю с Твердолобым партию в калибрик... Теперь попрошу внимания! – Я повысил голос, дабы меня расслышали все находившиеся в ланче. – Плывите на берег, разбегайтесь кто куда и прячьтесь! Никакого геройства – помните, с кем имеете дело! Не бойтесь, когда я начну проповедь, Либро станет уже не до вас. Если мне повезет, ваше добро останется невредимым, если нет – вам все равно не убережет его. Вы окажете мне неоценимую услугу, если сделаете все как я сказал! Поторопитесь! Удачи, респетадос!

После этих слов я перемахнул через борт и поплыл обратно к берегу.

– И вам удачи! – крикнул мне вслед Инод. – Мы постараемся!..

Выйдя из воды, я не стал задерживаться на пляже, а, пригнувшись, припустил со всех ног к зарослям кустарника. Они обрамляли песчаную заводь и доходили вплоть до берега Пуресы. К берегу я под прикрытием растительности и направлялся. Скинув плащ и шляпу, чтобы не цеплялись за ветки, я добрался до побережья в ту минуту, когда катамаран Либро перекрыл «бутылочное горлышко». Пираты бросили якорь аккуратно напротив выхода из заводи. Я выбрал себе

наблюдательную позицию и залег, выжидая подходящего момента. Пока что мой расчет был верен: Твердолобый не рискнул загонять катамаран в узкую протоку и теперь наверняка готовился к высадке. Я полагал, что на борту пиратской посуды останется не больше трех человек, в то время как подавляющая часть «чертовой дюжины» пиратов отправится на «Гольмсток» во главе с капитаном. Хотелось надеяться, что негодяй крепко усвоил мои рекомендации, будет паинькой и не ввяжется в драку – о Твердолобого обломали зубы мерсенарии двух диктаторов, куда уж до них Иноду со своей командой.

Воздух содрогнулся от грохота, а палуба катамарана окутались густым дымом. Я вздрогнул – стрельба из мортир по мирным торговцам не входила в мои прогнозы. Инод и его экипаж, уже покинувшие ланчу, но еще не успевшие разбежаться, попадали на песок и закрыли головы руками.

Леденящий свист снарядов продолжался лишь пару секунд. Твердолобый палил не в «Гольмсток» или в его команду – это была лишь психологическая атака. Два снаряда – судя по всему, простые болванки – один за другим упали в воду, не долетев до ланчи Инода. Высокие, едва ли не выше мачты, фонтаны брызг взметнулись в воздух. Демонстрация силы вышла убедительной. Не успели еще брызги окатить корму «Гольмстока», а его команда уже скрылась с пляжа, треща ветками кустарника и унося ноги подальше от берега. Трудно сказать, чьим советам следовал Инод – моим или инстинкта самосохранения, – но в том, что он уже не ринется в бой, я был уверен...

Я чуть было не присвистнул от восхищения, когда увидел, каким лихим манером пираты высаживаются на берег. Это представление могло бы даже сэкономить Либро потраченные на запугивание снаряды. Такие акробатические выкрутасы нагнали бы на торговцев страху не меньше, чем пушечная стрельба. Катамаран стоял на якоре приблизительно в десяти метрах от берега. Пираты и сам Твердолобый, uznанный мной по приметам, просто перепрыгнули этот промежуток, оттолкнувшись от борта, пролетев над водой и приземлившись в прибрежный песок. Одиннадцать головорезов вели себя, словно цирковая труппа гимнастов, что решила сорвать первые аплодисменты эффектным выходом на арену. Правда, аплодировать шайке Твердолобого было уже некому, а я, хоть и был восхищен мастерством одержимых артистов, от аплодисментов воздержался. Либро – статный гигант с длинными, собранными в хвост волосами, исполосованный шрамами и изрисованный татуировками, – громогласно расхохотался и компанейски хлопнул по плечу ближайшего товарища, уже не столь внушительного в сравнении с капитаном. Сошедшие на берег пираты поддержали главаря таким же громким хохотом. Не разделяла общего восторга

только оставленная на катамаране парочка канониров: они потребовали от собратьев бросить валять дурака и побыстрее приниматься за дело.

Флибустьеры не спешили – брошенный «Гольмсток» уже принадлежал Либро со всеми потрохами. Запуганная до смерти команда негодяя разбежалась в панике, побросав все в надежде, что грабители оставят им хотя бы ланчу. Взяв оружие на изготовку – револьверы, четырехствольные пистолеты, карабины и дробовики, – Либро со товарищи направился к «Гольмстоку». Одиннадцать пиратов шли в полный рост, не таясь – именно так ходят по своим владениям наделенные властью диктаторы. Кем мнил себя Твердолобый, неизвестно, но его ничуть не беспокоило, что бегство команды «Гольмстока» могло быть инсценировано, а в прибрежных кустах пиратов уже давно поджидала засада мерсенариев. Вряд ли Либро не предвидел этот вариант. Но одержимые не проявляли беспечность, они просто-напросто не боялись ни засад, ни других сюрпризов. Пираты шагали к добыче, и мгновенная смерть ожидала любого, кто вознамерился бы встать у них на пути.

Я тоже не собирался совершать такой самоубийственный поступок. Тринадцать агрессивных и хорошо вооруженных одержимых – давненько мне не приходилось сталкиваться со столь серьезной угрозой. Уже случалось, что при большом количестве «паствы» мои проповеди затягивались на несколько дней, а то и неделю. Иногда одержимым удавалось удрать от меня, и я пускался в погоню, бегая за ними как угорелый; иногда приходилось отступать самому, чтобы зализать раны. Но не было случая, чтобы я не доводил проповедь до конца.

Я планировал для начала отрезать Твердолобому путь к отступлению, а уже потом заняться им и его сворой. Мне действительно предстояло сыграть с Либро партию в калибрик, правда, начнется она не по правилам – со столкновения массивных фигур и при солидном перевесе одной из сторон.

Что ж, противник вывел свои фигуры на позиции, теперь подошел черед делать ответный ход...

Оставленные на катамаране пираты перезарядили мортиры и замерли возле них, прикрывая ушедших к «Гольмстоку» товарищей. Я же тем временем прокрался вдоль берега вверх по течению – туда, где заросли подступали вплотную к реке, – нырнул и поплыл под водой к пиратскому судну. Точнее, даже не поплыл, а, сберегая силы, отдался воле волн, которые никак не могли пронести меня мимо широкого катамарана.

Для пущей устойчивости «Рабиосо» – так называлось пиратское судно, – вся его артиллерия располагалась на палубе, что соединяла две ланчи в катамаран. Сами

ланчи предназначались в основном для складирования награбленного товара. Поэтому шайка и пользовалась катамараном. Обычная ланча никогда не вместила бы столько добра, сколько стало доставаться Либро с приходом к нему феноменального везения.

Упершись руками в скользкие доски и нащупав выступ, за который можно было уцепиться, я осторожно высунул голову на поверхность и отдышался. Сейчас канониры не могли меня заметить – я вынырнул аккуратно промеж ланч, под соединяющей их палубой. Палубные доски были подогнаны друг к другу не слишком плотно, и в щели между ними я имел возможность следить за обоими пиратами. Они продолжали находиться возле орудий и скорее всего будут торчать там до тех пор, пока Либро не подгонит сюда «Гольмсток» для перегрузки добычи. У меня еще имелось в запасе время, но медлить все равно было нельзя.

Вынырнув, я едва не стукнулся затылком о расположенный под палубой поворотный механизм мачты. Для его обслуживания в настиле был пропилен небольшой люк, которым я и воспользовался для проникновения на борт «Рабиосо». Люк размещался у подножия мачты, то есть прямо посередине палубы, а значит, мне предстояло выбирать, кем из канониров заняться в первую очередь. Использовать «Экзекутор» я не мог: во-первых, после купания требовалось несколько минут для просушки патронов, а во-вторых, было рановато привлекать внимание Твердолобого.

Я подтянулся на крепежной распорке и прильнул глазами к щели в люке, оценивая ситуацию. У канонира, который обслуживал кормовое орудие, на поясе болталась кобура с револьвером. Второй был вооружен карабином, прислоненным к борту в двух шагах от пирата. Головорез с револьвером выглядел проворнее, к тому же он стоял к люку боком, а его товарищ – спиной. Проблема выбора приоритетной атаки отпала сама собой.

Набрав в рот воды, я плюнул ею на петли люка, дабы те не скрипели, подождал несколько секунд, после чего быстро, но без стука, распахнул люк и мягко, по-кошачьи выскочил на палубу. На меня падала тень от паруса, что также способствовало маскировке. Время раздумий закончилось, теперь все решали скорость и выверенность действий...

Ощущаю себя охотящейся пантерой... Четыре шага до первого одержимого, четыре быстрых бесшумных шага... Я понемногу забираю вправо – атаковать необходимо не с бока, а со спины. «Экзекутор» оставлен мной у люка, поэтому руки совершенно свободны. План атаки определен, и даже если жертва начнет дергаться, он не изменится. А жертва непременно забеспокоится – пусть я и

предельно осторожен, не заметить меня трудно. О втором одержимом я на несколько секунд забываю – если все пройдет как надо, он так и останется стоять спиной ко мне. Если нет – пока развернется на звук, пока осознает, что происходит, пока подберет карабин... В любом случае я окажусь возле него вовремя.

Канонир у кормового орудия замечает меня боковым зрением, когда я нахожусь от него в двух шагах. Рука канонира устремляется к револьверу... Проворный малый, надо отдать ему должное. Он успевает ухватиться за рукоятку, однако моя левая ладонь ложится поверх его руки и не позволяет выхватить оружие из кобуры. Правой рукой я затыкаю одержимому рот и крепко прижимаю к себе. Ухо пирата оказывается в паре сантиметров от моих губ...

– Воздаяние четыреста сорок три открыто! – произношу я быстрым шепотом. Одержимый хочет вырваться из моих объятий, но после первых же слов Откровения дыхание его перехватывает, словно он получает удар под дых. Глаза пирата едва не вылезают из орбит, а тело бьется в судорогах. Я крепче прижимаю собачку бойка его револьвера, поскольку одержимый может конвульсивно нажать на спуск.

Пока все идет как положено. Проповедь начата, и реакция «пациента» вполне нормальная. Завершить Откровение можно и позже – миг утративший волю одержимый будет пребывать в таком состоянии сколь угодно долго. Однако оружие у него надо от греха подальше отобрать.

Я отнимаю у пирата револьвер, а его самого роняю на палубу, пнув под сгиб колена. Этот противник мне больше не угрожает. Сейчас он балансирует между жизнью и смертью – именно так я называю состояние одержимого в момент проповеди. В какую сторону затем сместится баланс, решать опять же мне. Но чуть позже, поскольку меня уже поджидает следующий «пациент», внимание которого привлекает звук упавшего на палубу тела...

Теперь расстояние до жертвы в два раза больше – восемь шагов. Но на практике получаются все десять. Заметив, через какое плечо начинает поворачиваться на звук канонир носового орудия, я изменил вектор атаки и стал подкрадываться к жертве таким образом, чтобы все время держаться у нее за спиной. Получалась не прямая, а огибающая мачту дуга, зато тень от паруса снова пришла мне на выручку. Второй канонир вовсе не обнаружил угрозы; все, что он успел, так это окликнуть лежащего без чувств товарища. После чего поперхнулся собственным криком и забился в конвульсиях, будто я не шепнул ему на ухо слова Откровения, а ошарашил электричеством...

– Воздаяние четыреста сорок четыре открыто! Внемли Проповеднику, одержимый Величием! Ощути истинную силу Баланса! Покорись его воле и вернись в этот мир кротким и полностью прощенным! Изгони из себя мятежный дух Дисбаланса! Он толкает тебя на неверный путь, умножает скорбь и разрушает твою жизнь. Сорви пелену с глаз, ужаснись плодам своих деяний и прими Воздаяние! Баланс милостив! Он прощает тебя и дает последнюю возможность изменить свою судьбу к лучшему и вернуть уважение братьев твоих! Слова Откровения просты, но именно в простоте их несокрушимая сила! Прислушайся к ним, одержимый, ибо, не сделав этого, ты будешь отвергнут Балансом и никогда не вернешься под его покровительство...

Усмиренный во мне бунтарь Арсений Белкин всегда удивлялся, каким образом Проповеднику удастся без запинки выдавать на-гора подобный бред. Слова вырывались из меня бешеной скороговоркой, я едва успевал их осмысливать. Белкину на трезвую голову такое на ум точно бы не пришло. С Откровением я буквально преображался, даже мой голос менялся до неузнаваемости, становясь холодным и отстраненным, почти механическим. В преображенном Проповеднике уже мало оставалось и от скитальца Терра Нубладо, и от прежнего человека. Если честно, я даже побаивался себя в новой ипостаси. Неконтролируемая речь – еще куда ни шло; меня беспокоило, как бы однажды она не перешла в неконтролируемые поступки.

Но удивляться здесь было бы нечему. Как говорил маэстро Гвидо, Откровение было ниспослано мне вовсе не для личного пользования, наоборот – это я придавался в услужение Откровению. И если в ходе следующей проповеди силы Баланса потребуют, чтобы Проповедник прошелся перед одержимым на голове, не сомневайтесь: пройдусь, никуда не денусь, пусть отродясь не занимался циркачеством. Не хочешь – захочешь, не можешь – помогут... Впрочем, далеко не все так плохо, как кажется. Обидно быть простой марионеткой, а участь избранной марионетки все же более почетна.

– Воздаяние четыреста сорок четыре закрыто! – доложил я не то силам Баланса, не то оставленному в покое бывшему одержимому. Сейчас в ногах у меня валялся и приходил в чувство обычный человек. Внешне он ничем не отличался от прежнего одержимого, однако взгляд его уже не пылал огнем презрения, характерным для всех одержимых Величием. Человек зябко дрожал и больше не намеревался оказывать сопротивление. Пользы от него пиратам, как от вояки, отныне было мало. Любой из оседлых легко одолел бы его даже на кулаках. Деморализованный флибустьер отлично понимал это и потому вел себя тише воды ниже травы.

Избавленному от одержимости давался второй шанс начать жизнь заново и вновь заработать уважение, выбрав себе занятие по душе. Вплоть до того же самого пиратства, но по законам Терра Нубладо. Воздаяние, которого так испугался самоубийца Кастор, возвращало одержимого к некой точке отсчета, лишая его физических сил, воли и как следствие этого – авторитета. Баланс забирал у провинившегося перед ним скитальца все, кроме жизни, но на фоне утраченного он лишь сильнее начинал дорожить оставшимся богатством.

Грубо оттолкнув пирата, я отнял у него винтовку, а затем поспешил к его бьющемуся в судорогах товарищу. «Четыреста сорок третий» срочно нуждался в душеспасительных словах Откровения. Я еще не подозревал, какие именно слова скажу этому человеку, но знал – как только я открою рот, дабы завершить проповедь, слова сразу отыщутся. Любопытно, испытывают ли аналогичное озарение священники моего родного мира, когда проповедуют перед паствой? Или столь всепроникающее вдохновение присуще лишь тому, кто не верит, а действительно знает, что он является рупором высших сил?

Удачным выдалось начало для тяжелой проповеди, однако мой первый ход в этой партии еще не закончен. Я захватил «Рабиосо» и теперь собирался использовать трофейное судно для реализации дальнейших планов.

– Поставьте парус и можете проваливать! – приказал я едва оклемавшимся пиратам. Ни один из них не посмел мне перечить. Двигаясь словно сомнамбулы – сказывалось-таки моральное и физическое истощение после Воздаяния, – «амнистированные» взялись поднимать спущенный парус, а я тем временем выбрал якорь. Вялый ветер кое-как расправил и надул парусину, и снявшийся с якоря «Рабиосо» двинулся вдоль берега, постепенно удаляясь от заводи. Выполнившие приказ пираты попрыгали за борт, доплыли до мелководья и кинулись к ближайшим кустам. Возвращаться к Либро после такого прокола они, естественно, не собирались.

Без поддержки гребцов «Рабиосо» будто сам избавился от одержимости. Теперь катамаран еле-еле справлялся с течением, не в пример тому, как стремительно он блокировал выход из заводи. Планируй я бегство, курс против течения явился бы крайне неудачным вариантом. Проще было бы удирать в сторону фуэртэ Транквило. Я мог и сейчас пустить катамаран в том направлении, однако тогда пираты бросились бы в погоню на «Гольмстоке» и это не позволило бы мне использовать против них палубную артиллерию – топить ланчу. Инода я не имел права. Двинув под парусами против течения с малой скоростью, я рассчитывал на то, что одержимые решат догнать убегающий «Рабиосо» по берегу. Тут-то и настанет мой черед делать следующий ход в этой партии...

Пока одержимые не объявились, я проверил артиллерию и, к своему удовольствию, обнаружил в ящиках с боезапасом снаряды со шрапнелью. Перезарядив обе мортиры, я подобрал просохший «Экзекутор», заткнул за пояс трофейный револьвер, положил под руку карабин и притаился за мачтой. Выходить на позицию к орудию было рановато – ребята Либро глазастые; заметят на палубе Проповедника и уже не полезут в бой очертя голову. Тогда моя контратака утратит внезапность. А так пусть думают невесть что о сбежавшем «Рабиосо» – все равно об истинной причине его бегства пиратам не догадаться.

Неприятный сюрприз ожидал Либро и компанию: пока одно богатство шло шайке прямо в руки, другое, давно принадлежащее ей, вдруг исчезло. Поэтому томиться в ожидании мне пришлось недолго. Ребята Твердолобого быстро заметили пропажу «Рабиосо» и высыпали на берег, не успел еще катамаран отдалиться от заводи. Прибежали не все – я насчитал только семерых. Сам Либро с тремя пиратами остался у «Гольмстока», переложив проблему на плечи соратникам. Видимо, Твердолобый счел ее несущественной и решил не отвлекаться от исследования захваченной ланчи. Опрометчивое решение капитана флибустьеров в конечном итоге и упростило мне проповедь.

Дни Либро были сочтены в любом случае. Однако, не раздели Твердолобый силы, бегать бы ему на воле еще неделю-другую – задачку мне подбросили не на день работы, это точно. А так все утряслось за какие-то четверть часа, правда, ради этого пришлось изрядно попотеть. У меня было достаточно информации о Твердолобом, чтобы вычислить, каким «букетом заболеваний» страдают он и его шайка: нечеловеческие сила, быстрота и меткость, а также феноменальная живучесть, что позволяла одержимому вести бой даже будучи пронзенному насквозь или лишенному конечности. К живучести прилагалось ускоренное восстановление здоровья. Смертельные раны у таких одержимых затягивались буквально на глазах, что делало эту категорию приверженцев Дисбаланса практически неистребимыми.

Мне уже доводилось читать проповеди одержимым со сквозными дырами в головах, что не мешало этим скитальцам находиться в полном сознании и бранить меня на чем свет стоит. Раньше Арсению Белкину такое могло лишь присниться в кошмарах. В Терра Нубладо подобные ужасы являлись пусть из ряда вон выходящей, но реальностью. Попадания ружейных пуль четвертого калибра казались для этих одержимых лишь крепкими кулачными ударами, и потому больше всего надежд я возлагал на шрапнель – для неистребимого она была равносильна удару уже не кулаком, а как минимум лошадиным копытом. Однако следовало помнить, что в запасе у меня всего два выстрела, произвести которые

было необходимо один за другим – если пираты мгновенно сориентируются в обстановке и рассеются по берегу, пользы от шрапнели будет мало.

Преследователи бежали вслед за катамараном и выкрикивали имена товарищей, которые должны были оставаться на борту «Рабиосо». Я не высовывался, дожидаясь, пока семерка пиратов войдет в реку. Теперь им было сложно допрыгнуть до катамарана с берега – «Рабиосо» отнесло от него на порядочное расстояние.

Проклиная бесследно сгинувших канониров, пираты гурьбой ринулись в воду и поплыли на перехват собственного судна. Судя по угрожающим воплям, прошляпавшей катамаран парочке лучше было бы вообще не показываться приятелям на глаза.

Едва последний из семерки пустился вплавь, я покинул укрытие, подскочил к кормовой мортире, навел ее на группу пловцов и рванул спусковой рычаг...

Чем хороша корабельная артиллерия, так это своей недюжинной мощностью. В отличие от своих сухопутных аналогов (за исключением громоздких осадных орудий), призванных выкашивать пехоту и конницу, корабельные мортиры прежде всего предназначались для разрушения деревянных судовых корпусов. Шквал шрапнели, который вмиг очистил бы палубу того же «Гольмстока» от такелажа и живой силы, накрыл барахтающихся в воде пиратов, будто пригоршня гальки – стайку водомеров. Шрапнель вздыбила воду и изрешетила плывущих первыми одержимых, поотрывав кое-кому их них конечности, а одному даже снесла голову. Замыкающие команду пловцы от неожиданности прекратили грести и забарахтались на месте, чем только упростили мне наведение носового орудия, до которого я добежал, едва смолкло эхо первого выстрела.

Уцелевшие одержимые хотели кинуться врассыпную, но не успели выплыть из зоны поражения смертельного града, что повторно обрушился им на головы. Снова вода вскипела бурунами – так, словно на дне реки в этот момент проснулся вулкан...

Внушительными пушками разжился в свое время Либро; явно реквизировал их у диктаторских мерсенариев – простым негодьям вряд ли кто-то продал бы такую артиллерию. Отведавшие шрапнели, искалеченные и оглушенные, пираты покачивались на волнах, окрашивая воду кровью. Было чертовски жаль, что враг разделил силы – зарядов двух мортир с лихвой хватило бы, чтобы утихомирить всю шайку Твердолобого, бросься она за мной в полном составе. Рассчитывать на пушки было уже нельзя. Везение не бесконечно, и теперь Либро не допустит ошибки, ринувшись в лобовую атаку на собственную батарею.

Я понятия не имел, сколько у меня в запасе времени до прибытия Твердолобого и остатков его банды. Однако было совершенно очевидно, что извлечь пострадавших из воды и прочесть им проповеди я не успею. Впрочем, двум пиратам проповедь была больше не нужна. Откровение не воскрешало безголовых, так что эту парочку следовало списывать в разряд неизбежных потерь. Отращивать головы одержимые, к счастью, тоже еще не научились, а вот воевать без руки или ноги для них – явление привычное. Но пока пострадавшие пребывали в шоке, можно было оставить их в покое. Мне требовалось хорошенько подготовиться к встрече с целыми и невредимыми пиратами, а не отвлекаться на их собратьев, временно выведенных из строя.

Я возвратился на корму и вывернул штурвал в сторону берега. Катамаран навалился на правый корпус, после чего на всей скорости, что ему удалось набрать, вылетел на прибрежную отмель и зарылся в песок. Меня швырнуло грудью на штурвал, и только благодаря этому я устоял на ногах.

Плаванье выдалось коротким, но захватывающим. За какие-то десять минут мне довелось побывать в ролях капитана, канонира, а если вспомнить, как я проник на борт, то и пирата тоже. Я с детства обожал читать Сабатини и Стивенсона и потому мог полагать, что в это утро воплотил в реальность некоторые свои детские фантазии.

Я планировал, что мне все-таки хватит времени перезарядить носовую мортиру, которая была нацелена на берег, однако скорое появление врага скомкало все планы. О перезарядке пришлось забыть – четверка одержимых приближалась чересчур резво. Гигант Либро угадывался издалека. Он рассредоточил пиратов по берегу, заставив их выстроиться в редкую дугообразную цепь. Правофланговый атакующий пробирался уже по кустам, левофланговый хлюпал сапогами по мелководью, а сам Твердолобый, направив фланги вперед, продвигался по центру. Флибустьеры отрезали мне пути к отходу, намереваясь не дать покинуть «Рабиосо».

Четверо одержимых на одного Проповедника – это уже не тринадцать, как перед началом игровой партии. Такой расклад был для меня привычным, и если кому следовало сейчас задуматься о бегстве, то точно не мне.

Бой на короткой дистанции – проксимо-бой, – помог мне снискать добрую половину моей жуткой славы. Квинт преувеличивал: я не имел права претендовать на титул «маэстро» в этом специфическом ремесле, потому что никогда ему не обучался. Как и Откровение, искусство стрельбы было привито мне с первой минуты загробной жизни, и это выглядело несправедливо по отношению к тем

маэстро проксимо-боя, которые учились ему долгие годы. И хоть пока мне не доводилось тягаться с этими скитальцами в бою, кое-кого из них я изредка встречал. После чего воздавал хвалу Балансу, что эти крутые ребята не заставляли меня отстаивать титул, доставшийся мне по неизвестно какому праву.

Я спрыгнул прямо в воду, благо глубины за бортом было всего по пояс. Обманные маневры и погони остались позади, пришла пора окончательно выяснить, на чьей стороне правда. Проповедник принимал условия игры, поскольку именно к такой расстановке фигур на поле он и стремился. И пусть Либро разыгрывал эффективную комбинацию, он был не первый, кто на моем веку использовал подобную тактику. Вогнать меня в смятение у Твердолобого не вышло при всем старании.

Пираты ничуть не удивились, опознав в противнике мою одиозную личность, а значит, они заранее догадались, кому хватило смелости бросить им вызов. Для кого-то этой догадки вполне хватало, чтобы отказаться от сумасбродных поступков и дать деру, но не для Твердолобого.

– Эй ты, кусок дерьма! – обратился ко мне Либро. Пираты сбавили темп, но продолжали выходить на позиции, держа меня на прицеле. Я выбрался из воды и теперь шел им навстречу, переложив штуцер на сгиб локтя и делая вид, что игнорирую врагов, подкрадывающихся с флангов. Мое поведение выглядело чересчур самоуверенным, но это была иллюзия – я прекрасно видел всех противников на берегу и не переставал следить за их действиями. – Да, ты, гребаный мудака этого гребаного мира! Говорят, тот, кто тебя прикончит, отхватит шикарный приз! Мы в курсе, что тебе, как и нам, плевать на гребаную Мертвую Тему, поэтому спрашиваю прямо: кто ты такой и чего добиваешься?

«Гребаный мудака» – давненько же я не слышал этого эпитета, ласкающего слух ностальгическими нотами! Но впадать в ностальгию я не собирался. Как и отвечать на вопросы Твердолобого. Однако Либро не унимался:

– Ты резидент «Терра» или всего лишь высокоразвитая кукла? Нет, вряд ли ты – кукла! За тобой явно стоит кто-то из ветеранов, нанятых «Терра»! Конечно, кто же еще это может быть! Сколько тебе заплатили, продажная тварь?

Опять эти обвинения в неизвестных грехах, которых я не совершал! Естественно, за службу мне платили, и неплохо, только кого я при этом продавал? Одержимых? Так ведь я никогда и не выступал на их стороне!

– Предатель! – продолжал неистовствовать Твердолобой. – Дай только узнать твое настоящее имя – я опозорю тебя перед всем миром!..

Одержимые ждали не дождались, когда я с ними заговорю. Хрестоматийный прием промышляющих гоп-стопом налетчиков против не слишком пугливых жертв: стоит только мне втянуться в разговор и рассредоточить внимание, как это тут же послужит ублюдкам сигналом к нападению. Либро старательно заговаривал мне зубы, я же пропускал его грозные речи мимо ушей, будучи уверенным, что, как только открою рот, сию же секунду стану трупом. Схватки уже не избежать, только она обязана начаться, когда я того захочу. Пока же я планомерно выдвигался на оптимальную дистанцию для проксимо-боя. Остроглазые пираты значительно превосходили меня в меткости, однако в настоящий момент они не пытались воспользоваться этим преимуществом – очевидно, опасались, что Проповедник на большом расстоянии легко увернется от их пуль.

Последующее произошло в течение всего двенадцати секунд, но примерно столько времени и продолжается проксимо-бой, когда мне удается навязать противнику свой сценарий. Я отчетливо видел все свои цели, также хорошо рассмотрел, с каким оружием пираты собирались меня атаковать. Единственное, что мне требовалось для успешной реализации планов, – нанести удар первым.

Что я и сделал, когда взбешенный моим молчанием Либро разразился очередной тирадой. В этом и кроется суть победы в проксимо-бою: атака на опережение и подчинение врага своим правилам игры. Упуская инициативу, я терял все преимущество и изрядную долю шансов на успех...

Время пошло.

Один! Два!..

Не сводя с Твердолобого пристального взгляда, – абы капитан думал, что и впрямь заставил меня развесить уши, – я незаметно нацеливаю лежащий на сгибе локтя «Экзекутор» в правофлангового нападающего и делаю первый выстрел...

Еще одним бесценным талантом наградил меня загробный мир: гипертрофированным периферийным зрением. Стоило лишь мне переключить внимание на объект, который хотя бы чуть-чуть попадал мне в поле зрения, как панорама у меня перед глазами мгновенно преображалась. Видимый мир вытягивался вдаль, как резиновый, а все, что творилось у меня по бокам, становилось четким, словно находилось прямо передо мной. Клянусь, я даже мог при желании рассмотреть кончики собственных ушей! Угол обзора получался такой, словно у меня на висках прорезалась дополнительная пара глаз! Для полного счастья не хватало только глаз на затылке. Но и без них я мог различить,

что творится у меня за спиной. Так что попробуй-ка незаметно подобраться к Проповеднику с фланга, когда он смотрит на мир под таким углом!

Разумеется, целиться при помощи периферийного зрения было крайне удобно. Не поворачивая головы и даже не покосившись, я влил пулю прямо в голову ждущему сигнала к атаке одержимому. Пирата развернуло в воздухе и швырнуло в воду, где он и угомонился возле пораженных шрапнелью собратьев. Я успел заметить, что голова моей жертвы осталась на плечах, лишившись только макушки. Из этого следовало, что пират скорее всего будет жить. Но лишь до того, пока не получит Воздаяние. К сожалению, дать одержимому время на самоисцеление, отсрочив проповедь, я был не вправе.

Три!..

У «подковы» атакующего строя пиратов отломан один конец, но проксимо-бой только начинается. Либро и двое его подручных открывают по мне огонь прежде, чем их товарищ с попорченным черепом успевает плюхнуться в воду. Помповый дробовик и два мощных револьвера – такие калибры противостоят сегодня моему «Экзекутору».

Никакой суеты – все пока идет по сценарию. Момент первых вражеских выстрелов я вычисляю предельно точно. Я вижу три одновременные вспышки; грохот выстрелов достигнет меня через долю секунды. В течение этого мига я обязан уклониться от пуль...

Умение бить белку в глаз – бесспорное достоинство для любого стрелка. Однако в искусстве проксимо-боя у меткости есть обратная сторона. Отличный стрелок предсказуем, поскольку траектория полета его пуль просчитывается с высокой вероятностью. Парадоксальное явление: мне приходилось больше опасаться дилетантов, чьи пули летели куда попало, чем маэстро стрельбы, который всегда бил наверняка – чаще всего в голову.

Никто из трех одержимых дилетантом в стрельбе не являлся, и куда в итоге угодят их пули, я прекрасно знал. Так что в момент попадания меня на том месте уже не было. Резкий поворот плеч, уклон корпусом и полшага в сторону – предельно рациональная техника, хотя исполнена не идеально – несколько дробинок все-таки впиваются мне в плечо...

И только теперь я слышу выстрелы...

Четыре! Пять!..

Враг перезаряжает оружие...

Разыгрывай мы партию в шахматы или калибрик, эта пауза называлась бы обдумыванием хода. В данный момент свой дальнейший ход обдумывал противник. Я же благодаря двуствольному штуцеру мог проделывать по два хода подряд...

Отвлекусь на минуту и замечу, что искусство проксимо-боя только потому и зародилось в Терра Нубладо, что здесь слыхом не слыхивали об автоматическом оружии. Противостоял бы мне сейчас хотя бы один стрелок с пистолетом-пулеметом, и вся моя тактика свелась бы к банальному поиску укрытия. Оружие, требующее после каждого выстрела перезарядки либо простого взведения курка, придавало местным перестрелкам неторопливый темп и особый колорит. Бои на ближней дистанции превращались для хороших стрелков в захватывающую походовую игру, сочетающую лихость ковбойских дуэлей Дикого Запада и скоростную стратегию экспресс-шахмат. Появление такой игры в мире, где треть населения вела вольный образ жизни, а оружие носили все поголовно, не являлось чем-то из ряда вон выходящим. Кровавые стрелковые соревнования в скорости реакции, хладнокровии и тактической импровизации происходили повсеместно. Участвуя в проксимо-боях, как между собой, так и целыми альянсами, скитальцы-стрелки зарабатывали таким образом авторитет и проверяли свою истинную цену. Для большинства участников этих соревнований подобные проверки заканчивались плачевно.

Что же мешало оружейникам Терра Нубладо разработать хотя бы примитивную модель автоматического пистолета? В этом определенно были замешаны силы Баланса, стопорившие научно-технический прогресс не только в оружейной отрасли, но и везде. Однако обвинять их в косности было бы неправильно. Появление автоматического оружия ввергло бы туманный мир, и без того балансирующий на грани хаоса, в настоящий апокалипсис. Войны перешли бы на новый разрушительный уровень, человеческие жертвы стали бы исчисляться тысячами. О какой воинской чести велась бы тогда речь, если бы заполучивший пулемет тщедушный скиталец вроде Берси сумел положить за раз десяток таких матерых бойцов, как Квинт?

Мелкая, однако насколько значимая деталь – необходимость вручную взводить курок после каждого выстрела. Будто микроскопический камешек, подложенный под шаткую подпорку местного миропорядка, который при каждой очередной смуте того и гляди норвил опрокинуться и разбиться вдребезги...

Одновременно выстрелив, троица одержимых приступает к перезарядке оружия, при этом каждый пират срывается с места и меняет диспозицию. Враги пытаются оставшимися силами восстановить прежний, наиболее выгодный им строй.

Твердолобый и ближайший к нему приятель взводят собачки револьверов, левофланговый передергивает затвор помпового дробовика. Первые двое смещаются вправо, последний, наоборот – забирает левее и уже практически находится у меня за спиной...

Ты-то мне и нужен! Оборачиваться не обязательно – фокусирую периферийное зрение на противнике, после чего перебрасываю штуцер из левой руки в правую и выпускаю второй заряд.

Пуля попадает пирату в дробовик, вышибает тот у него из рук и рикошетом навывлет простреливает шею. Почти идеальный выстрел – этот мерзавец выживет так или иначе, а от дырки у него в горле не останется и следа.

Теперь наступает мой черед «обдумывать ход». И обдумать его предстоит мгновенно – Либро с товарищем уже двигают фишки...

Шесть! Семь! Восемь!..

Теперь стрельба по мне будет вестись непрерывно. Два револьвера, десять оставшихся в них патронов, и каждая из пуль угодит точно в цель, запоздай я с уклонением. Маневр предстоит сложный, тем более что попутно мне придется перезаряжать штуцер. Трофейный револьвер за поясом я не трогаю: даже если повезет вогнать в каждого из пиратов по три пули, таким калибром одержимых не остановить. Только «Экзекутор», только жакан и никаких револьверов!

Пули летят с двух направлений... Не думать о пулях, не думать о боли – сконцентрироваться только на стрелках и бросить все силы на маневр уклонения!

Падаю на бок, в падении переламывая «Экзекутор» и выхватывая из патронташа новую пару патронов. Эжектор штуцера выбрасывает стреляные гильзы. Рядом со мной вздымаются три фонтанчика, брызгающие в лицо колючим песком. Три вражеские пули уже точно не причинят мне вреда.

Перекат на спину, «Экзекутор» на груди, патроны – в патронник. Еще два фонтанчика, но уже ближе. Враг оказывается быстрее – это плохо, но не думать, не думать о плохом! Перекатываюсь на другой бок, защелкиваю патронник, взвожу курки. Одно дело сделано, другое – в процессе.

Два удара подряд: в плечо и руку. Теперь не думать о боли невозможно – она вгрызается в плоть десятками острых зубов и пытается парализовать не только тело, но и волю. Не удастся, не впервой! Рычу, стискиваю зубы, но завершаю перекал и вновь поворачиваюсь лицом к врагам. Темп их стрельбы ослаб, и если я все правильно рассчитал... Да, так и есть – Либро уже перезаряжает револьвер, а

значит, его напарник, дабы не создавать паузы, будет расстреливать оставшиеся патроны, пока Твердолобый снова не откроет огонь.

Девять!

...И девятый выстрел! Пуля врезается в песок прямо у носа – едва успеваю моргнуть, чтобы не запорошило глаза. Либро торопливо, но аккуратно загоняет патроны в барабан. Сколько ему осталось, я, к сожалению, не вижу, зато знаю – приятель Твердолобого не сделает последний выстрел, пока капитан не взведет курок – только так у пиратов получится вести непрерывный огонь. Дабы не заполучить десятую вражескую пулю прямо между глаз, я снова перекачиваюсь и, как только опять оказываюсь лицом к врагам, стреляю Либро точно в грудь...

Десять!

Либро шатается и плюхается на задницу, однако револьвера не бросает. Непрошибаемый ублюдок! Обычного скитальца или оседлого отшвырнуло бы на несколько метров.

Временный выход из игры Либро образует на поле боя паритет – в револьвере оставшегося на ногах стрелка последний патрон, столько же аргументов у меня. Однако мой, как ни крути, намного весомей.

Все-таки одержимый оказывается проворнее. Онемевшее простреленное плечо вынуждает меня управляться с «Экзекутором» одной рукой, а эта игрушка потяжелее револьвера. Пиратская пуля угодила бы мне точно в грудь, останься я лежать на боку. Но мне удастся перевернуться на лопатки, и потому пуля лишь вскользь задевает меня по груди. На фоне уже терзающей меня боли новая не так ощутима, но рука дергается и прицел сбивается. Хорошо, что я не нажал на спусковой крючок, иначе заряд был бы потрачен впустую.

Одиннадцать!..

Револьвер одержимого пуст! Единственное спасение стрелка в быстром уклонении и перезарядке на ходу... Как я посчитал. Однако мой прогноз неверен: Либро хоть и в шоке, но ему хватает сил швырнуть приятелю свое заряженное оружие. Взведенный револьвер летит прямо в руки одержимому, которому остается лишь поймать его и нажать на спуск.

Двенадцать!..

Револьвер падает на песок, поскольку ловить оружие больше некому. Одержимого угораздило поймать-таки не револьвер, а мою пулю. Желая помочь приятелю, Либро невольно отвлек его внимание и превратил в легкую мишень. Четвертый

пират расплывается неподалеку от воды и дергается, как под электротоком, – пуля угодила ему точно в сердце, которое, впрочем, у одержимых тоже регенерируется достаточно быстро.

Двенадцать секунд... Нормальный результат, хотя бывало и лучше. В меня попали три раза – это очень плохо. Благо я лежал на земле, а иначе ранения выбили бы меня из боевого ритма и свели на нет всю тактику передвижений.

Однако рановато пока подводить итоги. Отбросив разряженный штуцер, вскакиваю с песка и выхватываю из-за пояса трофейный револьвер, затем подбираю тот, что принадлежал Либро, и бегу к нему – гигант уже пытается встать на ноги.

Четыре пули в сердце убили в нем такое желание, не убив самого. Теперь Твердолобый созрел для проповеди – активно сопротивляться в ближайшие пять-шесть минут он не сможет.

Я оглядываюсь: кому еще необходима дополнительная инъекция успокоительного? Одержимый с простреленной шеей ползет в кусты, извиваясь как ящерица. Хитер уклонист! Держи-ка парочку свинцовых пилюль – они помогут тебе смиренно дожидаться своей очереди.

Кто следующий?

Ошарашенные шрапнелью и медленно уносимые прибрежным течением, пираты покачиваются на волнах, словно оглушенная рыба. Придется самому вылавливать их и вытаскивать на берег. Пират с отстреленной макушкой прибил к ним и тоже не трепыхается. А вот последняя моя жертва – та, которой я в прямом смысле разбил сердце, – хоть и не давала пока повода для беспокойства, выглядела как-то подозрительно. Поэтому и получила для острастки «подкожно» весь остаток револьверного барабана...

Вот так улов, присвистнул я, окидывая поле отгремевшей баталии усталым взглядом. Прямо как в старые добрые времена, когда я только начинал службу. Но на сегодня игры закончились. Теперь предстояла сплошная рутинная, пусть скучная, зато не такая суетливая.

«Воздаяние номер четыреста сорок пять открыто!»... Закончится ли когда-нибудь этот список? А если закончится, где гарантия, что вместо него мне не подкинут другой? Возможно, у Баланса и имеется на это ответ, но вряд ли я его когда-либо узнаю...

Глава третья

– Я не помешал тебе, Патрик?

– Ну что вы, профессор! Конечно же, нет, входите! Что-то рановато вы сегодня.

– Рановато?! Да ведь уже почти восемь утра! Я даже немного припоздал, так как обычно прихожу на полчаса раньше. Что с тобой, Патрик? У тебя нездоровый вид. Похоже, ты работал ночь напролет. Вот что тебе скажет профессор Эберт: езжай-ка домой и хорошенько отоспись. Никаких экспериментов на сегодня не предвидится: Джесси по горло в работе и отвлекать его сейчас нецелесообразно. Как только он освободится, я с тобой сразу же свяжусь и мы отправим его прогуляться по Терра Олимпия... Так чем ты тут ночью занимался, Патрик?.. Что вздыхаешь? Стучилось что-нибудь неприятное?

– Да нет, профессор, в Терра Нубладо все в норме и Джесси тоже вроде бы в порядке. Правда, с часу двадцати двух до часу тридцати шести датчики фиксировали у подопытного сильный эмоциональный всплеск, но теперь диаграмма вернулась к прежним показателям. Вот, можете убедиться.

– Очевидно, всплеск был связан с активностью Джесси в процессе работы. Я проверю отчеты дежурной смены у себя в кабинете. Так ты не ответил, что тебя беспокоит, мой друг.

– Моя дочь, профессор... Вы ведь знаете, что она больна, не так ли?

– Разумеется, Патрик, разумеется... Я в курсе, что твоя малышка Анабель страдает врожденной патологией Госса и не может говорить. Это очень страшный недуг. Я всем сердцем хотел бы ей помочь, но сам понимаешь... Есть болезни, перед которыми даже у современной медицины опускаются руки. Сочувствую тебе, мой друг. Извини глупого старика, что надоедал тебе своими расспросами.

– Сейчас самочувствие Бель более-менее стабильное. Мистер Адамс поспособствовал нам попасть в клинику самого академика Госса. Там Бель здорово помогли и полностью излечили ее от осложнений после прошлогоднего приступа. Теперь мы состоим в клинике Госса на учете и регулярно проходим обследования.

– Я знаю Альберта Госса. Мы вместе учились в Аахене, правда, на разных факультетах. Госс – талантливый врач, и это замечательно, что твоя дочь попала на лечение именно к нему.

– Я в неоплатном долгу перед мистером Адамсом за это... Но сегодня дело не в болезни Анабель, профессор. Точнее, не только в ее болезни. Не мне вам объяснять, что доставляет страдания больным патологией Госса. Когда Анабель была еще ребенком, мне показалось, что я нашел для нее наилучшее лекарство— разрешил ей посещать Терра Куэнто. Вы ведь не забыли Терра Куэнто, профессор? Это был наш первый мир, во многом несовершенный, полный парадоксов, а то и вовсе откровенных несуразностей. Но когда Бель уходила в него, она забывала обо всем на свете. В том мире для нее не было ни боли, ни страданий. Потом на смену Терра Куэнто пришел Терра Нубладо. Я так боялся, что дочери не понравится в этом мрачном мире. Слишком не похож он был на красочный Куэнто, слишком жестокие там царили порядки. Но я ошибся. Несмотря на мои опасения, Бель полюбила Терра Нубладо. Сегодня она живет в нем практически постоянно. И иногда мне приходится самому уходить в туманный мир только ради того, чтобы повидаться с дочерью. И вот три дня назад Бель там пропала. Я искал ее сегодня всю ночь, но так и не смог найти. Я сильно беспокоюсь, как бы у Анабель не случился очередной приступ, который и помешал ей вернуться.

– Такое уже происходило?

– В том-то и дело, что нет. Если раньше Анабель чувствовала первые симптомы болезни, то всегда возвращалась. Но вы же знаете, как в действительности коварна патология Госса. Больные могут чувствовать приближение приступов задолго, но рецидив может случиться и совершенно внезапно. Если это произошло... не знаю, что и думать.

– Ты использовал все наши ресурсы для поиска?

– Безусловно, профессор. Парни из ночной смены перерыли для меня все уголки Терра Нубладо. Следы Анабель обрываются с концами в одной из северо-восточных провинций туманного мира.

– И никаких зацепок?

– Абсолютно никаких. Я даже искал Бель в Терра Олимпия, но тоже безрезультатно.

– Очень странно, мой друг. Однако вряд ли тебе следует винить в этой неприятности патологию Госса. Лично я не вижу здесь никакой связи. В этом кроется что-то другое. Мой тебе совет: попробуй подключить к розыску Джесси, как только он освободится. Придумай для него красивую сказку, как делал это прежде, и отправь на поиски. Ручаюсь: эта ищейка в лепешку расшибется, но найдет твою девочку.

– Нет, профессор, кто угодно, только не Джесси! Если он отыщет мою дочь, будет только хуже.

– Почему?.. Постой-ка, Патрик, я, кажется, догадался: Анабель, она... как бы это выразиться...

– Я понял, что вы хотите сказать, профессор. Да, Бель пользуется в Терра Нубладо нашим иммунитетом. Я не берусь прогнозировать реакцию Джесси, если при встрече с Анабель он вдруг учует в ней признаки одержимости. Хоть наш исполнитель и подчиняется приказам, но кто знает, что взбредет в его голову завтра. А вдруг он поведет себя в отношении Бель как акула, почуявшая кровь? Мою дочь Откровение просто убьет, ведь она живет в Терра Нубладо едва ли не с первого дня существования этого мира. Когда порой случалось, что Джесси слишком близко подбирался к Бель, я всегда перенаправлял его в другую провинцию. Так спокойнее.

– Что ж, Патрик, как тебе будет угодно... И все-таки отправляйся домой, отдохни. Я накажу дневной смене, чтобы они продолжили поиски. Уверен, к вечеру все образуется и Анабель непременно отыщется.

– Благодарю вас, профессор. Пожалуй, как вы сказали, так я и поступлю. Удачного вам дня.

– До завтра, мой друг. Не переживай: в Терра Нубладо люди не пропадают. Это тебе не наша трижды проклятая действительность...

– Он был без головы? – переспросил охранявший городские ворота мерсенарий и посмотрел на меня, как на идиота. – Приятель, да ты никак амарго перебрал!

И расхохотался в голос.

– У скитальца, которого я ищу, отсутствует верхушка черепа, – невозмутимо уточнил я. – Он до сих пор жив, поскольку одержим Величием. По моим сведениям, он направился к вам, в фуэртэ Транквило.

– Уж не тебе ли удалось снести одержимому макушку? – продолжая смеяться, полюбопытствовал мерсенарий. Он хотел добавить еще что-то, но выглянувший из караульного помещения напарник оборвал зубоскала на полуслове:

– Умолкни, Пако! Не с твоим хилым авторитетом смеяться над незнакомцами! – После чего обратился ко мне: – Не сердитесь на него, респетадо Проповедник. Пако еще молод и глуп: сначала говорит, потом думает, и хорошо, если вообще

думает... А вы уверены, что одержимый побежал именно в фуэртэ Транквило, а не куда-то еще?

– Человека, у которого из-под шляпы текла кровь, заметили оседлые, живущие вдоль этого тракта, – подтвердил я. – Судя по всему, он направлялся к вам.

– Ничем не можем помочь, респетадо, – развел руками почтительный мерсенарий. – Мимо нас этот скиталец не пробежал. Вероятно, ваш одержимый передумал и отправился другой дорогой.

– Это вряд ли. Я знаю, зачем одержимый рвется в город, и уверен, что негодяй уже здесь.

– Разве только он пришел утром, в толпе бродячих негоциантов, – предположил стражник. – У фуэртэ Транквило сегодня мирный статус, поэтому пропускной режим мягкий. Не буду спорить, возможно, вы и правы. Проходите, респетадо Проповедник. Добро пожаловать в лучший город Терра Нубладо! – И честно предупредил: – Но я вынужден доложить о вашем прибытии диктатору Фило.

– Докладывайте, раз должны, – бросил я на прощание и зашагал к воротам...

Респетадо Проповедник допустил прокол в работе, и все потому, что ему давненько не приходилось заниматься массовыми проповедями. Неудивительно, что со временем я слегка подрастерял форму. Пока я вытаскивал из воды и собирал по берегу невменяемую паству, мерзавец с попорченным черепом пришел в себя и улизнул, очевидно, нырнув и уплыв вниз по течению. Бросать все стадо ради одной отбившейся овцы я, разумеется, не стал, однако отпускать беглеца восвояси не собирался. Такая черепно-мозговая травма не излечится у одержимого быстро, даже при ускоренной регенерации его тканей, и разыскать человека со столь броской приметой было вопросом двух-трех дней.

Это знал и одержимый. Поэтому он и бежал в фуэртэ Транквило, будучи уверенным, что в любом случае я настигну его до того, как он зализет раны. А раны у пирата были такие, с какими он мог жить лишь в состоянии одержимости. Иначе – мгновенная смерть.

Одержимый бежал к лекарю-травнику, представителю единственного в Терра Нубладо вида медицины, в надежде, что лекарь сумеет предельно ускорить процесс исцеления. Одержимый молил сейчас всех своих высших покровителей, чтобы они под любым предлогом задержали Проповедника в пути и дали костям страдальца срастись. А после будь что будет – хоть на проповедь, хоть продолжать творить бесчинства. Главное – полностью выздоровевшим.

Десять бывших собратьев удравшего пирата приняли Воздаяние кому как посчастливилось. Кто-то успел залечить раны, дожидаясь своей проповеди, кто-то выслушал Откровение и сразу же скончался от потери крови. Обязав Инода захоронить умерших – единственное одолжение, которое я оказал бывшим врагам, – я поблагодарил капитана «Гольмстока» за помощь и не мешкая направился в фуэртэ Транквило. Мне требовалось попасть туда в любом случае: не схвачу беглеца у лекаря, так подлатаю простреленное плечо. О Кассандре Болтливый Язык я пока не думал – следовало исправить за собой все недоделки, а потом отвлекаться на личные надобности.

Инод заявил, что за такое щедрое вознаграждение, как трофейный катамаран и изрядно выросший авторитет, он готов целый год служить мне вместе с экипажем в качестве похоронной команды. А вот выполнить мою просьбу и взять на службу бывших пиратов, ныне кротких, словно агнцы, капитан «Гольмстока» отказался наотрез. Мало того, я предчувствовал, что стоит мне уйти, как негоцианты тут же припомнят развенчанному «королю реки» старые обиды и заживо захоронят Либро рядом с мертвыми. Но Твердолобый сам догадывался, что случится, задержись он в компании торговцев, и потому вместе с приятелями унес ноги задолго до того, как я перевязал свои раны, собрал вещи и отправился на юг...

Фуэртэ Транквило... Центр заурядной провинции: узкие кривые улочки, неизменно сходящиеся к центральной и единственной площади. Вокруг нее селились скитальцы, приближенные ко двору местного диктатора Фило – правителя, чья известность была столь же заурядной, как и его владения. В бытность свою скитальцем Фило был дерзок и амбициозен, что и позволило ему выбиться в лидеры, обрести массу сподвижников и достичь нынешнего высокого статуса. Однако, став диктатором, Фило повел исключительно мирную политику. Он не нападал на соседей, наоборот, проявлял редкостное для диктаторов гостеприимство и всячески демонстрировал широту души. Фило, видимо, полагал, что достиг в Терра Нубладо всего, о чем мечтал, и потому не лез выше.

Впрочем, прославившиеся на всю округу развеселые пиры и грандиозные охоты, что устраивал здешний диктатор, вовсе не означали, что обожавшие запах пороха мерсенарии не шли к нему на службу. К Фило в основном нанимались те, кто решил взять себе краткосрочный отпуск от военных кампаний и походной жизни. И пусть служба для здешних мерсенариев больше походила на праздник, нельзя сказать, что они несли ее спустя рукава. Об авторитете и профессионализме армии Фило говорил тот факт, что за время его мирного правления ни один захватчик не рискнул приблизиться к границам провинции Транквило. Разыскивая лекаря, я успел столкнуться на улицах и с мерсенариями-скитальцами, и с оседлыми

рекрутами. Выправка и тех и других производила впечатление. Наверняка девизом, начертанным на гербе диктатора Фило, был канонический «Хочешь мира – готовься к войне».

Если ты видел хотя бы один из городов туманного мира, можешь считать, что повидал большую их часть. Хаотическое нагромождение окраинных построек при приближении к центру постепенно упорядочивалось, их размеры увеличивались, а архитектура улучшалась. Так что выйдя на центральную площадь, ты, можно сказать, попадал в совершенно иной город, совсем не тот, что ты увидел, шагнув в городские ворота.

Фуэртэ Транквило встретил меня, как и прочие города – грязью и недоверием. Однако как только я углубился в город, он словно распознал-таки, что я не враг, и сменил грязь на прибранные мостовые, а недоверие – на терпимость. Горожане уже не смотрели на Проповедника как на незваного гостя, просто смеривали равнодушными взглядами и через минуту благополучно о нем забывали.

По опыту я знал, что искать жилище лекаря следует где-то на полпути к престижным кварталам. Именно в таких местах предпочитали селиться эскулапы, дабы жить поблизости и от окраин, и от центра. В Терра Нубладо лекари не делились на народных и элитных, что было для всех несомненным плюсом: чернь лечилась теми же лекарствами, что и знать, а ей не приходилось переплачивать за свое лечение слишком много. Однако здешних целителей все равно нельзя было загонять под общую мерку, хотя бы из-за их крайне малого количества на душу населения. Поэтому травников ценили все – от последних голодранцев до диктаторов – и относились к ним с почтением.

Медицина в туманном мире являлась достаточно узкоспециализированной наукой. И все потому, что, кроме всевозможных ранений и травм, прочие типы заболеваний в Терра Нубладо можно было пересчитать по пальцам: алкоголизм, нервные расстройства, всяческие отравления да парочка венерических инфекций. Одержимость Величием в этом списке, естественно, отсутствовала – особый случай. Не слыхивали тут и о заражении крови – распространенном недуге в любом мире, где не прекращаются вооруженные конфликты. Старики, которые обязаны составлять львиную долю пациентов любого врача, встречались только среди оседлых (дожившие до глубокой старости скитальцы мне пока не попадались), но болели они теми же болезнями, что и молодежь. Исключая разве что старческий маразм, но с этой хворобой к лекарям уже не обращались.

Оседлые лекари-травники – а иных лекарей здесь попросту не существовало – всю свою жизнь занимались практически одними травмами, ожогами и проникающими

ранениями. Никаких хирургических операций, кроме наложения шин при переломах, – сплошная фитотерапия. Даже пули и осколки извлекались из тела посредством особых вытягивающих и растворяющих составов. Чудеса, да и только!

Из трав лекари изготавливали отвары, мази, порошки и другие чудодейственные терапевтические средства. С их помощью человек поднимался на ноги даже после, казалось бы, смертельных ранений. Не иначе, лекарственные травы Терра Нубладо обладали не просто целебными, но и магическими свойствами. И я бы ничуть не удивился, отыщишь в гербарии травников специальная трава не только для быстрого зарастивания костей черепа, но и для восстановления тканей головного мозга.

Вряд ли в таком заштатном городишке, как фуэртэ Транквило, практиковало более одного лекаря – даже в столице их проживало всего четверо. Эскулапам не было резона расширять свой штат в мире со столь невосприимчивым к болезням населением. Как у Высоцкого: «А где на всех зубов найти? Значит – безработица!» Искусство врачевания давно перешло здесь в разряд консервативных – новых недугов не появлялось, а старые были досконально изучены. Авиценна умер бы в Терра Нубладо от тоски.

Из расспросов горожан удалось выяснить не только адрес лекаря, но и его личность. Местным травником являлась женщина по имени Анна, которая, ко всему прочему, была вхожа в городское высшее общество. Последний факт меня заинтересовал. Обычно лекари держались особняком и в светских мероприятиях не участвовали. Окружение диктаторов – бывших скитальцев – сплошь состояло из им подобных, и оседлые в этот круг не приглашались. Если лекарь Анна была скиталицей, значит, она являла собой такую же неординарную личность, как и трактирщик «Посоха пилигрима» Марио.

Прямо-таки притягивает меня в последнее время ко всяким неординарным личностям! Вот и Кассандра Болтливый Язык где-то неподалеку околачивается. Непременно разыщу ее, когда разберусь с делами, надеюсь, за пару дней прорицательница не убежит далеко от фуэртэ Транквило.

Дом Анны я нашел ближе к вечеру, но еще раньше меня самого отыскали диктаторские соглядатаи. Видимо, Фило серьезно отнесся к докладу привратника, и уже через час я обнаружил за собой слежку. Впрочем, это могли быть и обычные грабители, пасущие захожего гостя. Но, полагаясь на собственное чутье, я решил, что соглядатаи все-таки посланы из дворца.

Выявить слежку оказалось довольно просто: среди равнодушных физиономий оседлых горожан заинтересованные лица двух шпионов выделялись, как лица живых людей на фоне портретов. Похоже, в отличие от армии, секретная служба у Фило состояла из дилетантов, поскольку агенты нарушали все мыслимые правила слежки. Соглядатаи не «передавали» меня друг другу как эстафетную палочку, а просто плелись следом, держа строгую дистанцию и практически не таясь. Так и хотелось погрозить нерадивым шпионам пальцем и с позором отправить их назад во дворец.

При моем периферийном зрении не было нужды оборачиваться, чтобы засечь «хвост», однако из любопытства я все же разок обернулся. Едва я посмотрел назад, как моих сопровождающих тоже вмиг охватило любопытство: первый живо заинтересовался экспонатами в витрине оружейной лавки, второй подскочил к лотку торговца фруктами и завел с ним беседу. Но стоило только мне продолжить путь, и парочка тут же охладела к оружию и фруктам, снова переключив внимание на меня.

Довольно странное любопытство. Ничего экстраординарного в моем появлении не было, и нарушать здешние порядки я не собирался. Скорее всего, Фило боялся не Проповедника, а разыскиваемого им одержимого. Опасался бы меня, привратник умолчал бы о том, что диктатора поставят в известность о моем визите. Хотя не исключено, что я подозреваюсь в шпионаже на кого-нибудь из соседей Фило. Правда, ранее подобные обвинения в мой адрес не выдвигались.

Возле дома Анны прямо на тротуаре сидели два молодых горожанина, судя по потрепанному виду обоих, не так давно побывавших в крутой переделке. Каждому из них изрядно досталось на орехи: разодранная окровавленная одежда, перебинтованные ее обрывками руки и ноги, изрезанные лица; у пострадавшего, который выглядел совсем плохо, было перевязано горло. Оба принадлежали к скитальцам – я давно научился отличать эту публику от оседлых по живым выразительным взглядам. Похоже, Анны не было дома – сомнительно, чтобы лекарь оставил пациентов на улице.

– ...Авторитет ему поднять захотелось! – возмущался менее пострадавший скиталец, обращаясь к собрату по несчастью. – Ты хоть успел понять, против кого мы с тобой клинки обнажили?.. – Второй раненый не ответил, поскольку от потери крови находился в полубморочном состоянии. Но товарищ продолжал разговаривать с ним как ни в чем не бывало: – Теперь доволен? Будешь знать, как бросать вызов маэстро фехтования!.. «Давай, Броуди, пощупаем этого ублюдка! Ишь ты, хламиду нацепил, наверное, драгоценности под ней прячет!..» Твои слова, Зальц? Твои, не отпирайся!..

Зальц и не отпирался. В его состоянии требовалось уже не спорить, а молить Баланс дать шанс дожить до прихода лекаря.

– Ну и кто кого в конце концов пощупал? – продолжал ворчать Броуди. – Проклятье, надо было еще полгода назад разорвать с тобой соглашение! И не пришлось бы тогда перед всем миром позориться! Оружие потеряли, сами едва ноги унесли!.. Вот взял бы да сам тебя прикончил, уroda... Эй, Зальц, чего примолк? Ты живой? Не вздумай умирать – ты мне еще тысячу монет должен!..

Зальц с трудом разлепил веки и еле слышно прохрипел что-то похожее на ругательство. Мысли его были сейчас заняты явно не долговыми обязательствами.

– Неудачный день, респетадос? – приблизившись к страдальцам, вежливо полюбопытствовал я.

– Проваливай, тонто! – огрызнулся Броуди. Грубо, но в его состоянии простительно. Хотя другой скиталец на моем месте не проявил бы великодушие и закрепил для этой парочки урок, который она плохо усвоила при покушении на маэстро фехтования. – Если хочешь заштопать свою дырявую шкуру, приходи завтра. Анна сегодня на всю ночь наша!

И уныло ослабилась собственной шутке.

– А где она? – спросил я.

– Да кто ее знает! Полдня уже где-то шляется! – раздраженно бросил Броуди, морщась от боли в истерзанном вражеском клинком теле. – Может, выхаживает кого, а может, Фило во дворце ублажает. Придет, куда она денется... Но ты учти: полезешь без очереди, кишки выпустим без разговоров. Не смотри, что мы малость порезанные – это так, мелкое недоразумение, пара лишних шрамов на память... Я всю жизнь в дуэлях провел и еще не одному болвану уши обстригу...

– Нет проблем, респетадос, – пожал я плечами. – Верю на слово. И часто Анна в таких отлучках бывает?

– Вообще-то, впервые с ней такое, – признался Броуди, польщенный моей учтивостью. – На два, на три часа иногда уходит, но в основном дома практикует. Что ни говори, а лекарь она отменный.

Идти проверять, действительно Анна отсутствует или нет, смысла не было. Истекающие кровью неудачники-дуэлянты наверняка уже отбили о дверь этого дома все кулаки. Я оставил скитальцев в покое и направился дальше по улице, но дойдя до первого же проулка, свернул в него. Строения в этом квартале фуэртэ Транквило стояли впритык друг к другу и имели общие задворки. Попасть на них

не заходя в дома можно было только через подобные узкие проулки. Запомнив, каким по счету в ряду зданий идет дом лекаря, я миновал несколько одинаковых, как вспаханные поля, задних дворишков и уже через минуту находился у черного хода особняка Анны.

Поднявшись на крыльцо, я подергал дверь за ручку: заперто. Не став стучать и в этот раз, я извлек из ножен свой короткий тесак – универсальный инструмент для всего на свете, в том числе и для взлома не слишком крепких дверей, – а затем огляделся по сторонам и, не обнаружив свидетелей, принялся ломать замок. Раз дома никого нет, то и бояться нечего, но, если лекарь прячется даже от нуждающихся в срочной помощи пациентов, неизвестно, кого сейчас должна сильнее мучить совесть – Проповедника или Анну.

Меня спасла старая грабительская привычка – ломать замки, стоя в целях безопасности сбоку от дверного проема; Арсению Белкину приходилось хаживать на дело, зная, что будущие жертвы подготовлены к визиту недоброжелателя. Не успел я еще вклинить лезвие тесака в дверную щель, как за дверью грохнул выстрел и в ней, на уровне моей головы, образовалась дыра размером тоже примерно с голову. Щепки картечью вылетели из пролома, а оконное стекло в доме напротив зазвенело, разбитое прошившим дверь навывлет зарядом крупной дроби. Что ж, каков гость, таково и гостеприимство; на иное с моими манерами рассчитывать не приходилось.

Однако раздавшийся за дверью отвратительный булькающий голос принадлежал явно не Анне.

– Только сунь сюда нос, Проповедник, и я сверну ей шею! – пригрозил голос, хозяин которого, очевидно, высмотрел меня сквозь щели в занавесках еще у парадного входа. – Понял или нет? Я тебя спрашиваю!

Я не отвечал; вернув тесак в ножны, извлек из-под плаща «Экзекутор», а затем резким движением заглянул в пролом и столь же быстро отпрянул назад, к стене.

Увиденного за секунду вполне хватило, чтобы оценить ситуацию. Анна находилась дома, но отказывалась принимать больных не по своей прихоти. Улизнувший от проповеди одержимый – с такими особыми приметам его и в полумраке опознаешь – опередил меня и появился здесь, как и предсказывалось. Пират захватил Анну в заложники и, вероятно, намеревался уединиться с ней до тех пор, пока у него не зарубцуется рана на черепе. В данный момент почуявший угрозу пират держал заложницу за шею, а в другой руке у него был помповый дробовик, вероятно, реквизированный у хозяйки. Только в сложившемся положении это

грозное оружие обладало одним крупным недостатком. Впрочем, одержимый уже сам об этом догадался.

– Перезаряди! – рывкнул он на Анну, продолжая удерживать на прицеле дверь. – Быстрее, сука!

Женщина подчинилась. Перезаряжающий механизм дробовика клацнул, и мне пришлось оставить намерение ворваться в дом – не хотелось из-за спешки лишиться головы. Угрозой свернуть заложнице шею меня было не остановить. Повторное бегство одержимого могло повлечь за собой не один десяток свернутых шей. Плохо только, что город останется без лекаря, но в мире, где правит Баланс, такие социальные перекосы исправлялись быстро – у многих травников имелись талантливые ученики.

– Идиот! Забирай оружие и беги, пока цел! – гневно прошипела Анна. Она, наверное, была наслышана о моей беспринципности при отлове строптивой «паствы». – Беги и не останавливайся! Когда же вы, недоумки, наконец поймете, что время ваших безмозглых развлечений давно прошло!

Или одержимому почудилось, что я пошел на штурм, или у него просто дрогнул на спусковом крючке палец, но второй выстрел, напрочь снесший верхнюю часть двери, грянул совершенно беспричинно. Он-то и стал для меня командой к атаке. Я сшиб ногой оставшийся дверной обломок и ворвался в дом со штуцером на изготовку. Во мне еще теплилась надежда на то, что я успею предотвратить трагедию.

Одержимый и заложница уже не маячили возле выхода. Звуки возни раздавались из-за угла коридора. Пират, кажется, решил последовать совету лекаря и тащил ее к парадному входу, намереваясь прятаться за живым щитом, пока не доберется до двери. Одержимый и стрелял лишь затем, чтобы припугнуть меня и отыграть несколько секунд.

– Дергай, сука! – вновь потребовал он от Анны оказать ему услугу. Не знай я, чем они там в действительности занимаются, мог бы вообразить какую-нибудь скабрёзность.

Я скинул плащ, после чего бросился на пол и, скользя на сминаемом в гармошку половике, выкатился в коридор следом за отступающей парочкой. Прямо перед моим носом упала стреляная гильза – Анна только что снова перезарядила своему пленителю оружие.

Что ни говори, удобно с таким неполноценным черепом прикрываться заложником. Макушка пирата, которая должна была высовываться из-за головы

женщины, могла бы стать подходящей мишенью для меткого стрелка, но отсутствие у одержимого куска черепа уравнило в росте похитителя и заложницу. Бесспорно, за истекшие сутки голова одержимого слегка увеличилась, однако до обретения прежней формы ей было необходимо «дозреть» еще как минимум три дня.

Я не собирался повторно калечить ублюдку голову. Благодаря вышеописанному маневру, я очутился перед пиратом в неожиданной позиции для стрельбы – лежа на боку. Выкатись я в коридор мгновением раньше, успел бы и вовсе, извиняюсь, заглянуть Анне под юбку. Дробовик одержимого искал цель гораздо выше.

При моем внезапном появлении женщина испуганно взвизгнула, будто узрела на полу не меня, а мерзкую крысу. Этот естественный женский испуг оказался очень своевременным. Повиснув на руке одержимого и поджав ноги, Анна невольно открыла мне... нет, не то, что скрывалось у нее под юбками, а лодыжки своего похитителя – в моем положении самые удобные цели...

Пуля четвертого калибра – это звучит убедительно и в моем родном мире, и в Терра Нубладо. Перед сногшибательным «очарованием» этой свинцовой малышки невозможно устоять в прямом смысле слова. А тем более устоять, когда каждую из твоих лодыжек целует такая красавица. Я выстрелил по ногам одержимого из обоих стволов поочередно. Пират взвыл и замахал руками, пытаясь удержать равновесие на подрубленных конечностях. Однако сделать это было для него уже физически невозможно, а повисшая у него на руке Анна лишь ускорила падение обезноженного врага. Запоздало выпущенная им третья пуля ушла в потолок, а угроза свернуть заложнице шею так и осталась лишь на словах.

Едва Анна и придавленный ею пират рухнули на пол, я без промедления ухватил ее за лодыжку и рванул на себя, вырывая хозяйку из лап похитителя. Перепуганная женщина опять завизжала и начала брыкаться, чем только ускорила собственное освобождение. Удержать ее было нелегко, но я все же успел оттащить заложницу подальше от корчившегося врага.

Одержимый безумно вращал глазами, яростно рычал, брызгал слюной и заливал пол кровью из грубо ампутированных ног. Кровь брызгала и на стены: пират в ярости дрыгал конечностями, желая вскочить и кинуться в драку. А может, убежать. К сожалению для него, он свое уже отбегал. Но даже сейчас пират не орал и не впадал в шок – одержимость Величием продолжала подавлять его нечеловеческую боль. Жажда жизни подстегивала одержимого. Собравшись с силами, он вскочил на четвереньки и пополз к двери. Не сомневаюсь, что адепт

Дисбаланса добрался бы в таком состоянии даже до моря Встречного Ветра, только я не позволил пирату пересечь порог этого дома.

Одержимый сопротивлялся, но после всего случившегося разве это было сопротивление? Обычное трепыхание рыбины, брошенной на разделочный стол...

«Откровение четыреста пятьдесят пять открыто!» – последние слова, которые расслышал одержимый, прежде чем его тело свела судорога, а дыхание перехватило. Когда же оно вновь пришло в норму, принявший Воздаяние пират сделал лишь десяток вдохов. На большее у пирата не хватило сил, которые улетучились из него, словно воздух из пробитой на выстрел шины. Взгляд бывшего одержимого потух и остекленел, а последняя вялая судорога прекратилась.

– И это все? – раздался у меня за спиной дрожащий голос Анны. Пока я читал проповедь, она приходила в себя, сидя на полу и с опаской наблюдая за моими действиями.

– Что – все? – не оборачиваясь, переспросил я, массируя виски – это помогало восстановить душевное равновесие после проповеди. Вроде бы привычное занятие – утихомиривать мятежные души, – но возбуждение после него всегда будоражило кровь, как в первый раз. Только, в отличие от секса, удовольствия в том возбуждении не было в помине. Наоборот, в последнее время я все чаще боялся, что после такой нервной перегрузки меня долго, если вообще не окончательно, не потянет к женщинам.

– Твой ритуал... – уточнила Анна. Ее продолжало трясти, но она старалась держать себя в руках и ей это, надо признать, удавалось. – Откровение, или как его... Я полагала, что изгнание одержимости происходит иначе. Драматичнее, что ли. Ведь это не какой-нибудь обыденный обряд, вроде похорон, а настоящее мистическое таинство – такая редкость для нашего мира.

– О каком драматизме ты толкуешь? – буркнул я, оставляя тело одержимого в покое и поднимаясь с колен. – Мне что, надо было петь ему обрядные песни и устраивать вокруг него ритуальный танец, воздавая хвалу Балансу?

Только теперь я обернулся и посмотрел на Анну...

Женщины Терра Нубладо безусловно заслуживают того, чтобы посвятить им не несколько скупых строк, а целую книгу. Если бы от меня потребовали полюбить этот проклятый мир в обязательном порядке, я полюбил бы его только из-за женщин. К ним силы Баланса проявляли просто безграничное великодушие. Эталонной красотой местных женщин Баланс словно уравнивал ту чашу весов, которую тянули вниз угрюмость ландшафтов, осточертевший туман и

порядки, плохо способствующие мирному существованию. Весомый получался противовес. Даже такой обиженный на всех и вся бродяга, как я, начинал радоваться жизни, когда оказывался в компании представительниц прекрасного пола. В большей степени это касалось очаровательных скиталиц.

Выделять в их описании такие черты, как красота, грация и обаяние, было излишне. Каждая из скиталиц олицетворяла собой если не воплощение всех вышеперечисленных качеств, то близкий к идеалу образец. Причем неважно, сколько образцу было лет. Вольному образу жизни все возрасты покорны – это правило распространялось и на женскую половину местного населения. И хрупкие девушки, едва вышедшие из подросткового возраста, и зрелые женщины, в чьих волосах уже проглядывалась седина, скитались по миру наравне с мужчинами и требовали к себе не меньшего уважения. Кто отказывался считаться с их требованиями, мог крепко об этом пожалеть. Прекрасные леди стреляли и фехтовали ничуть не хуже джентльменов, а дамские альянсы были на редкость сплоченными и иногда существенно влияли на политическую обстановку. Я лично встречался с двумя диктаторшами, за обаятельными улыбками которых скрывалась такая сила духа, какой порой не обладали и одержимые. И все это непременно в сочетании с дьявольской красотой... В моем родном мире я побаивался и недолюбливал таких женщин, здесь пришлось научиться их уважать.

Пожив немного в Терра Нубладо, я выявил еще одну любопытную особенность: скиталицы не старели, по крайней мере внешне. Доживая до возрастного предела, за которым начинается столь пугающее женщин увядание, красавицы туманного мира словно замораживали для себя ход времени, продолжая оставаться на пике своей красоты. Возраст читался у них только в глазах, однако это лишь усиливало женские чары: сногшибательная внешность в сочетании с умудренным взглядом... Этого было вполне достаточно, чтобы заставить неровно дышать даже хладнокровного Проповедника.

Нашего же брата-скитальца старость была безо всяких поблажек, но была толково – не превращала в немощных развалин, а лишь закаляла. Мы старели, как хорошее вино – во многом это шло нам только на пользу. Морщины и шрамы чеканили наши лица, головы седели либо лысели, фигуры теряли стройность и становились кряжистыми. Но спасибо Балансу: глаз оставался точным, а рука не дрожала. Такой старости можно было не бояться, только далеко не всем скитальцам довелось побывать в шкуре матерого ветерана. До седой бороды доживал редкий пилигрим – счастливчик, который избежал клинков и пуль, не поленившись в молодости достичь совершенства в искусстве выживания. Либо это был невероятный

приспособленец, наподобие маэстро Гвидо, обладавший достаточной гибкостью ума, чтобы вовсе обходиться в этом мире без оружия.

С оседлыми все обстояло иначе. Среди них было полно и согбенных древних старух, и дряхлых старцев, разве что, как я уже напоминал, обладающих на зависть крепким здоровьем, не соответствующим их преклонным годам. Что вынуждало оседлых стареть по совершенно отличным от скитальцев критериям? Неужели причина крылась только в различных укладах жизни? Впрочем, эта загадка имела гораздо больше логичных объяснений, нежели причуды местной воды и вечный туман на горизонте.

Во взгляде Анны читался ум, что было вполне естественно для скиталицы, избравшей непопулярную среди бродячего люда стезю лекаря. Легкомысленная дурочка не тратила бы время, постигая науку приготовления из трав целебных зелий – такая женщина нашла бы себе более увлекательное занятие. Анна была уже не молода, но выглядела так, что в сравнении с ней меркла половина фотомоделей моего родного мира. Светлые волосы, выдающие в ней уроженку севера; короткая прическа «а ля Жанна д'Арк», больше характерная для воинственных амазонок; миловидное лицо, чувственные губы, роскошная фигура... В общем, сплошные достоинства и никаких недостатков. Женщина моей мечты, как и остальные полсотни, встреченные мной за день...

– Ты цела? – поинтересовался я на всякий случай, хотя видел, что Анна не пострадала. Да и заработай она пару синяков, выведет их за пару минут своими снадобьями. Но спросить все равно необходимо: незачем оставлять о себе негативные впечатления.

– Надо же, какой он теперь заботливый! – уперла руки в бока Анна. – Не слишком ты обо мне переживал, когда по этому мерзавцу стрелял! Мог ведь и промахнуться! Я слышала, такое уже бывало.

– Бывало, – признался я. – Но попадаю я все-таки чаще...

Входная дверь затряслась от ударов, и уже знакомый голос неудачливого дуэлянта Броуди взволнованно прокричал:

– Эй, есть кто живой?! Анна, что у тебя за пальба?! Открывай, а то вся улица сбежится! Анна, ты в порядке? Слышишь или нет? Помощь не нужна?..

– К тебе пациенты, – кивнул я на дверь. – Между прочим, полдня уже порог обивают.

– Да в курсе уже... Давай-ка сначала тебя осмотрю. – От наметанного взгляда Анны не ускользнуло, как неловко я двигаю простреленной еще на берегу рукой. – Ты заработал право пройти без очереди.

– Сутки терпел, потерплю еще час, – отмахнулся я. – У этих парней дырки в шкуре посерьезней.

– Как пожелаешь, – ответила она. – Тогда сделай маленькое одолжение: пока я вожусь с этими крикунами, прибери здесь немного, если не затруднит.

И Анна указала на обезображенный труп на полу. Действительно, беспорядок. Разверзнутая голова мертвого пирата покоилась на коврике, украшенном приветливой надписью «Добро пожаловать», а ботинки незваного гостя, конечно, не привлекали бы в прихожей внимание, если бы не торчащие из них начисто отстреленные лодыжки.

– Сам намусорил, сам и приберусь, – пообещал я, хватая покойника за ремень и оттаскивая его к черному ходу. На меня наконец-то навалилось долгожданное облегчение – шайка Твердолобого ушла в прошлое, и скоро на Пуресе вновь станет не продохнуть от торговых ланч. Теперь от маэстро Гвидо мне причиталась солидная премия, тратить которую я, пожалуй, буду как обычно – отправлюсь в столицу; там есть где посорить монетами. Осталось только подлатать плечо да прояснить вопрос с Кассандрой Болтливый Язык, и дело в шляпе – больше меня в фуэртэ Транквило ничто и никто не держит.

Спокойный захолустный городишко – фуэрте Транквило. Мало чем примечательный, однако именно здесь закончилась история бродячего Проповедника и началась другая – Арсения Белкина, человека, воскресшего из небытия после двадцати пяти лет глухого забвения. И кто только решил, что воскрешение следует воспринимать как благо? Считаться мертвым намного спокойнее, уж поверьте мне, как бывшему мертвецу...

– Проклятье, не так сильно!

– Неужели больно? Или ты меня разыгрываешь? – удивилась Анна, отдернув руки от моего плеча после того, как я вздрогнул. Смоченный в целебном зелье тампон вошел в рану слишком резко и надавил на сидевшую в плече пулю...

– Не скажу, что это приятно, – проворчал я. – А что, я у тебя первый, кто жалуется?

– Сказать по правде, такую живую реакцию я вижу впервые, – подтвердила эскулап в юбке. – Ты отреагировал так... реально, что я и впрямь поверила, будто бы ты...

Она не договорила.

– Живой человек? – закончил я.

– Не начинай, пожалуйста! – взмолилась Анна. – Эта тварь, которая мне весь день испоганила, столько на Мертвую Тему трепалась, что я удивляюсь, как вообще до сих пор на ногах стою. Но с другой стороны... Да, и впрямь любопытная реакция. Словно мы с тобой не здесь, а... там...

– Где – там?

Анна не ответила, вернулась к извлечению пули.

– Раньше никто за мной ничего ненормального не замечал, – признался я.

– А раньше тебя осматривали лекари-скитальцы?

– Нет.

– Значит, в этом причина. Оседлым не дано отличать настоящую боль от... – Она поморщилась. – Нет, не следует нам это обсуждать. Давай закроем данную тему, а то никакого исцеления не получится. Глупо лечить ожог, держа руку над огнем.

Я хотел возразить, что глупо также гасить пламя моего любопытства, когда оно только разгорелось, но пожалел Анну, у которой и без того выдался тяжкий день.

– Что тебе известно о Кассандре Болтливый Язык? – спросил я, повинувшись просьбе и меняя тему.

– Шаталась недавно по городу такая скиталица, предсказательница будущего, – подумав несколько секунд, вспомнила Анна. – Все о новых сказочных мирах рассказывала, да говорят, так красочно, что поневоле заслушаешься. Потом эта прорицательница пропала. По-моему, она сумасшедшая. Но из тех сумасшедших, которые безобидные. Так ты и за ней охотишься?

– Да, – подтвердил я. Добавлять, что ищу одержимую по собственной инициативе, не стал – могли возникнуть пересуды. Впрочем, если Анна вхожа во дворец, пересуды о Проповеднике в любом случае возникнут – надо же о чем-то придворным красавицам на светских раутах трепаться? – Ты встречалась с Кассандрой?

– Нет, не рискнула... Поговаривали, что иногда во время прорицаний ее в Мертвую Тему заносило... Больно мне надо такое сомнительное развлечение! Захочу развлечься – пойду на представление бродячих музыкантов. От их песен здоровье не ухудшается.

– Не знаешь случайно, куда Кассандра направилась?

– Понятия не имею, – пожала плечами Анна, выбрасывая использованный тампон и вытирая руки полотенцем. – Но, возможно, Фило знает. Он с Кассандрой общался, и довольно долго.

– Диктатор – с прорицательницей? – усомнился я. – Чего он от нее хотел?

– А что всем нужно от Кассандры? Будущее. Раз надо, сходи да сам у Фило спроси. Или предпочитаешь бегать по всему городу и выискивать тех, кто выслушивал истории Кассандры? Ну, если нравится самому усложнять себе задачу, тогда дерзай.

– Спасибо за добрый совет. И за помощь спасибо. Как заново родился, честное слово...

И впрямь, самочувствие после лечения было превосходным. Нарывающая в плече пуля, обработанная специальным раствором, уменьшилась в размерах и сама постепенно вышла из раны вместе с густой мутной жидкостью – так, словно кто-то медленно выдавливал пулю изнутри, при этом не забывая смазывать ее обезболивающей мазью. Едва пуля очутилась в гибких пальцах лекаря, рана сразу закрылась, безо всяких швов и скрепок. И вся эта полумистическая операция, которую на мне проводили уже множество раз, протекала практически бескровно – кровь перестала течь, как только Анна промыла рану еще до извлечения пули. Можно было даже не накладывать повязку – я был абсолютно уверен, что ни опухоли, ни нагноения не появится. Чудодейственная сила трав Терра Нубладо была готова оберегать мое плечо вплоть до полного исцеления.

Напоследок Анна принудила выпить меня какой-то терпкий настой, от которого мне окончательно захорошело. Нахлынувший прилив бодрости на корню уничтожил усталость и поднял настроение. Великолепные ощущения! Оседлые лекари сроду не отпаивали меня такими отварами. Я прямо сейчас был готов ринуться в бой с новой компанией одержимых, объявись она поблизости.

Напоив меня, Анна налила и себе полстакана того же настоя, после чего выпила его залпом, словно горький амарго.

– Мой секретный рецепт, – доверительно поведала она, облизнув губы. – В Терра Нубладо никто, кроме меня, не угостит тебя этим бальзамом. Чувствуешь что-нибудь?

Я сосредоточился на ощущениях: нигде не болит, не ноет. Приятно – не то слово... Стоп, а это уже что-то новенькое. Или Анна вышла на свет и я по-иному взглянул

на нее, или мне давно не доводилось бывать наедине с прекрасной женщиной, однако то, что я испытывал сейчас к Анне сильное влечение, было очевидно. И чем дальше, тем влечение это становилось все неудержимее и неудержимее. Целительница же пока ни намеком не выказала мне свое благорасположение. Лишь стояла, склонив голову набок, и с улыбкой наблюдала, как я пожираю ее глазами, а ноздри мои возбужденно раздуваются. Похоже, об этом она и спрашивала, поскольку иные чувства во мне не зарождались. А если и зарождались, животный инстинкт влечения душил их в зародыше.

Меня здорово беспокоило это вожделение, уже почти не подвластное контролю. Обычно я контролировал свои поступки, теперь же от крепких цепей моего самоконтроля осталась какая-то жалкая тонкая проволока. И та вот-вот норовила лопнуть. И когда это случится, я совершу позорнейший поступок, до которого не опускался даже в прежней ипостаси отъявленного негодяя и пьяницы.

Я сидел вцепившись в стул, тряся от безумного желания и боялся даже пошевелиться. Скрыться из дома Анны паническим бегством являлось самым простым способом сохранить благородство. Только я прекрасно знал, что едва встану на ноги, как брошусь не к двери, а на несчастную женщину, которой от озверелого сексуального маньяка уже точно не скрыться.

– Я называю этот чудо-коктейль «Провокатор», – просветила меня Анна, одарив при этом игривой улыбкой, от которой я чуть не взвыл, как жаждущий случки цепной кобель. – Обожаю наблюдать, как «Провокатор» действует на неподготовленного пациента. За столько лет еще ни одной осечки. Однако надо признать, ты крепкий парень – держишься. Если бы сама не угостилась, проверила бы ради интереса, слабо тебе побить рекорд долготерпения или нет. Пожалуй, не побьешь, готова поспорить... но не буду. До постели паинькой дойдешь?

– Где... она?!

– Нет, не дойдешь, уже вижу... Но на полу – не хочу, уж извини мягкотелую... Ладно, седи здесь, пока не позову. Куда бежать, найдешь – по лестнице на второй этаж, и первая дверь направо. Потерпи минуту – я быстро.

И, покачивая бедрами, удалилась, не забыв одарить меня на пороге комнаты многообещающим взглядом.

Редко в моей жизни выпадали такие длинные минуты, это точно. Табурет под мной скрипел от ерзания, а мысли в голове вытеснил один всепоглощающий вопрос: «Когда же наконец?» А чертовка Анна нарочно не торопилась, отчего

вскоре у меня возникла уверенность, что ее спальня расположена не в доме, а на окраине города.

Однако с гордостью рад сообщить: фальстарта не произошло. И когда спустя вечность, а в действительности – пару минут, с верхнего этажа до меня долетел задорный голос моей оболыстительницы, я сорвался с места резвее спринтера-олимпийца. Опрокинув стул, свернув кушетку, стукнувшись затылком о косяк и споткнувшись на лестнице, но я добежал до спальни еще до того, как зов Анны умолк. И пусть соперников в этом забеге у меня не было, я летел к финишу с такой прытью, словно на кону стояла моя собственная жизнь.

За героическое терпение и целеустремленность мне причитался достойный приз, и я сумел в полной мере оценить это немного погодя. А также оценить термоядерную мощь «Провокатора», способного не только взрывать низменные желания, но и наделять энергией для их осуществления. Все на свете бы отдал, чтобы в старости иметь под рукой такой «костыль», в сравнении с которым пресловутая «виагра» – безвредное плацебо. Однако что-то подсказывало мне – Анна не выдаст рецепт своего дьявольского зелья даже под пытками. Да и о каких пытках речь? К утру у меня просто не останется сил пытаться Анну...

Слагать оды в честь «Провокатора» я мог бы долго, и ни одна из них, даже самая возвышенная, не явилась бы преувеличением. Попроси меня Анна разрекламировать ее товар, я без возражений превратил бы свой плащ-накидку в рекламный плакат и расхаживал по Терра Нубладо с начертанным на спине призывом покупать лучшее в мире (да что там в мире – в обоих из миров!) средство для поднятия... точнее неудержимого взлета потенции. И не брал бы за это никаких денег. Ну, разве что в знак благодарности попросил бы дать мне возможность периодически пополнять свою походную фляжку рекламируемым продуктом.

Не знаю, как Анна, наверняка привыкшая к немереной резвости дегустаторов своего любовного коктейля, а я остался в восторге от его «послевкусия». Вдобавок к нему, сама чародейка удивила меня как эксперт в вопросах рационального использования моего многократно возросшего сексуального потенциала. Даже в юные годы Арсений Белкин не демонстрировал такую недюжинную прыть и выносливость племенного жеребца. В моменты, когда мой рассудок ненадолго возвращался на бrenную землю, я опасался, как бы завтра не пришлось потратить день на починку кровати. Та ходила ходуном уже несколько часов кряду. Но страхи были беспочвенны. Мебель у Анны обладала отменной «сейсмоустойчивостью», поскольку явно была сделана на заказ, с учетом пристрастия хозяйки к подобным развлечениям.

Естественно, что под утро я отрубился без задних ног, провалившись в здоровый глубокий сон, о котором в последнюю неделю приходилось лишь мечтать. В незнакомом городе это выглядело в высшей степени неразумно, притом я не помнил, где я побросал оружие: возле кровати или по пути в спальню. Я спал как младенец, зная, что за мной неотступно следуют шпионы диктатора! Тот факт, что у Фило не было оснований считать меня врагом, не оправдывал подобной безалаберности.

Говорят, любовь слепа. Правда, подразумевают при этом совсем иное, но к моему случаю такое утверждение тоже подходило. Проповедник дал так легко себя ослепить и лишиться сил, что перережь ему кто во сне глотку, я бы тому ублюдку только спасибо сказал. За урок, что нельзя терять бдительность при моем рискованном образе жизни.

И все же ради столь потрясающей ночи не жаль было пожертвовать и жизнью...

Отплатив за лечение и курс «восстановительной терапии», я спал и видел сон. Казалось бы, что тут необычного – сон да сон. Только это был первый сон, увиденный мной в Терра Нубладо. Причиной внезапного наплыва сновидений следовало считать опять же чудодейственный «Провокатор» – иного объяснения феномену не было. Длительный период жизни без снов вынудил меня почти забыть, что это такое – ночные грезы. Может быть, поэтому, когда сновидения вернулись, они показались мне такими потрясающе реальными...

Мир, в котором я очутился во сне, был еще больше не похож на Терра Нубладо, чем мой родной. Но я не принял его за очередной «загробный», потому что оказался здесь не один, а в компании маэстро Гвидо. Он-то мне сразу без обиняков и объяснил, что все происходящее вокруг – всего лишь бред моего спящего сознания. В доказательство этому Зануда сначала бесследно растворился в воздухе, а затем материализовался вновь, наряженный в откровенно несуразный костюм. Подобных выкрутасов Гвидо раньше не выкидывал, и я немедленно с ним согласился: да, маэстро и все остальное мне всего лишь снится.

Не успел я восхититься талантами «маэстро Гуддини», а он уже обрадованно тряс мою руку и твердил, что, дескать, я и вообразить себе не могу, как он рад моему появлению в моем же сне! Да уж, где, как не во сне, тебя еще поздравят с таким событием! Впрочем, я тоже сейчас испытывал радость. Разве не здорово вернуть себе цветные сны – один из лучших атрибутов прошлой жизни?

– Ты бы видел себя со стороны! – рассмеялся я, увидев, во что вырядился Зануда после своего секундного исчезновения.

– На себя посмотри! – презрительно хмыкнул маэстро.

Только теперь я обратил внимание, что стою перед ним в чем мать родила; каким заснул на постели у Анны, таким и угодил в собственные сновидения. А Гвидо в отличие от меня щеголял хоть в необычном, но пристойном наряде: форме французского королевского мушкетера, знакомой мне по многочисленным экранизациям произведений Дюма. Была у Зануды и шпага, на эфесе которой он важно держал украшенную сверкающими перстнями руку.

– Да, ты прав: неприлично разгуливать в голом виде по собственным снам, – согласился я, вертя головой и выискивая, чем прикрыть наготу. Как назло, ничего подходящего на глаза не попадалось, даже лопухов. – А далеко отсюда до твоей карнавальной лавки?

– Ты меня удивляешь! – всплеснул руками Гвидо. – Забыл, где находишься? Это же сон – в нем нет ничего невозможного! Можешь превратиться в кого угодно, надо только загадать желание. Не стесняйся, попробуй и посмотри, что получится.

Что ж, если наряд Гвидо являлся плодом его фантазий, то почему бы и мне не приодеться во что-нибудь сообразное вкусу. Черный сюртук и всесезонный плащ-накидка Проповедника, без которых я себя уже не представлял, успели мне порядком надоесть.

А ну-ка, наморщим лоб и задействуем фантазию! Тяжеловатое занятие... Жизнь в Терра Нубладо давно отучила меня пользоваться той половиной головного мозга, что отвечала за воображение. Однако получилось! На мушкетерский наряд фантазии не хватило, а вот на кое-что попроще...

Увидев костюм, в который я облачился при помощи лишь усилия мысли, маэстро Гвидо выпучил глаза и, как мне показалось, едва не выхватил шпагу. И правильно сделал, что не выхватил: мое-то оружие выглядело куда внушительнее.

– Люк Скайуокер? – недоверчиво осведомился Зануда.

– Ага, так, значит, тебе знаком этот парень! – победно воскликнул я, выпуская зеленый луч светового меча.

До меня вдруг дошло, что пребывание во сне полностью избавило нас от гнета Мертвой Темы. Опознав меня «в образе», Зануда произнес все слова, от которых в Терра Нубладо уже скривил бы страдальческую гримасу.

– Равно как и капитан королевских мушкетеров де Тревиль, – признался маэстро и напомнил: – Это же твой сон! И только тебе решать, с кем я знаком, а с кем нет.

Даже здесь умудрился выкрутиться, хитрая дипломатическая морда! И ведь не боится, что я могу обидеться и вытолкать его из моих грез в три шеи!

– Эх, зря ты сказал, что это сон... – печально вздохнул я, оглядев окрестности. – Лучше бы я думал, что меня наконец-то впустили в рай...

Главное отличие «сонного рая» от Терра Нубладо, олицетворявшего для меня что-то вроде мягкого ада общего режима, заключалось не в буйстве красок и возможности импровизировать с собственным обликом. В кои-то веки мне довелось снова узреть горизонт! Настоящий далекий горизонт, не скрытый за пеленой тумана! Дорога, на которой стояли мы с Гвидо, была проложена по вершине длинной холмистой гряды и вела в видневшийся вдалеке город. Панорама с возвышенности открывалась потрясающая. У узника туманного мира от такого великолепия просто перехватило дыхание. А как здесь дышалось! Полной грудью, легко и совершенно непринужденно. Мысль о том, что рано или поздно мне предстоит просыпаться и возвращаться в реальность, удручала. Я чувствовал себя неизлечимо больным, которого вывезли из госпиталя в санаторий и который теперь стремился надышаться перед смертью.

Холмы, дорога и город находились в пойме широкой реки, текущей по правую руку от нас. Слева, у подножия холмов, вытянулась цепочка мелких прозрачно-голубых озер, окруженных густыми ивами, будто глаза красавицы – пышными ресницами. За озерами начинались каменистые отроги гор, чьи заснеженные пики белыми клыками вздымались вдали. А река, вверх по течению которой мы двигались, низвергалась с высоченного плато, образующего на относительно ровной линии горизонта внушительную ступень. Шум гигантского водопада был слышен уже отсюда, а солнце играло в облаках водяной пыли негаснущей радугой. Должно быть, вблизи ревущая лавина воды выглядела воистину жутко, хотя издали тоже впечатляла. Ниагарский водопад смотрелся бы на фоне этого чуда природы лишь бледной маловодной копией – качаемый ветром дистрофик рядом с борцом сумо.

Однако при всем своем великолепии водопад притягивал взор не так, как раскинувшийся прямо перед нами город. В моем словарном запасе не имелось лаконичного и емкого сравнения, чтобы вкратце охарактеризовать это творение неизвестно чьих рук. Грандиозное? Но подобный эпитет был в полной мере применим и к египетским пирамидам, а под их размеры в городе моего сна подпадали разве что бордюрные камни. Бездонное голубое небо позволяло

рассмотреть, как высоко вздымались шпили городских сооружений, архитектурный стиль коих я бы обозначил, как «хаотическая гармония». Градостроителем тут явно служил абсолютно безумный гений. Только такому архитектору было под силу смешать в одном котле все существующие и даже пока не существующие стили архитектуры и отлить из получившегося сплава свой шедевр.

Романский стиль, готика, барокко, ренессанс, классицизм, ампи́р и прочие стили – все эпохи смешались здесь в причудливой замысловатой гармонии. Заоблачной высоты дворцы, соборы, минареты, пагоды... Собрать их в одном городе уже выглядело кощунством над здравым смыслом. Все эти монументальные творения соседствовали с угловатыми урбанистическими колоссами моей родной реальности, а к ним примыкали и вовсе абсурдные футуристические сооружения. Последние удивляли еще и тем, что, обладая зачастую асимметричными пропорциями и как следствие этого плохой устойчивостью, каким-то чудом не рушились под собственной тяжестью.

Никакого малоэтажного пригорода к этому, больше смахивающему на мираж городу не примыкало. Здания-горы каменным оазисом возвышались посреди бескрайней дикой природы и, казалось, готовы были исчезнуть бесследно, едва солнце скроется за тучи. Призрачность картины также подчеркивалась полной безжизненностью, царившей в городских лабиринтах. Ни разноцветья рекламы, в потоках которой тонули мегаполисы моего мира, ни продвинутого летающего транспорта, что просто обязан был иметься у людей, способных сооружать такие высотные постройки. Пустынна была и дорога, по которой шли мы с Гвидо. Даже следов проехавших по ней колес не наблюдалось. Однако я бы не сказал, что город и дорога выглядели заброшенными. Складывалось впечатление, будто люди, соорудившие эти каменные колоссы, просто не планировали в них жить. Сделав свое дело, градостроители ушли, не дожидаясь, когда в городе появятся первые жители. Исчезнувшие творцы оставили после себя идеальный порядок, а те, ради кого они старались, почему-то запаздывали.

Уж не нам ли с Занудой была оказана великая честь вступить первыми в сказочный город? Любопытно, за какие заслуги...

Увлечшись окружающей обстановкой, я как-то запомнил, что именно я и являюсь тем самым архитектором, неуемной фантазией которого мне пришлось восторгаться. Это был мой сон, а следовательно, и мир этот тоже принадлежал мне. От осознания невероятной истины голова моя закружилась, перед глазами все поплыло и я с ужасом почувствовал, что вот-вот проснусь. Какая досада: первый яркий сон за столь долгое время, а оборвется он, едва начавшись...

– Уже уходите, мон шер? – громким голосом привел меня в чувство «де Тревилль». – Не так быстро! Нам с тобой еще требуется кое-что обсудить.

– Отвали, – огрызнулся я. – Не хочу ничего обсуждать, дай отдохнуть по-человечески.

– Одно другому не мешает, – настаивал Гвидо. – Можешь слушать меня и пялиться по сторонам сколько душе угодно. Главное, ответь на мои вопросы.

– Какое настырное сновидение! – проворчал я. – Ну давай, чего там у тебя!

– Прежде чем продолжишь пялиться по сторонам, взгляни-ка на этот портрет...

Маэстро извлек из-за отворота рукава небольшое фото, на котором было изображено личико улыбающейся миловидной девушки лет двадцати. Вздернутый носик, очаровательные ямочки на щеках, длинные и густые белокурые волосы и большие бездонно-голубые глаза, в которых можно было не просто утонуть, а с радостью утопиться по собственной воле. Изобилие в Терра Нубладо писанных красавиц отучило меня со временем восторгаться каждой встрече с очередной из них, однако, попадись мне навстречу девушка, чей портрет показывал Гвидо, я непременно обратил бы на нее внимание. Выразительное лицо незнакомки прямо-таки излучало магический свет и потому не затерялось бы даже среди сотен прекрасных лиц.

– Она довольно мила, – неоправданно принизив красоту девушки, признался я. – Неудивительно, что ты выпросил у нее фото на память. Кто это прелестное создание?

– Это неважно, – уклонился от ответа Гвидо. – Скажи, тебе случайно не доводилось в последнее время читать ей Откровение?

– Что, мсье, склероз замучил? Стареешь, дружище де Тревилль, забываться начал!.. Нет, ты не отправлял меня на поиски этой очаровашки.

– Знаю, что не отправлял! – разозлился Зануда, нервно стиснув рукоятку шпаги. В реальности он не был таким вспыльчивым. Очевидно, выбранный образ вносил-таки коррективы и в поведение. – Она могла ненароком угодить тебе под горячую руку в числе прочих одержимых. Например, в процессе охоты на Либро. Твердолобый мог держать эту девушку у себя в качестве пленницы, а ты во время схватки вошел в раж и...

– Исключено. – Я помотал головой. – На пиратском катамаране такой пассажирки не было... Ты так и не назвал ее имя.

– Тебе не обязательно знать, как ее зовут. Просто хорошенько запомни лицо этой девушки. Если встретишься с ней, ничего в отношении нее не предпринимай. Запомни: ни-че-го! Просто иди в ближайшую библиотеку, постучи в дверь с интервалом один удар через каждые десять секунд, и когда тебе ответят, сообщи, где и с кем ты видел эту особу. На этом все. Запомнил, как она выглядит?

– погоди секунду, – попросил я, желая еще раз взглянуть в эти прекрасные глаза и на эту обворожительную улыбку. Стоило догадываться, как же сногшибательно они выглядят в реальности. – Теперь запомнил, можешь быть уверен. Но у меня есть идея получше: почему бы мне по старой дружбе не поискать для тебя твою знакомую? Заодно отдохну, развеюсь, по миру помотаюсь...

– Даже не вздумай приближаться к этой девушке! – вновь не на шутку разозлился Гвидо. – И заруби это себе на носу своим световым мечом! Все, что от тебя требуется, ты знаешь.

И нервным жестом спрятал фотографию назад за отворот рукава. Мог бы, конечно, и подарить по старой дружбе, только в этом все равно не было смысла – дело-то происходило во сне. Хочешь – не хочешь, а придется при пробуждении расстаться и с фото незнакомки, и с костюмом джедая.

– Ладно, не злись, – примирительно ответил я. – Не надо искать, значит, не буду. Разнервничался, того и гляди в драку кинешься... Как сказал, так и сделаю. Я тебя хоть раз подводил?

– Слава богу, пока нет...

– Вот видишь, и бог у тебя, оказывается, есть! И довольно могучий, раз позволяет тебе командовать мной в моих снах... Кстати, не в тех ли чертогах он обитает?

И я указал на город, до которого, по моим прикидкам, требовалось шагать еще как минимум часа два. Хватит ли мне времени до побуждения, чтобы туда добраться? А страсть как хотелось бы успеть – кто знает, куда отправит Морфей мое сознание в следующий раз. Не исключено, что и на другую планету, где Зануда предстанет передо мной в образе зеленого гуманоида или еще какого представителя инопланетной фауны.

– Нет, о боге – это просто к слову пришлось, – тяжело вздохнул Гвидо, вдруг превратившись в совершенно незнакомого мне человека. Нет, не внешне, чему я, впрочем, удивился бы сейчас куда меньше. В глазах маэстро, обычно холодных и хитрых, появилось столько тоски, как будто он долгое время накапливал ее в душе и вот теперь выплеснул наружу. Преображение Зануды оказалась для меня не менее удивительным, чем местные красоты.

– Мой бог давно меня оставил, – продолжил Гвидо немного погодя. – И где он теперь обитает, я понятия не имею. Но не в твоих снах и не в Терра Нубладо, это точно. Что бы ты ни фантазировал насчет меня, за кого бы ни принимал, а сегодня ты куда счастливее старика Гвидо. Хотя бы потому, что живешь в блаженном неведении. Поверь, для тебя это – высшее благо. Я не читаю тебе очередную нотацию, это лишь информация к размышлению. Цени свое неведение и перестань заикливаться на вещах, что не дают тебе покоя. Раз уж ты назвал меня другом, то советую тебе как друг: плыви по течению, а не против, и не пытайся соваться на берега этой реки. Ничего хорошего ты на них не обнаружишь, клянусь. Река длинная, и возможно, путешествие покажется тебе несколько однообразным, но в пути у тебя постоянно будет все, что необходимо. Я позабочусь об этом, поскольку всегда знаю, где тебя искать. Если мы потеряем друг друга по причине того, что ты послушался моих советов и уплыл не в ту сторону, хуже станет только тебе. Надеюсь, доходчиво истолковал?

– Для сновидения – более чем, – признался я.

– Что ж, я рад. В таком случае разреши попрощаться – меня ждут неотложные дела. – Гвидо галантным жестом снял украшенную пером шляпу, однако раскланиваться по правилам мушкетерской вежливости не стал, лишь кивнул. – А тебе – приятных сновидений. И не забудь, о чем мы с тобой только что говорили.

После этого маэстро растаял в воздухе, будто его и не было. Я немного замешкался, глядя на то место, где стоял Зануда, затем пожал плечами и направился дальше по дороге. Пока продолжались приятные грезы, следовало наслаждаться каждым моментом этой незабываемой экскурсии. Прямо по курсу виднелась рощица, и мне не терпелось осуществить одно несбыточное ранее мальчишеское желание: опробовать на практике световой меч, устроив небольшой лесоповал. Ведь на то он и сон, чтобы творить в нем все, что не дозволено в реальности.

Однако окончательно войти в образ джедая не получилось. После исчезновения Гвидо не прошло и пяти минут, как вдруг дневной свет стремительно померк, а солнечный диск, до этого напекавший мне макушку, словно сорвался с привязи: начал быстро перемещаться по небосводу, пересек зенит и устремился к горизонту, тускнея на глазах. Вмиг пропали все до единого звуки и воцарилась глухая тишина. Я оторопело глядел, как закатные тени деревьев удлиняются, вытягивая ко мне свои кривые щупальца, а блики на стеклах зданий далекого города гаснут. Время текло будто в ускоренной видеозаписи. Только получалось, что я не просматривал ее на экране, а сам являлся персонажем этого ролика.

Щупальца-тени не дотянулись до меня, растворившись во мраке ночи, обрушившейся на мир моих грез. Огромная, размером со сковороду, полная луна вынырнула из-за горизонта с такой же скоростью, с какой убежало солнце. Ночное светило словно гналось за дневным, однако едва луна докатилась до середины небосклона, время вновь нормализовало свой ход и все встало на свои места. Звуки тоже вернулись – теперь это было не веселое птичье щебетание, а стрекот цикад и уханье сов; от прежней звуковой палитры остался только далекий рев водопада. Вместе со звуками легким ветерком налетела ночная прохлада, и я непроизвольно поежился. Ну и мистика! Ничего подобного мне сроду не снилось, даже в детстве – времени самых ярких и запоминающихся сновидений. Да так все натурально, что похоже вовсе не сон, а на донельзя взбесившуюся реальность.

С наступлением ночи все вокруг изменилось до неузнаваемости. При свете гигантской луны мир, как и днем, просматривался до горизонта, но утратил многообразие красок. Водопад под луной не искрился радугой, а, окруженный водяной пылью, обратился в белесое облако тумана. Мутно-зеленая при дневном свете река и голубые озера обрели одинаковый темно-серый оттенок, перестав улаживать глаз игривым блеском волн. В городе не зажглось ни одного огня, и идти туда сразу же расхотелось. И вообще расхотелось находиться во внезапно помрачневшем сне, поэтому я дал себе команду немедленно проснуться.

Тщетно! Сон оказался так крепок, что даже когда я съездил себя по щеке, боль не вывела меня из забытья. Но как говаривал некогда один мой знакомый вышибала долгов: не бывает абсолютно стойких людей, бывает лишь мало боли. Я перевел взгляд на меч: а если попробовать более радикальный метод? Не самоубийство, а хотя бы отсечение руки. Той, которая в реальности должна была сейчас покоиться на обнаженной груди спящей рядом Анны. В том мире с рукой все равно ничего не случится. Ну, может быть, пальцы непроизвольно ущипнут подругу за мягкое место и она недовольно толкнет меня локтем в бок, чем лишь поспособствует моему пробуждению.

Решено – стало быть, сделано...

Мой световой меч, который днем исправно функционировал и даже гудел при вращении, как у настоящего джедая, ночью почему-то наотрез отказался включаться. Не верилось, что за пролетевшие ураганом полдня в мече сели батарейки. Очевидно, винить в этом следовало ту же неведомую силу, что препятствовала мне продрать глаза.

Что ж, два – ноль в пользу шутника Морфея. Во мне начинало закипать раздражение. Да, случались у меня раньше кошмарные сновидения, что порой

терзали меня до утра. Но они по крайней мере не издевались надо мной столь откровенно.

Легкий ветерок внезапно сменился порывом встречного ветра, да таким сильным, что в рощице затрещали ветви деревьев. Я зажмурился и прикрыл рукавом лицо от поднятой с земли пыли. Ветер нарастал, и сорванные им листья носились в свете огромной луны подобно вспугнутым птицам. Останься со мной маэстро Гвидо, бежал бы он сейчас вдогонку за своей мушкетерской шляпой. Пыль залепляла глаза и попадала в рот, поэтому я повернулся спиной к ветру и оторопел от того, что происходило сзади. Оторопел настолько, что выронил из пальцев строптивый меч. Волосы на голове зашевелились, но уже не от ветра, а от ужаса. Все внутри сжалось в тугий комок, а тот, в свою очередь, подкатил к диафрагме и едва не парализовал дыхание. Не будь я уверен, что дело происходит во сне, обязательно пережил бы еще и приступ медвежьей болезни, простительной сейчас любому живому существу, обладающему инстинктом самосохранения. Однако, к счастью, до такой крайности дело не дошло.

Блестящая и черная, напоминающая топленый гудрон огромная масса широким фронтом двигалась навстречу ветру. Краев у этой жуткой лавины не было – она беззвучно наступала сплошной стеной, подобно вышедшему из берегов океану. Поэтому, насколько быстро поднималась линия горизонта, можно было определить, что высота надвигающейся черной стены не меньше, чем у гор. Ураганные потоки ветра врезались в наступающий фронт и уходили вверх, окутывая верхний край лавины завесой брызг, отчего та выглядела еще огромнее и ужаснее. Неизвестная субстанция растекалась по миру моего сна, как шоколадная глазурь по оладье, и не было в природе сил, что остановили бы сокрушительную стихию.

Я во все глаза смотрел, как черная масса погребает под собой реку, деревья, озера, холмы и даже горы, чья далекая цепочка становилась все короче и короче. Отвести взгляд от этого зрелища было невозможно. Райская идиллия, что так радовала меня в начале сна, пропала начисто. Теперь происходящее воспринималось как чудовищный кошмар, что, впрочем, не мешало ему выглядеть все так же реалистично.

И даже после такого потрясения я не проснулся. Еще минуту назад я собирался хладнокровно оттяпать себе руку, а теперь повел себя как любой нормальный человек, завидевший смертельную опасность, – пустился в паническое бегство. Я даже толком не понял, когда это произошло – просто вдруг заметил, что ноги сами несут меня по дороге в сторону города.

Вот это было бегство, доложу я вам! Никаких мыслей, сплошные эмоции, приправленные сильнейшим выбросом адреналина. Я летел словно на крыльях навстречу бьющему в лицо ветру, без которого, наверное, и вовсе разогнался бы до сверхчеловеческой скорости. Дыхание мое работало ровно, чего сроду не случилось бы в реальности, где я не пробежал бы в таком темпе и полкилометра. Во сне же мне легко покорялись мировые рекорды в беге на любую дистанцию.

Неизвестно, как далеко я убежал, прежде чем снова обернулся, но город за это время заметно приблизился. Гряда холмов пошла на снижение, что только увеличило мою скорость. Однако пользы от ускорения не получилось – я сразу же за что-то запнулся, а может, просто сбился с шага и потерял равновесие. Прокувыркавшись по пыли чуть ли не до подножия холма, разодрав лицо и одежду, я с кряхтением поднялся на ноги снова посмотрел назад.

Лучше бы я этого не делал, а продолжал бежать не оглядываясь. Бегство бы все равно не спасло меня от наступающего «сжиженного мрака» – с тем же успехом можно было состязаться в скорости с ветром, – зато избавило бы от самого душераздирающего зрелища в жизни.

Хотя на такое безусловно следовало взглянуть. Было бы неправильно окрестить надвигающуюся угрозу волной, ибо волн подобной высоты в природе не существовало. Вызвать такой катаклизм в океане мог лишь упавший астероид размером с пол-Европы, и то лишь в теории. Самым верным сравнением я бы выбрал следующее: Гималаи, что сорвались с места и неслись вперед, не издавая при этом ни звука, – короче, полное безумие. Единственный шум, который я слышал, был вой ветра, толкающего меня в спину навстречу безмолвному аду. Ад будто засасывал в себя атмосферу, чем и вызывался этот ураганный ветер.

Бежать дальше я даже не пытался, так и застыл с раскрытым ртом и выпученными от ужаса глазами между двумя грандиозными чудесами природы: городом-сказкой и готовой обрушиться на него черной стихией. А она продолжала пожирать пространство, двигаясь идеально ровным фронтом, не то атмосферным, не то водным.

Смутно помню, что происходило со мной в последние секунды, прежде чем лавина сначала оглушила и ослепила, а затем расплющила меня миллиардами тонн густой, как кисель, холодной массы. Кажется, я кричал, хотя крика почему-то не слышал. Такое ощущение, что он заглох во мне, не успев вырваться из глотки. Я выставил руки перед собой в тщетной надежде, что это смягчит удар. Однако никакого удара не последовало. Вязкая тьма раздавила меня безболезненно и мягко, словно размазала о хлеб кусок растаявшего сливочного масла.

Трудно поверить, но я и теперь не проснулся! Тело в крошечной тьме не чувствовало абсолютно ничего, а попытка вдохнуть полной грудью и захлебнуться тоже ни к чему не привела – я уже не дышал. И тем не менее продолжал жить: не задыхался, не терял сознание, не бился в предсмертных конвульсиях... Ощущал только лютый холод, который медленно замораживал мне рассудок, оставляя в памяти одно-единственное видение. И когда холод добрался-таки до моего мозга, пронзив его множеством игл-сосулек и обратив в лед последние мысли, у меня перед глазами осталось только это видение, довольно странное после всего пережитого: портрет удивительной девушки, который показывал мне маэстро Гвидо.

Девушка смотрела на меня и очаровательно улыбалась. И я вдруг понял, что делало ее улыбку неповторимой: никто в Терра Нубладо не улыбался настолько живо и искренне. Так умели улыбаться лишь там, куда мне, по всей видимости, больше никогда не вернуться. Даже во сне...

Глава четвертая

– Потрясающий у вас кофе, мистер Адамс! Не поверите: таким восхитительным напитком меня не угощали даже в Бразилии. Как называется этот сорт?

– Понятия не имею, профессор. Узнайте у моей секретарши. А заодно выпытайте у нее и рецепт. По-моему, причина кроется как раз в кулинарном таланте Мэйбл, а не в названии сорта. Не думаю, что прежняя секретарша поила меня другим кофе. Однако когда ее сменила миссис Блейк, я заметил, что стал выпивать в день не три, как обычно, а пять, а иногда и шесть чашек. Так что полностью с вами согласен – к такому отличному кофе не грех и пристраститься. Мэйбл знает, что я имею привычку увольнять секретарш за малейшие провинности, и мне кажется, она нарочно приучила меня к своему дьявольскому напитку, чтобы подстраховаться на будущее... Итак, любезный Элиот, почему же сегодня вместо себя Мэддок отправил на доклад вас? Надо полагать, не без веских причин?

– Да нет, мистер Адамс, ничего такого, о чем следует беспокоиться. Просто у Патрика возникли кое-какие семейные проблемы и он попросил меня съездить к вам вместо него.

– Что-то случилось с дочерью Мэддока?

– Да, похоже, у девочки очередной приступ. Патрик сказал, что сегодня осматривать Анабель приедет сам академик Госс.

– Вот как? Госс приедет лично? А почему же Мэддок заранее не отправил дочь в его клинику, где Анабель состоит на учете?

– На то тоже есть причины, мистер Адамс... Я, право, даже не знаю, следует ли...

– Следует, Элиот, следует! Если у моих ближайших помощников возникают неприятности, я обязан узнавать об этом одним из первых. Помогая сотруднику в беде, я поддерживаю не только его, но и пекусь о тех, кто работает бок о бок с ним. Сохранять рабочую атмосферу внутри коллектива – одна из главных обязанностей руководителя компании. Оставляя Патрика наедине с его проблемами, мы, по сути, предаем нашего товарища. Неприятности Патрика – это наши неприятности, профессор. Давайте, выкладывайте, что там у него стряслось.

– Анабель Мэддок бесследно пропала в Терра Нубладо, мистер Адамс. Патрик подозревает, что у нее случился внезапный приступ и потому она не может покинуть туманный мир. Академику Госсу предстоит определить, следует ли вести речь о приступе или причина кроется в другом.

– Что за... нелепая история! Как могут люди исчезать в нашем мире? Это же вам не джунгли Амазонки, в конце концов! А Патрик не пытался вручную вводить алгоритм эвакуации дочери из Терра Нубладо?

– Пытался. Не помогло. Алгоритм действителен, но результата нет. Ситуацию осложняет и то, что Анабель – немая от рождения. Поэтому, с учетом ее сегодняшнего состояния, добиться от дочери Патрика какой-либо информации невозможно.

– А что говорит по этому поводу Бета-креатор?

– Мы решили пока не тревожить креатора. Но ситуация неординарная, и Патрик сильно напуган. Согласитесь, вряд ли специалист его уровня станет паниковать из-за необоснованных догадок.

– Все верно, профессор. Вот что, давайте-ка поступим следующим образом: я вызову машину и мы с вами съездим в гости к мистеру Мэддоку. Нельзя оставлять без внимания это происшествие. Патрик поступил неразумно, что не поставил меня в известность о нем, очень неразумно. А по пути вы мне расскажете все, что должны по проекту «Джесси Джеймс», хорошо?..

– Возле вашего кресла есть мини-бар, профессор, можете налить себе выпить. А заодно плесните и мне немного бренди. Итак, каковы последние новости от Джесси? Есть успехи?

– И да, и нет, мистер Адамс. Вчера нам с Мэддоком наконец-то удалось вывести Джесси в Терра Олимпия. Поначалу все шло вполне удовлетворительно: для наилучшей адаптации нашего парня в новом мире Патрик разработал шикарную легенду и Джесси ее проглотил. Однако стоило Мэддоку оставить подопытного в одиночестве, как он тут же вызвал отторжение у Гамма-креатора. Причем настолько резкое, что мы даже не успели среагировать и организовать эвакуацию Джесси из Терра Олимпия. К счастью для него, все обошлось без последствий.

– Причина отторжения уже выяснена?

– Выясняется, мистер Адамс.

– Поторопитесь, Элиот. Открытие Терра Олимпия нельзя откладывать. А что за легенду выдумал Патрик для Джесси?

– О, она проста и гениальна одновременно. Чтобы не подвергать подопытного чрезмерному стрессу, мы выбрали момент, когда Джесси крепко спал, и Патрик выдал для него перемещение в Терра Олимпия за сон. Согласитесь, гениальнее не придумать.

– Да, узнаю неподражаемый стиль нашего уникального друга.

– К тому же, будучи уверенным, что видит сон, Джесси гораздо легче перенес отторжение. Что происходило при этом в Терра Олимпия, мы точно не знаем, но вряд ли что-то хорошее. Считай Джесси, что кошмар происходит наяву, а не во сне, он бы мог заработать тяжелую психическую травму. Послезавтра у Гамма-креатора выходной – на этот день мы и запланировали нашу беседу о причинах отторжения.

– Правильно, профессор. И вот что я вам порекомендую: побеседуйте с обоими креаторами. Это наверняка поможет вам глубже изучить проблему. А заодно выясните, в чем может крыться причина исчезновения Анабель Мэддок.

– Конечно, мы с Патриком так и поступим. Вот, мистер Адамс, ваш стакан...

– Благодарю вас. Давайте выпьем за здоровье Анабель Мэддок и за то, чтобы все страхи ее отца оказались напрасными.

– Да будет так...

– Доброе утро, дружище! – поприветствовал я «Экзекутор», стоявший рядом с кроватью и пялившийся в потолок своими крупнокалиберными «глазами». – Ты не поверишь, где я побывал сегодня ночью!

«Экзекутору» было на это глубоко плевать. И он имел полное право на меня обижаться – в отличие от хозяина, штуцер провел ночь предательски брошенным где-то на полу, в коридоре. Это сейчас «дружище» замер по стойке «смирно» и прилежно караулил мои одежду и патронташ, аккуратно разложенные на стуле проснувшейся раньше меня Анной. Отчищенные от грязи ботинки были задвинуты под стул, шляпа лежала поверх сложенной одежды, а плащ висел тут же, на плечиках. Давненько мой гардероб не встречал меня утром в таком опрятном виде, словно отутюженный мундир военного. Ранее, на постоянных дворах, я бросал одежду скомканной где придется и лишь «Экзекутору» всегда доставался отдельный стул. На нем нацеленный на дверь штуцер нес свою неизменную ночную вахту. Я имел основание считать, что минувшей ночью не разочаровал любвеобильную хозяйку, иначе она вряд ли проявила бы к вещам гостя такое уважение.

Самой целительницы в спальне не было, хотя на дворе стояло еще раннее утро. Похоже, Анна покинула меня затемно, решив успеть навести порядок перед приходом первых пациентов. Я еще пять минут понежился на мягкой теплой постели, после чего, скрипя суставами, поднялся и стал одеваться – незачем злоупотреблять гостеприимством, к тому же на заднем дворе меня поджидала одна мелкая незаконченная работенка.

Анны не оказалось и в доме. Я не придавал этому особого значения – может, на рынок пошла, а может, к пациенту, – отыскал в чуланчике лопату и направился на задний двор, где еще с вечера приглядел местечко под могилу для мертвого пирата. Разломанную дверь пусть уже чинит кто-нибудь из соседей-ремесленников, а о плодах деяний моих рук я обязан позаботиться сам.

Видимо, целебное воздействие «Провокатора» еще не закончилось, так как после не в меру энергичной ночной эквилибристики я чувствовал себя на удивление бодро и орудовал лопатой не хуже заправского могильщика. От монотонного труда отвлекали мысли, которые продолжали вращаться вокруг жуткого сна. Воспоминания о нем даже после пробуждения сохранялись четкие, как будто все пережитое мной в грезах происходило наяву три-четыре часа назад. Гвидо в идиотском наряде, фантастические пейзажи, сказочный город, камнем падающее за

горизонт солнце и стирающий весь этот удивительный мир чудовищный катаклизм... А также удивительная девушка с бездонными глазами и завораживающим взглядом, чей портрет носил при себе маэстро Зануда. Эта, пожалуй, самая приятная деталь моих сновидений запечатлелась в сознании ярче остальных, поскольку именно на ней и оборвался мой сон. После его окончания я еще какое-то время провалился в привычном, лишенном видений забытии, однако когда наконец-то проснулся и пришел в себя, образ прекрасной незнакомки продолжал стоять перед глазами, словно Гвидо до сих пор показывал мне ее фотографию.

Приснившийся мне маэстро просил также об одной нетипичной услуге. Глупо, разумеется, было воспринимать всерьез просьбу персонажа собственного сна, однако она, как и образ загадочной девушки, довольно крепко осела у меня памяти. Зануда настоятельно предостерегал меня не приближаться к этой молодой особе и упорно не желал называть ее имя. А также упоминал о библиотеке – одной из главных загадок Терра Нубладо. Весьма странно, что, обнаружив девушку, я был обязан бежать именно в библиотеку, причем в ближайшую. Где логика? Хотя какой логикой стоило пользоваться, раздумывая о снах?

Как стучать в дверь библиотеки, я тоже не забыл: один удар с интервалом в десять секунд. Затем следовало сообщить всю информацию о разыскиваемой незнакомке тому, кто ответит на стук. Прямо шпионские игры какие-то... Естественно, все эти странности являлись порождением моего сна, который, в свою очередь, был соткан из обрывков фантазий и воспоминаний прошлого. Однако это все равно не позволяло отнести пережитое мной в грезах к сонному бреду. Новая шутка Баланса – в такую версию я поверил бы гораздо быстрее. Мои незримые покровители добрались до меня и во сне, видимо, боялись отпускать на свободу даже мое воображение...

Анна вернулась домой, когда я смывал с себя грязь под водопроводной колонкой, сооруженной там же, на заднем дворе. Целительница с презрением посмотрела на свежезакопанную могилу и фыркнула:

– На помойке ублюдку и место! Я всю жизнь зарываю в этом углу отбросы. – И, пощупав мое заживающее плечо, поинтересовалась: – Как самочувствие?

– Лучше не бывает, – подмигнул я ей, подставляя мокрую спину солнцу, дабы быстрее высохла. – Не отказался бы повторить курс лечения. А потом было бы неплохо и позавтракать.

– Повторим, когда в следующий раз заглянешь в фуэртэ Транквило, – остудила Анна мой еще не остывший пыл. – Злоупотребление «Провокатором» вызывает

стойкое привыкание – поверь, по себе знаю... Меня ведь без него уже практически невозможно завести. И не припомню, когда в последний раз любила кого-то без «Провокатора».

– Не сомневайся, я к тебе еще наведаюсь, – пообещал я, чувствуя, что насчет стойкого привыкания лекарь не солгала. Прием даже одной дозы этого приворотного зелья заставлял пристраститься к нему на всю оставшуюся жизнь. Задумай Анна поставить производство «Провокатора» на поток, и очередь к ее дому вытянулась бы до границы провинции. Пока же любовный коктейль доводилось вкушать только избранным. Что ни говори, а приятно было входить в их круг.

– А насчет завтрака – это без проблем, – добавила Анна. – Только завтракать ты будешь не здесь. Одевайся и пошли – тебя хочет видеть диктатор Фило. У него и позавтракаешь.

– Ты специально ходила к Фило сообщить обо мне? – настороженно спросил я.

– Я ходила во дворец рассказать о том, что произошло вчера вечером в моем доме, пока по городу не поползли слухи, – пояснила Анна. – Разумеется, мне пришлось сообщить и о тебе. Фило наслышан о Проповеднике, и ему не терпится лично поблагодарить человека, очистившего реку от грязи. Так что отправляйся во дворец, заодно и о своей Кассандре что-нибудь выяснишь. Или ты отказываешься от приглашения?

– Как можно не уважить властителя провинции? – ответил я и признался: – Давненько не доводилось трапезничать в высшем обществе. Напомни, пожалуйста, в какой руке принято держать вилку, а в какой – нож.

– Не забивай голову. Вряд ли во дворце Фило кого-то вообще заботят такие тонкости, – отмахнулась Анна. – Единственный тебе совет: не делай при Фило резких движений – свита у него слишком нервная. Если не будешь выводить ее из себя, вы непременно найдете с Фило общий язык...

Возможно, Арсений Белкин и нашел бы, но Проповеднику такие люди, как Фило, совершенно не импонировали.

Диктатор провинции Транквило принадлежал к тем людям, каких власть не облагораживала, а только портила. Обладающий внешностью натурального гнома – низкорослая и кряжистая квадратная фигура, широкое обветренное лицо, белая грива нечесаных волос, а также густая длинная борода и усы, заплетенные в

стильные косы, – диктатор этой провинции имел совершенно не соответствующий облику южный темперамент. Представьте себе гнома, который при разговоре тараторит и жестикулирует, словно возбужденный итальянец, не говоря уже про откровенно фамильярное отношение к собеседнику. Малоприятное зрелище. Неудивительно, что антипатия к Фило у меня созрела еще до того, как я познакомился с ним получше. Но какие бы отталкивающие чувства ни вызывал во мне этот человек, правила вежливости требовалось соблюдать в любом случае. Пусть даже делать это приходилось в одностороннем порядке.

Причудливый диктаторский дворец, живо напомнивший мне театральнo-картинный замок Нейшванштейн в Баварских Альпах, был возведен явно до воцарения Фило в фуэртэ Транквило, поскольку изысканность романского стиля дворца разительно отличалась от безвкусыя его внутреннего убранства. Но вероятно, через несколько лет это уже не станет так бросаться в глаза. Дворец нуждался в капитальном ремонте, и если хозяин не надумает предпринять на сей счет экстренные меры, уже скоро облезлые дворцовые стены заранее будут подготавливать гостей Фило к тому, что они увидят внутри. Я прикинул, сколько денег надо было потратить на ремонт. Даже по подсчетам такого некомпетентного в строительстве человека, как я, получалась баснословная сумма.

Куда же уходила изрядная часть доходов диктатора, мне стало понятно, едва я и Анна миновали посты стражи и вошли во дворец, где не далее как перед рассветом завершилась грандиозная пирушка. Внутри кипела генеральная уборка: прислуга сновала по коридорам с вениками, швабрами и мешками для мусора.

Судя по звону, доносившемуся из мешков, за ночь здесь было выпито немало бутылок благородного тропесара. Иных напитков диктаторы и их окружение не употребляли. Авторитетный человек пьет непременно тропесар, и во дворце Фило гости обязаны были веселить кровь только лучшим вином, выдержанным в дубовых бочках не менее десяти лет. От этой мысли у меня слегка упало настроение. Дабы не дискредитировать Баланс, Проповеднику опять предстояло пить не элитные сорта вин, а его обычную воду. И пусть это будет чистейшая вода в Терра Нубладо, сей факт утешал слабо.

– Респетадо Проповедник! Не верю своим глазам, хо-хо! – Расталкивая слуг и запинаясь за валявшиеся на полу бутылки, мне навстречу спешил сам гномоподобный хозяин провинции Транквило – ни дать ни взять, бородатый колобок-переросток. – Добро пожаловать в мою скромную обитель, амиго! Твой визит – такая честь для нас! Чувствуй себя как дома!

Обитель была скорее не скромная, а грязная: дорогая, но протертая и засиженная мебель; гобелены, сохранившие первозданную чистоту лишь на той высоте, куда не дотягивались сальные руки пьяных гуляк, хватавшихся за стены в поисках опоры; резные узорчатые двери, на которых Фило и его гости, похоже, частенько упражнялись в метании ножей; мозаичный паркет, затертый до такой степени, что рассмотреть узор на нем было уже нереально... Чувствовать себя как дома? Увольте! Даже непритязательное убранство постоянных дворов было мне куда ближе, чем эта богатая, но донельзя запущенная обстановка.

Пожав мне руку и панибратски хлопнув по плечу, Фило представил трех членов своей свиты, ближайших друзей, также изъявивших желание со мной познакомиться. Но, по-моему, в глазах друзей такое желание отсутствовало; вместо него сквозила плохо скрываемая подозрительность. Да и друзьями хозяина представленная мне троица, похоже, являлась лишь во вторую очередь. Основной задачей этих друзей-товарищей было исполнять обязанности телохранителей. Об этом лишний раз свидетельствовала их одинаковая необщительность. А когда я всмотрелся в их лица, то узнал в одном из приятелей Фило вчерашнего соглядата, парочка коих пасла меня до дома Анны.

Согласно скитальческой традиции, никто, в том числе и диктатор, не имел права заставить скитальца расстаться с оружием. Я мог на законном основании стрелять в любого, кто попытался бы принудить меня к этому. Такое требование считалось в Терра Нубладо смертельным оскорблением, и даже пленным его не предъявляли; если те желали выжить, сдавали оружие сами. Фило чтит традиции, но, очевидно, сомневался, чтит ли их Проповедник. Этим и объяснялось присутствие «друзей», представить которых званому гостю в их истинной ипостаси было для хозяина неудобно.

Я не забыл предупреждение Анны и вел себя подчеркнуто сдержанно, чего нельзя было сказать о властителе провинции, который подкреплял свои слова энергичной жестикуляцией, ежеминутно хлопал меня по плечу или хватал за рукав. При этом не переставал нахваливать свою широту души, благодаря которой у Фило имелось так мало врагов и много друзей. Я вежливо кивал, соглашаясь, хотя, будь мы с Фило на дружеской ноге, посоветовал бы гнать добрую половину придворных нахлебников поганой метлой – ничего, кроме как проматывать казну, они, один черт, не умели.

Анна, выступавшая в роли моей сопровождающей, плелась за нами по коридорам дворца со скучающим видом, однако не покидала нашей мужской компании. Вероятно, целительницу тоже пригласили на завтрак. Это подтверждало уже известные мне факты о принадлежности Анны к высшему свету, что ничуть не

мешало ей соблюдать кодекс лекаря и заниматься врачеванием также за пределами дворцовых стен.

Я делал вид, что внимаю каждому слову Фило, вежливо улыбался его соратникам, задавал дежурные вопросы и старался не придавать значение фамильярным манерам высокопоставленного собеседника. Переводить разговор в деловое русло было пока рановато. К тому же Анна наверняка уже известила Фило, о чем я хотел с ним потолковать, поэтому рано или поздно он должен был рассказать о Кассандре без напоминаний.

Гостевой зал резиденции Фило был своеобразным эпицентром, откуда и исходили взрывные волны каждодневного веселья, раскатывающиеся потом по всему дворцу. Уборка в гостевом зале, судя по всему, производилась в первую очередь, но скрыть последствия буйных пиршеств косметическими мерами здесь было уже нельзя. Дух хмельного угара засел в этих стенах настолько крепко, что его уже не мог выветрить ни один сквозняк. Слуги накрыли столы чистыми скатертями, что еще хоть как-то придало помещению культурный вид, но пол сразу же выдавал, чем здесь занимаются ночи напролет. На полу гостевого зала была практически написана история дворца времен правления нынешнего диктатора. Можно было предположить, что Фило проводит тут все городские мероприятия, включая турниры фехтовальщиков и скачки, поскольку так испоганить паркет могли только клинки рубак и подковы лошадей. А в дальнем углу зала виднелось большое, переходящее с пола на стену пятно копоты. Или недавно здесь произошел пожар, или это были всего лишь последствия одного из дворцовых развлечений, например соревнования по прыжкам через костер в закрытом помещении. Ковры в столовой отсутствовали. Наверняка их тут и не расстилали, потому что даже щедрому Фило надоело бы каждое утро выбрасывать их и менять на новые.

К моей радости, хозяин уселся по другую сторону стола от меня. Сядь Фило рядом, и я бы точно вскоре поперхнулся из-за его отвратительной привычки хлопать собеседника по плечу. Анна без приглашения заняла место одесную диктатора, чем вызвала мое удивление. Такой привилегией не обладали даже члены свиты, покорно дождавшиеся, когда их попросят пройти за стол. Для меня последовало персональное приглашение, и я с благодарностью им воспользовался.

Похоже, Фило с друзьями обучались в одной школе хороших манер и вместе сбегали с занятий, на которых преподавали культуру поведения за столом. Ножами, как и предупреждала Анна, здесь не пользовались, но вилки, к счастью, были еще в ходу. Дама была единственной в нашей компании, кто пытался соблюдать хотя бы элементарные правила этикета: молчала во время еды, выбирала ту пищу, которую не приходилось рвать зубами, сдерживала отрыжку и

не ковыряла в зубах вилкой. Анна всеми силами старалась сохранить достоинство в этом обществе, которое даже после поверхностного знакомства с ним уже не казалось высшим. Дабы не смотреться среди хозяев белой вороной и одновременно не уронить достоинство в глазах дамы, мне пришлось выбрать золотую середину между уподоблением невежественному Фило и аристократическими манерами. Впрочем, нашу даму дворцовое бескультурье, похоже, давно не шокировало, поскольку лицо Анны оставалось равнодушным в течение всего завтрака.

Я понадеялся было, что прием пищи временно утихомирит болтливую «гнома», но, как выяснилось, набитый рот не являлся для Фило помехой при разговоре.

– О, поверь, амиго, поймай мои люди Твердолобого раньше тебя, я бы казнил пирата самой суровой казнью, – уверил меня диктатор, когда речь зашла об уничтоженной в его провинции банде одержимых. – Не думай, что мы сидели тут сложа руки! В последний раз моя речная полиция выставила на пути Либро мощный заслон. Но негодяю удалось прорваться через него. С тех пор у меня больше нет речной полиции, хо-хо!..

Непривычно было слушать, как некогда воинственный диктатор сегодня с легкостью распространяется о своих поражениях. Однако в этом тоже проявлялась душевная широта Фило, не делающего особой разницы между растраниванием казны и жизнями своих подданных.

Пока диктатор в красках описывал, как Либро в пух и прах разгромил его речную флотилию, слуга принес по моей просьбе графин с водой и кружку, которая, даже будучи чисто вымытой, все равно отдавала терпким тропесаром. Мои вкусы оказались для Фило настолько неожиданными, что он от удивления оборвал рассказ на полуслове и прекратил жевать.

– Тебе не нравится мое вино, амиго? – огорченно насупив брови, вымолвил диктатор, кое-как проглотив непрожеванный кусок.

– Уверен, ваше вино превосходное, – поспешил утешить я его. – Просто отказ от употребления вина есть один из принципов всех слуг Баланса.

– Иметь жизненный принцип – это хорошо. Уважаю, уважаю, – закивал Фило. «Друзья» посмотрели на него, переглянулись и тоже покачали головами. – Но по-моему, амиго, такое воздержание совершенно излишне. Я не отказывался от выпивки, когда был обычным скитальцем, не отказываюсь и сегодня. Ты слышал, чтобы в Терра Нубладо выпивка кого-нибудь свела в могилу? Я, конечно, не имею в виду пьяные поножовщины или что-то в этом духе. А раз от пьянства нет вреда, зачем налагать на себя какие-то обеты? В свободном мире мы должны радоваться и

веселиться всеми доступными способами, в чем же иначе смысл нашей жизни? Вот скажи, в чем ты видишь смысл своего существования?

– Цель моей жизни – служение Балансу, – ответил я так, как должен был отвечать Проповедник на официальном приеме.

– Прости за нескромный вопрос, амиго, но почему ты выбрал именно эту службу?

Что теперь следовало отвечать? Я не питал особой любви к своим покровителям, однако не хотелось выставлять Баланса в негативном свете, признаваясь, что он забрил меня в Проповедники, словно рекрута. Если священник вдруг обидится на церковь и начнет отзываться о ней плохо, он унизит только себя, ибо церковь и веру ему не унижить при всем желании. Все мои обиды на Баланс – наше с ним личное дело. Для остального мира я был и буду образцовым исполнителем самой могущественной силы в Терра Нубладо; человеком, гордящимся своим предназначением. Но и лгать, заявляя, что я подался в Проповедники добровольно, было для меня тоже неприемлемо. И мне осталось только напустить на себя важный вид и уподобиться философу, для которого дать однозначный ответ было все равно что подписать себе смертный приговор; чуждая мне роль, но иногда в качестве самозащиты приходилось надевать и эту маску.

– Даже в абсолютно свободном мире нас обязывают соблюдать множество правил, – ответил я на вопрос хозяина. – Многие в Терра Нубладо подчинены нашим желаниям, но кое-что и нет. Вы пожелали стать диктатором, вы своего достигли. Но теперь вам необходимо мириться со множеством скучных обязанностей, составляющих бремя вашей власти. Нечто похожее и со мной. За привилегию быть тем, кто я есть, мне приходится делать вещи, которые мне порой делать совсем не хочется. Однако я воспринимаю их как обязательную плату за оказанную честь начать жизнь заново. Достойную жизнь в достойном мире Терра Нубладо.

– Значит, для тебя эталон достойной жизни – уничтожение тех, кто играет не по правилам? – полюбопытствовала Анна, закончив трапезу и неторопливо потягивая вино.

– Ну, если рассматривать жизнь как игру, то одержимых Величием действительно можно считать злостными нарушителями правил, – согласился я. – И раз уж силы Баланса обязали меня стать судьей, мне надо ценить оказанное доверие.

Анна и Фило обменялись недоуменными взглядами. Я не подозревал, что в моем ответе вызвало у этой пары недоумение. Вроде бы нечему удивляться: простые жизненные принципы – бороться с угрозой обществу. Идеализм, конечно, но

вполне характерный для благородного романтика, какие в моем родном мире практически вымерли, а здесь еще попадались. Разве только, по мнению присутствующих, я слабо походил на идеалиста из-за напрочь отсутствующего у меня в глазах романтического блеска... Ну извините: какой мир, такой и романтик.

– Любопытные слова ты говоришь, амиго, – заметил Фило, наливая себе очередную кружку тропесара. – «Жизнь как игра»! Сдается мне, ты и впрямь веришь в то, что сейчас сказал. Но я не впервые сталкиваюсь с таким мнением. Подобным мировоззрением обладает каждый второй скиталец, правда, редко кто осмеливается заявить об этом вслух. И причина отнюдь не в Мертвой Теме. Эти люди наотрез отказываются признавать, куда сместился для них сегодня приоритет ценностей, но у тебя хватает духу заявить об этом в открытую. Жизнь и игра... Ты не просто уравнил для себя эти два понятия, ты переставил над ними знак приоритета. Не буду судить, хорошо это или плохо. Все зависит от конкретного человека. Но если ты хочешь услышать мое мнение на сей счет, то оно таково: нет ничего хорошего в том, когда игра начинает становиться для тебя жизнью. Надо все-таки четко разграничивать такие вещи, иначе велик шанс навсегда потерять связь с реальностью.

Я внимательно слушал Фило, пытаюсь уловить, какую мысль он хочет выразить. Если это были простые пьяные разглагольствования, тогда все в порядке. «Жизнь – игра, а люди в ней – актеры» – обычная тема для застольных бесед у людей из высшего света. У представителей нижних слоев общества тема эта звучит уже не столь поэтично – «Жизнь – дерьмо, и все вокруг – подонки», – хотя, по сути, большого отличия в этих заявлениях нет. Однако Фило, пусть и был слегка выпивши, все-таки выглядел не настолько пьяным, чтобы нести вздор. Речь диктатора пока не сбивалась и логика в его словах присутствовала, только до меня не доходило, почему наша беседа вдруг повернула в эту область. Впрочем, я не собирался признаваться напрямую, что упустил нить разговора – понадеялся, что вскоре найду ее без посторонней помощи.

– Что ж, не буду спорить, может быть, вы и правы, респетадо Фило, – уклончиво ответил я. – «Игра как жизнь», «жизнь как игра»... Главное, чтобы и та, и другая проходили честно, разве не так?

– Совершенно верно, – подтвердил Фило. – Тут и спорить нечего. Пожалуй, за это следует выпить.

Выпили. Я – водичку, отдающую тропесаром, диктатор с друзьями – благородный тропесар, словно воду: небрежно, жадными глотками... Анна поддержать компанию отказалась. Целительница отлично знала свой предел, к тому же сама

недавно призналась, что находит подлинное удовольствие в другом напитке, более экзотическом и приятном.

– Значит, Кассандра Болтливый Язык тоже злостный нарушитель правил, раз ты ею интересуешься, – заключил властитель фуэртэ Транквило, утерев рукавом усы и закусив тропесар долькой апельсина.

– Пока неизвестно, – признался я, довольный тем, что от философии беседа сменила курс в нужную сторону. – Но мне необходимо это выяснить. Вы знаете, куда Кассандра направилась из вашего города?

– Никуда она не направилась, – ответил Фило. – Она до сих пор живет у меня во дворце на правах гостя.

– Вот как? Почему же она не вышла к завтраку? – удивился я, гадая, что за нужда заставила прорицательницу задержаться в этих малопривлекательных стенах.

– Завтрак, обед и ужин ей подают в апартаменты, – пояснил Фило. – Кассандра предпочитает одиночество и вообще редко покидает свою комнату.

– А раньше любила вольный ветер странствий и общение с людьми, – подумал я вслух и заметил, как Анна и диктатор снова переглянулись. Кажется, мои рассуждения чем-то их обеспокоили.

– Кассандре немного нездоровится, – призналась Анна. – Я присматриваю за ней.

– Значит, ты знала, что Кассандра во дворце, и словом об этом не обмолвилась. – Я с укором посмотрел на целительницу. – Почему же сейчас вы решили раскрыть мне ваш секрет?

– Я бы хотел, амиго, чтобы ты встретился с Кассандрой именно здесь, – ответил Фило. – Мы беспокоимся за нее. Будет лучше, если ты окончательно развеешь все свои сомнения в нашем присутствии. Эта девушка не одержимая, можешь мне поверить. Я не допущу, чтобы от твоей проповеди пострадала ни в чем не повинная скиталица.

– Увольте того информатора, который поставляет вам обо мне сведения, – порекомендовал я. – Не было случая, чтобы Откровение нанесло вред обычному скитальцу. Баланс не ошибается. Я как человек могу допустить ошибку, но только не с Кассандрой. Согласно моим сведениям, она не носит оружия. Я не собираюсь проявлять агрессию к безоружной девочке. Все, что мне от нее нужно, это просто поговорить. Однако любопытно, почему респетадо диктатор так печется о здоровье бродячей прорицательницы?

– Кассандра оказала мне одну услугу, и теперь я у нее в долгу, – ограничился коротким объяснением Фило. Мне не оставалось ничего другого, как поверить ему на слово. Пусть я и служил Балансу, у меня не было полномочий требовать от диктатора отчета в том, какие услуги ему оказывают. – Эта девочка совсем не опасна, амиго. Все ее сказки даже близко не касаются Мертвой Темы. Даже я не устоял перед искушением послушать несколько историй о прекрасном новом мире.

– И что это за новый мир, о котором всем так не терпится узнать?

– Надо ли мне рассказывать о нем, когда ты лично можешь пообщаться с моей гостьей?

– Прямо сейчас? Но ведь Кассандре нездоровится.

– Ничего, с ней уже все в порядке, – поддержала Анна диктатора. – Да и Кассандра сама будет не против пообщаться с Проповедником...

Как я уже упоминал, дворец Фило был как две капли воды похож на одну архитектурную достопримечательность моего родного мира – замок Нейшванштейн в Баварских Альпах, где мне довелось однажды побывать. Дело тогда происходило зимой, и потому посещение удивительного замка было похоже на настоящую сказку. Снег лежал на склонах гор, на ветвях елей, на крышах замковых строений, искрился на солнце, отчего мне чудилось, что я покинул грешную землю и перенесся в окутанные облаками небесные чертоги Всевышнего. От вида высоких замковых башен, а также вдыхания чистейшего альпийского воздуха голова у меня шла кругом, но головокружение было приятным и удивительно бодрящим. Хотелось поселиться в этом сказочном мире и жить в нем до конца своих дней, никогда не возвращаясь в будничную суету, оставшуюся где-то далеко-далеко. «Не иначе, в иной реальности», – подумал я в тот момент, поскольку еще не ведал, как в действительности выглядит эта проклятая иная реальность...

Я не успел рассмотреть как следует диктаторский дворец снаружи, поэтому и не удивился, когда, поплутав с Фило и Анной по этажам, очутился возле двери, ведущей на узкий каменный мост, не замеченный мной со двора. По дороге к мосту Фило не затыкался ни на секунду, продолжая начатую еще до завтрака экскурсию. Речь в ней, правда, шла не об исторических событиях, а исключительно о пьяных бесчинствах, происходивших когда-либо в той или иной части дворца. Из-за этого живописного и отвлекающего рассказа, выслушивать который приходилось в обязательном порядке, я окончательно перестал ориентироваться в дворцовых

коридорах. Единственное, в чем был уверен наверняка: Фило вел меня не в подвальные помещения, а наверх. Что, впрочем, было вполне логично – вряд ли радушный хозяин станет устраивать апартаменты для гостей там, где обычно принято сооружать тюремные камеры.

Диктатор распахнул дверь, ведущую на мост, и я догадался, почему такая приметная архитектурная деталь осталась мной незамеченной. Окруженный дворцовыми зданиями, мост располагался над внутренним двором. Там же возвышалась и башня, в которую вел мост, – высокая, похожая на поставленный вертикально гигантский коленчатый телескоп. По всей высоте башню опоясывали карнизы, ряды узких окон, больше похожих на бойницы, и два круглых балкона. Конусообразная крыша венчала последний, самый маленький ярус башни – в сказках именно там заточались злодеями прекрасные принцессы. Мост подходил к среднему ярусу башни. А таковых, судя по количеству балконов, было всего три. Самым мрачным являлся нижний. В нем не имелось ни окон, ни даже дверей – сплошная стена до самого балкона второго яруса.

Я задрал голову вверх: и как такая монументальная постройка выпала у меня из поля зрения? Верхушка башни заметно выступала над основным дворцовым зданием, и когда я подходил к дворцу, то просто не мог не заметить ее. Разве что по невнимательности принял верхний ярус башни за одну из башенок-пристроек, что составляли часть главного архитектурного комплекса.

– Вы поселили Кассандру там? – поинтересовался я, указав на башню.

– Она сама выбрала, где ей поселиться, – развел руками Фило. – Если ищешь покоя, более подходящего места во дворце не найти. Я тоже люблю бывать в башне Забвения, когда мне хочется отдохнуть в тишине и побыть одному.

«Интересно, в каком году с вами произошел столь невероятный случай?» – хотел спросить я, но вместо этого лишь осведомился:

– А удобно ли будет без приглашения нарушать чужое уединение?

– Ничего страшного, амиго, – заверил меня Фило. – Кассандра будет только рада нашему обществу.

Мы ступили на мост. Во мне разыграло любопытство, и я, подойдя к невысокому каменному парапету, глянул вниз, во двор. Башня стояла на островке, прямо посреди искусственного озерца, устроенного внутри крепостных стен. Мост пролегал на высоте, достаточной для того, чтобы разбиться в лепешку, надумай я сигануть через парапет. Прозрачные воды озерца, сквозь которые, как сквозь линзу, дно просматривалось до единого камешка, не позволяли определить

глубину водоема даже приблизительно. Она могла варьироваться от полуметра до нескольких метров. По всей видимости, вход в башню Забвения существовал только один – через мост. Хотя не исключено, что под озером был прокопан подземный тоннель, ведущий во дворец либо за его пределы.

– Откуда взялось такое название: башня Забвения? – поинтересовался я, отходя от парапета. – Это связано с какой-нибудь легендой?

– Легендой?.. Хо-хо! – рассмеялся Фило. – Все очень просто, амиго. «Забвение» – это потому, что мы всегда забываем об этой башне, когда устраиваем кутежи. В ней такими вещами заниматься опасно: непременно кто-нибудь да кувыркнется с балкона, и собирай его потом по частям, как куклу... Но это шутка, конечно. На самом деле имя башне дал прежний диктатор, строивший дворец. Я не спрашивал у него, с чем оно было связано, – не успел. Наша единственная встреча состоялась после осады фуэртэ Транквило и протекала всего несколько минут. Сам понимаешь, что мы обсуждали тогда совсем другие вопросы.

– И долго прожил бывший хозяин провинции после той встречи? – спросил я. Вряд ли у меня хватило бы мужества задать подобный вопрос другому диктатору. Однако я уже усвоил, что Фило такие намеки не оскорбляли, а лишь подзадоривали.

– Ага, тебе наверняка уже доводилось слышать эту историю, амиго! – шутливо погрозив мне пальцем, снова расхохотался правитель-«гном», но, увидев, что я помотал головой, вкратце обрисовал ситуацию: – Диктатор Титус спорил со мной, что я никогда не возьму штурмом его якобы неприступный город. Я же взял фуэртэ Транквило за три дня. Титус был так огорчен проигранным спором, что не пережил этого. Он скончался прямо во время нашей беседы.

– Был раздавлен горем?

– Нет, копытами моего боевого коня, хо-хо! Меня очень некстати укусил за шею москит, я вздрогнул и случайно уколол коня шпорами. Тот, естественно, на дыбы. А Титус как раз стоял передо мной и в глаза высказывал все, что обо мне думал. Так вошел в раж, что даже не успел отскочить. Нелепая смерть для диктатора... Я устроил в память о Титусе шикарные поминки, и мы целую неделю беспробудно горевали об усопшем...

На середине моста со мной произошло нечто странное. Я шел и вдруг словно наткнулся на завесу невидимой паутины. Ощущения были именно такие: лицо уперлось во что-то упругое, но податливое, и не успел я моргнуть, как уже преодолел незримую преграду, не иначе продавив ее грудью.

Я остановился и потрогал лицо. Никаких следов от контакта с невидимой паутиной на нем не осталось. Обернувшись, я провел рукой по воздуху, однако тоже ничего не обнаружил.

– Что-нибудь потерял, амиго? – участливо спросил Фило. Он и Анна, идущие на шаг впереди, остановились и наблюдали за моими действиями.

– Да нет, все в порядке, – почесав в недоумении лоб, ответил я. – Наверное, ветер чудит. Вы ничего не почувствовали?

– Да нет, ничего особенного... А ветер тут и впрямь бывает дикий, – подтвердил Фило. – Иногда просто с ног сбивает. Будь поосторожней, когда к перилам подходишь.

– Наверное, померещилось, – пробормотал я под нос, пожимая плечами.

Дверь в башне оказалась незапертой. Фило распахнул ее, но не стал учтиво пропускать меня и Анну вперед, как делал это во дворце, а вошел сам, после чего начал озираться, словно в поисках засады. Улыбка улетучилась у него с лица, а взгляд сделался суровым, как перед встречей с врагом.

Анну тоже как подменили. Она переступила порог с явной неохотой, хотя никто не принуждал ее идти с нами в башню. Пальцы целительницы нервно теребили поясok от платья, а походку сковало напряжение. Настороженность спутников, идущая вразрез с их заверениями о миролюбии гостыи, заразила и меня. Я неуверенно вошел в башню следом за Анной, гадая, чем вызвана такая перемена настроения моих спутников.

Второй ярус башни являл собой один большой круглый зал, показавшийся мне изнутри гораздо просторнее, нежели это представлялось снаружи. Очевидно, всему виной была причудливая игра света, отбрасываемого множеством узких окон. Струившийся из них свет разрезал полумрак зала на одинаковые сектора. Лучи света напоминали множество клинков, идеально прямых и ослепительно ярких – не иначе, от ангельских мечей, – направленных остриями в одну точку. Точкой этой являлся массивный круглый стол, расположенный в самом центре помещения. Чередование клиньев света и тени делало стол похожим на «колесо фортуны» – распространенное в моем родном мире приспособление для азартных игр. На столе не хватало только вписанных в сектора чисел, рукояток для вращения и стрелки, прикрепленной к оси «колеса».

Из-за контрастности освещения переходы между светом и темнотой выглядели чересчур резкими. Если «терминатор» проходил по какому-либо предмету – шкафу, стулу или гобелену, – та его часть, которая оказывалась в тени,

практически пропадала из виду. Поэтому рассмотреть обстановку зала в деталях было сложно. Но из увиденного становилось ясно, что она приближена к средневековой – резная мебель; гобелены с незамысловатыми рисунками; стол, который по площади скорее напоминал деревянный помост, и большой камин, принятый мной поначалу за дверь в соседнее помещение. В кадучках вдоль стен росло несколько кипарисов. Меблировка не тянула на королевскую, больше походила на убранство замка вассала средней руки. Приглядевшись, я также обнаружил развешанные под потолком полотнища с незнакомыми гербами, а также расставленные на специальных подставках тут и там декоративные блюда. Именно блюда убедили меня в правдивости слов Фило, когда тот заявлял, что избегает устраивать пьянки в башне Забвения. В противном случае все эти произведения искусства были бы давно перебиты, а обстановка приобрела бы столь же упадочнический вид, что и во дворце. Но сейчас передо мной предстало, пожалуй, самое опрятное помещение из тех, где довелось сегодня побывать.

Требовалось время, чтобы глаза привыкли к необычному освещению зала. От непривычки мне даже почудилось, что фигуры Фило и Анны стали полупрозрачными, словно мои спутники являлись не людьми, а призраками. Причем иллюзия выглядела так реально, что, когда коротышка-диктатор заслонил собой стул, я продолжал в мельчайших деталях видеть тот сквозь человеческую плоть. А вот на меня световой эффект не распространялся. Вытянув руку, я отметил, что ладонь так и осталась непрозрачной, хотя я почти дотронулся ею до просвечивающегося плеча Анны.

Прямо чертовщина какая-то: живой человек в компании двух призраков, заведших его невесть куда! Вот сейчас неожиданно распахнется в полу потайной люк, и Проповедник провалится в шахту, заваленную костями таких же, как он, несчастных жертв нечистой силы.

Люк не открылся, и мое падение в объятия скелетов не состоялось. Вместо этого откуда-то из тени раздался усмешливый женский голос, молодой и приятный. Принадлежал он, как следовало догадываться, Кассандре Болтливый Язык.

– Кого это вы, мерзавцы, сегодня с собой притащили, дьявол вас побери? Моего адвоката? Проваливайте отсюда к чертовой матери, все трое! Не хочу вас видеть!

Честное слово, услышав такое, я чуть было не прослезился от ностальгии! Дьявол и адвокат – в моем родном мире почти слова-синонимы, здесь они принадлежали к Мертвой Теме, и потому всуе не упоминались. Нетрудно догадаться, как потеплело у меня на душе от такого приветствия. И пусть от него веяло откровенным недружелюбием, для меня речь Кассандры была исполнена едва ли не материнской

теплотой. Поэтому я и не сразу вник, что слова прорицательницы как-то плохо подходят для гостыи.

Кассандра сидела за столом лицом к нам, но лицо ее полностью скрывала тень. Снопы света из двух окон за спиной девушки падали на стол справа и слева от нее, оставляя на виду только плечи прорицательницы и ниспадающие на них пряди белокурых волос. Прямые длинные волосы Кассандры были подобны нитям шелка, а солнечные лучи заставляли их светиться изнутри матовым лунным светом.

Я отчетливо видел лишь волосы и руки девушки, но этого хватало, чтобы определить: она выглядит вполне нормально, а не в виде полупрозрачного призрака, как Анна или Фило. Что за заклятье легло на них при входе в башню Забвения, я не знал, но оно точно не относилось к проискам иллюминации.

– Что здесь происходит? – спросил я Анну (или ее призрак?), но она лишь загадочно улыбнулась и жестом пригласила меня к столу. Я посмотрел на Фило: «гном» стоял, скрестив руки на груди, и тоже улыбался, только уже не дружелюбной, а довольной и высокомерной улыбкой. Так улыбаются игроки в калибрик, когда им удастся провести чертовски хитрую игровую комбинацию и отхватить крупный выигрыш.

«Ладно, не буду отвлекаться, – подумал я. – Фило свое слово сдержал – Кассандра передо мной. Все здешние чудеса обсудим позже»

– Ты – Кассандра? – поинтересовался я у прячущейся в тени девушки. Добавлять к имени Кассандры ее прозвище не стал, дабы ненароком не обидеть.

– Верно, меня зовут Кассандра, – подтвердила девушка, откинув со лба сбившийся локон. Лицо прорицательницы все еще оставалось для меня загадкой. – А ты что за фрукт?

Поскольку хозяин дворца почему-то отказался представлять меня своей гостье, пришлось делать это самому:

– Я – Проповедник, но я пришел сюда не обвинять тебя в одержимости Величием. Мне просто нужно задать тебе несколько вопросов. Говорят, ты умеешь заглядывать в будущее. Но я попрошу тебя использовать твой дар для другой цели – мне нужно разобраться со своим прошлым.

Не хотелось заводить разговор на эту тему при Фило и Анне, но они продолжали находиться рядом, а просить их выйти было неудобно.

– Ну и дела – Проповедник собственной персоной! – подивилась Кассандра. – Эй, Фил, признайся: ты специально притащил сюда чистильщика, чтобы запугать

меня? Какой гениальный план, я уже дрожу от страха! Должно быть, прежние твои гости после такой встречи сразу раскошеливались. Только зря стараешься, вымогатель! В сотый раз повторяю: платить тебе я не намерена, и не мечтай! Однако ты опять меня удивил. Кого не надеялась увидеть в твоей банде, так это Проповедника. А ты, респетадо в шляпе, оказывается, не такой и праведный, как о тебе твердят. Сколько процентов тебе отстегивают? Пять? Десять? Или больше? А может, это ты здесь главный? Надо же, до чего додумался: по ручке ему погадать! Как мило! Вот вам мои аплодисменты! – Кассандра нарочито громко хлопнула три раза в ладоши. – Bravo! А теперь пошли все прочь! Никакого разговора не будет! Или отпускаяте из этой дыры на все четыре стороны безо всяких условий, или выгоняйте навсегда из Терра Нубладо, как обещали!

Я недоуменно посмотрел на Анну и Фило. Эмоциональная речь Кассандры была характерна для пленницы, а не для гостьи. Но что это за пленница, которая сидит в темнице с незапертыми дверьми и без охраны? И куда, интересно, прорицательницу пообещали выгнать из туманного мира?

– Респетадо Фило! – перешел я на официальный тон. – Я плохо понимаю, что здесь происходит. Почему ваша гостья говорит с нами в таком тоне?

«И почему сквозь тебя просвечивается вон тот шкаф?» – следовало добавить к этому, но я уже не стал выносить на повестку дня столь щепетильный вопрос – пусть «призраки» ответят хотя бы на тот, что уже задан.

– Ты прав, Проповедник, настала пора раскрыть тебе жестокую правду, – отозвался Фило. Другом он меня больше не называл, из чего следовало, что дружба закончилась. Чему я, однако, не больно-то расстроился. Мой единственный друг прятался у меня под плащом и готов был в любой момент выступить в мою защиту, если помимо дружбы в наших отношениях с диктатором иссякнет и мир. – Ты присядь – разговор предстоит серьезный и неприятный.

– Благодарю, я постою, – отказался я, распахивая плащ и выставляя «Экзекутор» на всеобщее обозрение. – Так мне будет спокойнее.

– О, не иначе великий маэстро проксимо-боя собрался продемонстрировать нам свое искусство! – злорадно воскликнула Анна. – И что же ты медлишь?

– Во-первых, я не маэстро, – ответил я. – А во-вторых, мне не нравится тон нашей беседы. Похоже, вы пытаетесь меня запугать.

– Мы никого не запугиваем, – возразила Анна. – Мы просто ставим тебя перед кое-какими фактами. Не понравятся – можешь нас пристрелить. Только я не советовала бы тебе тратить зря патроны. Слышал о том, что нечистую силу пули не

берут? Так оно и есть, можешь даже не проверять. Только что на мосту ты хватал руками воздух и чесал лицо – это значит, сейчас ты наверняка видишь нас в обличье привидений, так?

Можно было признаться, что да, действительно, вижу вас насквозь. Но это было бы полуправдой. Фило и Анна и впрямь походили на недоделанных невидимок, а вот намерения этой скрытной парочки пока являлись для меня тайной.

– Да, что-то вы отвратительно выглядите, – согласился я, решив сохранять хорошую мину при плохой игре. – Бледные какие-то. Надо было вам за завтраком поменьше налегать на тропесар.

– Достаточно болтовни! – повысил голос Фило. – Вы как хотите, а я присяду... – Он выдвинул один из стульев и вальяжно расселся на нем, забросив по ковбойски ноги на стол. Диктатора ничуть не смущало, что справа от него сидела дама. Призрак, ведущий себя по-хамски, не укладывался в стереотипы нечистой силы, заложенные в меня с детства, и выглядел попросту несолидно. Фило нигде не мог держаться соответствующе: ни в образе диктатора, ни в обличье бесплотного духа.

Анна уселась напротив Кассандры. Место лекаря оказалось на свету и потому, в отличие от сидевшей в тени прорицательницы, я видел Анну превосходно. А также спинку ее стула, которую, по идее, видеть не должен был. И с этой женщиной из плоти и крови я провел минувшую ночь! Что за откровенное издевательство над моим рассудком! Не подмешала ли Анна тайком мне в воду какой-нибудь галлюциноген из своей аптечки? Хотелось бы узнать, с какими целями.

Дабы наше собрание выглядело чинно и благородно, мне оставалось усесться напротив Фило, однако я отказался это делать. И не только потому, что мне претило пялиться на грязные подошвы диктаторских сапог. Просто терпеть не могу, когда меня насильно загоняют за стол переговоров. Именно по этой причине я предпочел остаться на ногах, пусть и утверждают, что в них нет правды. Зато есть хоть какая-то уверенность, что меня не застанет врасплох группа «товарищей», которая может ворваться сюда в любой момент.

– Так-так, чем дальше, тем все интереснее и интереснее! – оживилась Кассандра и даже подалась на стуле вперед, но лицо на свет так и не показала. – Кажется, респетадо Проповедника пригласили, чтобы он составил мне компанию! Фил, я начинаю восхищаться тобой и твоей подругой: вам посчастливилось изловить самую экзотическую рыбку в нашем туманном озере. О, наверняка это самый крупный улов за всю твою жизнь! Но ты позабыл одно правило своего проклятого бизнеса: суй в рот такой кусок, какой можешь проглотить. Мне даже не надо

заглядывать в будущее, чтобы определить – этот респетадо в шляпе еще встанет у тебя поперек горла.

– Не обольщайся, милашка, – презрительно бросил ей Фило. – Могу поспорить, что с Проповедником мы договоримся гораздо быстрее, чем с кем бы то ни было. Обладатели высокоразвитых дублей знают реальную цену своей собственности и потому практически не торгуются. А наш Проповедник очень заядлый игрок, раз уж сам признался, что живет в Терра Нубладо, а не заходит в эти края развлечься на досуге. Я бы оценил его дубль не меньше своего. На развитие такого дубля уходят годы. Поэтому Проповеднику будет очень жалко потерять его, не так ли? Кстати, как твое настоящее имя? Здесь нет нужды скрывать его...

Я молчал, пытаюсь вникнуть в смысл вышесказанного. И пока этого не произойдет, отвечать на вопросы я не намеревался.

– Не хочешь говорить, как тебя зовут, и не надо, – презрительно скривился Фило. – Впрочем, не переживай, твое имя мы так или иначе выясним. А сейчас давай забудем те высокопарные речи, какие ты произносил нам полчаса назад, и попробуем угадать, как ты действительно встрял во все это. Скорее всего, дело было так: в один прекрасный день ты пресытился здешними порядками и решил сыграть в Терра Нубладо свою оригинальную кампанию. «Терра» не стала препятствовать тебе в этом, наоборот, она до сих пор закрывает глаза на то, что иногда ты играешь не по правилам, пользуясь приемами и методами своих врагов. Действительно, зачем совать палки в колеса энтузиасту, который согласен работать за идею, исправляя недоработки умников из «Терра». Такого игрока следует всячески поддерживать. Признайся, что я прав и «Терра» давно не взимает с тебя абонентскую плату. Но нам плевать на все твои привилегии. Поверь на слово, в моей башне тебе не помогут ни законные связи, ни противозаконные трюки.

– Если ты и впрямь жертва этих вымогателей, не вздумай выдавать им свое настоящее имя, – обратилась ко мне Кассандра. Голос ее сочувственно подобрел, поэтому предостережение прозвучало по-дружески искренне. – Им ведь только и надо узнать, кто конкретно стоит за твоим дублем. А потом решить, какую откупную цену заломить: ободрать тебя по полной программе или дать скидку как малоимущему.

– За что именно мне предлагают заплатить? – спросил я, пропуская все непонятное мимо ушей и хватая лишь суть.

– Ты впрямь идиот или прикидываешься?! – рявкнул Фило, но до разъяснения снизошел. – Тебе предлагается заплатить за выход из башни Забвения. Или

платишь и продолжаешь спокойно играть, или теряешь свой драгоценный дубль и больше никогда не появляешься в Терра Нубладо. Выбор, как видишь, небогат.

– Еще раз назовешь меня идиотом, сам не выйдешь из своей проклятой башни! – предупредил я. Пора было напомнить зарвавшемуся скитальцу о принятых в свободном мире правилах общения, которые Фило чересчур быстро позабыл. Даже если решил заняться вымогательством, будь добр, держи себя в рамках приличия.

– Да что вы говорите! – снова взвился «гном». – И ты заставишь меня ответить за мои слова?! Как? Ну-ка покажи, ты, идиот! Придурок! Кретин! Ничтожество!..

Анна и Кассандра вздрогнули от ударившего в гулком зале выстрела, а фигурный подголовник на спинке стула Фило разлетелся в щепки. Вместе с подголовником должна была разлететься и голова диктатора. Но она оставалась на плечах несмотря на то, что прямо сквозь нее мгновением раньше прошла пуля четвертого калибра. Естественно, что такой результат меня не удовлетворил. Выпущенная вдогонку первой, вторая пуля была направлена точно в грудь Фило. Однако вновь пострадал только стул, в спинке которого образовалось неаккуратное отверстие. Я за секунду перезарядил штуцер и опять нацелил его на коротышку, но спускать курки не спешил – расходовать боезапас на порчу мебели было непрактично. А диктатору было все нипочем – «гном» даже не переменил позы, так и продолжал сидеть, закинув ноги на стол да ухмыляясь в усы.

– У-у-ух, какие мы обидчивые! – Фило передернул плечами и стряхнул с волос щепки. – Ну что, убедился в собственной глупости? То-то! Однако каюсь: я испугался. Но за это ты мне ничего не должен, а вот за сломанный стул изволь рассчитаться. С твоего позволения, я включу компенсацию за материальный ущерб в откупную сумму. В следующий раз трижды подумаешь, прежде чем пытаться лишать меня жизни.

Неудачное покушение тем не менее навело меня на очередную догадку.

– Одержимые! – процедил я сквозь зубы, косясь на дверь, откуда с минуты на минуту могли пожаловать слышавшие выстрелы телохранители Фило. – Как я вас сразу-то не раскусил! Всем оставаться на своих местах!

Отдав приказ, я подскочил к Анне, после чего опрокинул ее на пол вместе со стулом. Удалось это на удивление легко, словно на стуле сидела не взрослая женщина, а маленький ребенок. Похоже, полупрозрачные тела мерзавцев утратили и изрядную часть своего веса.

– Я тебя умоляю: только без насилия! – расхохоталась Анна, заваливаясь на спину и начиная шутливо отбиваться. Мой поступок ее совершенно не удивил и не

напугал, а лишь позабавил. – Тебе что, жеребец, сегодняшней ночи не хватило? Решил продолжить? Эй, полегче, терпеть не могу щекотки!

– Откровение четыреста пятьдесят шесть открыто! – холодно произнес я, склоняясь к ее уху и при этом держа на мушке следившего за нами Фило. Но тот не спешил на выручку подруге, просто наблюдал за моими действиями и снисходительно посмеивался.

– Откровение четыреста пятьдесят шесть открыто! – гораздо громче повторил я, поскольку слова почему-то напрочь отказывались складываться в обычную проповедь. Пришлось начать Откровение заново, но и со второй попытки муза красноречия не посетила меня. Раньше такое случалось, лишь когда я ошибался и «клиент» не являлся одержимым. Хоть и редко, но подобные ошибки в моей практике происходили. Выходит, что сейчас я тоже дал маху, приняв за одержимых не тех, кого следовало. Какой обидный выдался просчет! Но чем тогда объяснить призрачный облик и удивительную живучесть моих вымогателей? Я исчерпал все догадки.

– Что, снова удивлен? – продолжала веселиться Анна, игнорируя мою протянутую руку и поднимаясь с пола самостоятельно. – А теперь угомонись и выслушай нас внимательно. Выхода у тебя нет. Никто тебя не найдет и не освободит, поскольку башни Забвения просто не существует. Ты не можешь бросить свой дубль и покинуть игру. В башне совершенно другой алгоритм выхода, и стандартный алгоритм Терра Нубладо здесь недействителен. Мы сейчас не в туманном мире, а где – тебе вовек не узнать. Не хочешь говорить свое имя – не надо. Анонимность стоит намного дороже. Анонимные гости платят у нас по самому высокому тарифу – таковы правила. Тебе даются сутки на раздумье. Рекомендуем усмирить гордость и вспомнить номера своих банковских счетов. Завтра в это же время мы навестим тебя, чтобы сообщить точный размер откупной суммы, а пока ориентируйся на цену последней модели «Эребус-Буцефала». Не исключено, что к нашему приходу ты станешь покладистым и уже будешь готов заплатить. За оперативность полагается скидка, которую ты наверняка получишь и выйдешь из башни в кратчайший срок в целостности и сохранности. Мы решим организационные вопросы перевода денег прямо здесь – для этого у нас будет при себе все, что необходимо. Фил, у тебя есть что добавить для нашего чересчур горячего парня?

– В принципе нет, – ответил диктатор, поднимаясь со стула. – Ты забыла только напомнить ему о максимальном сроке выплаты, дорогая: две недели. Не увидим денег через две недели, пусть пеняет на себя. В остальном все. А болтать с Проповедником о жизни у меня нет настроения. Пусть сначала рассчитается, потом и поговорим. Если тогда у него будет настроение разговаривать, хо-хо! А тебе,

красавица... – он указал пальцем на Кассандру, – последнее предупреждение: послезавтра мой счет должен пополниться известной тебе суммой... Не морщись: «Эребуса-Буцефала» мне от тебя не нужно. У меня все платят по справедливости: твой дубль не настолько ценен, чтобы вешать на него слишком крутой ярлык. Скидок тебе, к сожалению, уже не положено, однако и пеню за задержку тоже не взимаем; мы – не кредитное агентство. Вопросы есть?

– Есть, – признался я. – Ты спрашивал, какое мое настоящее имя. Не вижу смысла скрывать его. Меня зовут Арнольд Шульц. Вероятно, это тебе ни о чем не скажет, но я не лгу. Когда-то при жизни в моем паспорте было написано именно так.

– При жизни?! – удивленно вскинул брови Фило. – Хочешь сказать, что сейчас я разговариваю с мертвецом? Ну это ты, Арнольд, хватил через край. Я не раз слышал, как многие заядлые игроки утверждали, что, дескать, они умирают ТАМ, чтобы воскреснуть ЗДЕСЬ. Однако это заявление – всего лишь метафора, не больше. В чем я могу тебя заверить, так это в том, что мертвецов среди нашего брата-игрока точно нет...

– Зря ты выдал им свое настоящее имя, – с укоризной заметила Кассандра, когда Фило и Анна раскланялись с нами. Сделали они это в характерной для призраков манере, растаяв в воздухе, словно их здесь и не было. Я подозревал, что вымогатели выкинут на прощание что-нибудь экстравагантное, и предчувствия меня не обманули. К сожалению, не обманули только в этом. Интуиция проснулась слишком поздно, когда толку от нее уже не было. – Кто знает, на что еще способна эта шайка. Теперь ты от них просто так не отделаешься. Таким ушлым ребятам ничего не стоит всю твою кредитную историю раскопать. Как только отпустят, беги обналичивай счета, если к тому моменту на них еще что-то останется.

– Некуда бежать и нечего обналичивать, – ответил я, подходя к двери и проверяя засов. Дверь оказалась незапертой. Уверенность хозяев в надежности нашей тюрьмы была абсолютной. – А насчет имени... Жду не дождусь, что Фило насчет него раскопает.

– А ты и впрямь странный, респетадо в шляпе, – усмехнулась Кассандра, продолжая прятаться в тени. – Попадались мне игроки, двинутые на всю голову, но до тебя им, похоже, далеко... Куда направился? На проверку? Бесполезно, не напрягайся. Выхода нет – проверено сотню раз.

– На сто первый могут и позабыть включить свой охранный периметр, – возразил я, выходя из башни обратно на мост. – Ишь, какие самоуверенные – двери не

заперли, оружие не отобрали... А самоуверенность – она до добра не доводит, по себе знаю.

Дворец был окутан туманом, еще четверть часа назад полностью отсутствовавшим. Туман плотным саваном накрыл окрестности и, кроме ближайшего к нам дворцового крыла, я не мог больше ничего разглядеть. Вроде бы привычный для здешних мест туман, только сегодня он выглядел как-то странно. Небо было видно по-прежнему хорошо; мост, дворец и башню укрывала сизая дымка, зато опоры моста, нижние этажи дворца и озеро утопали в плотном, как вата, белом покрове. Нижний туманный слой медленно колыхался и двигался. Создавалось впечатление, что резиденция диктатора вдруг взмыла над облаками, повинувшись воле всемогущего джинна из арабской сказки про Аладдина.

Опасаясь всяческих ловушек, я осторожно направился в сторону дворца. Однако когда я дошел до середины моста – аккуратно до того места, где по пути сюда я наткнулся на незримую паутину, – дорогу мне преградила осязаемая, но полностью прозрачная стена. Я постучал по препятствию – звук был гулким, как у дерева. Непутевого Арсения Белкина в молодости сажали за заборы, стены и колючую проволоку, но таким фантастическим способом его лишали свободы впервые.

Дотошно ощупывая рукой стену, я прошелся поперек моста туда и обратно, после чего удостоверился, что преграда не имеет ни брешей, ни выступов, по которым у меня получилось бы вскарабкаться вверх. Подпрыгнув, я также убедился, что в высоту стена явно выше трех метров. Насколько выше, можно было определить при помощи простого эксперимента: я извлек из патронташа патрон и попытался перекинуть его через препятствие. Патрон ударился в прозрачный барьер на высоте порядка десяти метров, отскочил назад и упал мне под ноги. Выводы складывались неутешительные. Сомнительно, что я преодолею барьер при помощи подручных средств, наподобие веревок из штор. Да и мои поползновения вряд ли останутся незамеченными во дворце, откуда тут же прибудет команда рассерженных вертухаев.

Я поставил ногу на парапет моста и в глубокой задумчивости уставился вниз. Оставался один путь – прыжок через перила, в слой густого тумана, а там будь что будет...

– Можешь попробовать из любопытства, – раздался у меня за спиной голос приближавшейся Кассандры. Она словно прочла мои мысли. Впрочем, для этого ей вовсе не требовалось быть прорицательницей – все мои намерения были такими же прозрачными, как и незримая стена в метре от меня. – Чего ждешь? Рискни! Вот увидишь: будет весело.

– А я-то надеялся, что ты закричишь что-нибудь вроде «Остановись, ведь ты еще так молод!», – уныло отозвался я, продолжая пялиться на грязно-белые разводы нижнего туманного слоя. До меня наконец дошло, в какую серьезную передрагу я угодил. Разом пропало все настроение. Даже плохое – оно переросло в угрюмое безразличие ко всему на свете, в том числе к собственной жизни и к моей новой знакомой, на встречу с которой я возлагал столько надежд.

– Я непременно остановила бы тебя, реши ты застрелиться или повеситься, – ответила прорицательница. – Но не из жалости. Просто я люблю поболтать и умираю от тоски, когда остаюсь в одиночестве. А прыгать с моста – это, пожалуй, единственное развлечение, какое у меня осталось. Встанешь на перила, прокричишь что-нибудь в духе «Прощай, жестокий мир!» и – вниз! До тумана лететь шесть секунд – проверяла уже раз пятнадцать. А затем две секунды жуткого холода – и как ни в чем не бывало лежу на полу в башне, живая и невредимая. Страшно было только при первом прыжке, а потом ничего, втянулась, даже во вкус вошла. Да что я все языком мелю, погоди, сейчас покажу...

– Но-но, малышка, только без глупостей!.. – От моей апатии не осталось и следа. Я отскочил от парапета будто ужаленный и развернулся, готовый встать между Кассандрой и бездной. Или улететь в туман вместе с девушкой – сама же призналась, что ненавидит одиночество... – Даже не вздумай!.. О, господи!.. О, дьявол!..

Нет, Кассандра не опередила меня и не сиганула с моста, если верить ее словам, в шестнадцатый раз. По-моему, она вообще не намеревалась этого делать, а дразнила меня, как обожают дразнить игривые девушки не слишком сообразительных мужчин. Я же пришел в ужас, когда представил, что могло произойти, позволю я Кассандре осуществить ее самоубийственную прихоть. Разбившаяся в лепешку неизвестная прорицательница – это одно, и совсем другое – самоубийца, которая снилась мне сегодня ночью. Как оказалось, это портрет Кассандры носил с собой в моем сне маэстро Гвидо, и именно ее ангельский лик до сих пор оставался у меня в памяти. И вот теперь я едва не позволил «знакомой незнакомке» покончить с собой прямо у меня на глазах – было с чего перепугаться.

– Ну знаешь! – обиделась Кассандра. – С дьяволом меня еще никто не путал!

– Извини... – пробормотал я, будучи в шоке от очередного потрясения: вещая девушка, приснившаяся в вещем сне. Каким предзнаменованием это считать – благоприятным или дурным? Как обычно, приходилось надеяться на первое, но готовиться ко второму.

Реальная Кассандра была один в один схожа с девушкой моих грез: все те же очаровательные ямочки на щеках, вздернутый носик и, разумеется, бездонные голубые глаза, которые наяву были немного грустнее, чем на той фотографии. Однако это ничуть не умаляло желания вновь утонуть в них без остатка. Ростом Кассандра оказалась немного выше моего плеча, а формами – миниатюрнее Анны. Последнее являлось скорее достоинством, поскольку в соблазнительных округлостях целительницы присутствовало все же некоторое излишество. Если роскошные формы Анны слегка превосходили идеал женской фигуры моего времени, то у Кассандры наблюдалось отклонение в другую сторону. Пресыщенный эталонными фигурами женщин Терра Нубладо, сегодня я симпатизировал скорее недостатку полноты женских форм, нежели их избытку. Прорицательница произвела на меня впечатление не только очарованием и изящным станом, но и индивидуальностью, что при избытке в туманном мире писанных красавиц давало девушке мощный плюс в плане привлекательности.

Одевалась Кассандра аляповато, но в этой аляповатости опять же проявлялась индивидуальность. Поверх классического брючного костюма для верховой езды девушка носила поношенное пончо, украшенное затейливым узорчатым орнаментом, стиль которого я затруднялся определить. Вышитые разноцветные линии переплетались столь причудливо, словно образцом для их вышивки послужил сам гордиев узел. Портной, сотворивший на одежде Кассандры столь вычурное украшение, заслужил право войти в историю швейной промышленности. Узорами было покрыто не только пончо девушки – напоминая бурно растущий плющ, орнамент опутывал рукава ее куртки, брюки и даже голенища легких кожаных сапог. Все это приносило в одежду прорицательницы художественную концептуальность и лишней раз подчеркивало оригинальные вкусы девушки. Волосы ее перехватывал пояс с аналогичными узорами. Вдобавок к этому она нацепила на шею целую пригоршню всевозможных амулетов, что делало Кассандру похожей на жрицу этнического культа, искать корни которого в Терра Нубладо определенно не стоило.

Сон в руку, иначе не скажешь... А может быть, он еще продолжается? Разве странное место, в котором я очутился, походило на реальность?

– Итак, каковы будут дальнейшие планы? – осведомилась Кассандра, видимо, отнесшая мои грубость и замешательство к своей неудачной попытке суицида. – Продолжим биться головой о стену или расходимся по камерам?

– Жалко голову, – признался я. – Пожалуй, вернемся в башню. А какой вообще режим в этой тюрьме? Сколько раз в день кормят?

– В башне Забвения всегда день, и здесь никогда не кормят, – ответила Кассандра, снова откинув со лба непослушный локон. Я подивился, как девушка при этом умудряется не расцарапать лицо перстнями, надетыми у нее по несколько на каждый палец. Не иначе, перстни, как и амулеты, собирались хозяйкой по всему миру. – Тебе же толково объяснили: мы с тобой не в Терра Нубладо! Все ее законы в башне Забвения утратили силу. В том числе и закон о Мертвой Теме. Наши дубли сейчас заперты в какой-то секретной локации, расположенной бог знает где... Какое, говоришь, твое настоящее имя? Альфред Шулер?

– Арнольд Шульц... Этим именем я пользовался, живя в Европе.

– Ты что, шпион?

– Нет, просто были нелады с законом... На самом деле меня зовут Арсений Белкин, но этим именем я не пользовался очень и очень давно... Слушай, похоже, ты хорошо разбираешься в той белиберде, что Фило нес. Так, может, хотя бы в общих чертах объяснишь, где мы и что с нами происходит.

– Да без проблем, раз ты все мозги проиграл и забыл, где находишься, – согласилась Кассандра. – Удивительно, как имя свое до сих пор помнишь... Откуда ты, Арсений?

– Я родился и вырос в России, – ответил я, – но последние годы жизни провел в Европе.

– Последние годы жизни? – переспросила прорицательница. – Нет, с каким же фанатичным упорством ты отказываешься признавать себя живым! Это уже не убежденность, а прямо мания какая-то! Хорошо, поставим вопрос иначе: где сегодня покоится твое брэнное тело? Только не говори, что оно уже захоронено – это будет уже слишком!

– Даже не знаю, что ответить... – Я пожал плечами. – Если правда, что людям после смерти в Терра Нубладо путь заказан...

– Фил тебя не обманул – ты хоронишь себя раньше срока. Когда умираешь в Терра Нубладо, ты и впрямь можешь вернуться к своей прежней жизни в Европе, Америке, России... где угодно. Но вот обратных случаев пока не зафиксировано. Этот абсурд невозможно представить даже теоретически: человек умер, и его душа переселилась в наш туманный мир! Чушь несусветная!

Категоричность ответа Кассандры смутила меня еще больше.

– Я бы рад поверить тебе и Фило, – произнес я после тяжкого вздоха, – если бы не помнил, как в меня всадили несколько пуль. Последняя попала точно в голову. Это

случилось в Лондоне, пятого сентября две тысячи восьмого года – такова дата моей смерти. Сильный удар в лоб и хруст черепа – вот мои последние воспоминания о мире, за разговоры о котором в Терра Нубладо тоже можно схлопотать пулю между глаз...

Мы вернулись в башню. Исследовать первый и третий ярусы я уже не пошел – отсутствовало всякое желание. Я был раздавлен грузом сомнений, что продолжал наваливаться на меня с каждым новым ответом прорицательницы. Ответы не вносили ясность, наоборот, они только усиливали сумбур мыслей.

– Ты присядь, – заботливо проговорила Кассандра, тронув меня за плечо. Настроение мое было подавленным, и девушка, естественно, обратила на это внимание. – Сейчас спокойно во всем разберемся. Я не забыла твою просьбу: ты хотел разобраться со своим прошлым. Ты ведь сказал, что только за этим меня и искал.

– Да, только за этим, – подтвердил я.

– Вот видишь, – очаровательно улыбнулась прорицательница. – Получается, теперь я косвенно виновна в том, что ты угодил в лапы проклятых вымогателей.

– Я сам виноват, – возразил я, после чего опустил взгляд и добавил: – Но если бы даже знал, что меня ждет, все равно бы пришел. Ты одна, кто может мне помочь.

– Надеюсь, что помогу...

Я обогнул безразмерный стол и по старой бандитской привычке уселся так, чтобы видеть входную дверь. Прорицательница задержалась, чтобы поднять и поставить на место валявшийся на полу стул Анны, произнесла «вот теперь порядок», а затем подошла ко мне и села рядом. Лицо Кассандры выражало искреннюю заинтересованность. Девушка смотрела на меня, как честный следователь, который ставил перед собой цель докопаться до истины, а не любой ценой упрятать подозреваемого за решетку. Я готов был всячески способствовать Кассандре в ее расследовании и рассказать ей все, о чем она попросит. Хотя с другой стороны, если дар у прорицательницы не мнимый, попросить она могла о многом. Вероятно, даже поведать ей о моих снах, распространяться о которых я все же не хотел. Однако коснись наша беседа этой интимной темы, вряд ли я ушел бы от ответа. А вы отказались бы окроветничать с прекрасной дознавательницей, которая смотрит ясными бездонными глазами прямо вам в душу?

– Две тысячи восьмой год... – задумчиво повторила Кассандра дату, которая обязана была красоваться на моем могильном камне. – Меня тогда и на свете не было... А ты случайно ничего не перепутал?

– В две тысячи восьмом я отпраздновал свое тридцатилетие, – уточнил я. – Мы неплохо оттянулись по этому поводу в Амстердаме. Именно там я и познакомился с Ллойдом Брауном, заманившим меня затем в свой проклятый Лондон. Ты даже не представляешь, как отвратительно умирать в Лондоне. В тридцать лет. В шаге от намеченной цели...

– Боже мой, так, значит, тебе сегодня пятьдесят пять! – воскликнула прорицательница. – Да ты старше моего отца!

– Ты что, не расслышала? – недовольно буркнул я. – Сказано же, что в Лондоне мне продырявили башку девятимиллиметровой пулей! Я не дожил и до тридцати с половиной!.. Постой-ка! Что значит «пятьдесят пять лет»? По-твоему, я мотаюсь по Терра Нубладо уже четверть века?

– Милый Арсений, устраивает тебя это или нет, но сейчас на дворе две тысячи тридцать третий, – в очередной раз огорошила меня Кассандра. – Терра Нубладо существует уже шестой год, так что я понятия не имею, где тебя носило без малого двадцать лет. Хотя догадываюсь, что в Терра Куэнто ты никогда не был?

– А это еще что за «терра» такая?

– Ясно: не был... Однако поразительно, что ты даже не слышал о ней! Терра Куэнто теперь легенда. Нам с тобой не знать о Терра Куэнто – все равно что меломану не знать о великих «Биттлз»!.. Ты невыносим, респетадо Белкин! Едва я начинаю разрабатывать насчет твоего прошлого стройную теорию, как ты своим очередным вопросом разрушаешь ее на корню... Хотя стоп! – Кассандра в задумчивости прикусила губку и изогнула бровь. – А вот это интересная мысль! Тем более если вспомнить, какую политику ведет «Терра» в последние годы. Арсений, можешь потерпеть пару минут и не сбивать меня с мысли?

– Я...

– Вот и помалкивай. Итак, посмотрим, что мы можем извлечь из уже известных нам фактов...

Кассандра встала со стула и заходила по залу, то исчезая в тени, то выходя на свет. Щечки девушки покраснелись, а рука то и дело отбрасывала со лба непослушную прядь. (Что мешало Кассандре спрятать ее под повязку? Очевидно, этот жест носил для прорицательницы некий сакраментальный смысл.) Несколько минут моя подруга по несчастью сосредоточенно помалкивала. Периодически она замедляла шаг и начинала в задумчивости перебирать свои амулеты. Иногда после этого девушка довольно кивала и улыбалась, а иногда состраивала недовольную гримаску и мотала головой, из чего следовало, что мысль была отвергнута.

Я беспрекословно выполнял просьбу и сидел тихо, наблюдая за маячившей передо мной прорицательницей. Вовсе не такой представлялась мне раньше вещая Кассандра. Даже рыночные цыганки моего родного мира, и те любили превращать процесс своего незамысловатого гадания в мистический ритуал: обязательные слова, интонации, пассы, загадочный взгляд... Кассандра будто нарочно разрушала мои представления о людях, наделенных даром предвидения – никакой церемонности, никакой напускной таинственности. Ни дать ни взять – обычная молодая домохозяйка, решающая, какого цвета шторы ей повесить в гостиной!

Вскоре раздумья прорицательницы завершились, что символизировал ее протяжный вздох облегчения. Однако Кассандра не стала возвращаться за стол, продолжив прохаживаться по залу – вероятно, надеялась, что ее еще осенит какая-нибудь запоздалая догадка.

– Нельзя, конечно, быть уверенной наверняка, но лучшего я пока придумать не могу, – начала Кассандра изложение своей теории. – Допустим, я тебе поверила. Не спрашиваю, за что в тебя стреляли. Раз ты сам за столько лет не обнаружил в этом связи со своим воскрешением, значит, связи и впрямь нет. Поэтому будем отталкиваться уже с момента твоей так называемой смерти. Предположим, тебя не утробили в две тысячи восьмом. Ты выжил, но впал в кому, в которой пребываешь по сей день. Ты прекрасно помнишь прошлое, но совершенно не воспринимаешь настоящее и оно не откладывается у тебя в памяти. Такое вполне могло произойти, согласен?

– Да уж, – вымолвил я и совсем сник. Версия о коматозном сне раньше не приходила мне на ум – слишком реалистично, детально и приземленно выглядел для сна туманный мир, – но удручала эта версия не меньше, чем вариант со смертью и загробной жизнью.

– Идем дальше, – оживилась Кассандра, довольная моей покладистостью. Загадка личности Проповедника Белкина заинтриговала прорицательницу, вторую неделю сходящую с ума в башне Забвения от скуки. – В данный момент ты находишься в клинике, которая включена в благотворительную программу помощи неизлечимо больным «Солнечный свет». В этой программе участвует и корпорация «Терра». Она обеспечивает больницы своим игровым оборудованием, которое множество клиник давно использует в качестве терапевтического. Ты лежишь у себя в палате в гейм-кресле последней модели «Пилигрим-16», весь облепленный сенсорами, а на голове у тебя надет безумно дорогой нейрокомплекс, который сегодня на всех углах рекламируют: «Астрал-суперлюкс» – вселенная внутри!»; я слышала, у «Терра» в правилах отдавать на благотворительность только самую современную технику... Не будем гадать, кого осенила идея опробовать эти

высокотехнологичные игрушки на коматознике, но эксперимент удался – информация, поступающая в мозг не через глаза и уши, а посредством ВМВ, усваивается тобой превосходно.

– Что такое ВМВ?

– Ах да, прости, ты же не в курсе – их открытие обнародовали после того, как ты впал в кому... ВМВ – это Внешние Ментальные Волны, которые способен воспринимать наш мозг. Телепатический контакт между людьми, воплощенный в реальность при посредстве специального оборудования – так понятнее?.. Открыл ВМВ и разработал технологию для их передачи германский профессор Альберт Госс – умнейший мужик, однако с «нобелевкой» его почему-то прокатили. Видимо, от расстройства он и продал необдуманно патент на свое открытие проницательной корпорации «Терра», подмявшей под себя массу фирм-разработчиков электронного оборудования, программного обеспечения и многих других. Госсу предложили выгодную сделку, и он не смог отказаться. Однако работать на «Терра» он не стал, подался в медицину и вложил вырученные деньги в строительство клиник и исследовательских центров. А «Терра» выстроила под своим крылом целую отрасль по внедрению технологий ВМВ в жизнь, и прежде всего – в игорную индустрию. Медиа-игры на базе ВМВ – как полигон для испытаний всех новых разработок в данной области. Здесь «Терра» добилась просто впечатляющих результатов. Без нейрокомплекса «Астрал» сегодня даже в шахматы не играют, не говоря уже о более современных играх и целых игровых вселенных. Можешь сам убедиться, как высоко скакнули технологии за последние четверть века. Ты лежишь в коме, а мир Терра Нубладо полностью заменяет тебе настоящее, оставив из реальности лишь воспоминания. Благодаря открытию Госса и «Терра», ты получил новую, насыщенную событиями жизнь – разве это не великолепно?

– погоди минуту! – взмолился я. В мыслях царил такой сумбур, что казалось, голова вот-вот лопнет и из нее повалит пар, как из кипящего чайника. – Две тысячи тридцать третий год... Хорошо, пусть будет так. Я выжил и двадцать пять лет валяюсь в коме... Да, не исключено. В конце концов, насчет собственной смерти я ведь тоже до конца не уверен... Но вот эта история о виртуальном мире... Она... Как бы тебе объяснить...

– Ой, какое допотопное выражение: виртуальный мир! – всплеснула руками Кассандра. – Мой папаша изредка припоминает его, когда ностальгирует по молодости. Но на самом деле так давно не говорят. То, что ты имеешь в виду под виртуальным миром, сегодня обозначается простым словом: «Аут». Все, что происходит за пределами реальности – игры, клубы для общения,

информационные ресурсы, всякие интерактивные забавы – это и есть Аут. Я сейчас в Ауте, ты – в Ауте, и три миллиарда землян, согласно статистике, на данный момент – тоже там. Аут – это три кита сегодняшней всемирной системы связи. В Аут входят старичок Интернет, мобильная видеосвязь и молодой, но дерзкий китенок ВМВ, который со временем сожрет всех своих старших братьев, вот увидишь. Такова, респетадо Белкин, современная действительность...

Картина, нарисованная Кассандрой, выглядела не слишком правдоподобно. Виртуальная реальность, воплощенная в реальность... Представить, что это такое, для меня было несложно – при жизни... точнее, при полноценной жизни я был наслышан о виртуальных мирах последующих поколений: в Интернете, компьютерных играх, фантастических фильмах эта тема поднималась постоянно. Тому, что Кассандра именовала Аутом, пророчилось грандиозное будущее. Однако для человека из две тысячи восьмого года это было еще отдаленное будущее. Да, высокие технологии развивались тогда стремительными темпами, но создание на их базе полноценного виртуального мира в первом десятилетии двадцать первого века казалось еще фантастикой. Бесспорно, четверть века – немалый срок для воплощения в реальность подобной мечты, тем более что воплощение это было тогда уже начато. И все же для меня – человека с поверхностными знаниями в сфере компьютерных наук – существование Аута представляло собой чудо. И в это чудо мне теперь срочно требовалось поверить. Версия Кассандры о моей судьбе выглядела логично, и для полного согласия с ней мне только этой веры сейчас и не хватало.

– Выходит, что Терра Нубладо – она... – Голос мой дрожал, выдавая смутение, которое я всеми силами старался скрыть. – Она... Как сейчас называются сетевые игры?

– Что значит «сетевые»? – переспросила Кассандра, но тут же спохватилась: – А, догадалась, о чем ты!.. По-разному называются. Первое время после внедрения ВМВ их обзывали «песочницей» – за примитивизм, доставшийся по наследству от игр прошлых поколений. Затем «болотом», потому что затягивало, да еще как! После еще гейм-сити, плэй-зоной, гипносферой... Сегодня принято говорить «симулайф». Однако как ты эту заразу ни назови, все одно – болото. Если увяз, то уже намертво. Симулайф хуже наркотиков: от тех хоть лечат, а от него – бесполезно.

– Симулайф Терра Нубладо... Я правильно выражаюсь?

– Правильно. Однако может случиться, что, пока мы с тобой тут торчим, наше «болото» опять по-новому нарекут.

– Ладно, поправь, если что-то не так. Симулайф... Доступ в него осуществляется при помощи оборудования, которое ты перечислила, а оно, следовательно, отвечает за прием и передачу Внешних Ментальных Волн. Получается такая сетевая игра под гипнозом; общий для всех игроков гипнотический сон. В роли же массового гипнотизера выступает корпорация «Терра» со своими высокими технологиями.

– Пока все правильно, респетадо Белкин. Только насчет гипноза ты ошибся. ВМВ не имеют к нему отношения. Ты воспринимаешь эти волны в полном сознании, так же, как свет или звук. Нейрокомплекс «Астрал» – антенна-полусфера, которую прикрепляют к затылку – фокусирует их на определенных участках мозга, после чего в твоём сознании возникают как бы сны наяву. Зрение и слух при этом блокируются. Для твоего же блага – дабы ты ненароком не рехнулся от коктейля реальности и Аута... Однако ты молодец: довольно быстро схватываешь для старичка.

– Знавал по школе нескольких ребят, сходявших с ума от таких забав, – признался я. – Тогда в эти игры играли по-другому, безо всяких ВМВ; был бы только компьютер с выходом в Интернет или локальную сеть.

– Не думаю, что сегодня тебе понравилась бы такая однобокая жизнь в виртуальном мире.

– Не спорю. Но в годы моей молодости сетевые игры тоже считались азартным увлечением. Некоторые из нас сутками просиживали задницы возле мониторов, перетаскивая по нарисованному миру фигурку какого-нибудь рыцаря или мага, боролись с нечистью, собирали трофеи, торговали ими и получали по ходу игры очки. Друзья находили это занятие чертовски увлекательным, а я считал их чокнутыми. Подумать только: они впадали в восторг по поводу какого-то перехода с тридцать седьмого на тридцать восьмой уровень! Я не понимал, какая охота ребятам тратить время на подобное чудачество, когда на улице в этот момент текла жизнь с настоящими радостями, гораздо более близкими живому человеку.

– Выпивка, девчонки, ночные клубы? – снисходительно улыбнулась Кассандра. – Катание на папиных «тачках» и выяснение, кто круче?

– Не только... Но и это тоже, а как иначе? А что, разве сейчас молодежь уже так не веселится?

– Почему? Еще как веселится. Но в Ауте и симулайфах мы пропадаем гораздо больше времени. Сегодня здесь также можно выпивать, встречаться с девочками, развлекаться на все лады и мериться крутизной. А маги и драконы у нас давно

непопулярны. Мы пресытились ими в Терра Куэнто, где каждый второй скиталец был истребителем драконов, а другая половина игроков – магами, эльфами и прочими сказочными существами.

– Должно быть, при таком совершенстве компьютерной графики драконы в вашей Терра Куэнто оставили зайкой не одного игрока, – заметил я, проведя рукой по подлокотнику стула, который, как выяснилось, в действительности не существовал, а был загружен в мою память посредством Внешних Ментальных Волн. Как и вся окружающая обстановка, вплоть до последнего камня башни Забвения и узоров здешних гобеленов. Что ж, пусть будет не загробный мир, а симулайф – та же разница, что между мертвым Белкиным и Белкиным-коматозником. Человек-овощ по сути мертвец, а Аут-симулайф для него – загробный мир. Ничего, привыкну, смирюсь... Но лишь после того, как узнаю ответы на все вопросы, которых за последние полчаса накопилось столько, что пора было их записывать, дабы не забыть.

– Вовсе нет, – возразила Кассандра. – Реализма в Терра Куэнто было не больше, чем в голливудском кинофильме со спецэффектами – да, красиво, впечатляло, но все равно искусственность выпирала наружу изо всех швов. И драконы были такие же – каждая чешуйка блестит, но натуральности – ноль. Оно и понятно – кто из художников видел наяву этих драконов? Зато когда игровой люд в Терра Нубладо переселился, тогда-то челюсти у всех и отпали. Вот это была натуральность! Аж мурашки по коже! В туманном мире дизайнеры «Терра» однозначно превзошли себя. К дьяволу драконов и волшебство, сказали они, даешь реализм во главу угла! Трава, деревья, вода, небо... После театральных декораций Терра Куэнто все это казалось глотком свежего воздуха. Даже «массовка» пусть и осталась по-прежнему тупой, но по сравнению с говорящими куклами первого симулайфа она смотрелась просто сборищем интеллектуалов.

– Массовка?

– Оседлые... Неужели ты думал, что за этими дублями тоже стоят живые люди?

– Учитывая то, как я угодил в Терра Нубладо, здесь мне казались мертвецами все без исключения, – сказал я. – Впрочем, некоторые мертвецы и впрямь выглядели мертвее других.

– Этот огрех, по-моему, останется вечным проклятием медиа-игр. Симулайф – не шахматы. В нем десятки тысяч фигур, и каждая может выбрать миллион различных ходов. Попробуй-ка заставить искусственного болванчика адекватно реагировать на каждый твой выпад. В этом и причина извечной тупости искусственных персонажей. Да и других недоделок здесь полно. Однако некоторые из них очень

даже удобны. Как тебе нравятся местная вода? Давно полотенцем пользовался? Согласись: приятный недостаток.

– Значит, все странности симулайфа объясняются недоработками программистов «Терра»? – спросил я. Было даже обидно, что собранный мной за все эти годы архив аномальных явлений имел такой элементарный и универсальный ключ для расшифровки. – И повторяющиеся звуки, и вечный туман, и поголовное железное здоровье местного населения... то есть дублей – всего-навсего последствия не доведенной до ума программы?

– Где-то это и впрямь недоработки, местами – технологическая необходимость, а иногда – просто условия для комфортной игры, – пояснила Кассандра. – Звуковая база у «Терра» далеко не всеохватная, из-за этого и приходится жертвовать многими несущественными звуками, вроде скрипа колеса, жужжания насекомых или шелеста листьев. Ты слышишь, что колесо скрипит, муха жужжит, а листья шелестят, и этого достаточно. Ни к чему здесь лишние нюансы. С туманом другая история. В Терра Куэнто его не было вовсе. Но детализация первого симулайфа оставляла желать лучшего, поэтому не имело смысла сокращать количество визуальной информации для ее ускоренной обработки твоим мозгом. В Терра Нубладо детализация мира вплотную приближена к реальности. Однако, как уже давно доказано, пропускная способность мозга для ВМВ у всех людей разная и, что очень обидно – неизменная. Один игрок способен пропустить через свой мозг за секунду огромное количество информации, другой – в десять раз меньше. Лично у меня во избежание умственного переутомления настройки «Астрала» выставлены наполовину. Санитар, нахлобучивший тебе на голову нейрокомплекс, судя по всему, настроил его так же. Иначе ты либо вообще не видел бы тумана, либо постоянно наблюдал его в радиусе трехсот метров от себя. Ну а исключительное здоровье здешней нации... Неужели тебе было бы охота не развивать в игре силу, ловкость и всевозможные навыки, а утрачивать их из-за долгой болезни и старости? Или восстанавливаться после ранения в режиме реального времени? Или вообще умирать, навсегда теряя любимый дубль и начиная игру с нуля?

– Что смерть здесь понарошку, это теперь понятно. Но все те, кого я убивал и хоронил, умирали весьма правдоподобно. И куда же они девались после своей «симу-гибели»?

– Возрождались на точках «Феникс». То есть в храмах Огненной Птицы. Да ты их видел: храмы запрятаны в густых лесах и стилизованы под руины – остатки древних цивилизаций. В этих развалинах даже можно опознать храмы Терра Куэнто – такой вот своеобразный юмор разработчиков... Отведав свинца, дубль игрока и впрямь весьма реалистично отходит в мир иной, а минут через двадцать

воскресает в новом обличье, с новым именем и «легендой». Утрачиваются только личные вещи, что были у дубля в момент смерти, и некоторая доля опыта – должен же игрок в конце концов о чем-то горевать? Этот закон не распространяется лишь на свергнутых диктаторов и прочих игроков высокого статуса. А то получилось бы, что они бесконечно отбирали друг у друга короны, не давая возможности остальным повоевать за них. Ну а те, кому после смерти в симулайфе вообще надоедает играть, можно сказать, и впрямь умирают.

– Вот тебе и симуляция жизни, – кисло усмехнулся я. – То-то бы был номер, воскресни я после смерти где-нибудь в Америке, с новым именем, да еще, упаси бог, сменив пол. При этом помня прошлую жизнь... М-да, хорошая получилась бы реинкарнация. Нет уж, лучше все-таки быть Проповедником в Терра Нубладо...

– Сам посуди: кому понравится полная симуляция? – хмыкнула Кассандра. – Реализм, конечно, штука замечательная, но в разумных пределах. В симулайфе должно присутствовать что-то сказочное, ведь это не жизнь, а игра. И в игре как никогда важен четкий баланс. Во всем без исключения – от скорости роста обычной травы до количества и опыта топчущих ее игроков. Пропадет Баланс – у игроков пропадет интерес к игре, симулайф опустеет, и «Терра» – банкрот. Ну об этом тебе рассказывать не надо, раз ты сам однажды объявил себя карающим мечом Баланса.

– Вообще-то, это Баланс назначил меня своей подпоркой, – озадаченно проговорил я. – Разве я занялся бы добровольно этой рутинной – ловить одержимых и читать им Откровение?

– Ты хочешь сказать, что в один прекрасный день на тебя вышли ребята из «Терра» и силой принудили вычищать симулайф от злостных крэкеров?

– А что, моя работа так на самом деле называется?

– Фактически да. Наставление одержимых Величием на праведный путь словами Откровения – звучит, конечно, красиво. Но говорить так – то же самое, что называть уборку мусора – спасением планеты. В принципе верно, но чересчур возвышенно. Крэкеры и есть мусор, который следует убирать, чтобы он не отравлял атмосферу в симулайфе. Крэкеры – это игроки, которые отказываются играть по правилам и учиняют произвол. Таких следует немедленно штрафовать или удалять из игры. Чем ты и занимаешься. Но раньше я думала о тебе так же, как Анна и Фил. Мы считали, что ты – доброволец, удостоенный за свою бессребренность некоторых поблажек. Но то, что ты сейчас сказал...

– Давай не будем обсуждать то, что я сейчас сказал, – спохватился я, все-таки не рискнув пока рассказывать Кассандре о Гвидо: дружба – дружбой, а служба – службой. Но дабы девушка не обиделась, добавил: – Считай, что ты права – меня действительно призвали ребята из «Терра». Как они вышли на меня в симулайфе и почему им приглянулся именно мой дубль – не так важно. Расскажи-ка лучше об этих крэкерах, и если они настолько вредные, почему всемогущая «Терра» просто не перекроет им канал доступа в симулайф?

– Как пожелаешь, – надула губки Кассандра. – Подозрительно, что ты уходишь от темы – не иначе, при вербовке хорошо запуган... А насчет крэкеров все не так просто. Три года назад некие «робингуды» каким-то образом выкрали у «Терра» коды доступа к засекреченным каналам симулайфа и обнародовали их в Ауते. С тех пор всяк желающий может взломать досье собственного игрового дубля в Терра Нубладо и внести в это досье любые поправки. Ловкость, неистребимость, меткость, сверхсила – вот дежурный набор начинающего крэкера. Кто посообразительней, выдумывает себе более экзотические незаконные развлечения. Слишком велико искушение – стать суперменом, и если «Терра» начнет изгонять из симулайфа каждого крэкера, придется аннулировать огромное количество дублей. К тому же многие из крэкеров искусно маскируются, поэтому не исключены ошибки и изгнания из Терра Нубладо добропорядочных игроков. А это, сам понимаешь, очень сильно ударит «Терра» по репутации. Да и нет особой нужды в таких радикальных мерах. Большинство мелких хулиганов, утолив любопытство, возвращаются потом к нормальной игре. А с теми же, кто злоупотребляет терпением «Терра», начинается борьбу антикрэкерская система, которая и сидит сейчас передо мной – игрок высокого статуса, которому доверен код обнуления дублей, или по-другому – Откровение. Отсюда муторный процесс изгнания штрафников превращается в захватывающее приключение, а в Терра Нубладо рождается очередная легенда о великом Проповеднике. И никакого массового геноцида...

Я понятия не имел, сколько времени прошло с момента моего заточения в башню – солнце на небе не двигалось, а туман за окнами не рассеивался. Возможно, миновала пара часов, а возможно, и больше. Общаться с Кассандрой было одно удовольствие. Неправ был тот, кто окрестил ее язык Болтливым – девушка хоть и обожала поговорить, вовсе не была легкомысленной болтушкой. Голос у нее звучал приятно, и даже когда при разговоре она касалась технических вопросов, я был готов слушать ее только ради этого голоса – бархатистого и завораживающего. Такой голос плохо подходил для нашей беседы – ему было бы уместнее звучать в интимной обстановке, у камина, при свечах. Камин в башне Забвения имелся, свечи в настенных светильниках тоже, обстановка была еще куда ни шло, но вот

атмосфера для интимного общения здесь царила неподходящая. Да и не до интима было мне после всего услышанного.

Я задал вполне резонный вопрос: зачем Кассандре торчать в башне Забвения, раз уж прорицательница все равно отказалась платить и смирилась с потерей своего игрового дубля? Почему просто не сорвать с головы нейрокомплекс, протереть глаза да вернуться в реальность. Какой интерес высиживать две недели в гейм-кресле, ожидая давно известной участи?

– Существует так называемый алгоритм выхода из симулайфа, – напомнила девушка нюанс, о котором вскользь обмолвилась Анна. – Процесс подключения к ВМВ-трансляции не так прост, как кажется. Он сложен и занимает какое-то время, обычно минуты три-четыре. Сначала у игрока полностью блокируется зрение и слух, а затем нейрокомплекс при помощи специальной программы адаптирует мозг для восприятия и передачи ВМВ. Иначе никакого контакта с симулайфом не состоится. Процедура выхода протекает в обратном порядке и ее некорректное завершение чревато непредсказуемыми последствиями. Не смертельными, конечно, но нервное расстройство – это в лучшем случае. В самом худшем можно заработать долговременную слепоту или глухоту. Алгоритм подключения у всех разный, но все игроки знают свои персональные коды активации. Заманив нас в секретную локацию, Фило наложил поверх наших кодов свой, что намертво привязало наше сознание к дублям. Вот теперь приходится сидеть и ждать, когда вымогатели выбросят нас за пределы башни, чтобы мы могли наконец-то снять с головы нейрокомплексы без травматических последствий. Никто, конечно, не мешает нам сделать это прямо сейчас, но не знаю, как ты, а я не хочу терять зрение на год из-за этих ублюдков.

Кассандру не раздражало то, что после каждого ее обстоятельного ответа я подолгу обдумывал услышанное, а после досаждал уточняющими вопросами. В кои-то веки избавленный от гнета Мертвой Темы, я элементарно не мог надышаться свободой слова и свежестью открывающихся передо мной истин. Истины раскладывались по полочкам, но все равно незанятых полочек оставалось еще предостаточно.

Арсений Белкин возвращался к жизни. И пусть, согласно теории Кассандры, это была откровенно поганая жизнь коматозника, но теорию о моей смерти пришлось отстранить на второй план. «В связи со внезапно вскрывшимися обстоятельствами» – так сказал бы адвокат, что когда-то защищал меня в суде. Благодаря заточенной в башне прорицательнице обстоятельства и впрямь вскрылись прелюбопытные. Теперь мне предстояло решить, как сообщить о них моим вымогателям, чтобы это выглядело правдиво.

Полное стирание досье моего дубля либо обнуление его характеристик (то же, что проделывал я с одержимыми при помощи Откровения) – самое страшное, что согласно заверениям Фило и Анны они могли мне устроить. Любого из игроков со стажем, в том числе и Кассандру, такая перспектива страшила – шли насмарку годы кропотливого развития дубля. Игрок словно лишался любимого дитя – было отчего впасть в отчаяние и даже наложить на себя руки. Только меня такая перспектива абсолютно не пугала. Жалеть собственную виртуальную оболочку мне было не с чего. Я не холил и не лелеял ее день за днем, превращаясь из пугливого новичка в могучего маэстро, не радовался растущему авторитету и не строил планов на будущее. Я появился в Терра Нубладо с полностью развитым дублем, которому было по плечу дать отпор даже авторитетным скитальцам, бродившим по здешним тропам не один год. Это означало, что нейрокомплекс на голову коматознику надел явно не любопытный санитар клиники, а кто-то из самой «Терра». Моя игра в симулайфе началась по особым, привилегированным правилам. И вряд ли экспериментаторы сделали это из жалости к прикованному к постели страдальцу, иначе они не отправили бы его сей же час усмирять строптивых крэкеров.

В разговоре с Кассандрой я об этом умолчал, но раздумывать на данную тему не прекратил. Любопытно, что же такое ценное обнаружилось в беспомощном калеке, если его изолированное от мира сознание решили запустить в Терра Нубладо в качестве антикрэкерского «пенициллина»? Трудно поверить, что среди завсегдаев симулайфа не отыскалось добровольца, готового заняться столь почетной работой.

Самый разумный ответ на это был и самым прозаическим: меня рекрутировали в Проповедники не за особые таланты, а исключительно по причине того, что не нужно было подписывать со мной контракт и выплачивать жалованье. Коматозник не возражал против кошмарных условий труда, не требовал надбавки за риск, не мог сорвать планы командования по причине невыхода в симулайф и не подавал на «Терра» в суд за несоблюдение какой-либо договоренности. На руку моим работодателям также играл тот факт, что вся моя немногочисленная родня проживала в России. Найти моих родственников было практически нереально, поскольку в Европе я жил по поддельным документам на имя некоего Арнольда Шульца, уроженца Австрии. Поддельный паспорт валялся в моем кармане и в тот злополучный день, когда вражеская пуля отправила меня в настоящий, а не виртуальный аут. Там мне предстояло пробыть без сознания почти двадцать лет, пока по чьей-то милости строгий режим моей «отсидки» не заменили на более мягкий, а в глухих стенах тюремной камеры не появились окна с видом на новый мир.

Прорицательница поведала мне еще кое-что. Скитальцы Фило и Анна являлись в действительности прожженными крэкерами, да не обычными любителями, а настоящими матерыми профессионалами. Моя соседка по камере полагала, что за дублями лицемеров скрывалась одна одиозная парочка, известная в Ауते под псевдонимами Тантал и Пиранья. Тантал и Пиранья принадлежали к своеобразной крэкерской элите и мало того – именно их одно время подозревали во взломе засекреченных каналов симулайфа. Правда, сами крэкеры публично от этого отреклись. Признаваться в такой аванюре значило добровольно сунуть голову в петлю – «Терра» объявила вознаграждение в миллион евро тому, кто предоставит ей исчерпывающую информацию о злоумышленниках. Однако те до сих пор разгуливали на свободе. Всемирная слава ловкачей, утеревших нос могущественной корпорации, крэкеров не прельщала – не те времена, чтобы безнаказанно афишировать в Ауте собственные преступления.

Тантал и Пиранья ставили перед собой цели, радикально отличные от целей собратьев-крэкеров. Неизвестно, честным ли путем Фило выбился в диктаторы, но по крайней мере в открытой одержимости Величием он замечен не был. По-видимому, Тантал и рвался к власти только затем, чтобы крепко обосноваться в Терра Нубладо и начать проворачивать свои подпольные делишки, не имеющие ничего общего с идущим в симулайфе игровым процессом. Пиранья все это время «плавала» у Тантала под боком, в целях конспирации также зарабатывая себе честное имя и всенародную любовь.

Пользуясь терминологией Проповедника, Фило и Анна исповедовали не имеющую пока аналогов форму одержимости; можно даже сказать, одержимость более высокого уровня. Существовая в полной гармонии с Балансом, крэкеры-профессионалы умудрялись так искусно бесчинствовать в симулайфе, что и волки были сыты, и овцы целы. Тантала и Пиранью не интересовали ни сверхвозможности, ни совершенное боевое мастерство, ни прочие забавы крэкеров-любителей. Вся одержимость Фило и Анны была направлена на зарабатывание денег, причем не тех «игрушечных» монет, что звенели в кошельках скитальцев Терра Нубладо. Строители башни Забвения получали от околпаченных ими игроков, в ряды коих угодил даже я, вполне реальные деньги. И неплохие деньги: «Эребус-Буцефал» – модная модель автомобиля в нынешнем, тридцать третьем году, – на цену которого мне рекомендовали ориентироваться при сборе выкупа, стоил порядка пятидесяти тысяч евро. С прорицательницы требовали меньше – тридцать тысяч, – но и это была приличная сумма.

Наверняка мы с Кассандрой являлись не первыми узниками ушлых крэкеров, и раз нам предлагалось выплатить именно столько, значит, предыдущие заложники

отдавали за свои драгоценные дубли не меньшие суммы. Затем и устраивал Фило ежедневные пиры, затем и демонстрировал широту души, чтобы привлечь к себе во дворец будущих пленников башни Забвения. Скитальцы, которые слетались в фуэрте Транквило как пчелы на мед и не угодили в цепкие лапы Тантала, рассказывали о нем только хорошее, чем способствовали укреплению авторитета местного повелителя. Судьба тех неудачников, кто раскошелился или потерял свой дубль, представляла загадку. Но каких-либо скандалов по этому поводу пока не случилось. Вероятно, Тантал нашел способ оградить себя и Пиранию от мести оскорбленных игроков, как здесь, так и за пределами Аута. Для того, кто сумел создать внутри симулайфа невидимую и неприступную Бастилию, обезопасить свою шкуру было уже не так сложно.

Мне дали на раздумье ровно сутки реального времени. За пределами Аута эти сутки абсолютно ничего не решали. Даже свершись чудо и выйди я из комы, у меня не было ни денег, ни элементарных физических сил на их поиски – четверть века без движения не шутка.

Зато за минувшие часы многое изменилось здесь, в секретной локации симулайфа. Благодаря Кассандре я мог теперь общаться с вымогателями без толкового словаря современных технических терминов. Окутывающий башню Забвения туман уже не казался мне таким непроглядным. Я знал, что скрывается за ним, и это вселяло уверенность. И хоть душу мне продолжало будоражить смятение, с этого момента будущее виделось мне в ином, более оптимистическом свете. Даже из проблематичного положения, в котором я очутился.

Я ждал появления Фило, и мне было о чем с ним потолковать. Пусть спишет мое прежнее идиотское поведение на нервный срыв – наш новый разговор будет спокойным, а станет ли он конструктивным, зависело от диктатора. Конечно, все мои доводы не имели пока реальных подтверждений, однако я рассчитывал, что, если Тантал дорожит своей шкурой, он сам раздобудет их. Наверняка с его талантами окажется несложно отыскать в Ауте информацию о подключенном к симулайфу коматознике и его связях с «Терра». Но устроит ли вымогателя то, что у него в заложниках оказался игрок, работающий под «крышей» мощной корпорации? Ведь Фило уже признавался, что подозревает «Терра» в содействии мне. И раз крэкера не остановили такие подозрения, значит, ему было что противопоставить даже отцам-основателям Терра Нубладо.

Разумеется, я не намеревался покинуть башню Забвения без своей «сокамерницы». На свободу выходим я и Кассандра – таковы были мои условия, и никакого торга. Благородство Танталу зачтется, уничтожение наших дублей станет для него непростительной ошибкой. Мне предстояло быть достаточно убедительным, чтобы

Фило уверовал в это. И все-таки здравым умом я осознавал, что даже если на крэкера подействуют мои аргументы, наш плен все равно закончится плачевно. Причина проста: пока «Терра» не подняла шумиху, лучше заранее избавиться от компрометирующих улик, пускай и надежно упрятанных.

Я долго собирался с мыслями и духом перед предстоящей «битвой авторитетов», только все мои старания оказались напрасными, поскольку внезапно вновь случилось то, что уже не раз портило мне загробную жизнь – очередной провал в памяти, будь он неладен. Предсказывать эту неприятность заранее было столь же сложно, как эпилептику – свои приступы. Из-за нее я так и не дождался Фило, но самое обидное – мне не удалось задать Кассандре многие волнующие меня вопросы.

Хотелось бы знать, как истолковала бы всезнающая прорицательница мои провалы в памяти. Но она непременно нашла бы им разумное объяснение, в этом я не сомневался.

Провал настиг меня вероломно, как и в тот памятный день, когда я вознамерился уйти в самовольную отставку. Снова приступ амнезии разразился во время бодрствования, и снова в присутствии прекрасной дамы. Не успел я удивиться, отчего это я кувыркнулся со стула, как в следующий миг обнаружил, что упал не на пол, а на мягкую траву. Откуда под ногами вдруг взялась трава, я уже удивляться не стал – в башне Забвения чудеса были в порядке вещей.

Я осмотрелся и определил, что нахожусь вовсе не в башне, а на лесной поляне, в окружении поросших мхом развалин, и вокруг – ни души. Ну и дела! Я ожидал от крэкеров всего, чего угодно, только не мгновенной амнистии. Неужели Тантал умудрился прочесть мои мысли?

Пьянящий воздух свободы обжег мне легкие, выветривая из них остатки тяжелой атмосферы башни Забвения. Перед глазами запульсировали круги, а в ушах все еще звучали последние слова Кассандры, сказанные ею буквально десять секунд назад.

«Знаешь, Арсений Белкин, ты – самый любопытный человек, которого я встречала в своей жизни, – заметила девушка перед тем, как я рухнул в провал беспомощности. – Если нам с тобой не повезет выйти из этой башни обратно в Терра Нубладо, я обещаю, что непременно отыщу тебя, в какой бы клинике ты ни находился...»

Я тоже хотел кое-что пообещать Кассандре, но, к сожалению, не успел. Именно в этот момент покровители и решили стереть из моей «симужизни» очередной кусок. Мое мнение на сей счет их, как обычно, не интересовало...

Глава пятая

– Повторите, что вы сказали, профессор! Вы в своем уме? Что означает – Джесси пропал?

– Спокойнее, Патрик. Не надо кипятиться. Джесси жив, и это главное. Графики его показателей в норме, однако в Терра Нубладо он на данный момент отсутствует. К тому же досье Проповедника повреждено и к нему нет доступа.

– Сбой в интеграторе?

– Нет, дело не в этом. Ты будешь удивлен, Патрик, но похоже, неприятность с Джесси аналогична той, что приключилась с твоей дочерью. После того, как Альберт Госс определил, что его патология тут ни при чем, я по рекомендации мистера Адамса потревожил многоуважаемых креаторов и заставил их немного поработать сверхурочно. Пока я разговаривал с Гамма-креатором по поводу отторжения Джесси от Терра Олимпия, Бета-креатор досконально просканировал для меня Терра Нубладо, разыскивая твою дочь.

– Огромное спасибо вам за заботу, Элиот. Удалось что-нибудь выяснить?

– Ничего, кроме того, что мы уже знаем. Даже всемогущий креатор оказался бессилён. Малышки Анабель нет в туманном мире, и где она может сегодня быть, одному богу известно.

– Госс меня немного утешил, и теперь я верю: моя девочка вскоре вернется из симулайфа и сама расскажет, что с ней приключилось. Вчера я нанял для Бель двух сестер-сиделок, чтобы они дежурили возле нее круглосуточно. Сиделка звонит мне каждый час и сообщает о самочувствии дочери. Радостных новостей пока нет, но по крайней мере, состояние Бель стабильное. Она сильная, так что мы справимся. Обязательно справимся... Давайте теперь сосредоточимся на служебных проблемах. Значит, от Джесси тоже ни слуху ни духу. Что говорят ребята из группы слежения?

– Не знал бы я их как облупленных, решил бы, что они водят меня за нос. Вот, взгляни-ка сам.

– Что за... бред! Последняя точка фиксации – северное побережье моря Встречного Ветра! Но Джесси обязан быть где-то в окрестностях фуэртэ Транквило! Именно там он находился во время экспериментов по переносу его дубля в Терра Олимпия. Даже воспользуйся наш парень самым быстроногим жеребцом, ему не преодолеть пол материка за такой короткий срок. Уму непостижимо!

– Все верно, Патрик. Последние следы малышки Анабель были обнаружены возле восточной границы, но мы не придали этому значения, поскольку не следили за ее перемещением. Однако путь Джесси отслежен нами довольно тщательно. Такое впечатление, будто кто-то нарочно пускает нас по ложному следу!

– Нам нельзя исключать и эту возможность, профессор. Я бы счел ваши слова паранойей до той пресловутой атаки крэкеров, после которой многие наши секреты стали достоянием общественности. Сегодня в Терра Нубладо возможно все. «Терра» постепенно интегрирует технологии ВМВ в мобильную связь и Интернет, так что пора готовиться к тому, что скоро нас захлестнет поток проблем, с которыми наши конкуренты борются уже не первое десятилетие. Атака крэкеров-идеалистов, радеющих за полную открытость Ауа, – лишь начало. За ними обычно следуют искатели легкой наживы, а им плевать на идеалистов и их принципы, хотя лицемеры и не брезгают прикрываться ими при каждом удобном случае... Профессор, а вы не пытались связывать исчезновение Джесси с его отторжением Гамма-креатором? В конце концов, это могут быть и последствия некорректного выхода.

– Вероятность есть, но небольшая. Рассматривать ее я буду лишь в последнюю очередь. А что касательно самого отторжения, то очевидно, корень проблемы кроется не в Джесси, а в Гамма-креаторе.

– Вы выяснили это после разговора с ним?

– Я решил так после того, как свел его и Бета-креатора в одной лаборатории для сверхурочной работы. Мы давно знали, что креаторы – полные противоположности друг другу, но окончательно я убедился в этом, когда лично пронаблюдал за ними в течение получаса. Они не сцепились между собой только потому, что в их компании присутствовал я, и готовы были спорить до хрипоты по любому поводу. Взгляды на жизнь Мануэля Васкеса и Моргана Платта разнятся настолько, насколько отличны и порожденные ими миры. А мы с тобой предприняли рискованную попытку перенести часть одного мира в другой. Отсюда и конфликт. Гамма-креатор отреагировал так бурно не только на Джесси, но и на то, что вместе с ним в Терра Олимпия угодила частица чужеродного мира.

Теперь я признаю, что ошибался: эксперименты с переносом Джесси лучше было не начинать— до добра они не доведут. Мало того, Гамма-креатор поставил мне ультиматум, чтобы Джесси больше носа не показывал в Терра Олимпия, а иначе творец третьего симулайфа не отвечает за последствия.

— Мы еще обсудим этот вопрос с Гамма-креатором, профессор, но сейчас давайте вернемся к насущной проблеме. Вариантов ее решения у нас мало, а точнее, всего один. Поэтому не будем тянуть резину и отключаем нашего героя от интегратора по аварийному сценарию.

— У Джесси непременно случится эмоциональный срыв, Патрик. Возможно, самый сильный за всю историю. Нам не раз приходилось корректировать поведение Джесси манипуляциями с его досье, но от интегратора мы нашего мальчика еще ни разу не отключали. Мы можем лишь предполагать, что произойдет с Джесси после перезагрузки дубля и удастся ли она вообще.

— Иного выхода нет, профессор. Действуем по следующей схеме: вы дожидаетесь, пока я уничтожу поврежденное досье Джесси, и без промедления загружаете в симулайф его последнюю резервную копию. Для возрождения Проповедника выберем ту точку «Феникс», которая ближе всего к фуэртэ Транквило— я не верю, что подопытный пропал на берегу моря Встречного Ветра. После этого я сам отправлюсь в симулайф и перехвачу Джесси на месте. Надеюсь, что застаю его в здравом уме и трезвой памяти, поскольку ему предстоит дать нам подробный отчет о своем «прогуле».

— Что ж, давай попробуем, мой друг. По местам, и приступим с богом. Только умоляю тебя: не дави на парня, когда встретишь его. Помни: он будет сильно перевозбужден и ему потребуется время, чтобы успокоиться.

— Вы переживайте о своей части операции, а я уж как-нибудь позабочусь о своей. Но вы правы: божья помощь была бы для нас сейчас очень кстати...

Таким разъяренным я себя в Терра Нубладо еще не припоминал. Даже после прежних приступов амнезии мне не приходилось испытывать столь дикую ярость, хотя бесноваться порой было с чего — взять хотя бы ту многообещающую, но несостоявшуюся ночь с Консуэлой. Приступ ярости охватил меня прямо на поляне, на которой я очутился после того, как неизвестная сила выбросила меня из башни Забвения. Я метался среди нагромождения каменных глыб, напоминавших Стоунхедж, в центр которого угодила авиабомба, остервенело орал, брызгал слюной, пинал камни, кусты и траву. Хорошо, что вокруг не было людей, иначе

кому-нибудь крепко не поздоровилось бы. Отбив ноги, я выхватил штуцер и выстрелил дуплетом, даже не посмотрев куда. Пули с противным визгом несколько раз срикошетили от камней, и просто чудо, что ни одна из них не зацепила меня.

Необъяснимое безумие овладело моим рассудком. Злость била из меня ключом и заставляла вести себя откровенно по-идиотски. Я злился не только на вероломного диктатора, но и на весь окружающий мир, утративший для меня последнюю привлекательность после вскрывшейся правды.

Выпустив пар и обессилив, я ничком плюхнулся на траву, пытаюсь отдышаться и недоумеваю, какая муха меня укусила. До сей поры я ни разу не впадал в состояние аффекта и потому не мог сказать, возможно ли его появление без видимой причины. То есть причина безусловно имелась, только к этому моменту я успел свыкнуться со всеми неприятностями и в последние часы заточения воспринимал ситуацию спокойно. Решив в итоге, что причиной для всплеска агрессии послужила резкая перемена обстановки, я сконцентрировался и постарался взять себя в руки. Не хватало еще, чтобы кто-либо заметил беснующегося Проповедника и раззвонил об этом на весь симулайф. Пусть Терра Нубладо и искусственный мир, пусть все здесь понарошку, однако дурная слава была мне один черт не нужна. Если у прочих скитальцев имелась в наличии вторая, настоящая жизнь, то мне приходилось довольствоваться только этой, что заставляло меня относиться к собственной репутации не менее трепетно, чем раньше.

И все же свидетель моей постыдной выходки отыскался. Чувствуя себя опустошенным, я поднялся с земли и, потирая ушибленную ногу, поковылял было прочь, но меня остановил окрик:

– Эй, далеко собрался?

Я нехотя обернулся, уже зная, кому принадлежит этот голос, и вместо приветствия раздраженно произнес:

– Гляди-ка, оперативно сработали, когда нужда заставила!

– Куда ты запропастился? – осведомился маэстро Гвидо, выходя из-за грубо отесанной скалы, напоминавшей заготовку для античной колонны. Только сейчас я обратил внимание, что камни, о которые я отбил ноги, были не чем иным, как руинами храма Огненной Птицы. Или точкой «Феникс», на которой в обязательном порядке побывали все воскресшие, кому доводилось умирать в симулайфе. Надо полагать, я очутился здесь отнюдь не случайно. Как, впрочем, и Гвидо.

– Куда запропастился, говоришь? А что, ты не в курсе, где меня можно найти? – огрызнулся я, снова начиная злиться. Но для перерождения этой злости в прежнюю ярость во мне уже не осталось энергии. – На больничной койке, под капельницами! Не знаю только номер палаты, но это не проблема. Ищи коматозника, у которого к голове привязана ваша дурацкая антенна!

Было любопытно, как отреагирует Гвидо на такое заявление, но, к моему разочарованию, ни единый мускул не дрогнул на лице невозмутимого маэстро. Что, впрочем, было вполне нормально для того, кто на искусстве лицемерия давно собаку съел.

– Брось нести вздор! – возмутился Зануда, останавливаясь от меня на некотором расстоянии. После того безумия, что он сейчас наблюдал, меры предосторожности в беседе с Проповедником были отнюдь не лишними. – Опять за старое взялся: не успел рот открыть, а у меня уже уши опухают! Когда наконец запомнишь, что я не обладаю иммунитетом к Мертвой Теме!

Или Гвидо настолько искусно притворялся, или на самом деле ничего не понимал. Нет, это вряд ли – взгляд у маэстро прищуренный и настороженный. Я, конечно, не дипломат, но тоже кое-что смыслю в человеческой психологии – все-таки не со школьной скамьи сюда пожаловал.

– Рассказывай кому-нибудь другому свои дешевые сказки! – Мой боевой настрой на словесную схватку с Фило после вспышки ярости не исчез и пришелся теперь очень кстати. – Грандиозные идеи насчет Абсолютного Баланса, мое великое предназначение, твои чувствительные уши... Сыт по горло! Давай-ка наконец поговорим начистоту... А не желаешь, тогда предлагаю сделку: ты выкладываешь мне всю правду, а в ответ получаешь ценную информацию.

– Да что с тобой случилось? Сейчас же прекрати истерику и отвечай, где тебя носило! – сострожился Гвидо.

– А иначе что? Снова сотрешь кусок памяти и опозоришь меня перед трактирной потаскухой? погоди, старый хрыч, дай только из комы выйти! Я вашу проклятую «Терра» по судам затаскаю!

Новый выпад, новый укол, и опять никакого эффекта! Непрошибаемый ублюдок этот маэстро. Видать, готовился к тому, что рано или поздно я прозрею и начну брыкаться уже не на шутку. Сильный противник для словесной баталии, что тут говорить. Чтобы расколоть такого, придется поднапрячься.

– Послушай меня, мой мальчик... – Голос Гвидо дрогнул и сразу обрел отеческую теплоту и мягкость. – Сжался над старым человеком и перестань говорить при

мне такие жестокие слова. Я не знаю, где ты был и от кого наслушался этого бреда, но повторяю: ты должен слушать только меня, ведь я – твой единственный друг. Ты у Баланса на хорошем счету, поэтому не заставляй наших покровителей разочаровываться в тебе. Я угодил в Терра Нубладо при таких же странных обстоятельствах, как и ты, и тоже несведущ во многих здешних истинах. Но я давно смирился со своей участью и принимаю этот мир таким, каков он есть. И он не так уж плох, поверь. Когда доживешь до моих лет, обязательно убедишься в этом. Так что сядь, успокойся и по порядку расскажи, где ты был и что видел. Пожалуйста, мой мальчик, сделай так ради своего же блага!

Ловкий контрудар, дьявол меня побери! И пусть Зануда использовал подобную тактику не впервые, при виде его жалостливого лица я чуть было и впрямь не дрогнул и не пошел на попятную. Старик, умоляющий прекратить издеваться над ним, разжалобит кого угодно. Раньше это воздействовало на меня безотказно. Но тогда мне попросту нечем было крыть подобный расклад. Сегодня же у меня на руках скопилось несколько козырей, которые я пока не выбрасывал, в то время как Гвидо свой главный козырь уже выложил. Однако прежде чем бить карту маэстро, мне в любом случае требовалось основательно поразмыслить.

– Ну ладно, старик, все в порядке, успокойся, – улыбнулся я, притворяясь, что готов пасовать в этой игре. – Просто переволновался, вот и накричал на тебя сгоряча. Извини несдержанного дурака. Как ты нашел меня?

Простой вопрос, равносильный козырной шестерке. С нее и пойдем.

– Силы Баланса привели меня сюда, – ответил маэстро, разведя руками. – Я просто шел, пока не очутился здесь, вот и все.

– Однако выходит, Баланс знал, где меня следует встречать, – заметил я. – А раз так, значит, он отлично знал, где я находился до этого. Зачем же тогда он присылает ко мне с расспросами своего посредника? Странно все это, тебе не кажется?

– Нет, – не раздумывая отозвался Зануда. – Воля Баланса неподвластна примитивному мышлению его слуг. Нам не постичь ее при всем желании. Однако выполнять высшую волю мы обязаны, какой бы странной она нам ни казалась. Будь добр, постарайся впредь не отвлекаться от темы. Время идет, и то, о чем ты должен мне сообщить, наверняка не требует отлагательств.

– Это точно, старина, – согласился я. – Если мы не поспешим, твоя девушка может погибнуть. Если я все правильно понял, у нее в запасе осталась всего пара дней, после чего ее казнят.

– Какая девушка? – пристально посмотрел на меня Гвидо. – Там, где ты пропадал, была девушка? Как ее звали?

– Понятия не имею, – ответил я. Это являлось полуправдой, поскольку своего настоящего имени Кассандра мне так и не открыла. В отличие от меня, она упорно хранила инкогнито, резонно опасаясь, что у стен башни Забвения имеются уши. – Но ты должен прекрасно знать эту девушку, так как сам показывал мне намеренно ее портрет.

– Ты явно запомнил, – помотал головой маэстро. – Ничей портрет я тебе не показывал. Однако попрошу тебя рассказать об этой девушке поподробнее. Это может быть крайне важная информация.

– Ах да, – спохватился я. – И верно, не показывал – мне же все это приснилось! Такой яркий сон был... Ладно, забудь, зачем тебе знать о моих снах? И о девушке тоже забудь – она не имеет отношения к делу. Просто сон в руку оказался, и все... А погибнет девчонка, так даже и лучше – одной одержимой меньше останется.

– Я желаю знать все о девушке, которая тебе встретила! – категорично потребовал Гвидо. Голос его вновь обрел жесткость. А также искренность, в которую не особо верилось, когда Зануда давил на жалость.

– Кто хочет знать: ты или Баланс? – попросил я уточнения. Броня хладнокровия у маэстро дала трещину. Мне требовалось продолжать бить в уязвимое место, пока защита противника не будет полностью разрушена. Что последует за этим, предсказать было сложно. Раньше в общении с Занудой я никогда не переступал грани приличия.

– Это одно и то же, – ответил Гвидо. – Когда я требую от тебя чего-либо, то всегда выражаю волю Баланса. Захочу поболтать на личные темы, так и скажу.

– Значит, хочешь знать о девушке... – Я поморщился и озадаченно почесал переносицу. – Но там, где я был, только по грубым подсчетам находилось сотни три девушек. И многим из них может через два дня не поздоровиться... – Вот сейчас я ударился в откровенную ложь, но у человека с атрофированной совестью, каким являлся Арсений Белкин, это получалось легко. – Тебе рассказывать о каждой из девушек или только о той, которая мне снилась?

– Начни с нее. Ты, кажется, сказал, что она одержимая?

– О, старик, в том отвратительном месте, куда меня занесло, она была далеко не самая одержимая. Перед тем, как я встретил именно ее, мне довелось пообщаться с двенадцатью такими валькириями, что волосы до сих пор от ужаса шевелятся.

Первую звали Ермина. Ни за что не догадаешься, в чем проявлялась ее одержимость...

В принципе, я был готов к эмоциональной детонации маэстро, поскольку именно ее и провоцировал. Однако, когда вместо заложенной тобой тротиловой шашки вдруг взрывается ядерная боеголовка, получается довольно жуткая картина.

– Да ты издеваешься надо мной! – вскричал Гвидо, и не успел я моргнуть, как он в один прыжок очутился рядом, после чего – трудно было в это поверить! – схватил меня за грудки, без особых усилий оторвал от земли и прижал лопатками к торчащей позади глыбе. – Отвечай, где девушка, ты, неблагодарный зажавшийся дегенерат! Отвечай, а иначе размажу тебя о камень, как кусок дерьма!

Не то чтобы меня шокировала такая реакция маэстро – в башне Забвения во время провокации Фило я вел себя не лучшим образом. Просто было непривычно наблюдать, как полусонный меланхолик Гвидо мгновенно преобразился в крутого вышибалу. А комичность моего положения заключалась в том, что прессующий меня по всем правилам Зануда был на голову ниже и не больно-то широк в плечах. Зная его столько лет, я ни разу не заподозрил, что за заурядной внешностью маэстро кроется такая недюжинная мощь. Ощувив ее на своей шкуре, я сразу поверил, что угроза размазать меня по камню – это не блеф. Свирепый взор маэстро свидетельствовал о том же.

– Попробуй размажь! – прохрипел я, суча ногами в полуметре от земли. Гидравлический автопогрузчик, и тот не припер бы меня к стене так основательно. – Забыл, где мы? Это же точка «Феникс», мать твою! Здесь даже разорванные шрапнелью воскресают!

Глаза маэстро сузились, а из горла вырвался натуральный животный рык.

– Подонок! – вконец рассвирепел Гвидо, отрывая меня от глыбы и швыряя через голову с легкостью профессионального рестлера. Я шмякнулся оземь с такой силой, что в дерне подо мной образовалось углубление. Внутри все екнуло: желудок и печень, похоже, поменялись местами, кишечник сплелся в узел, сердце сбилось с ритма, а легкие отключились аж на несколько секунд. Упав я сейчас головой на камень, наверняка успел бы заметить собственные разбрызганные мозги. Однако и от удара о мягкую землю голове пришлось несладко. Уши наполнились звоном, а перед глазами на фоне ясного неба вспыхнули звезды, тут же заплясавшие в хаотичном танце. Давненько не приходилось терпеть такого бесцеремонного к себе отношения. Впрочем, сам ведь на это и напрашивался.

Драться с Гвидо на кулаках было бесполезно, как и останавливать несущийся локомотив, встав у того на пути. Однако оставлять без ответа такое оскорбление было негоже. Совершенно не ощущая отбитого тела, я перекатился на бок и выхватил «Экзекутор». Вот сейчас на примере взбесившегося старикана и посмотрим, как выглядит со стороны таинство воскрешения в симулайфе.

Мерзавец-маэстро обладал не только мощью Кинг-Конга, но и проворством макаки. Я намеренно не стрелял дуплетом, дабы сберечь второй заряд на случай промаха, но Гвидо шутя увернулся от обеих пуль, после чего скачком сократил дистанцию и ударом ноги вышиб штуцер у меня из рук. А затем от души заехал мне кулаком под дых.

Второй раз за минуту я забыл, как дышать. А Зануда и вовсе решил перекрыть мне кислород, сомкнув пальцы у меня на горле железной хваткой. Я сопротивлялся изо всех сил, но мое жалкое ерзание больше напоминало агонию вздернутого висельника. Продолжай маэстро сжимать хватку, он сломал бы мне и гортань, и позвоночник. Рассвирепевший Гвидо был в полушаге от того, чтобы осуществить сей далеко не смертный в туманном мире грех. И, вероятно, осуществил бы, не случись в этот миг очередное странное происшествие.

В нескольких метрах за спиной маэстро прямо из ничего вдруг возникло сизое облако не то дыма, не то тумана. Вопреки логике, облако не развеивалось на ветру, а, наоборот, начало собираться в плотный шарообразный сгусток, который сначала стал ослепительно белым, а после запульсировал зеленым светом, словно в такт неслышимой музыке. Потом раздалось шипение, которое я с трудом различал сквозь свое сдавленное сиплое дыхание. Однако вскоре шипение перешло в свист, напоминающий звучащую на высокой ноте флейту, а облако-шар обрело окончательную форму, сжавшись в диаметре приблизительно до двух метров и не прекращая пульсировать.

Занятый моим удушением, Гвидо поначалу не обратил внимание на то, что творилось позади него, но усиливающийся свист заставил-таки его обернуться. Впрочем, увиденное не стало для Зануды сюрпризом: у него на лице отразилось не удивление, а раздражение, пришедшее на смену гримасе лютой ненависти. Маэстро грязно выругался и ослабил хватку, позволив мне наконец вздохнуть полной грудью. После чего, не дав мне отдышаться, снова ухватил меня за грудки и рывком поставил на ноги.

– Стой и не дергайся! – приказал Гвидо, косясь на мерцающий шар. – Позже договорим. И не вздумай от меня убежать!

«С чего это ты, старый хрыч, взял, что я буду от тебя убегать?» – хотел было возмутиться я, но не успел, поскольку в этот момент свист оборвался, а зеленый шар исчез, будто его и не было. Однако кое-что, а точнее кое-кто вместо него все же остался. В центре храма Огненной Птицы стоял человек, облаченный в грубое крестьянское одеяние и поношенные ботинки. Человек тер глаза и тряс головой, очевидно, приходя в себя после случившегося. Присмотревшись, я не обнаружил у него оружия, даже примитивного ножа, с какими в Терра Нубладо не расставались и дети. Тем не менее возникший из шара незнакомец определенно принадлежал к скитальцам, что лишний раз подтвердили ругательства, которыми он разразился, как только пришел в себя.

– Дьявол! Дьявол! Дьявол! – наплевав на Мертвую Тему, заладил во весь голос воскресший, в отчаянии обхватив голову руками. – Поганая «Терра» со своими погаными правилами! Поганый Квинт! Как ты, выродок, сумел почуять меня в темноте за полста шагов?! Как, черт тебя побери?! Ладно, тварь, рано или поздно, но я до тебя доберусь! До всех вас доберусь! Плевать я хотел на ваш авторитет, слышите! Пле-вать!!! Пле-вать!!! Пле!.. А... Какого хрена!.. Вы здесь откуда?.. То есть, я хотел сказать... добрый день, респетадос! Или утро?.. Или что у нас сейчас?

Комментарии были излишни. История, рассказанная мне Кассандрой, получила очередное убедительное доказательство. Только что на наших глазах точка возрождения «Феникс» воскресила очередного игрока, павшего где-то на безграничных просторах Терра Нубладо. Скиталец возвращался к жизни, имея при себе лишь верхнюю одежду, и если у него не были где-нибудь припрятаны на черный день оружие и деньги, воскресшему приходилось начинать игру в статусе нищего. Одними кулаками в туманном мире многого не добьешься, а за красивые глаза оружия здесь никто не выдавал. Даже диктаторы предпочитали нанимать на службу уже хорошо экипированных мерсенариев. Любопытно только, почему правило аннулирования инвентаря не сработало в моем случае. Опять спасибо Балансу?

Воскресший скиталец при виде нас оторопел. Неизвестно, был ли ему знаком маэстро Гвидо, но меня незадачливый вояка признал сразу:

– Респетадо Проповедник! Ты случайно не меня ждешь?

– Случайно не тебя, – ответил я, с опаской поглядывая на внезапно присмирившего Зануду.

– И хорошо, – обрадованно произнес скиталец. – А то я испугался: думаю, не успел на свет появиться, а меня уже в чем-то обвиняют.

– Все в порядке, мы здесь по другому делу, – утешил я его, после чего поинтересовался: – Я слышал, ты упомянул одно имя. Тебе знаком респетадо Квинт?

– Еще как знаком! – злобно бросил воскресший. – У меня с ним давние счета, и если бы ты не разнял нас тогда, в забегаловке у Марио...

– Ты был в «Посохе пилигрима», когда там застрелился скиталец? Что-то не припоминаю, – усомнился было я, но тут же смекнул: ведь Кассандра рассказывала, что, умирая в симулайфе, игрок утрачивал не только часть авторитета и вещи, но и приобретал для дубля новое имя, внешность и биографию.

– Не должен ты меня забыть, – заметил скиталец. – Это же я мошенника Кастора за руку поймал, что бы ты потом и не твердил про его честность.

– Берси?

– Он самый... еще пять минут назад был. А теперь... погоди-ка минуту, в новый паспорт загляну. – Бывший Берси полез в карман, извлек оттуда скитальческую записную книжку и открыл титульный лист. – Вот оно, мое новое имя – Антарий! А иду я, значит... – Он перелистнул страницу. – Ага – в фуэртэ Кабеса, чтобы купить породистого жеребца и перегнать его... проклятье – аж через всю страну на север! Откровенно дерьмовый дебют – ох, чую, отнимут у меня без оружия драгоценную кобылку... Хотя новое имя получше прежнего будет, и на том спасибо.

– Что ж, удачи тебе, Антарий, – сказал я. – Будешь в фуэртэ Кабеса, передай привет торговцу оружием Чико – давненько я его не навещал.

– Вот здорово – и побочное задание уже есть! – обрадовался Антарий, затем схватил карандаш и занес мое пожелание в блокнот. – Обязательно передам твой привет: мне сейчас лишний авторитет ой как необходим.

– Прошу вас, респетадо, не задерживайтесь, уходите, – поторопил его Гвидо. – А то можете угодить в серьезную передрагу. Не думаю, что в вашем бедственном положении вам этого хочется.

– Спасибо за совет, уже бегу... – засуетился Антарий, но тут же спохватился. – Эй, папаша, а у тебя случаем никаких поручений для меня не найдется? Был бы весьма признателен.

– Нет, не найдется, – ответил маэстро. – Всего вам доброго, Антарий. Впредь будьте более осмотрительны и не подкрадывайтесь в темноте к таким скитальцам, как респетадо Квинт.

– Там будет видно... Ух ты, какая серьезная пушка у вас тут валяется! – воскликнул скиталец, запнувшись о лежащий в траве «Экзекутор». В глазах воскресшего появился нездоровый блеск: искушение разжиться на «безрыбье» мощным оружием было, надо полагать, велико. Антарий замер над штуцером в напряженной позе, спешно соображая, каковы у него шансы завладеть драгоценной находкой и удастся ли ему сбежать от нас с трофеем. Наверное, Антарий уже трижды проклял себя за то, что вообще заикнулся о штуцере – скитальцу следовало молча хватать его и живо рвать когти.

– Оставьте ружье где лежит, – посоветовал Зануда и, видя, что Антарий колеблется, угрожающе добавил: – В нем нет патронов, а вот револьвер в кармане у респетадо Проповедника заряжен. Шесть пуль – шесть возродений, и за каждое с вас, респетадо Антарий, будет сниматься опыт. Арифметика проста, так что можете прикинуть, каким «опытным» вы уйдете отсюда, когда в револьвере моего друга опустеет барабан.

С арифметикой у Антария был полный порядок, поэтому с расчетами Гвидо скиталец согласился сразу и без возражений. Бросив тоскливый взгляд на близкий, но недостижимый «Экзекутор», разочарованный Антарий перешагнул через находку и побрел прочь, то и дело оглядываясь и бормоча что-то под нос.

– Подбери свое добро от греха подальше, – приказал Зануда, кивком указав на штуцер. – И прошу прощения за мою несдержанность. А также за то, что врал тебе, будто боюсь Мертвой Темы. Надеюсь, ты сумеешь меня понять, хотя для тебя это будет сложно. Значит, решил поторговаться? Что ж, давай поторгуемся.

Удивительные вещи порой происходят на свете. Неизвестно, сколько бы продолжалась наша разборка с Гвидо, не появившись на сцене человек, вмешательства которого в наш спор я ожидал еще меньше, чем вмешательства Всевышнего. И уж тем более не ожидал, что этот инцидент перевернет все с ног на голову. Своим воскрешением Антарий-Берси помог мне припереть к стенке упрямого маэстро еще крепче, чем до этого Гвидо в буквальном смысле припирал к стене меня. Пусть теперь Зануда попробует доказать, что я несу ему вздор!

Но Гвидо не стал больше настаивать на своем и затеять новую драку. Плечи маэстро поникли, а взгляд потух, отчего Зануда вмиг состарился лет на десять. Не ощути я своими намятыми боками, на что способен этот невзрачный человечек, сроду бы не поверил, какая мощь в нем таится.

– Я готов ответить на некоторые твои вопросы... – Гвидо говорил тихо и обреченно, при этом старательно избегая смотреть мне в глаза. – Но сначала

расскажи, откуда тебе известно о точке «Феникс», о «Терра», о том, что ты в коме... Ты узнал это от Анабель?

– Если ты имеешь в виду девушку, о которой я говорил, то да – она оказала мне услугу и помогла пролить свет на кое-какие тайны вашей... вернее, нашей реальности, – подтвердил я. – Две тысячи тридцать третий год, корпорация «Терра», Внешние Ментальные Волны, симулайф, крэкеры... Не скажу, что я до конца вник во все это, но общее представление получил. Только девушку звали не Анабель, а Кассандра.

– Да-да, ее дубль действительно зовут Кассандра, как я мог забыть об этом? – закивал Гвидо. – Анабель – ее настоящее имя. Так же, как и мое – Патрик Мэддок. Я действительно работаю на «Терра». Скажу больше: я являюсь исполнительным директором отдела медиа-игр – одной из самых прибыльных наших отраслей. А твое имя, дай припомнить... Арнольд Шульц, так?

– Неправильно. Я – Арсений Белкин. Но об этом в Европе знали единицы. Неудивительно, что сегодня в истории моей болезни написано другое имя.

– Где Анабель, Арсений?

– погоди, Патрик, не спеши – моя очередь спрашивать... Кстати, сколько тебе лет? Не здесь, разумеется – там, снаружи.

– Сорок семь.

– Вот как?! Значит, в действительности я старше тебя! Здорово! Ладно, можешь по старой дружбе и дальше называть меня на «ты» – не обижусь... Итак, Патрик, я хоть и в коме, но мыслить логически пока не разучился. Давай оставим мою биографию на потом; скажи-ка для начала, почему крупная шишка, как ты, вдруг начала беспокоиться об игроке, скрывающемся за дублем «Кассандра»? Причем информация о прорицательнице Анабель нужна маэстро Мэддоку так сильно, что он готов ради этого вышибить дух из Проповедника Белкина? Причина явно кроется за пределами Аута, не так ли?

– Все проще некуда, – ответил Патрик. Несмотря на это уверение, голос его все равно дрогнул. – Анабель – моя дочь, и она почему-то не желает или не может вернуться из симулайфа. Алгоритм ее выхода не действует – проверял неоднократно. И потому я сильно тревожусь.

– Ну... это многое объясняет, – признался я, на сей раз не видя повода не доверять словам обеспокоенного отца. – Только зачем ты скрывал от меня этот факт?

– Скажу начистоту: я не хотел, чтобы ты встречался с Анабель. Ты мог принять ее за одержимую и обидеть.

– А она действительно одержимая?

– У нее иммунитет к Мертвой Теме и еще кое-какие привилегии, которыми пользуются в симулайфе резиденты «Терра». Анабель не подозревает, что я оградил ее от множества местных бед. С твоей профессиональной неприязнью к одержимым тебя опасно подпускать к моей девочке.

– Ты меня прямо за маньяка какого-то принимаешь! – обиделся я. – Зря, между прочим, беспокоился: мы неплохо пообщались в гостях у диктатора фуэртэ Транквило...

Откровенность за откровенность – раз договорились обмениваться информацией на таких условиях, значит, слово надо держать. Мой подробный рассказ о злоключениях во дворце Фило заставил маэстро крепко призадуматься. Помимо своей истории, я поведал мистеру Мэддоку версию его дочери, перечислив лиц, которых Кассандра подозревала в похищении наших дублей. Гвидо нахмурился и в раздумьях уселся на траву. Беспокоить маэстро сейчас было как-то неловко, однако если у него закончились ко мне вопросы, у меня их имелось еще предостаточно.

– В чем проблема, Патрик? – осведомился я. – Ты же сумел вытащить меня из башни Забвения, так вытащи оттуда и свою дочь. А уже потом решай, как свергнуть ублюдка-диктатора.

– Это абсолютно разные вещи – воскресить твой дубль и дубль обычного игрока, – с явной неохотой пояснил Мэддок. – У меня нет копии дубля Кассандры, чтобы произвести с ней такую же операцию. А просто взять и стереть досье дочери стало бы для нее чересчур тяжелой утратой – ведь она находится в симулайфе едва ли не со дня его основания. Тем более что Бель в этот момент самоотверженно прикрывает меня. Знаешь, почему девочка упорствует и не выдает вымогателям своего имени? Крэкера уровня Тантала моя фамилия не отпугнет, а, наоборот – подстегнет раскрутить жертву на максимально крупную сумму. А тщеславие у крэкера как разыграет: смотрите все, я заставил раскошелиться самого Патрика Мэддока!.. Но дело даже не в этом. Ради Анабель мне не жалко любых денег, только где гарантии, что крэкеры разблокируют ее досье, а не уничтожат его, или того хуже – оставят себе в нем скрытую лазейку, чтобы в будущем проделывать такие фокусы снова и снова. Ты не представляешь, как нам трудно бороться с врагами, Арсений. Мы движемся вперед непроторенными путями, и система безопасности симулайфа оставляет пока желать лучшего. Враги всю пользуются прорехами в нашей защите, и сегодня некоторые крэкеры даже кое в чем умнее

нас. Мы давно ведем с ними войну, но я и не предполагал, что в один прекрасный день жертвой этой войны станет моя Бель.

Патрик совсем сник. При взгляде на горюющего отца у меня просто язык не поворачивался задавать Мэддоку вопросы касательно моей туманной биографии. Не исключено, что я даже получу на многие из них правдивые ответы, только не станет ли это проявлением эгоизма к моему старому другу? Пусть скрытному и иногда самому проявляющему эгоизм, но все-таки другу. Выведав, чем в действительности объяснялся его гнев, я простил Гвидо его рукоприкладство. Глупо затаивать злобу на друзей, чьи необдуманные поступки были следствием крайних обстоятельств. Патрик нуждался в поддержке, и я был готов оказать ему такую. Но уже, разумеется, не только из дружеских соображений – я рассчитывал, что, помогая высокопоставленному сотруднику «Терра», заслужу право знать, правдива или нет версия Кассандры о моем прошлом. У меня имелось основание считать, что Патрик Мэддок не откажет мне в этом. Не хотелось бы разочароваться в нем как в человеке чести – все же не зря он выбрал для себя в симулайфе образ миротворца и дипломата.

– Сколько времени я возрождался на точке «Феникс»? – любопытствовал я. – И как далеко отсюда до фуэртэ Транквило?

– Операция с твоим досье заняла у меня минут двадцать пять, – уточнил Патрик. – Я выбрал ближайшую точку возрождения к тому месту, где тебя видели в последний раз. До фуэрте Транквило отсюда рукой подать – приблизительно полдня пути... Да ты, похоже, задумал нанести Фило повторный визит?

– Почему бы и нет? Если не случилось ничего экстраординарного, в башне Забвения крэкеры появятся, как и обещали, – где-то через сутки. Поэтому сейчас они уверены, что я сижу там пригорюнившись и оплакивая свою участь. Глупо будет не использовать фактор внезапности и не ударить врагу в тыл. Посмотрим, насколько они ценят свои авторитетные дубли. Ты со мной или как?

– Почему тебя заботит судьба моей дочери? – ответил вопросом на вопрос Патрик. – Я всегда был убежден, что ты только и ждешь момента, чтобы выстрелить мне в спину.

– Иногда у меня и впрямь возникали подобные мысли, – признался я. – Однако я остался в долгу перед Анабель, а Фило кое-что задолжал мне. Такой беспорядок оставлять нельзя. Если ты в курсе, чем я занимался в реальности, значит, понимаешь, как трепетно Арсений Белкин относится к невыплаченным долгам. С тех пор прошло немало лет, но поверь, для меня эти годы ничего не изменили. Ты, конечно, можешь просто приказать мне поставить на уши эту чертову крэкерскую

цитадель, только я согласен сделать это и без приказа. Но с твоей помощью, само собой.

– Договорились, Арсений Белкин, – заметно воспрянул духом Патрик и поднялся с земли. – Я последую твоему совету, поскольку лучшего плана у нас за оставшееся время все равно не появится. Только предлагаю тебе подкорректировать стратегию. Зная местонахождение предполагаемой секретной локации, я бы мог использовать свои полномочия и изменить в нашу пользу некоторые параметры игры в том квадрате симулайфа. Не радикально – иначе мое вмешательство в игру потревожит Баланс и вызовет панику среди игроков, – но вам такая помощь окажется очень кстати.

– Кому это – «нам»?

– Тебе и моему дублю, которого я переключу в автономный режим. А мне придется покинуть симулайф и контролировать ваше перемещение с пульта дежурного администратора.

– Час от часу не легче! – проворчал я. – И что мне делать с твоим дублем? Волочить за собой на поводке?

– Зачем же так унижительно? Гвидо в автономном режиме очень покладистый и в меру сообразительный парень, почти не отличающийся от оседлого. С ним даже можно поговорить, если тебе станет скучно. Разумеется, что он будет беспрекословно подчиняться твоим приказам. А на что Гвидо способен в бою, ты уже убедился. Не беспокойся, вот увидишь – вы с Гвидо быстро поладите. Через него и связь поддерживать будем.

– И все равно, не по нутру мне это, – посетовал я. – Старый друг – он все-таки лучше новых двух. Ты уж, Патрик, приглядывай за Гвидо оттуда...

Я хотел было указать на небо, но спохватился, что понятия не имею, в какой стороне пролегает граница симулайфа. Впрочем, Патрик намек понял, подмигнул и показал мне большой палец. Жест Мэддока в переводе не нуждался...

Памятуя о том, что стража у ворот фуэртэ Транквило докладывает во дворец о каждом подозрительном визитере, я остерегся попадаться на глаза привратникам и отправил разобраться с этой мелкой проблемой Гвидо. «Обездушенный» дубль, которому весьма точно подходило определение «без царя в голове», отреагировал на мой приказ как и подобает образцовому телохранителю и без разговоров двинулся выполнять поручение.

Мы нарочно выбрали для посещения города позднее время, но постарались успеть до закрытия ворот и усиления караулов. Хотя, поглядев на то, как старик Гвидо уgomонил двух дюжих оседлых рекрутов, я подумал, что вряд ли у него возникли бы сложности с усиленным караулом. Все произошло, словно в кинофильме, где из сцены боя вырезали изрядный кусок. Вот Гвидо подходит к стражникам с приветливой улыбкой, не предвещающей никаких эксцессов, и в следующий миг привратники, разбросав оружие, валяются у ног маэстро. Не изменившись в лице, Гвидо отбуксировал незадачливых вояк в караульную будку, после чего замер возле нее в ожидании дальнейших распоряжений. Получи он сейчас приказ раскатать фуэрте Транквило по бревнышкам, то, наверное, без лишних вопросов начал бы прямо с этой будки.

Возможно, такая агрессия по отношению к привратникам была неоправданной, но я предпочел подстраховаться и не допустить, чтобы новость о нашем появлении достигла ушей Фило раньше времени. И даже сочти диктатор известие о втором явлении Проповедника глупым розыгрышем, он бы все равно насторожился, а это было нам совершенно ни к чему. Теперь же в любом случае эта новость придет во дворец с запозданием. Мы намеревались предстать пред очи Фило гораздо раньше.

До фуэртэ Транквило мы добирались часа четыре и успели аккурат к вечерним сумеркам; пришлось даже немного подождать, пока оседлые горожане-земледельцы стянутся в город с пригородных полей и у ворот не останется никого, кроме стражи. Две трети пути нам пришлось продирааться сквозь непроходимые леса, где можно было встретить только самых ярких искателей сокровищ (была среди скитальцев такая категория игроков; сегодня я наконец-то понял, кто периодически зарывал для них в земле сундуки с драгоценностями), да тех, кто, подобно мне и Берси, воскресал на точке «Феникс». «Терра» намеренно строила храмы Огненной Птицы в таких труднодоступных местах, чтобы они не нарушали иллюзию реальности, поэтому неудивительно, что я так редко натыкался на них. А когда и натыкался, то не придавал значения замшелым глыбам – мало ли странных мест довелось мне уже повидать в туманном мире?

Я не заблудился в лесу только благодаря Гвидо. Он перешел в режим «автопилота» еще на точке «Феникс» и все остальное время с молчаливым упорством вел меня обратно в лоно цивилизации. Мне приходилось полностью полагаться на проводника, поскольку собственным инстинктам в такой непролазной глуши я доверял слабо.

Маэстро не оплошал и вывел-таки меня на дорогу, но не ту, по которой я шел в фуэртэ Транквило в прошлый раз, а идущую к другим воротам. Следуя по ней, вскоре мы очутились возле уже знакомых мне городских стен. Разговаривать в

пути пришлось мало, а расспрашивать дубль Мэддока на волнующие меня темы я не стал, так как подозревал, что толковых ответов все равно не добьюсь. Да и к тому же был уверен, что Патрик все равно узнает обо всех моих расспросах «за глаза», что даст ему шанс подготовить заранее массу отговорок, если он вдруг передумает продолжать быть со мной откровенным.

Бурлившее в резиденции Фило веселье мы услышали, едва вышли на дворцовую площадь. Из распахнутых окон дворца гремела музыка и раздавались пьяные вопли, лишь отдаленно похожие на хоровое пение. Пока наши прогнозы сбывались, оставалось уповать на то, что в дальнейшем они также окажутся верными.

Контуры дворца хорошо просматривались на фоне закатного неба, и никакой башни Забвения я, естественно, не увидел. Все, как и во время прошлого визита, разве что народу побольше да шум погромче. Охрана у входа была довольно многочисленной, но я еще вчера определил, что состояла она сплошь из тупых оседлых рекрутов. Все скитальцы веселились сейчас внутри – ведь не для того же они, в конце концов, подключились к симулайфу, чтобы тратить время на унылые ночные бдения на постах? Днем – еще куда ни шло, можно для разнообразия и постоять, но кому из скитальцев охота делать это ночью, когда остальные игроки предпочитали праздновать и веселиться. Впрочем, отсутствие на ночной службе опытных мерсенариев с лихвой компенсировалось количеством хорошо вооруженных рекрутов. Рассматривать вариант лобовой атаки дворца мне следовало лишь в том случае, если бы я вдруг захотел срочно вернуться на точку «Феникс». Однако меня пока не тянуло к возврату в лоно природы.

– Итак, мы на месте, – обратился я к Гвидо, надеясь, что его хозяин все-таки настроил связь, которая на протяжении дня была не слишком устойчивой и часто пропадала. – Где твое обещанное чудо? Боюсь, без него будет много грохоту и мало толку... Эй, ты меня слышишь?

– Говори потише, я не глухой, – равнодушным голосом отозвался Гвидо, притаившийся рядом со мной возле решетчатой ограды дворца и тоже следивший за охраной сквозь заросли декоративных кустов. Дабы соблюсти конспирацию, мы старательно изображали в сумраке двух усталых пьяных скитальцев, которые возле резиденции разгульного диктатора смотрелись столь же естественно, как навоз у конюшни.

– Кто – я? – попросил я уточнения, поскольку не был уверен, с кем именно говорю в настоящий момент.

– Я – значит мы оба, – разъяснил маэстро Патрик-Гвидо. – Не обязательно конкретизировать, к кому из нас ты обращаешься. Разберемся, не маленькие.

– Сначала ты был один, потом выяснилось, что на самом деле вас двое, после – опять один, а теперь двое, только в разных «флаконах»! – скривился я в вымученной улыбке. – Этак, брат Мэддок, и рехнуться недолго.

– Ничего, привыкнешь, – утешил меня Гвидо. Или может быть, Патрик? – Ты, кажется, просил чудо? Взгляни-ка для начала вон туда.

И маэстро украдкой указал в направлении, откуда мы явились.

Еще полминуты назад на перекрестке ближайшей улицы и дворцовой площади стоял только столб-указатель, а теперь на тротуаре возле него торчали неизвестно откуда взявшиеся три невзрачных серых камня. Даже в сумраке они показались мне знакомыми. Подобные им глыбы я видел днем на точке «Феникс». Неприятный сюрприз получится для местных дворников, которые завтра утром выйдут подметать дворцовую площадь.

– Тебе больше заняться нечем, как только сад камней у Фило под носом устраивать? – проворчал я.

– Там будет твоя временная персональная точка возрождения, – пояснил Патрик. – Подстрахую тебя на всякий случай. Только все равно не теряй бдительности и постарайся слишком часто не умирать. Если враг обнаружит твой «Феникс» и блокирует его, тебя придется воскрешать по стандартной схеме, а это для нас неприемлемо.

– Огромное спасибо за заботу, – съязвил я. – И это все обещанные чудеса? Как-то негусто.

– погоди, Арсений, не торопи события. Думаешь, так просто вносить изменения в симулайф и не нарушить Баланс?

– У Фило это отлично получилось, – возразил я. – Может, вам нанять его консультантом и назначить оклад? Кстати, а какова моя зарплата? Или я на «Терра» за лекарства работаю?

– Заканчивай трепаться и слушай сюда, – перебил меня Мэддок. – У тебя будет в запасе ровно пятнадцать секунд, чтобы попасть во дворец. Не успеешь – пеняй на себя. Приготовиться! Отсчет начнется через восемь секунд. Семь!.. Шесть!..

– Стой-стой-стой! – взмолился я. – Что, прямо в главные ворота бежать? А рекруты?

– Вперед! – скомандовал Патрик. Дубль его при этом остался на месте согласно заранее оговоренному плану. – Время пошло! Один!.. Два!..

– Вот вляпался! – Я вскочил на ноги и, схватив «Экзекутор» наперевес, рванул к дворцу, напрямиком на взвод охраны. – Э-э-эх, где наша не пропадала!

Разумеется, Патрик знал, куда он меня посылает, так что приходилось ему доверять и подчиняться. В случае ошибки координатора я имел шанс поучаствовать в самом грандиозном проксимо-бою за всю жизнь. Соотношение сторон намечалось один к двадцати с учетом того, что сам маэстро на этом этапе операции не должен был вступать в схватку, а за спинами рекрутов стояло подкрепление из скитальцев, готовых при первых же выстрелах прекратить гулянку и броситься на помощь охране. Более отчаянного поступка я в Терра Нубладо еще не совершал.

Двадцать бойцов стояли между мной и дворцовыми воротами и смотрели... нет, не на бегущего навстречу Проповедника, а строго перед собой, не моргая, не поворачивая голов и вообще не шевелясь. Складывалось впечатление, что незадолго до меня здесь прошла медуза Горгона. Ожидая плотного встречного огня, я рванул было к цели витиеватым зигзагом, но только зря потерял пару драгоценных секунд – истуканы и не собирались стрелять по мне.

Задумываться о причинах массового ступора рекрутов было некогда. Рывком преодолев оставшееся до входа расстояние, я толкнул плечом позолоченную дверную створку и ввалился в холл. Перед тем как закрылась дверь, я успел заметить, что рекруты снова начинают шевелиться и выходить из «режима паузы», в который ввел их Патрик. Короткая заминка «массовки» осталась никем не замеченной, в том числе и самими рекрутами. Безобидный грешок, вряд ли как-то повлиявший на Баланс и отразившийся на игре честных скитальцев симулайфа.

Едва я переступил порог, как освещающие холл факелы потускнели и начали гореть неярким, но ровным светом. Полумрак, и ранее царивший в холле, теперь сгустился сильнее, отчего рассмотреть что-либо в плохо освещенных углах стало уже нельзя. Обстоятельство опять благоприятствовало мне, а значит, никакой случайности в потускневших факелах не было. Именно так и выглядело на практике изменение параметров симулайфа, чем в данный момент занимался в реальном мире Патрик Мэддок. Создать лишнюю точку возрождения, притупить бдительность оседлых рекрутов (со скитальцами этот номер не прошел бы – они не «декорации», и заморозить им сознание нельзя), притушить свет... Последнее – лишь мелкое неудобство, которое в пылу веселья заметит далеко не каждый. А если и заметит, не придаст значения – кому придется не по нраву романтическая

атмосфера, весьма благоприятная для интимных встреч с местными «фрейлинами»? Ну а те, кто уже надрался вдрызг, и вовсе сочтут, что у них просто потемнело в глазах от тропесара.

Факелы горели «вполнакала» во всем дворце, и это позволило мне почти беспрепятственно расхаживать по коридорам и залам – главное было не выходить из тени. Дабы изменить свой узнаваемый облик, я скинул шляпу и плащ, оставив из характерных атрибутов Проповедника лишь штучер. Теперь опознать меня в темноте мог разве что очень зоркий и трезвый скиталец. Присутствовали ли среди гостей те, кто обладал орлиным зрением, я не ведал, но трезвенников здесь не было даже среди оседлых слуг. Они не таясь сливали остатки вина из кубков в один, а потом прямо на месте осушали его. Благородный тропесар в буквальном смысле тек здесь рекой – пол был залит липким вином, а под ногами то и дело хрустели осколки посуды и бутылок.

Без шляпы и плаща я и впрямь стал на себя не похож, в чем убедился лично, когда однажды шарахнулся от своего отражения в зеркале. Поэтому неудивительно, как мне удавалось бродить по дворцу, не привлекая внимания. Для пущей мимикрии я подобрал со стола полупустой кубок и, держа его в руке, взялся старательно изображать нетрезвую походку. Полное слияние с окружающей средой было осуществлено.

Темные коридоры, шатающиеся по ним тени, пьяные крики, хохот и игривые женские голоса воскресили во мне воспоминания о похожих вечеринках, в коих я не раз поучаствовал до рокового сентября две тысячи восьмого года. Припомнилось даже нечто похожее, когда наша компания, отмечая окончание одного успешного дела, арендовала в Шотландии на пару дней маленький замок и устроила в нем натуральную средневековую оргию при свечах. Что говорить, повеселились тогда на славу. За два дня мы почти полностью разгромили бутафорскую обстановку замка и вдоволь отвели все свои низменные желания. Пришлось потом выплачивать страховку. Хотя владелец замка явно привык к подобным безобразиям и возмущался только для проформы; такой уж у него был бизнес – периодически осквернять и снова восстанавливать фамильное достояние.

У Фило пьяные оргии происходили ежедневно, отчего диктатор и вовсе не тратился ни на ремонт, ни на лишнюю меблировку. Судя по всему, во дворце исправно пополнялись только винные погреба, на содержимое которых хозяин денег не жалел. А башня Забвения возмещала диктатору затраты виртуальных денег вполне реальными средствами для безбедной жизни за пределами Аута.

У меня еще было в запасе время, поэтому я пока не рисковал маячить в многолюдных местах, а решил удостовериться, что дверь, за которой находился мост, ведущий к башне Забвения, существует в действительности. Дорогу туда я приблизительно помнил. К тому же по пути в башню Фило без умолку рассказывал мне о дворцовых достопримечательностях, и теперь это также помогало восстанавливать по памяти маршрут.

Я мог бы и не блуждать по дворцовым коридорам, а сразу двинуться на встречу с законспирированным крэкером. Но мне было необходимо дождаться, пока во дворце появится Гвидо – без него выводить негодя на чистую воду я не собирался. Непростое это дело – ловить скользкую рыбу голыми руками; куда проще поддеть ее сачком. Именно за ним маэстро сейчас и направился. Я же пока выяснял, какой способ рыбалки выбрать: спортивный или браконьерский, хотя сачок не помешает нам в любом случае.

Дверь на мост отсутствовала. Грешить на то, что я заблудился в темноте, было не резон. Я стоял именно там, где и должен был находиться вход в секретную локацию – вон и приметная картина с варварски вырезанным на ней ножом чьим-то вензелем висит там же, где и в прошлый раз. Однако двери нет. Желая убедиться окончательно, я придирчиво ощупал и обстучал стену, надеясь обнаружить искусный камуфляж в виде ложных панелей, но тщетно. Хотя сегодня удивляться таким фокусам не приходилось: в мире, где за секунду из земли вырастают камни, а воскрешение из мертвых считалось нормой, бесследное исчезновение обычной двери уже не воспринималось как чудо.

Отсутствие выхода на мост меня не удивило, но настроение все равно ухудшилось. Доказать существование башни Забвения было невозможно, и даже отыщи я эту дверь, не факт, что за ней оказалась бы злополучная цитадель. Коварная крэкерская ловушка становилась видна лишь тогда, когда ее создатели сами того хотели.

Да, кажется, удочки можно не разматывать – рыбу придется глушить динамитом и брать за жабры в лучших традициях респетадо Проповедника. Полутемные коридоры и залы – отличный полигон для проксимо-боя. К тому же экзотический – сражаться внутри диктаторских дворцов мне пока случай не выпадал.

Громкий пьяный хохот Фило доносился из гостевого зала и был расслышан мной издали. Звон посуды и крики гостей не заглушали голос диктатора, чья неумная радость служила лишь маслом, подливаемым в огонь общего веселья. Когда Фило начинал гоготать, за ним дружным эхом вторили все гуляки, сидящие в зале. Бледный свет притушенных Мэддоком факелов неудобств не создавал. Кубок мимо рта никто не проносил, а кое для кого сгустившийся полумрак послужил

лишь поводом ухватить за телеса подвернувшуюся под руку гетеру и уединиться с ней в укромном уголке, благо таковых в этот вечер, спасибо Патрику, стало заметно больше. Продолжая изображать пьяного, я бочком пробрался в зал, но окунаться в омут разгула не стал. Шатаюсь и придерживаясь за стену, я двинулся за спинами пирующих скитальцев, пока не добрал до самого темного угла, где и решил дожидаться своего часа. Рядом весьма кстати отыскалась перевернутая бочка, на которой я и устроился. Правда, сначала пришлось скинуть с нее упившегося до бесчувствия прежнего седока, но тому было уже абсолютно все равно, сидеть на бочке или лежать на полу, и потому на мою грубость скиталец отреагировал лишь коротким бессвязным мычанием.

«Наверное, это здорово – уходить в симулайф и напиваться в стельку, – мимоходом подумал я, усаживаясь поудобнее. – Весь букет впечатлений и никаких побочных эффектов: ни алкоголизма, ни больной печени, ни раскалывающейся по утрам головы... Теперь понятно, почему в Терра Нубладо почти нет трезвенников. Какое блаженство: пришел вечером с работы, нырнул в Аут, наклюкался до чертиков, а утром вынырнул в реальность и опять на работу, свеженький как огурчик. Должно быть, сегодня во всем мире ликероводочные заводы терпят колоссальные убытки».

Фило находился от меня на расстоянии десяти шагов. Для того чтобы просто покарать злодея, условия были подходящие. Но злодей должен был еще раскрыть нам свои страшные тайны. Бей врага в самое уязвимое место – древний, но актуальный во все времена воинский принцип. То, что собирались предпринять мы с Гвидо, выглядело не слишком благородно, только разве можно упрекать в неблагородстве отца, вызволяющего из беды дочь? А обо мне и вовсе разговор особый. Арсений Белкин не исповедовал рыцарских манер с тех пор, как впервые дернул в детском саду девочку за косичку. Нельзя, конечно, утверждать, что именно с этого все и началось, но предпосылки для моего криминального будущего были видны уже тогда. А лондонский случай пятого сентября две тысячи восьмого года стал лишь закономерным финалом моей короткой, но в целом яркой жизни...

Как часто порой приходится слышать о ком-то: «Ему пророчили блестящие перспективы, а он покатился по наклонной и сам погубил собственную жизнь». Так вот, к Арсению Белкину эти слова никоим образом не относятся. Я оправдал все прогнозы: родственников, учителей, одноклассников, соседей... Они предрекали, что ничего путного от меня ждать не стоит и что по достижении совершеннолетия мне недолго гулять на свободе. И действительно, призыва в армию (родители

видели в ней последнее средство, которое выбьет-таки из меня дурь) я так и не дождался – сел на три года за пьяный дебош.

Судьба не напрасно отвела мне с моим упрямым характером именно эти три года, дав время крепко обдумать дальнейшую жизнь и решить, как изменить ее к лучшему. Я и впрямь столько всего передумал и даже строил за решеткой какие-то планы на будущее. Но проку от тех раздумий не оказалось.

Я вышел на свободу двадцатилетним – в возрасте, когда половина моих одноклассников еще училась в вузах, а многие из беспутных друзей взялись за ум: устроились на работу и создали семьи. Об институте я после отсидки и не мечтал – не было денег, да и желания учиться, если честно, тоже. Работа и семья?.. Встречаясь с бывшими друзьями, я говорил с уставшими, задавленными бытом людьми, смотрел в их наполненные тоской глаза и приходил в ужас, представляя, как сам буду страдать от неустроенности, скитаясь по съемным квартирам с женой и грудным ребенком. На помощь родителей особо рассчитывать не приходилось – сами еле сводили концы с концами: кое-как перебивались на мизерные зарплаты и старались вывести в люди мою младшую сестренку Полину, не по годам смышленную и музыкально одаренную девочку, у которой и впрямь имелись на будущее хорошие перспективы.

Утверждать, что в жизни у меня оставался один путь, нельзя. Просто Арсений Белкин отказался искать альтернативные пути, ступив на тот, что был доступнее всех. Мотая срок в колонии общего режима, я старался держаться подальше от прожженных уголовников и не выделяться из массы простых трудяг-мужиков, работал в токарном цеху и считал дни до освобождения. И все же остаться в стороне от теневых делишек, что протекали в нашей колонии, как и в любой другой, не удалось. Понятия не имею, кто впоследствии стал жертвой кастетов и заточек, что мне приходилось втайне изготавливать по «спецзаказу» у себя в цеху, но благодаря этому я обзавелся парой хороших знакомых в местной «королевской свите». Один из них, выходя на свободу, и оставил мне свой контактный телефон. Уж не знаю, почему Арсению Белкину была оказана столь высокая честь. Видимо, тот тертый калач долго наблюдал за мной и сделал определенные выводы из того, что однажды в порыве откровения я рассказал ему о своей жизни на воле. А также свою роль сыграло и то, что я беспрекословно выполнял порученное дело и не задавал лишних вопросов. Подобное качество помогает заслужить уважение в любом обществе, а в том, где я волею судеб вращался три года, – в особенности.

Элементарная психология вербовщика: войти в доверие к новобранцу и дать понять, что ему тоже доверяют. Это сейчас я понимаю, что меня просто заманили в паутину, а для двадцатилетнего парня внимание и уважение столь авторитетных

людей имело немалое значение. Поэтому мой благодетель ничуть не удивился, когда услышал в телефонной трубке мой голос. «Приходи, потолкуем», – лаконично ответил он, назначив место встречи. А уже через неделю я был вхож в «круг избранных» на правах неопита. Там мне сразу объяснили, что меня ждет, если я вдруг захочу разорвать наши отношения, буду много трепать языком или того хуже – начну играть в этом слаженном оркестре не оговоренную с дирижером импровизацию. Я поклялся, что подобного никогда не случится, и клятва моя, как бы нелепо это сегодня ни звучало, до сих пор остается в силе.

Когда я выходил на контакт с вербовщиком, то подозревал, под чем подписываюсь. Колония избавила меня от романтических представлений о той жизни, в которую я сознательно вступал. Однако мне было уже плевать на свое будущее, к тому же я срочно нуждался в деньгах. В настоящих деньгах, а не жалкой подачке в виде заработной платы «откинувшегося» с зоны токаря. В деньгах я на тот момент еще не разуверился и был твердо убежден: будут деньги – появится и все остальное.

Я имел представление, чем мне придется заниматься в обозримом будущем. Но вот на каком профессиональном уровне работала команда, в которую меня зачислили, догадался лишь тогда, когда был допущен на первое дело. Мозги нашего Босса, пойдя он в молодости по иной стезе, оказались бы востребованы любым аналитическим институтом. Никакого гоп-стопа, никаких сиюминутных стратегий и стихийных налетов – только четко спланированные акции, на подготовку которых порой уходили месяцы.

Как вам мой дебют: судимому Арсению Белкину устраивалась вполне легальная лицензия частного охранника, и целое лето он прилежно трудился не где-нибудь, а в серьезной фирме по продаже оргтехники. Входил в доверие к начальству, демонстрировал покладистость и служебное рвение и потому за очень короткий срок умудрился дорасти до старшего смены. Пока же я строил перед своими работодателями невинные глаза, мои настоящие «товарищи по службе» не теряли времени даром, подыскивая через подставных лиц покупателя на крупную партию краденого дорогостоящего товара. А также разрабатывая пути отхода, которыми Босс всегда занимался лично, чем и обуславливалось наше длительное везение.

Месяцы скрупулезной подготовки, а вся операция заняла полночи. Прилежный охранник, коего постоянно ставили в пример остальным, беспрепятственно выпустил за ворота склада две угнанные фуры, под завязку нагруженные компьютерами. После чего сбежал со смены прямо в аэропорт и встретил рассвет в другом регионе России, с новыми документами и предвкушением щедрого вознаграждения, которое не замедлило себя ждать и прибыло с остальными напарниками уже через несколько часов.

Сказать, что я вошел во вкус подобной жизни, значило не сказать ничего. Подготовка, затем операция, а после полугодичное залегание на дно, что обычно совмещалось со строительством дальнейших планов насчет нового дела – так жил я на протяжении семи лет после освобождения из колонии. Я втянулся в эту жизнь, как наркоман, хотя с чем, а с наркотиками наша команда не связывалась – мы не работали с этим грязным товаром и, естественно, не употребляли его сами. Нам хватало выпивки, кутежей и девочек, на что каждому из нас также выделялись определенное время и премиальная сумма. Это были строгие, но справедливые порядки. Мы не жалели денег только на выгодные знакомства и связи, поэтому в нашем распоряжении всегда имелись новые, причем совершенно легальные документы и исчерпывающая стратегическая информация. Если требовалось, мы разбегались по всей стране, а порой скрывались и за рубежом, но в нужный момент снова собирались в команду, чтобы нанести новый удар и разорить очередных толстосумов на семизначную сумму. Мы пользовались оружием только для запугивания жертв, поэтому «мокрого» следа за нами не оставалось. «Не убий» являлся одним из главных принципов нашего бизнеса. Другими принципами были строгий расчет, конспирация, надежные пути отхода и знание меры. Во всем. Мы брали помногу, но редко, делили вырученные средства по справедливости и тратили их с умом. «Фортуна – лучший друг осторожных», – говаривал Босс. Бесплатный урок, который мне следовало хорошенько запомнить на будущее, но, к сожалению, я был слишком молод, чтобы удержать в голове все преподанные мне уроки.

Везение продолжалось долго. Слишком долго, что признавал даже Босс. Поэтому, когда однажды он решил поставить крест на нашем бизнесе, никто из нас не удивился – вовремя остановиться, даже когда тебе несказанно фартит, было в правилах Босса. Список наших грехов разросся до неприличия, а общей суммы награбленного после пятнадцатилетнего существования этой банды (до моего прихода она пленяла своим искусством криминальный свет уже восемь лет) хватило бы на то, чтобы вывести из нищеты какую-нибудь маленькую африканскую страну. Чувство меры, не утраченное Боссом и прочими, кто был с ним в команде с первых дней, заставило «стариков» окончательно завязать с криминалом. Все они разъехались по миру, став законопослушными гражданами стран дальнего зарубежья – тех, в которых наша компания однозначно не наследила.

Со мной – самым молодым членом команды – тоже обошлись по справедливости: я получил внушительный расчет и австрийский паспорт. Ради этого пришлось пожертвовать одним – путь в Россию был для меня закрыт навсегда. Слишком громкое дело провернули мы под занавес карьеры и слишком жарко горела теперь

у нас под ногами земля отчизны. Ничего, смирился. Я и так за последние семь лет виделся с семьей всего три раза. Во время нашего последнего свидания отец и мать уже отдыхали на пенсии и возились на своем садовом участке, а Полина заканчивала консерваторию.

В тот раз мне и было заявлено, что мои родные не нуждаются в деньгах, которые я им периодически высылал. Причина не мотивировалась, но я полагал, что отец и мать – люди порядочные и богобоязненные – подозревали меня в связях с наркоторговцами. Оно и понятно – по телевидению о наркотиках твердили постоянно, а иное разумное объяснение появлению у меня на руках столь крупных сумм подобрать было сложно. Я и не пытался оправдываться, поскольку был в молодые годы чрезмерно обидчив и вспыльчив. Громко хлопнув на прощание дверью, я удалился и разорвал с семьей все отношения. Так что свой отъезд на постоянное место жительства за границу я переживал хоть и болезненно, но не слишком остро.

С тех пор я о своей семье ничего не знал. Лишь однажды, незадолго до злополучного сентября, мне попала на глаза маленькая заметка о гастролях в Берлине молодой российской пианистки Полины Белкиной, лауреатки какого-то престижного музыкального конкурса. Очень хотелось встретиться с сестрой, но, к сожалению, вырваться в Берлин не удалось даже на день. Поэтому пришлось лишь в мыслях порадоваться за Полину, которая в свои юные годы уже добилась значительного успеха.

Обладание баснословной суммой вкупе с мечтами о красивой жизни, а также отсутствие контроля со стороны опытных товарищей сделали свое гиблое дело. Уже через пару лет безбедной жизни в Европе я остался практически на мели. Здесь-то и выяснилось, чего я стою без мудрого руководства и постоянных ежовых рукавиц. Выходило, что немного. Но самое обидное – я оказался совершенно не способен выбрать себе надежных друзей. Работать на подхвате у профессионалов было не в пример легче, поскольку я всегда в деталях знал, что от меня требуется. Порой такая опека сильно раздражала, однако лишившись ее, я вдруг понял, как же хорошо жилось мне, когда организационные вопросы решались кем-то другим.

Экзамены на самостоятельность и гибкость мышления я провалил. Для организации своего дела у меня элементарно не доставало мозгов. Правда, кое-какие нужные знакомства в Европе у меня уже были, так что когда в один прекрасный день мне стало нечем платить за жилье, пришлось воспользоваться этими связями в поисках подходящей работенки.

Работенка для такого, как я, конечно же, отыскалась, причем довольно прибыльная, но делать ее пришлось почти без подготовки и – что было совершенно для меня диким – бежать чуть ли не через пол-Европы с полицейскими на хвосте. Подобные методы работы были для меня нехарактерны, но, скрипя зубами, я смирился с новыми условиями труда. А также с тем, что после той знаменательной погони Арнольд Шульц перестал считаться добропорядочным гражданином.

И понеслось: теневая жизнь европейских столиц, мелкие криминальные делишки то здесь, то там, желательные и нежелательные знакомства, предложения поучаствовать в авантюрах, которым до филигранных работ Босса было как детским утренникам – до спектаклей драматического театра. Но я соглашался, поскольку за десять лет криминальный мир засосал меня не хуже, чем симулайф – впечатлительного игрока.

Удивительно, почему меня не арестовали до лондонского ограбления – моя личность была к тому времени достаточно известной во многих странах. То ли еще не иссякло мое бывшее везение, то ли я и впрямь научился искусно заметать следы, но на последнее дело я шел, будучи абсолютно уверенным в успехе.

Идею ограбить бронированный фургон одного крупного лондонского научно-исследовательского института мне предложил Ллойд Браун – мой новый друг, с которым я познакомился, отмечая в Амстердаме свое тридцатилетие. В ответ на мое саркастическое замечание, что, дескать, партия лабораторных крыс – это именно то, что нам надо, Ллойд уточнил, что, согласно его проверенным данным, в институтском броневике регулярно перевозят не крыс, не медикаменты и не деньги, а алмазы. Большие партии алмазов для каких-то экспериментов не то с лазерами, не то еще с каким ультрасовременным оборудованием. И куда пристроить дорогостоящие высокопрочные «стекляшки», Ллойд якобы тоже уже договорился.

Обещанный мне кусок шкуры неубитого медведя выглядел шикарно – чуть ли не на порядок больше, чем обычный куш Арсения Белкина во времена его «семи сытых лет» у Босса. К тому же теперь «шкуру» предстояло делить на гораздо меньшее количество частей. И пусть я особо не доверял болтуну Брауну, в Лондоне у меня имелось укромное местечко, где в случае неудачи можно было надолго схорониться. Помнится, я еще похвалил себя, что поступаю столь же осмотрительно, как и Босс – прежде чем лезть в пекло, продумываю, каким образом из него выйти.

Правда, толку от моих расчетов все равно не вышло, поскольку операция была изначально обречена на провал. Ллойд оказался на поверку не матерым

грабителем, а хорошим артистом, сумевшим убедить меня в наличии у него криминального таланта. На самом деле никаких подготовительных мероприятий Браун не проводил, а информатор, на сведения которого мы опирались, всучил нам непроверенные слухи. Нас кинули, а мы, словно бараны, покорно поплелись напрямиком на бойню...

Слепой растяпа, собиравший для Ллойда информацию, знать не знал ни о каком эскорте, хотя за броневиком всегда неотступно следовала парочка неброских автомобилей, набитых вооруженными громилами в гражданских костюмах. Либо информатор их попросту проморгал, либо сливающий ему информацию подкупленный сотрудник института сам понятия не имел о негласном наблюдении за алмазными перевозками. Я несколько раз просил Брауна перепроверить эти сведения, поскольку с трудом верилось, что у броневика нет сопровождения, но Ллойд клялся и божился, что да, действительно «наука» предпочитает перевозить свои ценности, экономя на дополнительной охране. Как же мы недооценили эту проклятую «науку»!

Окажись в действительности все так, как мы планировали, дело бы и впрямь выгорело. Один из участков маршрута броневика пролегал по живописным лондонским окраинам, где можно было отыскать множество подходящих мест для засады. Нам приглянулся невысокий узкий мост через петляющую по лугам маленькую речушку. Не мудрствуя лукаво, мы обложили три бетонные опоры моста взрывчаткой, после подрыва которой броневик обязан был рухнуть с пятиметровой высоты вместе с мостом на прибрежные камни. Боевая группа Ллойда располагалась в засаде неподалеку, чтобы раньше времени не светиться. Я был обязан произвести подрыв, а также разнести направленным взрывом у рухнувшего с моста броневика пуленепробиваемые двери. Затем согласно плану ко мне подтягивался наш внедорожник, в который перегружался товар, после чего предстояло долгое и сложное запутывание следов, смена машин и игра в прятки с полицией. В общем, обычная грабительская рутина, что в преддверии огромного куша выглядела даже в какой-то степени азартно.

Проклятые информаторы, проклятый дилетант Ллойд, проклятая охрана, о появлении которой мы не предполагали! Темно-синий «Лендровер» с тонированными стеклами миновал мост за полторы минуты до броневика, но я не придал значения появлению на пригородной дороге обычного гражданского автомобиля. Проехал, и черт с ним. Все мое внимание сосредоточилось на кнопке взрывателя и черной полоске, нанесенной на перилах моста при помощи баллончика с краской. Как только радиатор броневика поравняется с меткой, я

должен буду отправить этот сейф с мотором вниз, на острые камни, устилавшие русло под мостом...

Броневик въехал на мост с запозданием в пару минут – очевидно, задержался на железнодорожном переезде. Я же не мог позволить себе даже секундного опоздания и активировал детонатор, когда тяжелый фургон поравнялся с контрольной меткой. Расчет оказался верен: три взрыва ударили одновременно, опоры рухнули, как подрезанные, мост развалился на несколько неодинаковых частей, а броневик, уже подъехавший к краю моста, покотился юзом назад по изломанной плоскости и грохнулся на камни с оглушительным лязгом. Плеск разлетевшихся от взрывов бетонных обломков и хлопки распоротых автомобильных колес – и снова округа погрузилась в тишину, нарушаемую лишь карканьем вспугнутого воронья...

Мне предстояло небольшое купание, но глубина под мостом была всего по колено, и промокшие ноги меня совершенно не волновали. И толстая стальная дверь броневика тоже не волновала, поскольку я уже обладал опытом вскрытия таких сейфов. Беспокоило другое: как быстро извлечь стекляшки из контейнеров, наверняка напичканных электроникой для их пеленга. Погореть на такой досадной мелочи мы были не вправе.

На уничтожение двери и перегрузку контейнеров у нас имелось от силы четыре-пять минут; то, что полиция получила либо вот-вот получит сигнал тревоги, лично я не сомневался. Но работать в жуткой спешке было для меня не впервой. А вот работать под плотным огнем – это уже что-то новенькое. Я даже не расслышал, как по мне ударили первые выстрелы – в ушах у меня все еще стоял звон от взрыва бронированной двери.

Охрану в броневике оглушило основательно – еще бы, пережить внутри многотонного стального ящика два взрыва и падение с моста! – и потому я на миг оторопел, когда рядом со мной заклацали по железу чьи-то пули. Я еще не проник внутрь сейфа, хотя уже видел рассыпанные по нему заветные контейнеры, коих оказалось даже больше, чем ожидалось. Откуда велась стрельба, было совершенно непонятно.

Мчавшийся мне на подмогу прямо по мелкому руслу внедорожник Ллойда резко затормозил, а выскочившие из него напарники начали поливать ответным огнем тех ублюдков, что стреляли по мне. Я плюхнулся в воду, схоронился за вывернутой настежь дверью броневика, отшвырнул ненужный больше взрыватель и, выхватив «вальтер», выглянул из-за укрытия.

Прямо на краю провала, образовавшегося теперь вместо моста, стоял красный «Чероки», следовавший, по всей видимости, на некотором расстоянии позади броневика, а четверо вылезших из джипа мордоворотов стреляли сверху очередями по мне и группе Ллойда из компактных пистолетов-пулеметов с глушителями. Внедорожник Брауна остановился далеко, а спешившие за товаром ребята укрылись в складках местности, поэтому попасть в кого-либо из них экипаж «Чероки» не мог. А вот мне приходилось несладко – я укрылся всего-то в десятке метров от противников, и только вырванная взрывом пуленепробиваемая дверь спасала меня от плотного огня. Но хуже всего, что враги заняли выгодную для стрельбы позицию и контролировали любое наше перемещение. Не устранив эту проблему, нельзя было вести речь о перегрузке добычи.

Я слышал только выстрелы моих приятелей, а также удары пуль о железо и воду – глушители на оружии преследователей гасили грохот их пистолетов-пулеметов. Я высунул ствол из-за укрытия и сделал несколько неприцельных выстрелов. Попасть, разумеется, ни в кого не попал, напугать тоже не напугал, просто выместил немного злости, поскольку уже осознавал, что затея провалилась. Время и возможность были упущены, теперь оставалось лишь улепетывать отсюда во все лопатки и лелеять надежду поквитаться за неудачу с недобросовестным информатором. Одна проблема – как мне добежать до машины Ллойда и не получить в спину автоматную очередь.

Так основательно влипнуть в неприятности мне пока не доводилось. Даже в последние годы, когда я не слишком привередничал, выбирая работу, и хватался за все подряд, в том числе и за чересчур рискованные авантюры. Сегодня все происходило словно во сне, и даже не верилось, что эти ублюдки наверху на полном серьезе собрались меня пристрелить, хотя их намерения были прозрачнее некуда. Охранники не предлагали сдаваться, просто молча всаживали обойму за обоймой в дверь, за которой я скрывался. И стоило мне только высунуться, как преследователи без колебаний изрешетят меня сию же секунду. С момента появления угрюмых мордоворотов миновало всего минуты полторы, а я уже трижды пожалел, что вместо них не прибыла полиция. Та хоть попыталась бы взять меня живьем, и вряд ли при сложившихся обстоятельствах я бы препятствовал ей в этом. По мне, уж лучше было провести несколько лет в английской тюрьме, чем навечно упокоиться на кладбище.

Визг тормозов раздался прямо над головой, и я сжался в комок, ожидая падающего сверху автомобиля какого-нибудь бедолаги, который не успел вовремя заметить на пути взорванный мост. Однако водитель справился с управлением и остановился буквально в метре от провала. Впрочем, радовался я недолго, поскольку сразу

узнал темно-синий «Лендровер», проехавший здесь несколько минут назад. И причина, по которой он так поспешно вернулся, была вовсе не в любопытстве заслышавшего грохот водителя-провинциала. Похожие на тех громил, что подъехали на «Чероки», серьезные парни в «Лендровере» быстро вникли в ситуацию и повыпрыгивали из автомобиля уже с оружием в руках.

Меня охватила дикая паника, какая наверняка охватывает угодившего в охотничью яму зверя. Расширенными от ужаса глазами я следил, как мне в лицо нацеливаются четыре пистолетных ствола. От врагов на том берегу реки меня прикрывала бронированная дверь, от второй группы сопровождения было уже не спрятаться: ни дерева, ни ямы, ни большого камня... Ни времени...

– Эй, да сдаюсь я, сдаюсь, слышите! – выкрикнул я, кое-как протолкнув слова сквозь подкативший к горлу комок, после чего отшвырнул в сторону «вальтер». Тело колотила такая дрожь, что поднятые вверх руки ходили ходуном, как у законченного алкоголика.

Охранники не отреагировали, продолжая молча целиться в меня из пистолетов. Мне хотелось крикнуть им снова, но на горле у меня словно затянулась тугая петля, и я лишь поперхнулся, принявшись жадно хватать ртом воздух. Четыре черных «глазка» пистолетных стволов замерли и не двигались...

Нет, жизнь не проносилась у меня перед глазами, что бы там ни твердили побывавшие на краю смерти и выжившие счастливики. Я почему-то до самого конца продолжал истово верить, что не могу умереть вот так – стоя на коленях перед группой хладнокровных убийц. Не могу, и все тут! Не здесь, не сейчас и не таким унижительным образом! Так не бывает! Эй, уроды, неужели вы настолько тупы, что не можете осознать всю нелепость ситуации? Или у вас действительно куриные мозги? Эй, я к вам обращаюсь!..

Вряд ли уроды отреагировали бы на мое обращение, даже сумей я произнести его вслух. Я бросил исполненный последней надежды взгляд на Ллойда и его приятелей, суматошно гадая, почему они прекратили стрелять. Все было предельно просто: увидев вторую группу охраны, напарники попрыгали во внедорожник и теперь уносились прочь на бешеной скорости, бросив и меня, и уже вскрытый сейф. Однако злости на них я не испытал: сам на их месте поступил бы так же – слишком неравные были силы, чтобы ради спасения одного подставлять под пули всю компанию.

Лиц своих убийц я не рассмотрел – только четыре пары черных очков, прячущих от меня глаза палачей. Впрочем, что бы я прочел в тех глазах, наверняка таких же пустых, как глазницы обглоданных червями скелетов?

Это было последнее, что я увидел в прежней жизни: четыре нависших надо мной силуэта и пронзительно-яркое солнце, бьющее из-за них ослепительными лучами-стрелами. Почти библейская сцена – ангелы с нимбами в потоках божественного света. Только этим ангелам было наплевать на мою душу.

Вспышек и грохотов от выстрелов нет – к стволам четверки убийц привинчены такие же глушители. Пистолеты-пулеметы в руках громил коротко вздрагивают и в следующий миг невидимая бейсбольная бита что есть мочи бьет меня в лоб...

Треск собственного пробитого черепа – более отвратительного звука я в жизни не слышал. Удивительно, но боль отсутствует, лишь резкий звон закладывает уши, а перед глазами все прыгает и кувыркается. Точнее, это я кувыркаюсь, падая с берега в реку.

Падаю долго: то пропадаю в кромешном мраке, то вылетаю на яркий свет. Такое впечатление, будто не плюхаюсь спиной в речную воду, а сначала кубарем качусь с вершины Эвереста, после чего опускаюсь на дно Мариинской впадины. А затем еще глубже, не то в раскаленную магму, не то в кипящую серу... Сроду не предполагал, что путь в Ад занимает столько времени и проходит по такой извилистой дороге.

Падение длиной в двадцать с лишним лет... Неудивительно, что приземление выдалось жестким. Однако Арсений Белкин уцелел, переродился и вошел в свой новый мир совершенно иным человеком, оставив себе в наследство лишь воспоминания. Хотя, будь моя воля, я бы не взял с собой из прошлого абсолютно ничего. Начинать другую жизнь с чистого листа было бы гораздо проще. Но, к сожалению, от меня не зависело, где и в каком обличье мне суждено воскреснуть. Даже в симулайфе, одном из уникальных порождений человеческого разума, я был не властен над своей судьбой.

Симулайф... Золотая клетка, которую человек создал и сам же себя в ней заточил. Один из множества парадоксов, что случаются не только в жизни, но и при ее симуляции...

Черт побери! Я так глубоко погрузился в воспоминания, что чуть не задремал. Или все-таки задремал? Кажется, в гостевом зале дворца Фило что-то изменилось, а я заметил это только сейчас. Да нет, наверное, это была всего лишь очередная волна оживления после чьей-то удачной шутки или пьяной выходки...

Но причина общего возбуждения крылась в другом. По полутемному залу, между столами с пирующими скитальцами целеустремленной походкой шла женщина.

Она-то и вызвала в зале столь оживленную реакцию. Женщину радостно окликали и часто придерживали за локоть, предлагая присоединиться к той или иной компании пирующих, но гостья хлопала навязчивых кавалеров по рукам, не собираясь удостаивать их вниманием. Она направлялась к хозяину дворца.

Эта женщина была далеко не единственной представительницей прекрасного пола в зале, однако исключение из прочих гостей все-таки составляла. Ни один даже вдрызг пьяный скиталец не посмел бы не только игриво хлопнуть ее по заднице, но и просто крикнуть вслед какую-нибудь пошлость. Женщина слышала лишь вежливые приглашения и после отказа на нее не обижались, потому что обида, нанесенная этой гостье, приравнивалась к оскорблению самого диктатора. Да и гостьей женщина была здесь чисто формально. Из уже известных мне фактов я знал, что она обладала в фуэртэ Транквило не меньшей властью, чем Фило.

Женщину звали Анной. Судя по реакции Фило, появление целительницы на пиру стало для него неожиданностью. А вот я, наоборот, этому отнюдь не удивился, так как именно Анну и поджидал. Дубли крэкеров Тантала и Пираньи были сведены вместе, что давало нам с Патриком главное преимущество в грядущей игре. Гвидо затем и отлучался, чтобы обманом позвать целительницу во дворец, что маэстро с успехом и удалось.

Анна была явно не в восторге от своего полночного визита в обитель порока, но предпочла сдерживать эмоции, просто подошла к Фило и молча указала на сидевших рядом с ним собутыльников. Диктатор постучал ладонью по столу, разбудил тех, кто уже спал, после чего, повинувшись желанию дамы, так же ни слова не говоря жестом спровадил приятелей восвояси. Но спокойной беседы у парочки крэкеров все равно не получилось – слишком пьян был Фило и слишком разгневана была на него Анна. Я сидел от них в десяти шагах и, даже несмотря на шумную атмосферу, превосходно слышал, о чем вели разговор вымогатели.

– Итак, я пришла! – с вызовом заявила целительница. – Какие у тебя среди ночи опять выискались ко мне неотложные дела? Снова кого-то невзначай саблей проткнули или у тебя очередной приступ депрессии?

– А ну остынь, женщина! – Пьяный «гном» хотел было грохнуть кулаком по столу, но передумал и сделал это чисто формально, практически беззвучно. – Похоже, это ты сегодня перебрала лишнего! Никто тебя, моя дорогая отшельница, в мой вертеп сегодня не звал. Но раз пришла, присоединяйся – буду только рад.

– Что значит не звал?! – вскипела Анна. – Совсем мозги пропил? А старика-посыльного кто, по-твоему, час назад ко мне присылал?

– Какого старика? Не знаю, что за старик тебя навестил, но он точно был не из дворца... – Фило озадаченно наморщил лоб. – А разве вообще бывают посыльные-старички? М-да, странно... И что, этот старик прямо так и сказал: «Фило приглашает тебя во дворец!»?

– Да. Причем срочно.

– Вот загадка...

Диктатор в задумчивости подпер подбородок кулаком – ни дать ни взять роденовский «Мыслитель», обросший бородой после долгих раздумий, или «гном на распутье». Затуманенный тропесаром, рассудок Фило соображал медленно, но в правильном направлении – Анна была не из тех женщин, которые плетут небывлицы, и, стало быть, какой-то шутник и впрямь вызвал лекаря во дворец.

– Этот старик вернулся с тобой? – спросил диктатор подругу.

– Нет, он передал послание и ушел.

– Странно... – снова впал в задумчивость Фило.

– Приготовься, – раздался у меня возле уха знакомый голос. Стремительный, точный и бесшумный, как стрела Робина Гуда, маэстро Гвидо был уже рядом со мной, проникнув во дворец либо уже проверенным, либо каким-то иным способом.

– Как прикажешь, – с готовностью отозвался я, вставая с бочки. – Надеюсь, мою точку «Феникс» еще не разрушили, а то лень будет бегать за тридевять земель...

И без того тусклые факелы снова померкли, на сей раз практически погрузив дворец во мрак. Чахлые язычки пламени, что остались на факелах после второго «энергокризиса», давали света не больше, чем дежурное освещение в тюремном бараке – лишь бы в случае чего отыскать выход.

– Эй, что происходит? – слышались недовольные возгласы из зала. Романтический полумрак устраивал всех, но чрезмерная «романтизация» обстановки вызвала общее недовольство.

– Без паники, сейчас разберемся! – громко объявил Фило. – Дворецкий! Дворецкий, оглох, что ли?

– Он не придет, – откликнулся за дворецкого Гвидо, уже успев обежать стол и предстать перед диктатором. В голосе маэстро опять зазвучали живые нотки. По ним я догадался, что Патрик вернулся в симулайф, очевидно сделав за его пределами все возможное.

– А ты кто такой? – спросил Фило у Зануды, удивленно привстав с кресла.

– Да это же тот самый тип, который ко мне и приходил! – опознала Анна «посыльного из дворца».

– Кажется, я знаю этого типа, – пристально всмотревшись гостю в лицо, объявил диктатор. – Респетадо миротворец, если не ошибаюсь?

– Совершенно верно, – подтвердил Гвидо. – Поэтому сразу предлагаю тебе решить мой вопрос миром.

– Какой вопрос? И к чему вообще весь этот спектакль? Лекаря вызвали, охране мозги запудрили и свет, подозреваю, тоже вы погасили... верный слуга Баланса, я прав?

– Прав. Но говорить я буду не от имени Баланса, а как частное лицо. Для начала попроси всех удалиться.

– Невыполнимая просьба, – помотал головой крэкер. – Половина-то респетадос уйдет, но остальных, боюсь, и пушкой не добудишься. Хотите побеседовать? Тогда пойдете в отдельный кабинет.

– Уж не в башне ли Забвения тот кабинет находится? – взял быка за рога Гвидо.

Я продолжал держаться в тени, но стоял уже за спиной Фило, поэтому смог заметить, как при упоминании злосчастной башни плечи диктатора напряглись. Однако других признаков смятения он не проявил.

– Вы что, всерьез верите в ту дурацкую легенду о якобы имеющейся у меня во дворце невидимой башне? – расхохотался Фило. Смех был довольно естественным – властитель фуэртэ Транквило бесспорно обладал актерскими данными. – Скитальцы давно распускают подобные беспочвенные слухи, а кое-кто даже клянется, что побывал в этой заколдованной башне. Выходит, теперь и до вас, небожителей, сплетни докатились. Бред, бред и еще раз бред – вот что я вам на сей счет отвечу! Ахиenea! Не верите – идите и проверьте! Хоть целую неделю ищите – никакой лишней башни вам здесь не найти!

– Разумеется, не найти, – не повышая голоса, ответил Гвидо. – Поэтому и искать не будем; к чему время тратить? И свидетельские показания ваших бывших пленников мне не нужны – кто им поверит без доказательств? Поступим проще. Вы отпускаете скиталицу по имени Кассандра Болтливый Язык безо всяких условий, мы уходим, а вы продолжаете веселиться как ни в чем не бывало. Все остальные варианты для вас откровенно невыгодные, поверьте мне на слово.

– Да что это за проклятье такое! – умоляюще воздел руки Фило. – Эй, респетадос, идите-ка сюда и послушайте, в чем меня обвиняет Баланс! Какое неприкрытое издевательство! И это обвинение предъявляется мне – одному из самых уважаемых скитальцев Терра Нубладо! Нет, вы только выслушайте этого человека, респетадос!

Респетадос, которые еще держались на ногах и хоть немного соображали, начали покидать столы и шаткими походками подтягиваться к Анне, Гвидо и Фило. Кое-кто взял в руки оружие, однако когда залитые тропесаром глаза скитальцев различали стоящего перед ними известного дипломата, оружие тут же опускалось. Никто не хотел гробить себе репутацию, стреляя в безоружного миротворца.

– Я предлагал тебе решить вопрос мирно и с глазу на глаз, – огорченно произнес Гвидо. Огорчение его было липовым – он не хуже меня осознавал, что гуманный способ давления не подействует на Фило. – Что ж, доведу до твоего сведения, что человек, который нанял меня урегулировать проблему, будет очень расстроен. И я тоже: не предотвратить конфликт для дипломата – серьезное поражение.

– Кто вас нанял? – поинтересовался Фило. – Кто этот недостойный очернитель благородных скитальцев? Скажите мне, респетадо: я просто обязан вызвать его на поединок чести!

– Это дипломатическая тайна, – ответил Зануда. – Но не переживай – очень скоро ты лично встретишься со своим обвинителем.

– Ну хорошо, дипломат, верный слуга Баланса и тех, кто тебя нанимает, – заговорила молчавшая до сего момента Анна. – Я понимаю, что твой долг – выполнять любые, даже заведомо провальные дипломатические поручения, иначе какой из тебя тогда миротворец? Да, кто-то голословно обвинил респетадо Фило в немыслимых грехах, однако объясни мне, каким боком это касается меня? Зачем тебе понадобилось мое присутствие на этом балагане? Или я тоже в чем-то виновата?

– Таково было поставлено передо мной условие. Я лишь сделал так, как попросил обвинитель, – уклонился от ответа Гвидо, бросив в меня мимолетный взгляд. Что ж, пора идти наслаждаться немой сценой, которая непременно сейчас возникнет.

– И чего твой наниматель этим добивается? – продолжала допытываться Анна у маэстро.

– Уже добился! – во всеуслышание заявил я, выходя на свет позади Фило и уперев стволы штуцера ему в затылок. – Слушай внимательно: оторвешь задницу от стула – вышибу мозги! Руки на стол!

Метнувшаяся было к торчащей из кобуры рукояти револьвера рука диктатора медленно вернулась на прежнее место. Хорошая реакция, успел отметить я. Все-таки праздная жизнь не ослабила бойцовские рефлексy Фило, давно отошедшего от воинской жизни в симулайфе. Ткнув побольнее стволами «Экзекутора» в голову заложника, я отобрал у него револьвер. Я догадывался, что под одеждой у Фило наверняка припрятано еще кое-какое оружие, но отвлекаться на дотошный обыск было некогда. На меня уже нацелилось десятка три разнокалиберных стволов. Некоторые из них заметно подрагивали. Едва стоявших на ногах скитальцев приходилось опасаться сильнее остальных – их плохо контролируемые нервы могли сорваться в любую секунду. Фило не хуже меня понял это и потому не стал дожидаться, пока я попрошу его угомонить возбужденную свиту.

– Спокойнее, респетадос! – процедил он, стиснув зубы и кряхтя от боли в затылке. – Уберите пушки! Уберите, кому говорят!..

Скитальцы с неохотой опустили оружие, но убирать его не торопились.

– Эй, это и тебя касается! – обратился диктатор ко мне. – Остынь и веди себя пристойно, если хочешь уйти отсюда живым! Постой-ка: мне уже знакомы этот голос и эти отвратительные манеры! Но... как такое возможно?!

Со стволом у затылка Фило не рискнул обернуться и удостовериться, что его догадка верна, но он легко убедился в этом, взглянув на Анну. Она смотрела на меня округлившимися глазами, будучи не в силах скрыть смятение. Целительница даже не вздрогнула, когда Гвидо крепко ухватил ее под локоть, что было вовсе не заботой, а мерой предосторожности. Едва до Анны дошло, кто приставил пушку к голове ее приятеля, она тут же решила броситься наутек, но маэстро не позволил ей покинуть нашу компанию.

Ишь, какая вы прыткая, госпожа Пиранья! Нам, конечно, тебя не удержать, если ты надумашь выйти из симулайфа, но твой дубль в любом случае останется здесь в качестве залога. Как и дубль господина Тантала, надумай он следом за тобой ретироваться из Ауа. Но могу поспорить: ни один из вас не сбежит. Слишком ценное сокровище останется тогда в руках разъяренного Проповедника, отлично знающего, что дубли диктаторов не возрождаются, а лишь обнуляются.

Анна начала вырываться из цепкой хватки Гвидо, но тот держал ее, словно в тисках. Отделаться от рассерженного маэстро было невозможно – я выстрадал это на собственной шкуре. Но в обращении с дамой Зануда проявил все-таки больше галантности, чем со мной: проигнорировав несколько пощечин, он проводил Анну

до стола и силой усадил ее напротив Фило. Толпа скитальцев последовала за Гвидо, но покорно остановилась как вкопанная, едва маэстро погрозил ей пальцем.

– Угомонись! – бросил диктатор гневно сверкающей глазами подруге, после чего поинтересовался у меня: – Респетадо, а ты настоящий Проповедник? Или всего лишь брат-близнец того, который заходил к нам на днях? Мы наслышаны о разных шутках Баланса, знаете ли.

– Я – именно тот, кто должен был подарить тебе «Эребус-Буцефал», – пояснил я. Чуждое для Терра Нубладо название автомобиля резануло слух пьяным скитальцам, заставив их поморщиться и дружно выругаться. Однако лица Фило и Анны скривились не столько от нарушения Мертвой Темы, сколько от предъявленного доказательства моей подлинности. Вероятно, для продвинутых крэкеров было несложно вычислить способ моего побега из башни Забвения. Но растерянный вид вымогателей указывал на то, что случилось все же из ряда вон выходящее событие, что-то равносильное прилету инопланетян или поимке снежного человека.

– Мои поздравления – великолепный маневр! – провозгласил Фило. – Значит, кое-чему ребята Баланса все-таки научились. Я рад за вас. Ты опасный противник, респетадо Проповедник. Надо признать, гораздо опаснее, чем я полагал. А теперь оставьте нас, респетадос – мы будем говорить на неприятную тему, – обратился диктатор к приятелям и, видя, что те колеблются, добавил: – Эй, вы же не собираетесь стрелять в слуг Баланс у меня в доме? Я благодарю вас, амигос, за поддержку! Теперь все свободны! Уверю, у меня все под контролем!

Если кто-то из скитальцев и имел что возразить, послушаться приказа он не посмел. Да и упоминание Мертвой Темы охладило пыл разгоряченных друзей Фило. Зал пустел довольно долго. Сначала бодрствующие растормошили спящих, потом выволокли под руки тех, кто так и не соизволил проснуться... Я продолжал держать Фило на мушке до тех пор, пока не закрылась дверь за последним скитальцем. Гвидо все это время стоял возле Анны, будто гувернер над строптивым ребенком, с трудом усаженным за учебники. Когда же в зале остались только мы четверо, я прекратил нервировать Фило, целясь ему в затылок и вальяжно уселся рядом с диктатором прямо на стол. Штуцер я пристроил на коленях и пальца со спускового крючка не снимал. Моя беспардонная поза выказывала не только пренебрежение к крэкерам, но и то, что разговор с ними будет коротким.

– Полагаю, мы можем уладить разногласия без нарушения нашего инкогнито, – внес предложение Фило, обращаясь ко мне. – Ты ведь тоже дал мне о себе ложные

сведения. Я проверил всех Арнольдов Шульцев, информацию о которых смог найти в Ауте, но ни один из них не имеет отношения к Проповеднику. Поэтому думаю, что...

– Почему ты так уверен, что меня среди них нет? – не сумев сдержать любопытства, перебил я крэкера. Очень уж не терпелось выведать у него результаты разведки.

– Являлся бы ты заурядным скитальцем, тогда, конечно, вычислить тебя было бы сложнее. Но уникальные дубли тем и хороши, что их обладателя легко раскрыть, – пояснил Фило. – Обычная психология, ничего особенного. Первый обнаруженный мной Арнольд Шульц был президентом крупной торговой компании в США. Вряд ли у него есть время забавляться многодневными охотами на одержимых в Терра Нубладо. Второй – пожилой инвалид, переживший когда-то сложную операцию. У него тяжелое умственное расстройство и персональная палата в одной из боннских клиник. Этот дедуля тоже мало подходит на роль Проповедника. Следующие двое – годовалый младенец и пятилетний мальчишка. Тут и вовсе комментарии излишни. И последний – докер в Гамбурге. По возрасту и темпераменту подходит идеально – не слишком стар, к тому же вспыльчив и скор на расправу. Но там другая загвоздка: частые приводы в полицию за пьяные дебоши в барах, где докер Шульц проводит больше времени, нежели дома; потом еще регулярные избиения жены и тому подобное. Короче, отвратительный тип. Если он – Проповедник, тогда я – Наполеон Бонапарт. Как видишь, ты мне солгал, поэтому не надейся на ответную откровенность.

Я покосился на Гвидо – он хранил невозмутимость. Было неудобно уводить разговор от актуальной для нас обеих темы, и потому я решил задать Фило второй и последний вопрос личного характера:

– Сколько лет тому инвалиду и что за операцию он перенес?

– Точно не скажу, но, по-моему, ему под шестьдесят, – ответил крэкер. – А операция... Не то с травмой головы связана, не то с раком мозга, а потом еще случились какие-то осложнения. В общем, не повезло старику. У него и родных-то, как оказалось, практически нет. Так мы о нем будем говорить или о вашей девке?

– Да, мы снова требуем привести сюда скиталицу по имени Кассандра, – вернул нас к насущной проблеме Гвидо. Глаза маэстро гневно вспыхнули, когда крэкер бесцеремонно назвал Кассандру девкой.

– А взамен мы получаем от вас амнистию и сохранение нашего маленького секрета в тайне? – с вызовом полюбопытствовал Фило.

– Я здесь как частное лицо и могу гарантировать конфиденциальность нашей встречи. Но только при условии полного прекращения вашего незаконного бизнеса, – выдвинул встречное требование дипломат. – В противном случае обещаю сделать все, чтобы привлечь к вашему поиску специалистов из военной разведки; с недавних пор мы с ними тесно сотрудничаем в некоторых вопросах. Поверьте, с армейцами вам лучше не связываться – для них законы не писаны. Достанут хоть со дна моря, если я докажу, что вы для них – потенциальная угроза. А я докажу, клянусь.

– Блеф! – фыркнула Анна. – Так я и поверила, что военные начнут нас искать! Им что, деньги некуда девать? Мы же не террористы, в конце концов!

– Блеф не блеф... – задумчиво проговорил Фило, почесав лоб. – Однако давно ходят слухи о разработке Терра ди Гуэрро – тренировочного симулайфа для армии. Сегодня в разведке действительно служит тридцать процентов программистов, и я бы не хотел, чтобы проклятая «Терра» выдала им нас в качестве мишеней для тренировок. Ладно, парни, будем считать, что договорились миром: мы отдаем вам Кассандру и сносим башню Забвения, а вы за это оставляете в неприкосновенности наши дубли и помалкиваете об этом инциденте. Ну так что, по рукам?

И он, натянуто улыбаясь, протянул мне свою крепкую гномью ладонь. Я ограничился лишь кивком – обмениваться рукопожатием с вымогателем отсутствовало всякое желание. Фило опустил руку и посмотрел на маэстро: что скажет авторитетный дипломат.

– Договор заключен, – подытожил Гвидо, тоже отказавшись жать руку диктатору, и уточнил: – Но имейте в виду: если ваша шайка попадется еще раз, вам будут предъявлены в вину все проступки без исключения. Ведите сюда девушку!

– Нет нужды никуда идти, – ответила Анна. – Если мужчины не возражают, я оставлю вас в одиночестве и на несколько минут покину симулайф. Не обращайтесь внимания, если мой дубль будет вести себя странно – у него плохо отрегулирован автономный режим...

Как выяснилось, игровой «автопилот» являлся не только привилегией шастающих по симулайфу резидентов «Терра». Раньше мне не однажды приходилось наблюдать слишком резкие перепады настроения у скитальцев, и лишь сегодня, на примере Гвидо и Анны, я понял, чем были вызваны эти психические метаморфозы. Бывало, скиталец, с которым я беседовал в трактире весь вечер, вдруг моментально становился заторможенным и малоразговорчивым, практически не отличимым от оседлого. Я воспринимал перепады настроения собеседников по-разному: усталость, непосильная доза амарго, нахлынувшие неприятные воспоминания...

Наверняка частенько так и происходило, но наиболее логичной причиной внезапной депрессии этих скитальцев был именно переход их дублей в автономный режим. Элементарное объяснение, а я, бывало, ломал голову, почему это люди вокруг меня порой преобразаются буквально до неузнаваемости.

Бросая в симулайфе свой дубль, игрок мог быть полностью за него спокоен. Некоторые скитальцы предпочитали на время возврата в реальность устраивать своим дублям здоровый сон на постоянных дворах или в снятых городских квартирах. Но большинство игроков использовало автономный режим более практично: например, задавало «беспризорным» дублям нехитрую задачу добраться до какого-нибудь населенного пункта или просто следовать за альянсом, в котором состоял скиталец. И пусть дубль на «автопилоте» был не очень-то красноречив и смекалист, зато все его защитные инстинкты и боевые навыки сохранялись на прежнем уровне, поэтому постоять за себя он мог не хуже, чем в присутствии хозяина.

Вот в чем крылась причина моих провалов в памяти! Никто мне об этом пока не рассказывал, но можно было уже догадаться – коматозника Белкина просто выводили из симулайфа, а поскольку реальность я совершенно не воспринимал, отсюда и возникали в виртуальном мире эти стихийные приступы амнезии. Оказывается, ничего такого, о чем следовало бы волноваться. Хотя приятного, конечно, тоже мало.

«Обездушенная» Анна не впала в апатию, однако переменилась довольно заметно. Целительница будто нарочно решила изобразить перед нами разбитную пустоголовую дурочку: ее пронизательный до этого взгляд опустел и подернулся томной поволокой, а язычок несколько раз выразительно облизал губы. При этом Анна стреляла глазами то в меня, то в маэстро, раза по три в минуту меняла позу, приподнимая юбки, перекидывала ногу на ногу и поглаживала себя по бедрам. Когда же она откинула голову назад и рассмеялась легким игривым смехом, а потом попыталась ухватить маэстро за ремень и привлечь того к себе, я от такого зрелища чуть не выронил штуцер прямо в руки Фило. А он в данную минуту презрительно отвернулся от подруги и делал вид, что его больше интересует гравировка на кубке.

Гвидо невозмутимо отстранился и отступил на шаг, продолжая, однако, приглядывать за домогавшейся его целительницей. Я понятия не имел, как настраивался автономный режим игровых дублей, но полагал, что вряд ли Пиранья выбрала для своей Анны настройки по умолчанию. Не иначе, с выходом хозяйки из Аута в ее безнадзорном дубле оставалось все то, что она не желала выносить за пределы симулайфа. Кем была неуловимая крэкерша Пиранья в настоящей жизни?

Возможно, скромной стеснительной девушкой, внутри которой в действительности бушевали такие ураганы страстей, какие можно было выпустить на волю только в свободном Терра Нубладо. Симулайф все стерпит и всем воздаст по желаниям их... Хотя вроде бы на эту тему я уже философствовал, и не раз...

Анна не произнесла ни слова, но момент, когда ее настоящая душа возвратилась в виртуальное тело, я определил безошибочно. Удивительное, почти мистическое преобразование личности, которое в реальности воспроизведет только гениальный актер. Наполненный ненасытной животной страстью, взгляд Анны буквально за пару секунд остыл, если можно так выразится – протрезвел, – а затем вновь стал осмысленным. Мгновение – и перед нами сидит совершенно другая женщина. Анна будто очнулась от наваждения, вызванного неким колдовством. Или, что больше походило на правду, ее фирменным чудодейственным «Провокатором».

Гвидо внимательно осмотрел пришедшую в себя целительницу, убедился, что она больше не намерена лезть к нему в ширинку, после чего осмотрелся и недовольно осведомился:

– И где же Кассандра?

– Имей терпение, респетадо миротворец, – ответила Анна, одергивая юбку и прикрывая обнаженное бедро. – Сейчас придет ваша маленькая подружка. Она во внутреннем дворе, там, где и находилась все это время. Я оставила ей записку с указанием, куда идти. Надеюсь, не заблудится.

– В чем заключался секрет невидимой башни? – спросил я вымогателей. Фило и Анна не являлись одержимыми, но созданная ими искусственная аномалия нуждалась в тщательном изучении. Как абсолютно новая стратегия Дисбаланса, чьи щупальца добрались-таки и до неживой природы. Одержимые Величием были уже давно исследованным контингентом, но, когда против меня ополчались крэкеры более высокого уровня, их методы тоже следовало изучать.

Фило и Анна посмотрели друг на друга, молча обменялись скупыми, едва заметными знаками, потом лекарь махнула рукой и кивнула, а на лице диктатора появилось довольное выражение – похоже, он одержал верх в этом коротком немом споре.

– Эта информация продается! – с вызовом заявил Фило. Решение его выглядело вполне здравым и своевременным – грех было упускать возможность заработать на руинах башни Забвения выходную компенсацию.

– Назови цену, – холодно прищурившись, потребовал Патрик-Гвидо. Сейчас с вымогателями говорил не заботливый отец, а исполнительный директор влиятельной корпорации.

«Гном» в сосредоточенных раздумьях искривил бровь и зацокал языком. От ответа крэкера зависело, продешевит он или совершит одну из самых выгодных сделок в своей жизни. «Терра», конечно, фирма богатая, но переплачивать она тоже вряд ли станет. Крэкерский секрет пусть и уникален, но засвечен и имеет авторское клеймо, а следовательно, продать его кому-то и остаться в тени нельзя. А так получится хоть небольшая компенсация, зато практически легальная, почти что продажа авторских прав...

Ответить Фило не успел, поскольку в этот момент в зале появилась Кассандра. Вид у нее был немного растерянный, но к схватке – неважно какой, словесной или на кулаках, – она была готова. На случай второго варианта девушка даже прихватила по пути короткий кинжал, вероятно вытащенный из ножен у какого-нибудь пьяного вдрызг скитальца. Но когда освобожденная узница разглядела в темноте нас, она замерла в замешательстве.

Первым Кассандра опознала Гвидо, потому что он оказался к ней ближе всех.

– Ты?! – недоверчиво произнесла девушка. Папой она маэстро не назвала, и правильно – не время и не место было афишировать эту пикантную деталь. Однако удивление Кассандры сразу переросло в изумление, когда она обнаружила меня, рассеявшегося на столе возле понурого и озадаченного продажей «недвижимости» диктатора.

– И ты тоже здесь?! – вконец оторопела прорицательница. – Как вы оба сюда попали?

Анна не потрудилась объяснить Кассандре подробности, просто выгнала ее из башни с запиской в руке и сейчас с интересом следила за бывшей пленницей, а также за нашей реакцией на ее появление.

– Как твое самочувствие? – невозмутимо спросил Гвидо, но за строгостью его голоса все равно слышалась отцовская забота.

– Нормально, – бросила в ответ Анабель-Кассандра. Радость встречи она скрывала уже не столь умело, хотя тоже старалась сохранять хладнокровие. – Так что у вас тут за сборище?

– Все вопросы – позже! – отрезал добившийся своего отец. – Подойди ко мне!

Девушка спрятала кинжал под пончо, за пояс и подчинилась.

– Ближе! – снова попросил Гвидо, и когда дочь подошла к нему почти вплотную, придирчиво осмотрел ее с ног до головы, после чего задал странный вопрос: – Как звали твою любимую канарейку и от чего она издохла?

Кассандра сверкнула глазами, обиженно посопела, но ответила:

– Желторотик. Я забыла запереть клетку, и птичку съела наша кошка.

– Прошу прощения, но я обязан был задать тебе этот вопрос, чтобы убедиться, что ты – это ты, – пояснил Гвидо.

– Убедился? – насупившись, поинтересовалась Кассандра. – Теперь доволен?

– Да, – признался маэстро. – Эти недобросовестные господа могли подсунуть нам и копию твоего дубля. Но им не удалось бы заставить фальшивку досконально выучить все подробности твоей жизни. Еще раз извини меня, девочка, но это были необходимые меры предосторожности.

– Только не надо подозревать нас в нарушении договора, респетадо миротворец! – возмутился Фило. – Никто и не думал водить вас за нос! Мы свое слово держим! Хотелось бы посмотреть, как вы держите свое! Итак, вы согласны заплатить за подробную информацию о башне Забвения? Уверяю вас, она стоит той суммы, что мы вам предложим...

Дворцовое освещение, яркость которого за прошедшие пару часов менялась уже дважды, вдруг выкинуло совершенно непредсказуемый номер. Еле-еле тлеющие факелы внезапно вспыхнули и загорелись сильным пламенем. Языки огня били строго вверх и мерцали, как проблесковые маяки: пламя то полностью исчезало, то через полсекунды опять срывалось с просмоленных тряпок, словно на них с потолка капал бензин. И так происходило со всеми без исключения источниками света в гостевом зале. Но что самое любопытное: факелы мерцали с поразительной синхронностью. Мне почудилось, что даже контуры пламени у них абсолютно одинаковы. Сумрак, к которому я успел приноровиться, сменился ослепительным огненным шоу – этакой дискотекой, где внезапно прервалась музыка. Давненько я не посещал подобные увеселительные заведения и потому отвык от их беспокойной атмосферы, порой воздействующей на органы чувств похлепце шоковой гранаты.

Я, Фило и Анна повскакивали с мест; Гвидо придержал за плечо испуганную Кассандру и обеспокоенно озирался по сторонам. Выкрутасы дворцовой иллюминации вогнали маэстро в замешательство. То, что происходило вокруг нас, явно выпадало из-под его контроля.

– Снова ваши фокусы, респетадо? – раздраженно полюбопытствовал Фило у дипломата. – Вам не кажется, что это уже чересчур? Если пойдут разговоры, что в моей провинции происходят подобные вещи, все решат, что я в неладах с Балансом, и виноваты в этом будете прежде всего вы! После вашей сегодняшней выходки по городу и так поползут нехорошие слухи и завтра часть скитальцев уберется отсюда прочь. Кто возместит мне экономический и моральный ущерб? Уж не вы ли из своего личного кармана?

– Я не имею к этому отношения, – открестился Гвидо, указав на ближайший плюющийся огнем факел. – Похоже на сбой в симулайфе. Вы уже уничтожили свою башню Забвения? Причина может крыться в этом.

– Разрушить башню – вопрос не одной минуты, респетадо. К тому же мы еще не договорились о цене, по которой...

– Тише! – шикнул на диктатора маэстро. – Кто-то еще есть в зале! И он прячется от нас!

И недвусмысленно в упор посмотрел на Фило.

– Я не держу убийц за гардинами! – «Гном» сразу смекнул, в чем его обвиняют. – Это недостойно! Если я хочу поквитаться с врагом, всегда вызываю его на честный бой!

– Кто бы говорил о честности! – язвительно заметила Кассандра, пристально вглядываясь в пульсирующий мрак. Из-за мерцания света любое наше движение происходило рывками, словно при покадровом воспроизведении видеофильма. Разглядеть что-либо конкретное в этой мучительной для глаз неразберихе являлось проблематично, но я попытался.

Колоннада, за которой я не так давно прятался, шла по периметру зала и поддерживала широкий балкон, увеличивающий полезную площадь помещения для увеселений. Благодаря хорошо просматриваемой балюстраде спрятаться на балконе было невозможно. Человек, замеченный Гвидо, должен был скрываться где-то внизу, в колоннаде, и я не сомневался, что он там и впрямь затаился – галлюцинациями маэстро вряд ли страдал.

Вскоре мне действительно удалось заметить, как едва уловимая тень промелькнула в дальнем углу зала. Я резко выглянул из-за колонны, намереваясь застать врасплох прячущегося от нас человека, но его там не оказалось, зато какая-то тень уже мелькала в противоположной стороне.

– Кто ты такой? – Фило тоже успел рассмотреть скрытного незнакомца. Стремительность, с какой он перемещался вокруг нас, впечатляла: в коротких перерывах между вспышками факелов он умудрялся перебежать почти через весь зал. Не скажи Гвидо, что этот скороход здесь один, я бы несомненно решил, что их как минимум двое. – Эй, скиталец, а ну подойди сюда! Подчиняйся – тебе приказывает диктатор провинции Транквилло! Эй!..

Я на секунду зажмурился, чтобы избавиться от бликов в глазах, после чего всмотрелся внимательнее и сразу уловил краем глаза движение. «Краем глаза» при моем периферийном зрении означало, что незнакомец находится у меня за спиной. Люди с благими намерениями так себя не ведут, поэтому будет разумнее устранить потенциальную угрозу, прострелив злоумышленнику ногу. Тем более лекарь, если что, находится рядом. Надо только хорошенько сосредоточиться на цели, и все дела. Кто бы еще выдал мне самонаводящиеся патроны...

– Решил продаться «Терра», сеньор Тантал? И почему я этому не удивлен? – задребезжал в обеденном зале холодный и скрипучий голос. Голос раздавался отовсюду, как в кинотеатре с панорамным звуком. Вместе с нервирующей иллюминацией получалась довольно жуткая картина. А прямота, с какой незнакомец задал Фило вопрос, указывала на то, что неуловимый гость, как и мы, начхать хотел на Мертвую Тему.

– А вот от тебя, сеньорита Пиранья, я такого не ожидал! – продолжал обвинительную речь визитер, чью мелькающую тень мы продолжали наблюдать в отблесках факелов. – Ты всегда казалась мне более разумным человеком, нежели твой жадный приятель. Что ж, я вам не мешаю – продолжайте ваши торги, не стесняйтесь! Хочу посмотреть, чем дело закончится. Очень любопытно, сколько отвалит вам «Терра» за чужую идею!

– Респетадо Тенебросо! – судорожно сглотнув, промолвил Фило севшим голосом. – Это не то, что вы подумали...

– Совсем не то! – с таким же трепетом подтвердила Анна. Озираясь по сторонам, она в ужасе попятилась и встала рядом с диктатором. – Вы так давно не появлялись, респетадо Тенебросо, что мы решили, будто вы навсегда оставили нас. К тому же, когда этот Арнольд Шульц сбежал из башни, мы и не сомневались, что без вашей помощи здесь не обошлось! Профанам из «Терра» ни за что самим не раскрыть вашего секрета. Мы подумали, что вы умываете руки и тоже собрались выйти из дела... Но мы бы обязательно поделились с вами, респетадо Тенебросо, клянемся!

– Клянемся, клянемся! – энергично закивал Фило. – Непременно поделились бы!..

Я невольно проникся уважением к невидимому Тенебросо: этот тип заставил дрожать двух матерых крэкеров, которых и наши с Гвидо угрозы не слишком-то пугали. Анна и Фило прижались спиной к спине, суматошно ища глазами собеседника, и, кажется, совершенно забыли о нашем присутствии. Мне было невдомек, следует ли нам бояться загадочного скитальца, не иначе маэстро шпионажа, или же он проник сюда не по наши души. Беря во внимание таланты Тенебросо, я резонно предположил, что Гвидо обязан знать игрока, скрывающегося за этим дублем. Однако, как выяснилось, Зануда сам его впервые видел.

– Я вас знаю, респетадо Тенебросо? – спросил Гвидо у пустоты.

– Нет, маэстро, – отозвалась пустота. – Но даже если бы ты меня знал, было бы глупо признаваться в этом. Сеньорита Пиранья имела неосторожность заявить, что башня Забвения принадлежит мне. Не стану отпираться – так и есть. Поэтому просто считайте меня строителем невидимых замков. И для вас же будет лучше забыть обо мне, как только я завершу здесь все дела. Гоняйте мелкую рыбешку – своих одержимых – и не ныряйте глубже. Запомните – я не существую. Как и башня Забвения, чей секрет я забираю с собой... А сейчас извини, маэстро, мне нужно преподать кое-кому из здесь присутствующих урок на будущее. Рекомендую не вмешиваться – тебя это не касается.

После всего увиденного звучало весьма убедительно. Ожидая всего, чего угодно, я взял «Экзекутор» на изготовку и занял позицию таким образом, чтобы Кассандра очутилась между мной и Гвидо. Черт знает, что на уме у этого Тенебросо и на чьем примере он задумал преподать свой урок. Может быть, на моем?

Обещанный урок не заставил себя долго ждать. Неуловимый и жуткий, как призрак, Тенебросо наглядно продемонстрировал нам, что бывает с теми, кто решил его обмануть. Едва он объявил о своих намерениях, как Фило и Анна переглянулись и бросились наутек. Точнее, хотели броситься, так как пробежали они всего несколько шагов. Стремительная тень метнулась им наперерез, затем факелы в очередной раз погасли, а когда вспыхнули вновь, вымогатели уже валялись на полу, словно запнулись за невидимую веревку. Куда они бежали, непонятно, наверное, просто не хотели стоять и обреченно дожидаться, пока бывший компаньон разделается с ними, как с овечками на бойне.

Учиненная Тенебросо расправа была простой и жестокой. Я едва успел проследить, как человек-тень хватается за голову Анну и, словно тряпичную куклу, бьет ее спиной о ближайшую колонну. Целительница не успевает и вскрикнуть, а ее изогнутое в неестественной позе тело с переломанным позвоночником уже лежит поперек стола...

Снова темнота, из которой доносится отчаянный вопль Фило и звуки борьбы. Мрак плотный, но в эти секунды у меня перед глазами заново прокручивается душераздирающая сцена: Анна, будто угодившая под паровоз ее тезка по фамилии Каренина, врезается в колонну и, кувыркаясь, отлетает от нее, как от резиновой. После истории с вымогательством я навсегда охладел к Анне, но все-таки прежняя симпатия к ней дала о себе знать. Выведенный из себя невыносимой жестокостью к женщине, подарившей мне недавно столько приятных минут, я вскинул штуцер и, наплевав на все угрозы, приготовился стрелять по цели, как только замечу ее.

Факелы вспыхивают, и Тенебросо наконец-то предстает перед нами во всей красе. Если бы не Фило, сцепившийся с ним врукопашную, наверное, дубль этого злодея так и остался бы для нас загадкой. Диктатор оказался для него более достойным противником, и свернуть шею Фило в один присест у карателя не вышло. В руке у «гнома» блестел кинжал, который я не успел отнять, и теперь оба бывших компаньона, вцепившись друг в друга, топтались на месте и каждый из них пытался изловить противника на какой-нибудь хитрый прием. Несомненно, низкорослому крепышу-диктатору это вскоре и удалось бы, не обладай его оппонент коварством, намного превосходящим коварство самого Фило.

Одетая в иссиня-черный комбинезон со скрывающим лицо капюшоном, долговязая и гибкая фигура Тенебросо змеей извивалась в объятьях кряжистого «гнома» Фило, который то и дело наносил молниеносные удары кинжалом, способные при удачном попадании шутя пробить врагу череп. Однако оружие диктатора постоянно било в пустоту. Демонстрируя чудеса гибкости, Тенебросо увертывался от атак даже будучи практически обездвиженным. Безумная игра света и тени превращала борьбу этих скитальцев в замысловатый танец – что-то вроде индейской пляски смерти.

Меня не волновала судьба Фило, поэтому, стреляя в спину Тенебросо, я совершенно не переживал, что пули наверняка пробьют насквозь тела обоих дерущихся. Мне хотелось хоть как-то искупить свое бездействие в тот момент, когда черный человек расправлялся над Анной. Неважно, что погиб всего лишь дубль – карнавальный костюм для игры в симулайфе, – и его владелица может при желании воскреснуть на одной из точек «Феникс». Даже сейчас, когда иллюзорность происходящего в Терра Нубладо была мне убедительно доказана, реальность по-прежнему оставалась для меня недостижимой. И, даже зная, что окружающие меня люди играют в грандиозном спектакле, я продолжал жить так, как будто это была настоящая жизнь со всеми ее чувствами и слабостями. Принять их за условности мне пока не удавалось, впрочем, я к этому и не стремился.

Боялся испортить интерес от игры?

Нет, боялся потерять интерес к жизни, пусть и ненатуральной...

Трудно сказать, что первым прикончило Фило: мои пули или непонятное оружие, которым Тенебросо отрезал своей жертве голову – тонкая серебристая спица, видимо, до этого скрываемая им в рукаве. Две пули угодили Тенебросо в поясницу, прошли навывлет и поразили Фило за миг до того, как его голова, срезанная с аккуратностью гильотины, отделилась от тела. Голова «гнома» отлетела в одну сторону, отброшенное пулями тело – в другую. Однако, заполучив в спине внушительную дыру, Тенебросо даже не покачнулся, лишь вздрогнул, будто схлопотал не две пули жакана, а легкий удар в корпус.

– Зря ты так поступил, Проповедник! – проскрежетал в темноте все тот же холодный голос, в котором отсутствовал даже намек на боль или ярость. – Придется преподать урок и тебе.

Очередная вспышка света, и я вижу только распростертое на полу обезглавленное тело Фило. Тенебросо снова избрал свою излюбленную тактику человека-невидимки и ускользнул у меня прямо из-под носа.

– Какой обидчивый сукин сын! – процедил я сквозь зубы. – Ну давай, подходи! Посмотрим, кому сегодня везет!

При поддержке Гвидо я бы непременно изловил бессмертного одержимого, но нам приходилось беспокоиться о девушке, которой этот ублюдок мог причинить вред. Поэтому я ничуть не рассердился на Зануду, когда он крикнул мне «прикрывай!», а сам схватил Кассандру за руку и припустил к выходу, только я их и видел. Стараясь не отставать, я бросился следом, готовый к нападению с любого фланга.

И все равно едва не прозевал атаку Тенебросо, выросшего на нашем пути как из-под земли.

– Эй! – окликнул меня маэстро, отстраняя девушку к стене и прикрывая ее собой. Черная фигура уже тянула к ним руки.

Я снова пальнул дуплетом, но с промежутком между выстрелами в долю секунды. Одна из тактик проксимо-боя против опытных соперников: выстрелить, мгновенно вычислить вектор уклонения противника и, пока он не завершил маневр, дать второй выстрел на опережение. Довольно сложный прием, требующий максимальной концентрации, однако безотказный, если твой враг не имел навыка защиты против противника, вооруженного двухкурковым оружием. Для стрелков, которые со временем привыкали к дуэльному алгоритму «выстрел– перезарядка – взведение – выстрел», два вражеских выстрела подряд просто сбивали темп схватки. Зная о такой психологической слабости многих бойцов проксимо-боя, я

нередко пользовался этой брешью в их защите, о которой они порой и не подозревали.

У непревзойденного вояки Тенебросо тоже не было опыта боя с такими дуэлянтами, как я. Быстрым являлся человек в черном, но тягаться в скорости с двумя штуцерными пулями ему было не по зубам. Среагировав на вспышку от выстрела, он отпрянул и сразу же нарвался на вторую пулю, угодившую ему в голову. Любого другого скитальца при таком попадании сбilo бы с ног и отшвырнуло на несколько шагов, но Тенебросо опять устоял, хотя головы лишился. Осколки черепа, ошметки мозга и обрывки капюшона разлетелись во все стороны, а безголовое тело всплеснуло руками и... снова кинулось на Гвидо и Кассандру!

Я видел множество злостных одержимых, но не припоминал случая, чтобы кто-то из них, лишившись головы, не только выжил, но еще и распускал при этом руки. Такой живучести не демонстрировали даже зомби – ходячие мертвецы, фильмы про которых я смотрел в молодости. Выстрел в голову убивал наповал и зомби, и одержимых, однако Тенебросо был исключением из правил. Его тело прекрасно обходилось и без «командно-наблюдательного» центра. Разве что движения безголового дубля стали дергаными и утратили точность, но не быстроту.

Гвидо увернулся от промелькнувшей над его макушкой серебристой спицы и оттолкнул ногой в грудь набросившегося на него Тенебросо. Долговязый и безголовый, тот в своем черном комбинезоне походил на большого паука, вставшего на задние лапы и пытающегося опутать жертву паутиной. Удар маэстро ни на шаг не сдвинул человека-паука, устоявшего даже после моих выстрелов. Наоборот – Гвидо сам был отброшен к стене и чуть не придавил прятавшуюся у него за спиной Кассандру. Там, где они только что стояли, аккурат на уровне шеи Зануды, снова блеснула серебристая молния.

Я спешно перезарядил «Экзекутор», но перебить Тенебросо ноги – единственный способ, который наверняка остановил бы сверходержимого, – не успел. Удар, напоминающий сильное землетрясение, сотряс дворец до основания. Мне даже почудилось, что дрогнули сами столпы мироздания – настолько мощным выдался толчок, выбивший почву у меня из-под ног; словно уже упомянутый мной джинн неосторожно уронил-таки дворец с небес на землю. Я, мои друзья, ходячий труп Тенебросо и тела растерзанных им вымогателей подлетели вверх почти на метр, после чего попадали на пол кого как угораздило. Мебель с грохотом попадала в беспорядке, зазвенела рассыпанная утварь, побились бутылки, разбрызгав повсюду благородный тропесар. Часть картин сорвало со стен, а три колонны рухнули, причем одна из них едва не придавила меня. Но больше всего удивили факелы,

которые прекратили мерцать и вспыхнули таким сильным пламенем, что оно достигло потолка.

Быстрее всех от шока оправился Гвидо. Взвалив Кассандру на плечо, он перепрыгнул через барахтающегося на полу дезориентированного Тенебросо и побежал к выходу. На меня он даже не взглянул. Однако что бы ни творилось вокруг, я должен был продолжать прикрывать ему спину. Стараясь опередить безголового врага, который все еще отчаянно сопротивлялся, я решил было довести дело до конца, но второй толчок – куда более сильный, чем прежний, – снова сотряс дворец. Меня подбросило еще выше, почти на уровень балкона. Вместе со мной подлетела мебель, а на расстоянии вытянутой руки кувыркалась в воздухе, словно мяч, бородатая голова диктатора. Гвидо с Кассандрой уже покинули зал, и что стало с ними, я не видел. Зато видел, как Тенебросо вцепился руками в массивный обломок колонны и благодаря этому удержался на полу. Перед тем как совершить жесткую посадку, я успел подумать, что хорошо бы и мне ухватиться за что-нибудь, а еще лучше плюнуть на Тенебросо и уносить из дворца ноги – вряд ли землетрясение ограничится двумя толчками...

Удар об пол выбил из меня все мысли до единой, даже мысли о спасении. Все последующее напоминало сцену из низкопробного фильма ужасов. Я распластался на полу, пытаюсь вернуть подвижность отбитым конечностям. Каждый вдох вызывал боль – упав на живот, я, кажется, повредил несколько ребер. Этому поспособствовал и штуцер, который в момент приземления оказался прямо под мной. В полуметре от меня вытаращилась в потолок голова Фило. Всколоченная борода и перекошенный в агонии рот оставили бы заикой любого впечатлительного человека, кто вдруг обнаружил бы рядом с собой такой сюрприз.

Обезглавленный мертвец, который ковылял прямо ко мне, направлялся сюда вовсе не за утраченной головой, как можно было подумать. Валявшаяся рядом со мной голова принадлежала другому мертвецу, этот же покойник искал вовсе не собственную голову, а охотился за моей. Серебристая спица в руках мертвеца указывала на то, что голова Проповедника вскоре окажется рядом с головой Фило, пополнив коллекцию трофеев Тенебросо, которой ему предстоит любоваться разве что на ощупь.

Стиснув зубы, я попытался приподняться на негнущихся руках и вытащить из-под себя придавленный штуцер. Героическими усилиями это мне удалось, но едва я вложил оружие в руку, как ботинок мертвеца придавил стволы «Экзекутора» к полу, заодно накрепко прищемив мне пальцы скобой спусковых крючков. Взвывая от боли – весу в Тенебросо было что в асфальтоукладочном катке, – я постарался

свободной рукой оттолкнуть ногу врага, но это было бесполезно, как и толкать вручную тот же каток.

Зловещий тихий свист рассекающей воздух спицы... Откуда безголовый труп смог узнать, где я нахожусь? На решение этой загадки у меня осталась от силы секунда. Я зажмурился – не хватило духу взглянуть на тонкую сверкающую молнию, направленную мне в шею. Я почти не ощутил, как она туда вонзилась. Горячая волна прошла по горлу и в нем засвербело, как при простуде. А потом раздался чавкающий звук, мышцы шеи моментально ослабели, и я ударился лбом об пол.

Вернее, уже не я, а та часть моего тела, на которой было так удобно носить шляпу. Сознание не покидало меня еще пару секунд, и я успел почувствовать щекой холодные камни пола. Пол вибрировал – похоже, землетрясение продолжалось. Но мне не было до этого уже совершенно никакого дела...

Дворец Фило рушился. Стихийное землетрясение уничтожало его стены, обваливало башни и с корнем выворачивало растущие вокруг дворца деревья. Землетрясение носило «точечный» характер и никоим образом не отражалось на соседних зданиях, выстроенных по периметру дворцовой площади. Их стены содрогались только от грохота разваливающегося дворца; сейсмические волны странной природы распространялись от эпицентра всего на пару сотен метров. Зато в этом радиусе стихия свирепствовала на твердые девять баллов.

Случись подобный катаклизм в реальном мире, сейсмологи долго ломали бы головы над его загадкой. Но в симулайфе любая странность объяснялась просто – виртуальный мир, созданный людьми, этими же людьми и изменялся, причем в любую, даже самую невероятную сторону. Законы искусственного мира были гибкими, и всяк, кто разбирался в их секретах, имел возможность влиять на природу симулайфа как ему заблагорассудится. Так что уничтожить дворец мог сейчас кто угодно: разозленные собственной виртуальной гибелью Тантал и Пиранья, получивший взбучку Тенебросо или даже коллеги Патрика Мэддока, сбившие по неосторожности какие-нибудь настройки.

Лежащие на поверхности разгадки всему и вся – это, конечно, здорово, однако у них имелась и обратная сторона. Любое загадочное явление теряло в Терра Нубладо ореол таинственности, поэтому даже при всей своей грандиозности выглядело обыденно и восхищения не вызывало. Наверное, из-за этого в свое время и угас интерес игроков к сказочному симулайфу Терра Куэнто. Сказка утрачивала привлекательность, когда игрок жил в ней долгое время, и любые старания «Терра» оживить приевшуюся действительность воспринимались

игроками равнодушно. Они требовали радикальный выход из положения: новый мир с новыми порядками и высокой степенью свободы. Такое же забвение ожидало в будущем и Терра Нубладо. Мэддок и его коллеги определенно готовились к подобному повороту событий. Помимо военного тренажера Терра ди Гуэрро ими наверняка разрабатывался следующий «народный» симулайф – не имеющий аналогов, яркий, красочный и готовый заманить в себя игроков на долгие годы.

Например, такой симулайф, какой я видел в своем первом и единственном за минувшую четверть века сне. И был ли вообще это сон? Виртуальный мир, где каждый мог стать тем, кем он захочет, и прожить жизнь, какую он воображал лишь в самых смелых мечтах. И впрямь, в этом хаосе определенно имелось бы свое очарование. Мушкетер, пирующий в компании космического рыцаря, а может быть, индейца, солдата Второй мировой, ниндзя, а то и вовсе вурдалака или атланта... Войны между пришельцами с альфа Центавра и наполеоновской гвардией, взявшей в союзники кентавров... Состязание в меткости между Робинотом Гудом, Натаниэлем Бампо и Стрелком из Гилеада... Дарт Вэйдер, дерущийся на мечах с Миямото Мусаси... Скажете, абсурд? Еще какой! Но почему бы не воплотить его в виртуальную реальность? Почему не перемешать реальные и выдуманные миры, эпохи и их героев и не посмотреть, что из этого выйдет? Лично я не отказался бы переселиться в этот эксцентричный мир при условии, что меня отправят в отставку, а на место ловца крэкеров возьмут кого-нибудь другого. Мало, что ли, в мире молодых безработных коматозников?

Я безучастно наблюдал за маленьким локальным землетрясением в центре фуэртэ Транквило как за вполне рядовым событием, хотя еще неделю назад оно произвело бы на меня неизгладимое впечатление. Главное сооружение города содрогалось от сейсмических толчков и разваливалось на куски, оседлые рекруты и пьяные скитальцы, кто успел выскочить на улицу, разбегались в страхе, среди руин возникали все новые и новые очаги пожара... А я стоял в тени соседнего здания и нисколько не удивлялся тому, что вижу. Меня больше волновала собственная шея, которую я продолжал ощупывать, стараясь обнаружить на ней следы загадочного оружия Тенебросо. Тщетно: ни ран, ни свежих шрамов, ни даже царапин.

Хорошее это дело – воскрешение. В реальности – редчайшее чудо, а в симулайфе – обыденное явление. Хвала заботливому Гвидо, устроившему мне прямо за стенами дворца персональную точку «Феникс»! Сколько времени протекало таинство возрождения, я мог определить лишь приблизительно, но явно короче стандартной процедуры. На момент моего обезглавливания дворец еще оставался целым. Когда же я обнаружил себя лежащим на дворцовой площади между трех замшелых

булыжников, процесс разрушения дворца только набирал силу. По всей видимости, я вышел из игры не более чем на пять минут.

Голова приросла как следует, и «Экзекутор» тоже находился при мне – таковы были обнадеживающие новости. А плохие: оставалась безвестной судьба дублей Патрика и Анабель. Погибли они под руинами или успели-таки добежать до выхода? Обидно, если не успели. Осуществить столь рискованную авантюру и пасть жертвой стихии в шаге от финиша – хуже не придумаешь. Как ни прискорбно было это признавать, но скорее всего так и случилось, поскольку маэстро и прорицательницы поблизости не наблюдалось.

Вероятно, дубли моих друзей возрождаются сейчас где-то далеко отсюда, а сами они покинули Терра Нубладо. По вине крэкеров-вымогателей Анабель безвылазно просидела подключенной к симулайфу черт знает сколько времени, а ее отец из-за этого отчаялся настолько, что даже нарушил инструкции и раскрыл подопытному кролику, сиречь мне, служебную тайну. Арсений Белкин помог Патрику Мэддоку и теперь рассчитывал, что тот поможет ему пролить свет на оставшуюся правду. Я не намеревался бунтовать и был готов дальше выполнять свои опостылевшие обязанности, лишь бы мне поведали то, что скрывали от меня все эти годы. Зачем скрывали? Неужели боялись, что я расскажу об экспериментах над коматозником кому-нибудь из скитальцев, кто вдруг согласился бы поболтать со мной на Мертвую Тему? Хотя не без причины беспокоились ребята из «Терра» – тяжело держать такое в себе. Рано или поздно я все-таки отыскал бы достойного человека и излил ему душу. Кого-нибудь вроде мудрого Квинта или Кассандры – людей, умеющих слушать и уважать собеседника...

Серый валун, на котором я сидел и наблюдал за гибнущим дворцом, вдруг пропал, словно сквозь землю канул. Кто его на самом деле знает, канул он или растворился в воздухе, но, когда я неожиданно плюхнулся на задницу, подо мной уже были ровные, без каких-либо отметин, булыжники площади. Два собрата бесследно сгинувшего каменюки тоже исчезли неведь куда. Однако на месте одного из них остался какой-то мусор. Я протянул руку и подобрал с земли небольшой, сложенный пополам лист бумаги. Обычный листок, вырванный из скитальческого блокнота, – наверняка утерянная или утратившая ценность долговая расписка или что-то типа того.

«Арсению Белкину» – было написано на сложенном листке торопливым почерком. Вот оно что! Значит, записка до сего момента лежала на камне, а я был так поглощен видом катастрофы, что попросту ее не заметил.

Кто из моих друзей написал записку, я определить не сумел, поскольку был незнаком с почерками Гвидо и Кассандры, а мое настоящее имя стало с недавних пор известно им обоим.

«С воскрешением, Арсений!» – такими ехидными словами начиналось письмо. Мэддоки, похоже, не сомневались, что я проиграю схватку с Тенебросо, после чего обязательно окажусь на точке «Феникс» и прочитаю послание. Проклятый Тенебросо! Ну да черт с тобой – мои друзья благополучно унесли ноги, а значит, можно считать, что схватку мы выиграли. Или это был только первый раунд? В Терра Нубладо было очень и очень неосмотрительно уповать на то, что, отстрелив врагу голову, ты больше никогда с ним не встретишься. Условия для мести в туманном мире были просто идеальными: новое тело и имя воскресшего дубля позволяли скитальцу подобраться вплотную к обидчику при полном сохранении инкогнито. Хотя кто из нас кому должен мстить? Тенебросо вроде бы сполна рассчитался со мной, а мне разыскать его для реванша было еще сложнее, чем иголку в стоге сена.

«Спасибо за все!.. – говорилось далее в записке. – Ты нам здорово помог. Скоро увидимся. Не скучай! П. и А.».

– Само собой увидимся, – хмыкнул я. – А не захотите видеться, так назло всем выйду из комы и отыщу ваше благородное семейство, где бы вы ни прятались.

Разбуженные горожане стягивались на площадь, громко переговаривались и качали головами, наблюдая за агонией утихающего землетрясения. Дворец уже практически лежал в руинах, озаренных возникшими на обломках пожарами. Вмиг протрезвевшие гуляки, чудом спасшиеся из дворца, возбужденно рассказывали всем о том, что произошло. Оседлые рекруты столпились в стороне. По их унылым лицам нельзя было прочесть, что чувствуют в данную минуту обладатели искусственного интеллекта. По всей видимости, они ничего и не чувствовали, поскольку являлись лишь бездушными дублями – живыми интерактивными декорациями.

Записка не содержала каких-либо инструкций насчет того, что Проповедник Белкин должен делать в ближайшее время, и я решил позволить себе небольшой отпуск. Ничто не препятствовало мне направиться в любом направлении, однако я избрал уже привычный курс на фуэртэ Кабеса. В столице всегда было чем заняться, а теперь, когда я прозрел «на один глаз» и познал кое-какие истины, хотелось лучше изучить разношерстную скитальческую братию и присмотреться к ним уже под другим углом.

Арсений Белкин отстал от жизни на двадцать пять лет и ему срочно требовалось наверстывать упущенное.

Глава шестая

– То, о чем вы доложили, мистер Мэддок, требует от нас принятия экстренных мер. Вымогательство в Терра Нубладо – это уже не мелкое хулиганство, это серьезное преступление. Что вы выяснили относительно главаря шайки вымогателей?

– Ничего, мистер Адамс. Полное отсутствие какой-либо информации по этому игроку. Дубль под именем Тенебросо никогда до этого не появлялся в симулайфе. И даже когда мы засекли и вроде бы уничтожили Тенебросо, он не оставил никаких следов.

– Постойте, Патрик, что значит не оставил? Я в курсе, что технологические особенности нашего оборудования не позволяют отслеживать местоположения игрока в реальном мире. Но его первое и последующие прохождения через точки «Феникс» обязаны отражаться в игровом досье дубля. Допустим, Тенебросо мог ни разу не умереть в Терра Нубладо, но каким-то образом он там появиться должен!

– Все правильно, мистер Адамс, однако у нас отсутствует досье на Тенебросо. Похоже на то, что он – часть симулайфа. Оседлый, как теперь принято называть эту категорию персонажей игрового мира. Только он не нуждается в досье. Судя по показателям, Тенебросо – типичный оседлый, но если верить тому, что я видел собственными глазами, за ним стоит игрок не ниже уровня маэстро.

– Сколько у нас на сегодня игроков такого высокого уровня?

– Исключая меня и Джесси – семьдесят два. Их досье находятся у нас в VIP-архивах, все эти люди обладают множеством привилегий, мы постоянно разыгрываем среди них лотереи с дорогими призами... В общем, поощряем к игре, как можем. Игроки-маэстро у нас постоянно на виду, да и не тот они контингент, который будет заниматься темными делишками. Маэстро – ортодоксальные фанаты игры и как никто другой чтят правила, поскольку дорожат своим высоким статусом. По крайней мере, крэкеров среди них нам еще не попадалось. Пока что Тантал-Фило – самый высокоуровневый крэкер, схваченный нами за руку, но до маэстро ему было еще расти и расти. Я могу

изложить вам собственную версию относительно произошедшего, только предупреждаю: она окажется для вас очень и очень неприятной.

– Патрик, дружище, высказывайте все, что думаете, даже самые абсурдные, на ваш взгляд, идеи. Даже откровенную ересь. На карту поставлена репутация «Терра», и ради ее сохранения я готов пойти на любые меры.

– Как пожелаете, мистер Адамс...

– Да-а-а, Патрик... Я ожидал услышать от вас суровый диагноз, а вы заготовили для меня некролог... Знаете, если бы вы сейчас обвинили в саботаже меня, я бы и то расстроился гораздо меньше. И что вы теперь предлагаете? Пустить под нож нашу курицу, несущую золотые яйца? Сорок процентов от общего дохода корпорации, мистер Мэддок. Вдумайтесь в это число: сорок процентов! Именно столько дает нам симулайф Терра Нубладо. И все это благодаря практически одному человеку! Уникуму, каких в нашем мире – один на миллиард! Да мне ли рассказывать вам об этом? Я каждый день молюсь о здоровье нашего многоуважаемого благодетеля. А вы приходите и заявляете, что он и есть главный вымогатель, пригревший в симулайфе целую преступную организацию. Зачем ему это, Патрик? Он ведь и так миллионер.

– А вы загляните в его личное дело, мистер Адамс. Чем он занимался до того, как стал работать на «Терра»? Вы разве не слышали такую присказку, что не бывает бывших алкоголиков и наркоманов. Это относится и к тем людям, к каким раньше принадлежал наш уникам. Кто такие Тантал и Пиранья? Исполнители, которых может быть не два и не четыре. Где гарантии, что в настоящий момент в симулайфе не стоит еще несколько башен Забвения и глубоко законспирированные крэкеры не заманивают в них доверчивых жертв?

– Ну это вы хватили через край... Уже давно поднялась бы шумиха и на нас обрушились бы потоки обвинений.

– Несомненно. Но если перед освобождением грамотно обработать жертву, этой проблемы можно благополучно избежать. Обратите внимание: Тантал и Пиранья брали в заложники дубли тех игроков, кто уже не мыслил жизни без симулайфа. По силам ли Тенебросо, оказись он тем, кого мы подозреваем, осуществлять в отношении болтливых заложников угрозы? Вполне. Причем любые – испортить человеку игру можно сотней различных способов, да таких, которые ни на йоту не поколеблют Баланс. Ваше оружие будет ломаться в самый неподходящий момент; вы начнете постоянно поскользываться на ровном месте;

вас ранят, а лекаря не окажется поблизости; каждый раз, когда вашему дублю придется разгуливать на «автопилоте», он станет наткаться на более сильных противников, погибать и терять набранный за последнюю игру опыт. И многое-многое другое... Кому такое понравится? Но если игрок станет держать рот на замке, ничего из вышеперечисленного с ним не произойдет. И бывшие заложники помалкивают – а куда им еще деваться-то? Правильный выбор жертвы и грамотное запугивание – вот причина того, что факты вымогательства открылись нам только сегодня, да и то чисто случайно.

– Но даже если вы правы, нам все равно нечего предъявить хозяину Тенебросо. Мало того, мистер Мэддок – мы даже не смеем вызвать его на откровенный разговор. За обвинением последует возмущение, а о том, что последует за вспышкой гнева, вы догадаетесь сами. Помните последствия переноса Джесси в Терра Олимпия? Хотите, чтобы нечто подобное случилось и в Терра Нубладо?

– Разумеется, нет. Но провести негласное служебное расследование было бы все-таки нелишнее. Хотя бы для того, чтобы не допустить подобное в Терра Олимпия.

– Поддерживаю. Вы готовы заняться этим расследованием?

– Готов, мистер Адамс.

– Только не забудьте, Патрик: вы всего лишь собираете для меня информацию. Если наткнетесь в симулайфе на Тенебросо, не вздумайте учинять никаких акций возмездия. Я тоже переживал за малышку Анабель и догадываюсь, какие чувства вы испытываете к этому аферисту, но прошу вас... нет, даже приказываю: забудьте о мести. Уверен, знай Тенебросо, чьим дублем является Кассандра, мерзавец ни за что бы так не поступил. Я не оправдываю его. Просто хочу, чтобы сегодня вы трезво оценивали ситуацию и смирились с нашим положением во всей этой некрасивой истории.

– Не беспокойтесь, мистер Адамс. Бог – судья этим вымогателям. К тому же не исключено, что я перегибаю палку и за дублем Тенебросо прячется кто-то другой. Я не склонен к голословным обвинениям, но если факты подтвердятся... Мы с профессором Эбертом обязательно найдем управу на строптивца. У нас достаточно опыта в воспитательной работе. Усмирили Джесси, усмирим и Тенебросо. Кто бы за его личиной ни прятался...

Благодаря Анабель Мэддок и ее отцу я практически начал новую жизнь – уже третью по счету на своем веку. Правда, имелась еще куча вопросов к Патрику, но

главная истина была открыта – Арсений Белкин не погиб в две тысячи восьмом. И пусть жить полноценной жизнью ему теперь было заказано, он не жаловался и довольствовался тем, что имел. Могло быть и хуже. Я получил отсрочку от Ада, что следовало воспринимать как милость Всевышнего; испытательный срок, по истечении которого – чем черт не шутит? – возможно, мне будет даровано прощение. Ну а нет так нет. Я не обижусь, наоборот, обязательно скажу при встрече старику Создателю спасибо. За подаренные мне несколько лет пусть виртуальной, но весьма насыщенной жизни. Такое великодушие достойно благодарности.

До предстоящего разговора с Патриком я не хотел делать скороспелые выводы, но упоминание Тантала об одном из обнаруженных им Арнольдов Шульцев – пожилым инвалиде из Бонна – не давало мне покоя. Одиноким стариком, перенесшим осложнение после операции на голове, вписывался в версию Кассандры о коматознике. Я ожидал встречи с Патриком, чтобы он подтвердил или опроверг это. Не менее сильно я ждал встречи и с его дочерью – это в реальности я представлял собой старую больную развалину, а в Терра Нубладо являлся мужчиной в самом расцвете сил, который был не прочь приударить за красивой женщиной. А данном случае не просто красивой, но к тому же еще и...

Я не находил подходящего слова, способного кратко выразить все восхитившие меня качества Кассандры-Анабель. Умная, обаятельная, общительная, добрая, умеющая слушать и сопереживать... Удивительная... Да, пожалуй, именно так – удивительная. В жестоком мире Терра Нубладо сочетание всех вышеперечисленных качеств в одном человеке считалось редкостью. Таких людей здесь считали чудаками и не ценили подобающим образом.

Но я ценил. И поэтому стремился снова увидеться с Кассандрой, обладающей достоинствами, которые я при жизни в людях из своего окружения никогда не встречал. И что-то подсказывало мне – дочь Патрика тоже хочет со мной встретиться. Слишком сильно заинтересовала ее судьба Арсения Белкина, чтобы бросить все как есть и не попытаться выяснить остальные загадки его любопытной биографии. Я верил: такие, как Анабель, не останавливаются на полдороге. И эта новорожденная вера теперь согревала мне душу. До цели было рукой подать, и Кассандра непременно поможет мне достать лежащую почти на поверхности правду.

Живя ожиданием встречи, я старался поменьше грезить и побольше думать о последних годах своей жизни, на которые теперь приходилось смотреть в ином свете.

Сегодня было забавно вспоминать о первых днях, проведенных мной в симулайфе. Хотя тогда я ничего забавного в этом не находил. Хотите представить мои ощущения? Что ж, вообразите, что, уснув дома, в мягкой постели, вы проснулись в абсолютно незнакомом и экзотическом месте: к примеру, на антарктической, космической или океанической глубоководной станции. Сколько времени вам потребуется, дабы осознать, что все происходящее вокруг – не сон, а реальность? Не минута, не час и, вероятно, даже не день...

То же и со мной. Сложно описать момент собственного воскрешения. Я совершенно не ощущал на себе груза прожитых в забвении двадцати лет. Больше походило на то, что, получив пулю в лоб, я не умер, а уснул, проспал ночь и наутро проснулся бодрым, как физкультурник. Лондонское ограбление и расстреливающие меня в упор охранники остались во вчерашних воспоминаниях, а между ними и пробуждением лежал сон, здоровый и глубокий. Правда, пробуждение получилось слишком резкое, словно меня просто взяли да сбросили во сне с кровати.

Отчетливо помню первое, что я увидел в Терра Нубладо, – трава. Темно-зеленые, с тонкими белыми прожилками листья какого-то растения щекотали мне щеки и пытались угодить в рот. Я как имбецил тупо пялился на эту траву черт знает сколько времени, прежде чем наконец-то уразумел, что снова могу видеть, дышать и двигаться. Насчет прочих чувств такой уверенности пока не было. В частности, я совершенно не ощущал запаха травы, хотя лежал на ней лицом. Впрочем, в тот момент мне было не до запахов. Едва сознание мое пришло в норму, как у меня в памяти живо всплыли события «вчерашнего вечера». Когда же воспоминания добрались до последнего, самого яркого момента, я обеими руками схватился за лоб, не сомневаясь, что обнаружу в нем пулевое отверстие. Я не забыл хруст собственного черепа – звук, сопровождавший мой отход в мир иной, – и даже по прошествии стольких лет многое бы отдал, чтобы начисто стереть из памяти эти мерзкие ощущения.

Лоб был в порядке, без каких-либо дырок, ссадин и даже шишек. К горлу подступила тошнота, а голова пошла кругом. Дурнота накатила, будто волна помоев, но желудок не вывернуло наизнанку, а головокружение прекратилось уже через несколько секунд. Мне было еще невдомек, что здесь, в симулайфе, все телесные муки носят лишь символический характер – абы обозначить болезненные ощущения и только.

Все было бы в порядке, очнись я с забинтованной головой в палате тюремного госпиталя. С таким положением дел я бы быстро смирился и безмерно обрадовался тому, что эскулапы совершили чудо, вернув меня к жизни. Однако едва я

преодолел дурноту и осмотрелся, как тут же впал в новое недоумение: вокруг покрытые редкими лесами нагорья, делающие ландшафт похожим на морщинистую шкуру неаполитанского мастифа; клубы тумана на горизонте, низкие облака, предвещающие дождь, и торчащие из земли глыбы, среди которых меня и угораздило очнуться. Пейзаж живо напомнил Шотландию, где я успел побывать незадолго до злополучного ограбления броневика. Только какого дьявола меня занесло в эту глушь, когда по всем приметам я должен был находиться либо в тюремной больнице, либо в могиле. Третьего попросту не дано.

А что за идиотский наряд на мне одет? Широкополая шляпа, какой-то потертый сюртук девятнадцатого века, прадедушкины штаны и высокие кожаные сапоги – единственная более-менее стильная деталь моего экстравагантного гардероба. Покажусь на людях в таком «прикиде» – засмеют как пить дать. Ну да ладно, спасибо неизвестным «благодетелям» и за такую невзрачную одежонку. Могли бы оставить меня здесь в чем мать родила, раз уж все равно решили подшутить над грабителем-неудачником, увезя его, бессознательного, через пол-Англии и бросив невесть где.

Интересно, чем это в меня стреляли? Резиновой пулей? А я так долго провалялся без чувств, что шишка на лбу успела зажить? Нарочно, гады, пичкали наркотиками и не давали прийти в себя полторы-две недели? И кому только была охота тратить время на подобные глупости?

Плащ-накидку, походную котомку с провизией, патронташ, а также старинный двухкурковый штуцер, покрытый затейливой гравировкой, я обнаружил разложенными на камне неподалеку. Идиотская одежда – еще куда ни шло, но прилагавшийся к ней экспонат оружейного музея заставил меня озадаченно почесать затылок. Штуцер являлся вовсе не бутафорским и даже пахивал порохом. На всякий случай я проверил стволы и убедился, что за оружием велся тщательный уход – каналы стволов блестели как зеркало, а курковые механизмы недавно смазывались. Я подивился, обратив внимание, как ловко у меня получается обращаться с допотопным ружьишкой, да и в руке оно лежало так удобно, словно делалось по моему заказу. Большой палец правой руки непринужденно управлялся с рычагом ключа патронника, а левая ладонь легко взводила сразу оба курка, как будто я всю свою жизнь только и делал, что тренировался в стрельбе из подобных раритетов. С любопытством осмотрев левую руку, я обнаружил, что ребро ладони на ней стерто в крепкую мозоль. Она-то и не позволяла мне ощущать боль при резком взведении тугих курков. Судя по специфической форме отметины – два широких параллельных рубца поперек ребра

ладони, – мозоль была нажита именно от частого оттягивания собачек бойков. Стереть руку так обо что-то еще являлось затруднительно.

Еще раз оглядевшись и удостоверившись, что поблизости ни души, я пожал плечами и осмотрел другие подарки неизвестного спонсора. Затем подобрал их, повесил котомку на левое плечо, штуцер – на правое, подпоясался патронташем, застегнул на шее плащ-накидку – было довольно прохладно, – после чего минуту поразмыслил и начал спускаться с пригорка. У его подножия протекала маленькая речушка, вниз по течению которой я и намеревался отправиться, благо идти по ровному берегу было удобно.

На ходу я извлек из котомки нарезанные хлеб, сыр и бутылку с водой, соорудил большой сэндвич и принялся с аппетитом его поедать. Мне страшно хотелось есть и не хотелось останавливаться, пока не доберусь до какой-нибудь дороги, поселка или, на худой конец, линии электропередачи – все более надежного ориентира, нежели речное русло.

Пряча бутылку обратно в сумку, я обнаружил в ней тяжелый кошелек, набитый странными большими монетами предположительно из серебра. На монетах не было отчеканено ни года выпуска, ни чьего-либо благородного профиля, только номинал и вензель из переплетенных букв T и N.

– Тенге, что ли? – выдвинул я догадку, поскольку все равно понятия не имел, как выглядит эта среднеазиатская валюта. – На хрена кому-то в Шотландии понадобилась такая редкая наличность?

Монет насчиталось ровно двадцать. Занятно, какой логикой руководствовался мой покровитель, подсовывая мне заморскую валюту? Тоже мне, спонсоры! Антикварное и явно недешевое оружие выдали, а пару фунтов стерлингов в котомку бросить не удосужились. А может, это не тенге, а старинные английские фунты? Подобно средневековому купцу, я решился опробовать прочность монеты на зуб и едва не сломал его. Чего я хотел этим добиться? Все равно ведь понятия не имел о критериях, по которым при «зубной экспертизе» отличают подделки. Ладно, со временем выясним, кто я – богач или бедняк. Если припрет нужда, загоню в ломбард ружьишко – вещица наверняка штучная, вон и гравировка памятная имеется. Что там написано, кстати?..

«Экзекутор»! Лучше не придумаешь! Оружие с персональным именем – это вам не десять тысяч сто сорок восьмой экземпляр конвейерной сборки. Коллекционная модель и наверняка очень приличных «бабок» стоит. Огромное спасибо неведомому благодетелю, пожертвовавшему такой раритет жертве насилия

частных охранных структур. При первой же возможности непременно выпью за здоровье этого хорошего человека.

С каждым шагом по берегу жизнь снова начинала казаться мне все прекраснее и прекраснее. Я выжил – одно это заставляло меня ликовать и улыбаться даже несмотря на пасмурную погоду и лежащую впереди неизвестность. И мысль о том, что по возвращении в лоно цивилизации меня наверняка засадят в тюрьму на несколько лет, ничуть не портила настроение. Убийств на мне не висело, а следовательно, срок не станет чересчур тягостным. Тому, кто побывал в российской тюрьме, лондонская и вовсе покажется санаторием – так, по крайней мере, я полагал.

Поправив ремень котомки, я обнаружил в нагрудном кармане сюртука небольшую записную книжку. Судя по пометке на титульном листке, блокнот принадлежал некоему проповеднику, имя которого не указывалось. Я взялся листать дальше и наткнулся на нарисованную от руки карту. Изображенная на ней местность угадывалась без труда: по центру рисунка змеилась кривая линия, подписанная как «река Восьми Утопленников». Одним из выделенных объектов на карте значился брод Старой Клячи. Через этот брод я только что перебрался на другой, более пологий берег, прыгая с камня на камень и держась за натянутую над рекой веревку. Переправа и речная излучина дальше, вниз по течению и были теми приметам, по которым я при помощи карты быстро определил свое местонахождение. Отмечена была и россыпь камней, где я пришел в себя, а также еще несколько расположенных в округе объектов. Если рисовавший карту человек соблюдал масштаб, сейчас я должен был находиться где-то на полпути от каменной россыпи до населенного пункта под названием Речная Гавань.

Казалось бы, вот он – заветный ориентир, – однако я остановился в замешательстве. Неизвестный проповедник, чьи одежда, блокнот и прочие вещи теперь принадлежали мне, прочертил для себя иной маршрут, расхившийся с моим аккурат возле брода Старой Клячи. Мой путь лежал на север, путь проповедника – на северо-восток и был чуть короче. На карте крестиком отмечалось конкретное место, куда требовалось идти – заброшенная каменоломня. Что забыл проповедник в каменоломне, в блокноте не пояснялось, но нарисованные над крестиком монетка и число «тысяча» наводили на определенные мысли. Прибавить тысячу монет к уже имеющимся у меня двадцати было веским поводом отклониться от маршрута по дороге в Речную Гавань. Кто знает, а может, тысяча с лишним «тенге» позволят мне разжиться в ближайшем обменном пункте настоящей английской наличностью. Оставалось только уповать на то, что мне поменяют такую валюту, а не пошлют на поиски коллекционера-нумизмата. И еще

бы неплохо, чтобы обменный курс у этих экзотических монет был высок, а то будет обидно отмахать пять-шесть лишних километров из-за какой-то пары шиллингов.

За прошедшие несколько часов мне не встретилось ни одного человека, поэтому безмятежность и девственная красота пейзажей притупили мое внимание. Любуясь природой, я не учуял следующих за мной по пятам трех вооруженных людей, выдавших себя лишь тогда, когда я приблизился ко входу в каменоломню. Она располагалась в конце короткого и узкого ущелья, и преследователи нарочно не давали о себе знать, пока я не очутился в безвыходной западне. Меня запечатали словно любопытную рыбу в бутылке, а я продолжал шагать к цели, ни о чем не подозревая. Подобная халатность была вдвойне непростительна, учитывая, чем завершилась моя последняя авантюра, отправившаяся коту под хвост по причине моего разгильдяйства – нечего было полагаться на дилетантов.

Меня окликнули, и я, вздрогнув, обернулся. Трое типов, наряженных в такие же, как у меня, несуразные шмотки, не таясь приближались ко мне, поигрывая оружием, которое, похоже, было взято с той же музейной витрины, что и моя двустволка. Я растерялся лишь в первые секунды, после чего решил: все ясно, да это всего лишь спектакль! Невольно пришел на память старый фильм «Шоу Трумэна», где главного героя с младенчества растили в искусственном мире, отстроенном в огромной телестудии, и снимали скрытыми камерами каждый его шаг. Сама же всемирно известная телезвезда, пока наконец не прозрела, была абсолютно уверена, что живет в обычном городе обычной человеческой жизнью. Видимо, Арнольда Шульца тоже втянули в нечто подобное: накачали до потери памяти транквилизаторами и принудили участвовать в каком-то британском телешоу, инсценирующем жизнь Шотландии девятнадцатого века. Может быть, я даже добровольно на это согласился. К примеру, в обмен на полную либо частичную амнистию. Кто знает, какие в Туманном Альбионе на сей счет законы. Не исключено, что привлечение преступников к участию в телешоу здесь вполне распространенная практика. Как в другом широко известном фильме «Бегущий человек» с участием моего земляка и тезки по поддельному паспорту Шварценеггера.

– Кто ты такой? – полнобпытствовал один из незнакомцев. – И какой идиот дал тебе право разгуливать по нашей территории?

– Я иду в Речную Гавань, – признался я, после чего слукавил: – И кажется, заблудился. Наверное, ошибся дорогой на развилке у брода. Не знаете, куда из Речной Гавани ходят автобусы? Или их еще не изобрели?

И многозначительно подмигнул статистам этого телеспектакля.

При упоминании автобусов лица парней болезненно скривились. В тот момент я не ведал, о чем можно толковать в Терра Нубладо, а о чем нельзя. Мне еще только предстояло постичь законы Мертвой Темы. Я же счел недружелюбную реакцию собеседников за недовольство, какое частенько испытывают жители глубинки к приезжим из крупных городов.

– Брод пересекают только воскресшие, – заметил другой тип. – А ты слишком хорошо одет для того, кто идет из храма Огненной Птицы.

– Что выдали, то и надел, – пожал плечами я. Вступать в конфликт с местными совершенно не хотелось. – Не подскажите, где поблизости можно валюту обменять? А то выиграл в карты у азиата, а у того в кошельке одни тенге оказались.

Парней опять передернуло, только на сей раз они уже не стали молча терпеть мое непредумышленное издевательство.

– Тебя что, правилам здешнего общения не обучали?! – взвился самый низкорослый и явно самый нервный из троицы. – Еще раз ляпнешь дурное слово, мозги вышибу!

– Извините, ребята, если чем обидел. Поверьте: я не нарочно... – Я суматошно пытался определить, что в моих словах так взбесило коротышку и его приятелей. Плохо, что никто не удосужился ознакомить меня со сценарием, иначе я играл бы роль более естественно. А так приходилось импровизировать. – Я нездешний, в местных порядках не разбираюсь. Просто давно мечтал побывать в ваших местах, поглядеть на здешние красоты. Наконец-то дождался отпуска, сел на самолет и сумел вырваться к вам на недельку. Я иностранец, гражданин Австрии...

Да что с этими парнями такое происходит? Цвет кожи у меня, что ли, особенный или акцент? Я знал, что шотландцы не питают симпатий к англичанам, но принять меня за лондонца или бристольца с моим корявым произношением мог только глухой. Тем не менее в этот раз парни оскорбились настолько, что не сговариваясь вскинули оружие, явно собираясь осуществить обещанную угрозу.

Что испытывает человек при вышибании мозгов, я пока не забыл – слишком свежи были воспоминания. Пережить такое один раз и выжить – тяжелый стресс на всю оставшуюся жизнь, а пережить повторно... Убежать и скрыться либо слезно молить о прощении – два приемлемых выхода из положения, одним из которых я и собрался воспользоваться. К черту гордость; все, что угодно, лишь бы снова не слышать жуткий хруст собственного черепа.

А как же оружие, спросите вы? После того как мне пришла на ум идея выгодно продать коллекционный штуцер, я о нем больше и не вспоминал. Да, вероятно, он был вполне исправен и пригоден для самозащиты, только, во-первых, его следовало сначала достать, а во-вторых, зарядить, чего я по оплошности не сделал заблаговременно. А трое вооруженных револьверами противников уже целились в меня с расстояния в десять шагов.

То, что случилось в следующие несколько секунд, походило на раздвоение личности. Хотя сегодня я могу по-иному объяснить это явление: не раздвоение, а замещение одной личности на другую, более подходящую к суровым реалиям Терра Нубладо. Благодарить за перевоплощение надо было, естественно, «Терра», но тогда я просто не догадывался, по какому адресу следует отсылать благодарность.

Стоило мне в панике лишь мельком вспомнить о штуцере по имени «Экзекутор», как он немедленно очутился у меня в руке и выскочил из-под плаща, после чего переломился, раскрывая патронник для зарядки. При этом в левом кулаке у меня уже была наготове пара патронов, извлеченных из патронташа быстрее, чем карманник достает бумажник из кармана зеваки. Перезарядка произошла так же молниеносно, а между взведением курков и выстрелами вовсе не было паузы. Все мои действия протекали на подсознательном уровне, аналогично тому, как я, например, взялся бы ловить падающую со стола ложку. Но самое примечательное – проделывая свои манипуляции, я все еще испытывал страх перед противниками и желание убежать от них подальше. Старинная присказка «глаза боятся, а руки делают» оказалась отнюдь не голословной теорией и получила практическое подтверждение.

Я продолжал бояться даже тогда, когда вражеская троица уже лежала поверженной на камнях ущелья. «Экзекутор» ходил ходуном у меня в трясущихся руках, что нисколько не отразилось на меткости, с которой я только что уложил трех противников за три секунды. Причем последнего пришлось убивать в движении, поскольку он успел-таки открыть огонь и мне не оставалось иного выбора, как совершить маневр уклонения. Я затруднялся припомнить, кто и когда обучил меня борцовскому кувырку через плечо. Секции борьбы и стрельбы по тарелочкам Арсений Белкин сроду не посещал, однако эти науки каким-то образом всплыли у него в памяти, не иначе под воздействием пережитого намедни шока. Жаль, что стрелковый талант не проснулся во мне чуть раньше, когда в нем тоже была крайняя необходимость. Случись такое при ограблении броневика, я не гонялся бы сейчас за жалкой кучкой «тенге», а делил с приятелями более солидные капиталы, вырученные за сбыт краденых алмазов.

Я осторожно приблизился к трупам. Неужели эти парни и впрямь умерли от моей руки, а не придуриваются? Похоже на то: огнестрельные ранения, которые оставляли на телах жертв крупнокалиберные пули «Экзекутора», нельзя было отнести к легким. Вон, у нервного коротышки половина груди разворочена... Проклятье, всю жизнь избегал мокрухи, и все же в один прекрасный день пришлось поступиться принципами. Видимо, от судьбы не уйдешь. Опять волной накатила дурнота, и опять болезненное состояние продлилось считанные секунды. Я с ужасом глядел на истерзанные тела и недоумевал, насколько быстро мне удалось прикончить трех человек. Но еще больше удивлялся, как вообще у Арсения Белкина, ранее не отличавшегося особой отвагой, поднялась рука на такое грязное дело. Возникало чувство, что моей рукой двигала какая-то магическая сила, вселившаяся в меня, пока я пребывал без сознания.

В принципе, мои догадки были недалеко от истины. Сила, что забросила меня в симулайф сразу в статусе специалиста по проксимо-бою, действительно носила в Терра Нубладо ранг божественной. И ее представитель уже отслеживал в этом мире каждый мой шаг...

– Замри, не двигайся! – рывкнул я на высунувшегося из-за ближайшей скалы тщедушного старикашку и наставил на него оружие. Я не сомневался, что он также принадлежал к компании убитых мной парней, однако проливать новую кровь мне не хотелось – и без того кровавый получился дебют.

– Успокойтесь, респетадо Проповедник! – отозвался старичок, показывая мне свои пустые руки. – Можете убрать оружие: в данный момент вам никто здесь больше не угрожает.

– Ты ошибся, – возразил я. – Я не проповедник. Это не мои шмотки – я подобрал их неподалеку отсюда вместе с оружием. А где их хозяин, понятия не имею. Ты, что ли, будешь заводила этой шайки?

– Разумеется, нет, – мягко улыбаясь, помотал головой старичок. – Разрешите представиться: маэстро Гвидо, скиталец.

– Бродячий музыкант, что ли?

– Отнюдь. Я – наемный дипломат и миротворец. Переправляю дипломатическую почту, урегулирую конфликты, веду переговоры, организую третейские суды и тому подобное.

– Опоздал ты, папаша, – кисло улыбнулся я, кивнув на трупы. – Этим несчастным уже не до переговоров. Им осталось только отходную молитву пропеть.

– Не молитву пропеть, а прочесть Откровение, – болезненно поморщился Гвидо, уже тогда начав прикидываться, что страдает от Мертвой Темы. На самом деле страдал он от нее ровно столько, сколько и я. – И это не моя, а ваша обязанность, поскольку Проповедник здесь – вы.

– Эй, я, кажется, уже сказал тебе, что... – возмутился было я, но Гвидо жестом попросил меня помолчать. Сделал он это столь убедительно и артистично, что я моментально прекратил пререкаться. Демонстрация дипломатического мастерства была налицо: так быстро уgomонить заносчивого Арсения Белкина раньше можно было только ударом в зубы.

– Подождите, молодой человек, не кипятитесь, – попросил старикашка-дипломат. – Обо всем по порядку. Я знаю, вам не терпится выяснить, что вокруг вас происходит, однако без моей помощи вам это вряд ли удастся. Для начала скажу, что понятия не имею, откуда вас к нам забросило, и знать об этом не хочу. Все мы в этом маленьком мире приходящие и уходящие. Всем нам хочется знать, что это за место, но плата за излишнее любопытство здесь слишком высока. Вы задаете ненужные вопросы или говорите на запретные темы – окружающие вас люди от этого страдают. В прямом смысле – физически. Таковы законы местной природы. Так вот, я пришел сюда, чтобы быть вашим проводником, научить местным правилам общения, а также объяснить ваше предназначение, исполнять которое вам предстоит в течение всей жизни. И если отнесетесь к своим обязанностям серьезно – ваша жизнь наверняка окажется длинной и славной.

– Куда меня занесло? – спросил я его прямо в лоб. – И кто тебя послал?

– Очень своевременные вопросы, – подметил маэстро. – Место это называется Терра Нубладо, а где оно расположено, никому из живущих здесь неизвестно. А если кто и в курсе, он предпочитает помалкивать – любопытство наказуемо. И это первое правило, которое я настоятельно рекомендую вам усвоить во избежание нежелательных эксцессов. Послали же меня всевидящие и всезнающие силы Баланса, коим я служу в Терра Нубладо уже не один десяток лет. А с сегодняшнего дня им служите и вы.

– Насчет этого тоже люди Баланса подсустились? – полюбопытствовал я, указав на свою одежду и оружие.

– Совершенно верно. Но такую щедрость они проявляют не к каждому.

– Что ж, премного благодарен. Ценю заботу хозяев этих мест. При случае непременно отплачу. А кто верховодит этой уважаемой организацией?

– Вот об этом я и должен вас проинформировать...

Картина, коротко, но красочно и внятно описанная маэстро, более походила на бред умалишенного. Однако я постарался не перебивать Гвидо и дослушал его рассказ до конца. «Богатая у папаши фантазия, – отметил я мысленно. – Наверняка дедуля дал деру из какой-нибудь окрестной психушки. Хотя, с другой стороны, после всего увиденного меня самого пора туда упрятать».

Дабы не нервировать пожилого человека, явно страдающего расстройством психики, я решил соглашаться со всем, в чем он старался меня убедить. Признал, что я и впрямь Проповедник; что окружающий нас мир не имеет никакого отношения к той реальности, откуда я явился; что всемогущий Баланс – не мафиозная группировка, а сила высшего порядка, которая здесь воистину существует... Я не спорил, наоборот, всячески старался показать, что верю каждому слову маэстро. Может быть поэтому, когда со временем выяснилось, что фактически он был прав, мне было проще адаптироваться к реалиям туманного мира. Я так старательно на первых порах подыгрывал Гвидо, что поневоле вжился в свою роль. И когда я полностью осознал, что Зануда меня не разыгрывал (в действительности, конечно же, разыгрывал, но на другом, более высоком уровне), воспринял новую реальность стоически, без истерик и отчаяния.

Выслушав старшего и мудрого товарища («старого чокнутого пня!»), я даже пошел у него на поводу и попробовал произнести слова Откровения над убиенными мной скитальцами. Это заодно должно было успокоить и мою совесть, хотя мне винить себя было глупо, поскольку, убивая, я всего лишь защищался. Псалтыря у меня в кармане не нашлось, но Гвидо терпеливо разъяснил: все, что необходимо для свершения обряда, – это произнести вслух сначала «Откровение номер такой-то открыто», а по окончании ритуала – соответственно «...закрыто». А между открытием и закрытием все, дескать, произойдет естественным путем. Первому моему Откровению следовало присваивать и первый порядковый номер.

И вправду получилось! Проговорив ключевые слова, я прямо-таки вошел в раж и выдал вслед за ними весьма пространную и в какой-то степени даже поэтическую тираду, услышав которую мой учитель русского языка упал бы в обморок от изумления. Не успел я подивиться своему внезапно открывшемуся красноречию, как тело, над которым я читал «отходную молитву», изогнулось в конвульсии, после чего издало хриплый выдох и обмякло. То же случилось и с остальными телами, удостоившимися Откровений под номерами два и три.

Гвидо не стал томить меня загадками. Едва я закрыл последнее Откровение, как он сразу же поведал смысл этой престранной церемонии. Преследовавшая меня тройца принадлежала к одержимым – страшной беде этого мира, сторонникам Дисбаланса – злейшего врага Баланса, – и вообще крайне пренеприятным людям. Я

же силой заветных слов якобы освободил одержимых от проклятия. Это отразилось и на благополучии Терра Нубладо в целом и на моей репутации в частности. Я лишь пожал плечами: почему бы и нет? Всегда приятно, когда делаешь Большое Нужное Дело, к тому же практически не приложив к этому усилий.

– Эти трое были обычными алхимиками и фальшивомонетчиками, – разъяснил Гвидо, глядя, как я заваливаю мертвые тела камнями. – Плавил металл, при помощи запрещенных технологий превращали его в серебро, а затем чеканили монеты.

– И за это твой Баланс приговорил их к смерти? Несправедливые у вас здесь порядки, – вступился я за бывших собратьев по криминальному образу жизни.

– Вовсе нет, – возразил маэстро. – Когда ты познакомишься с нашими порядками лучше, поймешь: справедливее здешних законов просто не сыскать. Да, этот мир жесток, но в нем царит настоящая свобода. Человек волен поступать так, как ему вздумается, выбирать жизненный путь, какой кажется ему ближе по духу. Это, конечно, не относится к слугам Баланса, но в качестве компенсации за верную службу мы получаем множество недоступных обычным скитальцам привилегий. Каких – ты, надеюсь, уже догадался.

– Мастерскую степень полевой стрельбе и дар отпускать грехи покойникам?

– Тебе дано одно, мне другое... Каждому – свое. Но самое ценное богатство, каким обладает скиталец в Терра Нубладо, – это авторитет. Его не найдешь на дороге и никто не подарит тебе его за красивые глаза. Авторитет следует зарабатывать честно. Мудрыми поступками, уважением к себе и другим, моральным и физическим самосовершенствованием («Зануда!» – помнится, тогда я впервые мысленно обозвал так Гвидо). Для кого-то такой способ достижения авторитета кажется чересчур сложным. Поэтому неудивительно, что ряд недобросовестных личностей пускается во все тяжкие, дабы поскорее заполучить то, на обретение чего у прочих скитальцев уходят годы. Стать одержимым легко: достаточно отдаться собственным низменным желаниям и пойти наперекор законам природы, взяв на вооружение лживые идеалы Дисбаланса. Для этого не требуется больших усилий. А вот отказаться от лжи и вернуться на путь правды уже тяжелее. Для помощи таким оступившимся и был прислан в Терра Нубладо ты.

– И чем я заслужил подобную честь?

– Не могу знать, – развел руками Гвидо. – Такова воля Баланса. Вероятно, не обладай ты особым даром, стал бы обычным человеком.

– Ты хотел сказать – родился?

– Может быть, и родился. Больше половины жителей Терра Нубладо рождаются на свет вполне естественным путем, но остальные появляются здесь подобно тебе.

– Предварительно умерев в своем родном мире? – У меня по коже пробежал холодок – о том, что этот с виду обычный мир может оказаться загробным, я пока не задумывался. Терра Нубладо и близко не походил на «тот свет», однако кто в действительности знает, как должен выглядеть загробный мир?

Я вновь пережил приступ пятисекундной дурноты. «Ну хорошо, – успокоил я сам себя, когда головокружение миновало, – если это и есть потусторонняя реальность, значит, все не так уж и плохо. Мир как мир, пусть немного отсталый, зато без котлов с кипящей серой и всяких там... ангелов с дьяволами. Жить в таком аду можно, и это главное. А с такими талантами и «крышей», какую пообещал мне этот старик, жаловаться и вовсе грех».

– Не знаю, где и как тебе уже приходилось умирать, – скривился в болезненной гримасе маэстро. – Но если не собираешься умирать в Терра Нубладо, лучше помалкивай об этом. Ты обратил внимание, как отреагировали эти парни, когда ты завел с ними разговор о чуждых здесь вещах?

– Так вот что их взбесило! – дошло до меня. – Проклятье, объяснил бы ты мне заранее подобные тонкости, обошлось бы без кровопролития.

– Да, скорее всего обошлось бы, – согласился Гвидо. – Сложись у вас беседа, ты без труда убедил бы одержимых добровольно принять Откровение. Эти парни были не слишком агрессивны, раз избрали самый безобидный способ заигрывания с Дисбалансом. Откровение не убило бы их – это точно. Но ты не должен винить себя. Одержимые не оставили тебе выбора. Когда на тебя наставляют оружие, ты имеешь право стрелять в ответ без предупреждения. Однако учти – подобные безобидные формы одержимости будут попадаться тебе не всегда. Самая распространенная форма одержимости Величием – непобедимость. Такие скитальцы наиболее опасны. Но Баланс вложил в твои уста истину не для того, чтобы ты отступал перед врагом. Волею Баланса ты явился в этот мир не прятаться, а судить. И судить тебе предстоит многих...

Зануда вживался в свое амплуа, примерял маску, носить которую передо мной ему предстояло долгие годы. Первым моим желанием было прогнать надоедливую чокнутого старика и самому разобраться в здешнем мироустройстве. Но, рассудив спокойно, я решил, что будет глупо отказываться от помощи человека, сведущего в местных порядках. Мне требовался проводник, хотя бы первые несколько дней. А

на странности Гвидо можно было не реагировать. К буйнопомешанным он не принадлежал, а к тихим психам я относился нормально. У меня имелось множество друзей с заскоками, порой экзотичными настолько, что удивительно, как эти люди вообще уживались в цивилизованном обществе.

Уже через день я убедился, что мой друг Гвидо не чокнутый, а, наоборот, пожалуй, самый здравомыслящий скиталец из всех, кого я встретил. Я с трудом привыкал к своеобразному менталитету местного свободолюбивого населения, разделенного на оседлых и скитальцев. На первых зиждилась примитивная экономика Терра Нубладо. Вторые же только и делали, что шатались по миру, подавались в мерсенарии, творили политику, ведя локальные войны и непрекращающийся передел территорий, развлекались в публичных домах и трактирах да сбивались в альянсы по интересам или для разборок с другими скитальцами. Приличных людей здесь было крайне мало. Харизматичных лидеров, способных объединить разрозненные провинции в могучую империю, местная история не помнила, однако вопреки этому мир не погружался в хаос, а жил при такой анархии в относительном равновесии.

Причиной этого равновесия маэстро Гвидо считал взирающее на Терра Нубладо недремлющее око Баланса. Гвидо имел привычку все хорошее в этом мире ставить в заслугу Балансу. Замечательная, удобная на все случаи жизни философия, эффективность которой давно поняли служители всевозможных религиозных культов. «На все воля божья...» Маэстро-дипломат не изобретал велосипеда, шел давно проторенной тропой, пудря мне мозги старыми проверенными способами. И все равно я продолжал считать Гвидо своим другом. Может быть, потому, что был убежден: кто-кто, а маэстро никогда не всадит мне нож в спину. В Терра Нубладо такое доверие значило очень много.

Приняв все странности Терра Нубладо как должное, накрепко усвоив законы Мертвой Темы и смирившись со своей участью, я начал новую жизнь, навсегда распрощавшись с личностью Арсения Белкина. На первых порах тяжело было осознавать, что ты – тот же самый человек и в то же время совершенно другой. В моем родном мире это считалось раздвоением личности. В туманном мире каждый скиталец скрывал у себя за душой вторую натуру. Скрывал надежно, ежеминутно помня о том, что его ждет, дай он волю языку. Мир, где все были вынуждены носить маски под страхом смерти. Удивительные законы, объяснение которых, впрочем, оказалось предельно простым...

– Зачем мы придумали закон Мертвой Темы? – переспросил меня Патрик «Гвидо» Мэддок, когда спустя две недели после прогремевших на весь симулайф событий в фуэртэ Транквило мы встретились с ним в столице. Дабы не травмировать чуткие уши скитальцев откровенной беседой, Патрик сразу же предложил мне отправиться на загородную прогулку. Найти в столичном пригороде уединенное место было нелегко, и потому прогулка наша вылилась в маленькое путешествие. – В этом нет никакой тайны. Под давлением фирм-операторов мобильной видеосвязи «Терра» была вынуждена ввести ограничительные меры еще в Терра Куэнто. В начале нашей карьеры, сами того не желая, мы оторвали у них солидную часть рынка. Каким образом? Очень просто. Оборудование для медиа-игр в ВМВ-диапазоне стоит дорого, но абонентская плата у нас вполне демократичная. По сравнению с тарифами на связь – суший пустяк. Практичные деловые люди быстро наловчились извлекать из этого выгоду. Богатые компании начали закупать наши «пилигримы» и «астралы» крупными партиями. Только, разумеется, не для игр, а с иной целью – проведения в симулайфе деловых конференций и тому подобных мероприятий. Экономия на видеосвязи получалась грандиозная. Представь себе картину: ты в образе рыцаря путешествуешь по фэнтезийному миру, и вдруг тебе навстречу попадается толпа магов или эльфов, решающих вопросы покупки-продажи крупной партии нефти. – Гвидо рассмеялся. – А в то время это было вполне нормальное явление. Потом другие ушлые ребята стали предлагать «деловым эльфам» охранные услуги, дабы их во время переговоров, к примеру, случайно не загрызла стая троллей или орков. Дошло до того, что нормальных игроков в Терра Куэнто осталось от силы половина – бизнесменов-то магия, драконы и спрятанные артефакты совершенно не волновали. «Связисты» за головы схватились – убытки у них пошли нешуточные, некоторые мелкие фирмы и вовсе разорились. К нам, естественно, горы претензий, исков, угроз... Пришлось прекращать это безобразие. Нет, конечно, «Терра» не стала полностью отказываться от такого лакомого пирога. Отдельный симулайф для делового общения «Бизнес-терра» сегодня у нас – одна из доходных отраслей. Но абонентская плата там теперь достаточно высокая; куда выше, чем в игровом симулайфе. И плюс соответственно весь спектр услуг для проведения досуга деловых людей – куда уж без этого? А в игровых симулайфах Терра с тех пор действует закон Мертвой Темы. В итоге выиграла все: игрокам больше ничто не мешало вживаться в роль, а у солидных деловых людей отпала необходимость разгуливать друг перед другом в забавном сказочном обличье. Конечно, тяжело начинающим скитальцам привыкать к ограничениям, но, когда знаешь, что, не контролируя свою речь, ты портишь игру не только себе, но и окружающим, наши правила усваиваются быстро... В мире, где каждый носит оружие, с нарушителями табу разговор короткий. Естественно, кто сильно захотел, тот приспособился и

придумал специфический жаргон, позволяющий затрагивать некорректные вопросы в рамках Мертвой Темы. Но сегодня, при наличии «Бизнес-терра», подобная ребяческая конспирация считается в деловых кругах дурным тоном. Стыдно приглашать делового партнера на переговоры в дикую Терра Нубладо, когда есть «Бизнес-терра» с ее высочайшим уровнем обслуживания, номерами супер-люкс, огромными конференц-залами и прочими дорогостоящими в реальной жизни удовольствиями. Мы не жалели средств, чтобы поднять престиж делового симулайфа. А получилось, что вместе с этим повысили рейтинг и игрового. Теперь никакие помехи извне не мешают игрокам наслаждаться игрой. Моделирование иной реальности стало более достоверным, что в итоге оценили даже самые придирчивые клиенты – те, кто давно высказывал протесты по поводу засилья в симулайфе посторонних личностей. Как видишь, Арсений, никакой мистики – сплошная политика...

С момента, как я расстался с Мэддоками у руин дворца Фило, в симулайфе кое-что изменилось. Неизвестно, было ли связано это изменение с катаклизмом в фуэртэ Транквило, но перемена выглядела столь же паранормальной, как и локальное землетрясение в центре провинциальной столицы.

Игровой люд был крайне взволнован массовым бешенством, охватившим всех без исключения лошадей. В один прекрасный день лошади вдруг взялись нападать на людей, даже на своих хозяев. Несколькими особями или поодиночке, четвероногие убийцы налетали на жертву, затаптывали ее копытами и рвали на куски своими маленькими, но острыми как бритвы зубами. На моей памяти с местным «зоопарком» сроду не происходило ничего подобного.

Скитальцы реагировали на бешеных животных однозначно – едва замечали несущуюся к ним очумелую лошадь, не раздумывая открывали по ней огонь. А спустя пару дней, когда выяснилось, что в Терра Нубладо не осталось ни одной лошади, которую не поразила бы загадочная болезнь, скитальцы все как один вышли на тотальный отстрел смертельно опасных представителей фауны.

Осуществить эту акцию было необходимо в предельно короткий срок. Взбесившиеся лошади, промедли скитальцы с их истреблением, могли бы на порядок сократить количество оседлого населения. Реакция «неодушевленных» дублей на нападение бешеных животных была настолько апатичная, что иногда пара лошадей успевала загрызть и затоптать половину деревни, прежде чем оседлым не приходил на выручку какой-нибудь случайно забредший скиталец. Непарнокопытные безумцы разрывали оседлых заживо, а они и не думали

сопротивляться, принимая смерть целыми семьями с кротостью христианских мучеников. Лишь жуткие крики боли оглашали округу, бросая в дрожь даже испытанных в боях вояк симулайфа.

Я тоже внес посильную лепту в уничтожение вида строптивых травоядных. Уже на подходе к фуэртэ Кабеса мне пришлось защищать от нападения бешеных лошадей семью одного фермера, живущего рядом с проезжим трактом. Спасти всех членов фермерской семьи не удалось – двое из пяти детей и супруга бедолаги погибли под копытами животных, которых я кое-как уложил с шести выстрелов.

То, что случилось потом, не лезло ни в какие ворота. Я знал, что запрограммированные дубли обязаны были в подобной ситуации изображать истерику – сколько раз мне доводилось сталкивался с пострадавшими от всевозможных бед оседлыми. Но такое проявление шока у носителя искусственного интеллекта было для меня в новинку. Оставив выживших детей рыдать над телами родных, спасенный хозяин переступил через трупы лошадей и, злобно сощурился и сжав кулаки, поинтересовался, зачем я застрелил его жену, детей, а также домашних животных. Сбитый с толку, я попытался объяснить, однако разъяренный фермер не пожелал слушать оправдания и бросился на меня с кулаками. Пришлось угомонить его легким ударом приклада в лоб, после чего спешно ретироваться, пока рехнувшийся от горя оседлый не схватился за топор или вилы и не довел Проповедника до греха.

Фуэртэ Кабеса бурлил, взбудораженный последними событиями, которые, как выяснилось, происходили во всех без исключений регионах туманного мира. Массовые карательные рейды скитальцев против четвероногих растерзателей за три дня избавили Терра Нубладо от угрозы, подчистую истребив поголовье лошадей. Вряд ли где-то в лесах оставались неуничтоженные особи – как показывал опыт, одичавшие животные не прятались, а упрямо преследовали людей до тех пор, пока в конце концов не погибали от пуль карателей.

Я побродил по столичным трактирам, послушал, что говорят прибывшие из карательных экспедиций скитальцы, и с удивлением узнал, что моя история об обезумевшем фермере повторилась и с некоторыми другими карателями. Избавленные от угрозы, оседлые упорно не желали вспоминать об ужасах, которые им пришлось пережить, зато все как один вбили себе в голову, что причиной смерти их родных, а также домашних животных являются пришедшие на выручку скитальцы. До вооруженных столкновений с фермерами дело, правда, ни у кого не дошло, но раздосадованные черной неблагодарностью спасители клялись, что, если бы они пробыли у спасенных еще немного, наверняка те напали бы на них с оружием.

– Что происходит, респетадо Проповедник? – спрашивали скитальцы, когда порой узнавали меня в трактирном полумраке. За что я любил столицу, так это за пестрое многолюдье, в котором, как это ни парадоксально, мне всегда удавалось затеряться. Чего сроду не происходило в провинциях, где мои плащ, шляпа и мрачная репутация неизменно привлекали к себе внимание. – Почему Баланс допустил такой хаос? Или так и должно было случиться?

Что я должен был им ответить? Скитальцы знали, что Проповедник служит Балансу, но ни один из них не подозревал, на каких драконовых условиях. До недавнего времени я, слуга высших сил этого мира, знал о здешних реалиях даже меньше, чем любой из игроков-новичков. Сегодня спектр моих знаний заметно расширился, но не настолько, чтобы брать на себя ответственность и делать официальные заявления от лица Баланса. Юлить и изобретать отговорки я не желал, поэтому отвечал коротко и правдиво: понятия не имею. Высказывать собственную версию относительно эпидемии бешенства я тоже не собирался, поскольку подозревал: найдутся такие, кто, ссылаясь на меня, непременно выдаст ее за истину в последней инстанции. Мне был не нужен ярлык лжеца, который мог прилипнуть к моей репутации, когда правда окажется обнародованной.

Башня Забвения, рассекреченная банда вымогателей, таинственный Тенебросо, необъяснимый катаклизм в фуэртэ Транквило... А теперь еще странное лошадиное бешенство и столь же странное поведение оседлых, которые никак не реагировали на терзающих их кровожадных зверей, зато готовы были учинить расправу над своими избавителями. Я сомневался, что даже Патрик Мэддок обладал ответами на все эти загадки, высыпавшиеся на наши головы как из рога изобилия.

Я не ждал Патрика так скоро, поскольку был уверен, что у него хватает забот за пределами симулайфа. Проведение разбирательства по выявленным фактам беспрецедентного вымогательства – дело долгое и хлопотное. В сравнении с ним проблема крэкеров, мухлюющих с параметрами своих дублей, выглядела обычным детским хулиганством. А если сегодня у Патрика и выдавалась минута покоя, дома Мэддока ждала дочь, которой после всего пережитого требовалось родительское внимание и поддержка. Как бы сурово ни пинала жизнь Арсения Белкина, все же он еще не окончательно зачерствел и мог проникнуться сочувствием к другу. Поэтому я даже в мыслях не торопил Патрика, хотя очень уж не терпелось побеседовать с ним начистоту в спокойной обстановке.

Вопреки моим ожиданиям, Гвидо объявился в фуэртэ Кабеса довольно скоро. Зануда знал мое излюбленное место временного проживания – постоянный двор «Туманный Бродяга», – и для маэстро не составило труда отыскать меня в людной столице. Вечерами я, как обычно, захаживал в трактир при постоялом дворе,

садился в темный угол, ужинал и глазел на красоток из варьете – одного из лучших трактирных шоу не только в фуэртэ Кабеса, но и во всем Терра Нубладо. Неторопливо потягивая воду, я усердно старался внушить себе состояние опьянения и отрешиться от мрачных мыслей. Получалось плохо, но сама атмосфера увеселительного заведения воздействовала на меня благоприятно и расслабляла безо всякого спиртного. Одно было обидно: Консуэла – звездочка местной сцены здесь больше не выступала. Либо голосистая милашка подыскала себе более высокооплачиваемую работу при дворе кого-либо из местных соправителей (фуэртэ Кабеса походила на апельсин в разрезе: восемь секторов-районов, и в каждом заправлял свой диктатор. Дабы хоть как-то поддерживать порядок в этом бедламе, диктаторы заключили соглашение и все проблемы, касающиеся столицы в целом, решали на ежемесячном совете Большой Восьмерки), либо создатель дубля трактирной певички решил просто оставить игру. Жаль, с уходом Консуэлы заведение моего давнего знакомого скитальца Узиеля Буйного лишилось прежнего колорита, из-за которого я так обожал этот трактир.

– Кого я вижу! – обрадованно воскликнул я при виде усаживающегося за мой столик Гвидо. Сегодня я действительно был рад его видеть. Несмотря на то, что из моего угла зал просматривался как на ладони, маэстро все равно подобрался ко мне незамеченным. Уж не по потолку ли он, случаем, пробежал? – Голоден, амиго? Заказать тебе что-нибудь?

– Тебя прямо не узнать, – удивился Зануда. – Какое радушие!.. Нет, благодарю, я не голоден. А вот водички, пожалуй, выпью.

Не успел я подать Узиелю знак, чтобы тот распорядился принести нам воды, а Буйный уже стоял рядом и протягивал почетному гостю наполненный до краев стакан. Меня Узиель никогда не обслуживал лично – сдается, хитрый малый был в курсе, кто скрывался за маской маэстро дипломатии.

– Как самочувствие Анабель? – спросил я. Суровый закон Мертвой Темы был демократичен в одном: он позволял игрокам называть дубли настоящими «земными» именами. Упоминание их в разговоре не коробило ничей слух. Что, впрочем, не относилось к именам широко известных личностей, географическим пунктам и многому другому, нехарактерному для туманного мира. «Терра» оградила свое любимое детище не только от засилья деловых людей, но и от прочих любителей «встреч по интересам», которые раньше в симулайфе устраивал всяк кому ни лень.

Маэстро ответил на мой вопрос не сразу. Услыхав имя дочери, Патрик нахмурился, быстрыми глотками осушил стакан воды, отер рукавом губы, после чего предложил:

– Пойдем-ка прогуляемся.

Я не возражал. В беспокойном и тесном от наплыва посетителей трактире можно было разве что с жаром обсуждать местные новости да шикарные формы танцовщиц. Разговор по душам, в котором явно будет затронута Мертвая Тема, лучше проводить в другом месте.

– Четыре дня назад у Анабель случился приступ, – признался Патрик часом позже, когда мы с ним удалились от фуэртэ Кабеса на порядочное расстояние. – Я говорил тебе о том, что моя девочка серьезно больна?

– Не припоминаю.

– У нее тяжелое врожденное заболевание. Первое время после того, как мы вытащили ее из ловушки, все было нормально, но пережитая нервотрепка все-таки дала о себе знать. Вчера я увез Анабель в клинику, где мы постоянно лечимся, так что сейчас волноваться уже нечего.

– Извини за любопытство: чем больна твоя дочь?

– Патологией Госса... – Патрик тяжело вздохнул. – К сожалению, этот недуг неизлечим.

– Никогда не слышал о таком заболевании, – признался я. – А вот про Госса твоя дочь, кажется, уже упоминала, но только не в связи со своей болезнью. Это тот самый Госс, который изобрел ВМВ?

– Да, он самый – академик Альберт Госс, – подтвердил Мэддок. – Неудивительно, что ты не слышал о его патологии. В две тысячи восьмом в мире насчитывалось лишь несколько детей, страдающих этой болезнью. У нее тогда еще и названия не было. Считалось, что это заболевание – редкая генетическая аномалия. Но редкой ее считали до тех пор, пока количество новорожденных, пораженных непонятным недугом, не перевалило за несколько сотен и продолжало расти... Бель родилась в две тысячи тринадцатом. Именно в тот год в медицину вошел термин «патология Госса». Такой диагноз поставили Бель через месяц после рождения; тогда врачи уже научились безошибочно выявлять патологию. Для нас с женой это прозвучало как гром среди ясного неба. Мы с Беатрис до сих пор переживаем нашу трагедию и именно поэтому даже не заикаемся о втором ребенке. Нам страшно, что его судьба может повторить судьбу бедняжки Анабель...

Гвидо являлся хорошим артистом, но сейчас его печаль была отнюдь не наигранной. Равно как и все сказанное им было правдой. В этом я не сомневался – не тот маэстро человек, чтобы играть подобными вещами. Он мог давить мне на жалость разными способами, но изобретать для этих целей такую жестокую легенду было точно не в его стиле. При всей неоднозначности наших отношений все-таки они основывались на благородных принципах, даже когда нам порой приходилось лгать друг другу.

– Расскажи об этой патологии, – попросил я.

Патрик не стал отказывать мне в просьбе.

– Патология Госса, конечно, не столь серьезна, как СПИД или рак, но страдающие ею обречены на пожизненные муки. Симптомы этого заболевания проявляются только после двух-трех недель с момента появления ребенка на свет. Пораженные патологией дети обычно рождаются физически здоровыми, хотя есть и исключения, как, например, моя Анабель. У нее оказалось довольно серьезное отклонение – тяжелый дефект голосовых связок.

Мэддок поморщился и, нервно сцепив пальцы, хрустнул ими. Упомянуть об инвалидности дочери было для него крайне неприятно.

– Постой, – встрепенулся я. – Так, значит, Анабель немая? Но как же так?.. Ведь я разговаривал с ней!

– Совершенно верно – ты разговаривал с девушкой, немой от рождения, – признал Патрик с такой тоской в глазах, что мне стало не по себе. – Но здесь, в симулайфе, мы говорим, слышим и видим независимо от наших органов чувств. У Внешних Ментальных Волн особая природа. Речь Анабель в симулайфе, как и речь любого другого человека, подключенного к нему, – это только слова, родившиеся в мозгу, но не высказанные вслух. Удивительно, не правда ли? Мысль, которую ты не хочешь высказать, так и останется всего лишь мыслью. Но стоит тебе захотеть, чтобы она стала доступна другим, и игроки симулайфа слышат ее, будто ты и впрямь обратил мысль в слова.

– У твоей дочери очень красивый голос, – искренне признался я. – Уверен, в реальности он звучал бы не хуже.

– Спасибо, Арсений... – Патрик внимательно посмотрел мне в глаза. Похоже, он не рассчитывал на сочувствие и потому был удивлен. – Я навсегда запомнил тот день, когда Анабель впервые попала в Терра Куэнто и заговорила. Это было словно... Такие моменты не опишешь словами. Мы с Беатрис получили возможность свободно беседовать с дочерью. Я воспользовался служебным положением и

подарил Анабель иммунитет к Мертвой Теме, и с тех пор мы можем говорить с ней о чем угодно. Теперь ты понимаешь, Арсений, что значит для моей дочери симулайф. И что он значит для меня. Настоящая жизнь для Анабель здесь. Вне Аута это всего лишь мучительное существование, борьба с болезнью, поделенная на полугодичные периоды облегчения...

Патрику было нелегко, но он нашел силы и подробно рассказал, что представляет из себя одна из новых напастей, обрушившихся на человечество в начале двадцать первого века. Первые признаки патологии Госса выявлялись довольно просто, и врачи незамедлительно реагировали на это. Если, попадая в спокойную обстановку, грудной малыш всякий раз заходил в истерику, а в нервной, наполненной громкими голосами и незнакомыми людьми, атмосфере быстро успокаивался и даже засыпал, можно было с гарантией в девяносто процентов заявлять: диагностические тесты Госса дадут положительный результат.

Причина парадоксального поведения новорожденных крылась в уникальных врожденных качествах их мозга, способного воспринимать визуальную и звуковую информацию быстро и в невероятном для такого возраста объеме. Постоянный приток свежей информации являлся для мозга такого ребенка чем-то вроде жизненно необходимой подпитки. При отсутствии внешних раздражителей малыш ощущал сильнейший дискомфорт, терял аппетит и впадал в беспокойство.

Первые полторы-две недели жизни этих детей были первыми и последними спокойными днями в жизни их и их родителей. Новорожденным вполне хватало того мизерного объема информации, что получали они в своих карантинных палатах. Глядя на мир влажными глазенками и прислушиваясь к доносившимся до нежных ушек звукам, груднички довольствовались увиденным и услышанным, ничем не отличаясь в этом плане от остальных детей. Несчастливым малышам было невдомек, что коварная и прожорливая, как удав, патология Госса уже затаилась в их несмышленных головках, готовая к нападению.

Тяжело приходилось врачам и родителям с первыми маленькими жертвами редкого в те годы заболевания. Врачи элементарно не знали, что делать с практически не умолкающими младенцами, обследование которых не выявляло никаких заболеваний. Детей успокаивали, а они еще больше заходили в крике. Никто тогда не подозревал, что беспокойная, богатая на внешние раздражители атмосфера необходима малышам как воздух. Им требовался живительный поток информации, желательной разнообразной и яркой. Информация была для них натуральным наркотиком, и чем дальше они росли и развивались, тем в большей дозе нуждались. Врачи же, наоборот, всячески ограждали детей от стрессов и помещали в тепличные условия, не осознавая, каким мучениям подвергают.

Говорят, первый, кто нашел эффективное лекарство, был вышедший из себя отец одного из неугомонных младенцев. У слабонервного родителя от отчаяния лопнуло терпение и он впал в буйство: орал, размахивал руками, колотил по мебели. Когда же папаша обуздал эмоции, он не на шутку встревожился за перепуганное дитя, но с изумлением обнаружил, что ребенок внимательно наблюдает за ним и лучезарно улыбается. Новый непривычный раздражитель утолил в малыше информационную жажду и угомонил его на какой-то срок. Несдержанный отец оказался сообразительным человеком и вскоре пришел к выводу, что успокаивание ребенка – это вовсе не то средство, которым следует бороться со странной детской истерикой. Разумеется, громкая брань и крушение мебели тоже были отвергнуты. Родитель предпочел компромиссный вариант: постоянно меняющаяся фоновая музыка, детские телепередачи и компьютерные программы, чтение вслух. Мозг ребенка впитывал информацию словно губка, а само чадо криками требовало для себя добавки.

Казалось бы, что тут плохого – дитя развивается, вынуждая родителей постоянно подбрасывать ему все новую и новую пищу для ума. Однако изнанка столь нетипичной для маленьких детей тяги к знаниям стала очевидна еще до того, как они произнесли свои первые слова. Переедание не менее опасно, чем голод. К потреблению умственной пищи это относится в не меньшей степени. Слабая детская психика просто не выдержала каждодневно обрушивающейся на нее лавины раздражителей. Приблизительно через месяц пребывания в информационном поле у детей случались приступы, симптомами схожие с эпилепсией. Здесь уже врачи не испытывали сомнений в диагнозе: тяжелый нервный стресс, чреватый в таком нежном возрасте серьезными осложнениями.

Приступы были предсказуемы, однако они все равно происходили, несмотря на профилактические меры, как то: уменьшение объема информации и всяческие терапевтические успокаивающие процедуры. Определить критическую грань между «недоеданием» и «пресыщением» было невозможно – слишком зыбкая она оказалась. Вкушая свой наркотик, информационный наркоман словно балансировал на тонком тросе – отклонение в любую сторону вело к тяжелым последствиям, и обойтись без отклонений на этом шатком пути не удавалось никому. Рано или поздно, но злоупотребление информацией давало о себе знать, и тогда единственным выходом оставалось вмешательство высококлассных невропатологов и психотерапевтов, спешно разрабатывающих методы лечения нового вида детских нервных расстройств.

Врачи забили в набат и вывели проблему на мировой уровень. Детям, которым пришлось стать первыми жертвами патологии Госса, требовалось поставить

памятник, ибо их неокрепшие организмы превратились в настоящий полигон для разработки оружия против нового недуга. В работу включились медицинские институты и исследовательские центры. К их маленьким пациентам было привлечено внимание всего мира, однако малыши не ощущали по этому поводу дискомфорта. Напротив, поднявшаяся вокруг них суэта просто утопила их в океане информации, в котором они ощущали себя, словно рыба в воде.

Несмотря на все усилия врачей, количество «информационно зависимых» младенцев неуклонно росло. Вскоре подтвердились прогнозы, что взросление этих детей также будет протекать далеко не лучшим образом. На протяжении первых лет жизни они сильно опережали в умственном развитии сверстников, но затем процент знаний, усваиваемый детьми с патологией Госса, катастрофически падал и в конечном итоге становился даже ниже, чем у нормальных, окруженных родительской заботой детей. Психологические перегрузки в раннем возрасте дали-таки о себе знать. При всем при этом с годами «информационно зависимые» дети лишь наращивали объем поглощаемой информации. Они продолжали перелопачивать внушительные объемы информации, только мало что из тех объемов уже откладывалось в детских головах. Все, что происходило в них, напоминало работу водяной мельницы, где на производство килограмма муки уходили тонны проточной воды. Кризисные состояния у больных с возрастом стали наступать реже, однако продолжительность мучительных приступов увеличилась. Вдобавок к остальным мучениям появлялась хроническая бессонница – как следствие эмоционального истощения, она наблюдалась у каждого страдающего информационной зависимостью.

Патология Госса подавляла в ребенке всякий интерес к подвижным играм и прогулкам на свежем воздухе, так что физическое развитие этих детей оставляло желать лучшего. И малыши, и повзрослевшие дети днями напролет проводили перед телевизорами и мониторами компьютеров, просматривали сотни телевизионных каналов и тысячи интернет-страниц. Причина, по которой информационных наркоманов не привлекали книги, не представляла загадки – классические источники знаний не могли за короткий срок выплеснуть в мозг больного ту колоссальную волну информации, что обрушивали на мир телевидение и Интернет. Слабые, болезненные, безвольные дети входили в юношеский возраст, а затем и во взрослую жизнь обученными только одному: пропускать через свой мозг потоки всевозможной и по большей части бесполезной информации. Попытки ученых использовать эти уникальные качества во благо общества ни к чему не привели: больные патологией Госса осмысливали и анализировали лишь малую толику от полученных сведений – ненамного больше того, что усваивали обычные, не обремененные подобными «талантами» люди.

Академик Альберт Госс, неосмотрительно продавший свое научное открытие ушлой «Терра», тем не менее внакладе не остался и на вырученные деньги продолжил заниматься главным делом своей жизни – изучением загадок человеческого мозга. Странная врожденная патология информационной зависимости, которой к тому времени уже страдало более ста тысяч детей, послужила для Госса достойной целью, достижению которой академик отдался без остатка.

Базовые исследования продлились несколько лет. На их основе Госс сделал неутешительные выводы: на данном этапе развития медицины полностью излечиться от патологии информационной зависимости нельзя. Как и выявить ее на стадии беременности. Можно было лишь рассчитать вероятность такого заболевания у будущего ребенка, не более. Академик уверял, что страдающие этим недугом дети будут рождаться еще как минимум несколько десятилетий. Патология Госса обещала стать тяжким проклятием двух последующих поколений. Увы, такова была горькая правда. Что ожидало человечество во второй половине двадцать первого века? Прогнозы академика были сдержанными и туманными, что на языке медиков обычно означало «вряд ли дела в скором времени пойдут на поправку, если вообще пойдут». Как отразится болезнь нынешнего поколения детей на их потомстве, не мог сказать даже светило мировой медицины. Однако то, что негативных последствий не миновать, было очевидно каждому, кто задавался этим вопросом.

Госс определил причину исследованной им патологии: не имеющая аналогов генетическая мутация, влияющая на определенные участки коры головного мозга и схожая по характеру с последствиями радиационного облучения. Все это потребовало новых, более углубленных исследований, только уже не с детьми, а с их родителями. Но большую часть сил и средств академик по-прежнему выделял на помощь детям.

Самым значимым успехом Госса на поприще борьбы с новым заболеванием стала разработанная им методика преодоления пиковых форм патологии, периодичность которых зависела от возраста больного. Здесь на помощь академику пришел один из его старых побочных проектов, отклоненный за ненужность при прежних изысканиях и благодаря этому не переданный «Терра» вместе с остальными материалами, касающимися ВМВ. Проект, изначально направленный на борьбу со склерозом, касался изучения природы памяти. Исследовав память своих пациентов, Альберт Госс обнаружил, что значительную ее часть составляют яркие отрывочные образы, что оставались в сознании ребенка после пребывания в интенсивном информационном поле. Калейдоскоп фрагментов ничего не значивших для

больного воспоминаний в основном и перегружал его нервную систему, внося сумбура в мысли и вызывая в конечном итоге глубокий ступор.

Благодаря лично сконструированному оборудованию, технологию которого Госс держал в строжайшем секрете (явно беспокоился, что «Терра» вдруг обвинит его в том, будто он нарушает условия сделки и использует в коммерческих целях бывшую собственность), академик освобождал память переживающих кризис пациентов от накопившегося в ней «мусора». Процедура чем-то напоминала чистку системного реестра компьютера от ненужных файлов и быстро приводила больного в норму, нормализуя тому работу головного мозга. Других средств экстренной помощи во время кризисов для страдающих патологией Госса попросту не существовало.

Данной услугой периодически пользовалась и Анабель Мэддок, чей отец мог себе позволить возить ее на лечение к самому академику Альберту Госсу. А симулайф дарил немой девочке не только возможность разговаривать нормальной речью (вряд ли тот, кто окрестил Кассандру Болтливым Языком, предполагал, отчего она на самом деле так любит поговорить), но и полностью утолял ее врожденную жажду знаний, заменив вредный для психики информационный калейдоскоп одной грандиозной виртуальной сказкой...

– Всем нам приходится расплачиваться за грехи молодости, – подытожил Патрик Мэддок свое драматичное повествование. – Но вдвойне тяжело, когда за твои грехи расплачиваются твои же дети. Я виноват в том, что жизнь Бель – сплошные мучения. Мое поколение целиком и полностью виновато в страданиях наших детей. Мы первые заболели патологией Госса, хотя и не подозревали об этом. Начали травить свои мозги потоками информации, не задумываясь о последствиях. Телевидение, мобильная связь, Интернет, всевозможные компьютерные развлечения... Я с юных лет варюсь в этом соку. В молодости ночи напролет просиживал в Интернете или до помутнения в глазах играл в компьютерные игры. Днями учился, после учебы пошел работать дизайнером цифровой графики. Я почти не отходил от компьютера. Он был для меня всем: другом, учителем, средством общения, смыслом жизни... А также кандалной гирей, которую нельзя было сорвать, не покалечив при этом ногу. Я любил и ненавидел компьютер. Я разговаривал с ним, словно с живым существом, страдал, когда он ломался, и радовался как ребенок, начиная знакомство с какой-нибудь новой программой. Я и с Беатрис в свое время через Интернет познакомился – она тогда была без ума от онлайн-игр. Мы сидели возле мониторов как привязанные, питались чем попало и месяцами не выбирались на природу – ее нам заменили виртуальные горы

и деревья, нарисованные другими программистами. Полдня мы болтали по мобильному телефону – еще одно средство, без которого уже в те годы я не мыслил своего существования. Нам приходилось жить в условиях постоянного стресса, испытывая информационные перегрузки, которые на поверку оказались не такими и безвредными.

Помнишь, Арсений, я упоминал, что обнаруженная Госсом генетическая мутация напоминала последствия радиационного облучения? Пусть не радиация, но некая аномальная энергия на нас и впрямь воздействовала. Госс понял это, когда начал исследовать нас – родителей детей, пораженных патологией информационной зависимости. Академик быстро догадался, где именно следует искать корень проблемы. Патология Госса широко распространена только в высокоразвитых странах, в остальных – лишь частные случаи. Патология Госса – болезнь высокоразвитой цивилизации, а инкубаторами болезни выступили мы. История моей молодости типична и схожа с историей каждого родителя, чьи дети страдают сегодня этой проклятой напастью. Непривычная, даже агрессивная среда, в которую мы окунулись благодаря стремительному научно-техническому прогрессу, наложила на нас неизгладимый отпечаток. Каким именно образом? До сих пор конкретно не выяснено. Возможно, это был след от воздействия электромагнитных полей, которые окружали нас практически круглые сутки, или же сыграла негативную роль плохо изученная нами чересчур активная информационная среда. А может быть, наши гены мутировали по иной причине... Со временем это обязательно выяснится, и наши потомки сделают правильные выводы. Но факт остается фактом: мы породили на свет поколение, жизнь которого напрямую зависит от продуктов наших же научных достижений. Круг замкнулся. Как его разорвать, никому не известно.

Книги, газеты, письма, слухи... Веками люди довольствовались только этими источниками информации. Сто с лишним лет назад к ним присоединились радио и телеграф, спустя еще полвека – телевидение, совсем недавно – мобильная связь и Интернет. Наступает эпоха передачи данных на технологиях ВМВ... Информационное поле планеты... Мои родители полвека назад знать не знали, что это такое. Сегодня это уже не поле, а натуральный океан – стихия, в которой мы чувствуем себя песчинками. Неудивительно, если она и выступит когда-нибудь причиной гибели человечества. Однажды мы просто захлебнемся, пытаясь преодолеть очередную накатывающую на нас волну прогресса.

Мир стремительно меняется. Мы же пытаемся за ним поспеть и думаем, что впрямь поспеваем. Но это самообман. Спорить с природой – противоестественно. Наш организм неспособен адаптироваться к такой быстрой перемене окружающей

среды, и дети с врожденной патологией Госса тому прямое доказательство. Мы сами задаем себе запредельный жизненный темп, внедряя в жизнь все, до чего только додумываются наши гениальные ученые. Но делаем мы это, абсолютно не переживая о последствиях. Порой мне кажется, что мы даже время заставили бежать быстрее. Те цели, на достижение которых раньше уходили годы, а иногда и века, при помощи современных технологий достигаются с немыслимой скоростью. Но, ускорив время, мы ускорили и приближение конца света. И он, вероятно, уже не за горами.

Такова реальность, Арсений. Похоже, на какой-то из развилок истории человечество выбрало неверный путь развития. И назад дороги нет. Мы достигли многого, но пускать историю вспять, к сожалению, так и не научились...

– ...А как называется мое заболевание? – спросил я. – И вообще, кто дал вам разрешение проводить надо мной эксперименты?

– Разрешение выдала лондонская клиника, на попечении которой ты находишься в коме вот уже четверть века, – слово в слово подтвердил Патрик версию, выдвинутую своей дочерью. Я обреченно кивнул: что ж, все понятно, иного объяснения и не напрашивалось. Новость была воспринята мной спокойно: у меня имелось достаточно времени свыкнуться со своей вероятной судьбой. – Мы в те годы как раз проводили изучение Внешних Ментальных Волн на предмет их терапевтического эффекта, когда нам подвернулся ты – довольно любопытный субъект для исследований. Пройти мимо такого шанса было бы преступлением перед наукой. Оказалось, что родственников у тебя нет, зато есть... точнее, было впечатляющее криминальное прошлое. Неудивительно, что австрийские власти не беспокоились об исчезновении такого гражданина. Мы переговорили с владельцами клиники и выяснили, что им позарез нужны деньги на новое оборудование, которое «Терра» им и предоставила.

– В обмен на подопытного коматозника, – грустно закончил я. – Все как обычно уперлось в деньги.

– Опыты были абсолютно безвредны. К твоим капельницам, энцефалографам и прочему оборудованию лишь добавился наш нейрокомплекс. И все в итоге остались довольны: ты получил возможность жить полноценной жизнью, твоя клиника модернизировала оборудование, а мы еще на шаг продвинулись в изучении ВМВ. Что ты так помрачнел? Разве тебя не утешает мысль, что благодаря нашим экспериментам ты сыграл значительную роль в истории мировой науки?

– Да, и впрямь есть чем на старости лет гордиться, – кисло усмехнулся я. – Только вот перед кем? Кому еще, кроме тебя, я должен сказать спасибо за то, что продолжаю жить на этом свете?

– Заведующему клиникой профессору Элиоту Эберту, прекрасному специалисту по лечению тяжелых черепно-мозговых травм. Но это он должен говорить тебе спасибо: ты оказал и продолжаешь оказывать его клинике неоценимую помощь. Профессор Эберт был бы не прочь лично поблагодарить тебя, но, к сожалению, он боится связываться с нашим нейрокомплексом и появляться в симулайфе. Не доверяет он всем этим современным диковинкам. Пожилой человек, что тут поделывать. Но при случае я обязательно передам ему твою благодарность.

– Значит, лондонская клиника... – подумал я вслух и поморщился. – Отвратительное место – этот ваш Лондон. Странно только, почему крутой крэкер Тантал не обнаружил там моих следов? Инвалида Шульца из Бонна он легко разыскал.

– Кто этих крэкеров разберет. Может быть, плохо искал, а может, получить доступ к файлам лондонской клиники оказалось достаточно сложно. Солидные лечебные заведения, как правило, хранят истории болезни своих пациентов за семью замками, и клиника Эберта – не исключение.

– Ну раз так, значит, здравствуй, Арсений Белкин, – еле слышно со вздохом пробормотал я. – Дерьмово небось выглядишь – как-никак, двадцать пять лет под капельницей. Наверное, сегодня тебя уже никто и не узнает... Но ты уж будь другом, держись, не откидывай копыта. Тебе-то, старый пень, один черт все равно – лежишь да посапываешь. А вот мне без тебя – кранты. Давай, старик, не падай духом – респетадо Проповедник на тебя рассчитывает...

– Прости, не пойму, о чем ты, – подал голос Гвидо, пытаюсь расслышать мой разговор с самим собой.

– Патрик, раз ты теперь в курсе, кто я такой на самом деле, – отозвался я, – у меня будет к тебе одна просьба...

– Ты хочешь узнать о судьбе своих родных в России?

Какое взаимопонимание! Да, сказывались годы нашей дружбы – иногда мы и впрямь понимали друг друга с полуслова.

– Я не стал дожидаться, когда ты попросишь меня об этой услуге, – пояснил Мэддок. – И я не только навел справки, но даже связался с твоей сестрой.

– С Полиной?! – У меня перехватило дыхание.

– Да, с Полиной Лагутиной – такую она сегодня носит фамилию. Оказалось, твоя сестра – довольно известный в музыке человек, настоящая звезда мировой сцены.

– И в этом нет ничего удивительного! – Я разволновался, словно подросток перед первым объяснением в любви. – Сестра росла очень талантливой девочкой, больше всего на свете музыку любила. Полина еще в школе училась, а мы уже знали, что она далеко пойдет...

«Мы знали!»! От запоздалого укола совести мне стало нестерпимо больно. Кто знал, так это родители и педагоги, а меня – родного брата Полины, – ее судьба тогда вовсе не интересовала. Я жил в свое удовольствие и думал только о себе. Пока не загремел в тюрьму, транжирил родительские деньги, а если умудрялся самостоятельно заработать какие гроши, пропивал их до последнего. Что хорошего видела от меня младшая сестренка? Я даже конфет ей ни разу не купил, не говоря уже о других подарках, а тем более помощи. «Мы знали...» И повернулся же язык ляпнуть такое!

– Ты рассказал Полине обо мне? – потупив взор, поинтересовался я. Стыд пожирал меня изнутри с такой яростью, что впервые за всю жизнь в Терра Нубладо захотелось приставить стволы «Экзекутора» ко лбу и спустить курки.

– Рассказал, – подтвердил Патрик. – Не все, конечно, но что с тобой случилось и где ты находишься, она теперь знает.

– Послушай, Патрик! – осененный догадкой, подскочил я. – Это же реально: дать Полине встретиться со мной здесь, в симулайфе! Никаких секретов я не выдам, клянусь! Мне необходимо просто увидеться с сестрой и поговорить, только и всего! Окажи услугу, будь другом! Ведь для «Терра» – это сущий пустяк. Больше ни о чем не прошу!

– Понимаешь, Арсений... Не все так просто, как кажется, – замялся Мэддок. – Именно это я твоей сестре и предложил, после того, как она отказалась поехать в Лондон навестить тебя в клинике Эберта.

– Она от... отказалась? Но почему?

– Да, отказалась... Мы даже предложили ей оплатить транспортные расходы, но Полина все равно не согласилась. И на встречу в симулайфе – тоже. Я пытался объяснить ей, что такое общение с коматозниками давно практикуется, что в этом нет ничего страшного, однако твоя сестра... В общем, она не собирается этого делать. Очень сожалею.

– Наверняка она сочла твое предложение шуткой! Конечно, так и есть! А ты бы на ее месте что подумал? Полина – всемирно известный человек, поэтому и решила, что кто-то случайно прознал о ее брате, который пропал без вести много лет назад, и решил устроить идиотский розыгрыш!..

– Сомневаюсь, Арсений, – сокрушенно покачал головой Патрик. – Мы говорили долго, и у твоей сестры было достаточно времени убедиться, что ее не разыгрывают. Нелегко тебе это говорить, особенно после того, что ты сделал для нас с Анабель, но... Полина сказала, что для нее старший брат давно умер. Причем задолго до две тысячи восьмого года.

И это была правда... Правда, которую я всегда знал, но не хотел о ней думать. Правда, которая все-таки всплыла на поверхность и причем в самый неожиданный момент, сломав едва зародившиеся надежды на лучшее.

Вот так, Арсений Белкин! Заслужил – получи! И можешь теперь сколько угодно заламывать руки и каяться в грехах молодости – все бесполезно. Что проку в покаяниях после свершившейся расплаты? Все правильно: ты и впрямь умер гораздо раньше, чем схлопотал в лоб ту злосчастную пулю. А раз так, значит, нечего злиться на Полину, отказавшуюся навестить «умершего» брата, который хоть и не истлел телом, но запустил до подобного состояния душу. И неудивительно, что от живого мертвеца теперь шарахаются даже близкие родственники.

– Очень сожалею, – повторил Патрик, положив руку мне на плечо. – Больше нам нечем помочь тебе в этом вопросе.

– Может быть, Полина передумает? – Я с надеждой посмотрел на маэстро. – Конечно, если вот так, с бухты-барухты, тебе заявляют о пропавшем бог весть когда брате, у тебя, естественно, случится шок. Но когда он пройдет, может Полина все-таки решится?

– Вполне возможно, – согласился Мэддок, но уверенность в его голосе была неискренней. – Если твоя сестра вдруг передумает, мы, разумеется, пойдем ей навстречу. Надеюсь, так оно и случится. Люди частенько сожалеют о своих решениях, принятых сгоряча.

– О чем еще говорила Полина? Она не упоминала о матери, об отце? – спросил я после недолгого молчания. Патрик тоже помалкивал все это время, давая мне примириться с невеселыми мыслями.

– Нет, на эту тему мы с ней не говорили и на словах она также ничего тебе не передавала.

– Ясное дело: какие послания могут передавать живые люди покойникам...

– Но я выяснил кое-что о Полине, перед тем, как сообщать ей о тебе. Она замужем за преподавателем одной из московских консерваторий, у них две взрослые дочери, которые сейчас учатся. Полина ездит по миру с концертами, периодически выпускает на престижных студиях свои альбомы, проводит семинары... В общем, живет счастливой насыщенной жизнью.

– Как и ее старший брат, – подытожил я. После всего вышесказанного мне уже заметно полегчало. Благодарить за это следовало не хладнокровие Проповедника, а законы симулайфа, быстро притупляющие как физические страдания, так и душевные. Что ни говори, хороший защитный инстинкт «самоуспокоения» заложен в игровом дубле. Обозначить боль, обозначить страдание... Вроде бы и больно, порой даже слишком, но все утихает, едва успев начаться. Переболел, и можешь дальше симулировать жизнь. Или продолжать игру – кому как больше нравится.

– У тебя случаем не найдется для меня какой-нибудь работенки? – осведомился я. – Надо бы развеяться, прийти в себя, а то на душе муторно.

– На данный момент нет, – развел руками Гвидо. – Но если хочешь отвлечься от мрачных мыслей, можешь пока прогуляться на север, до фуэрте Саградо, и отнести эту дипломатическую почту местному диктатору Гизеру. – Маэстро вытащил из-за пазухи и передал мне опечатанный сургучными печатями конверт. – Это игровое задание для Гвидо, но пребывать в его шкуре мне пока некогда, а выполнять дипломатическую работу на «автопилоте» – все равно что сажать на нем же самолет: без живого человека в этом деле никуда. Только постарайся не мешкать и уложиться за полторы недели.

– Без проблем. Сделаю, – оживился я. Длительная пешая прогулка, без стрельбы и проповедей – хорошее средство, дабы привести в порядок мысли и решить, как быть дальше: продолжать служить Балансу или отправиться в отставку, попросив вернуть меня обратно в блаженное коматозное состояние. Осадок на душе после известий о Полине остался, и избавиться от него было уже невозможно. Это были не страдания моего дубля, это была боль Арсения Белкина, боль той части его души, которая продолжала жить и чувствовать несмотря на кому. Станет ли этот груз для меня неподъемным, или вскоре я вновь воспряну духом и захочу вернуться в игру – все это обязано было проясниться в ближайшие дни, которые предстояло провести на ногах, вдали от шумной столицы.

– А что у тебя за неотложные дела? – Я все-таки не удержался от любопытства. – Они касаются лошадиного бешенства или поиска крэкера, который скрывался за дублем Тенебросо?

– Буду с тобой откровенен – вспышка бешенства напрямую связана с событиями в фуэртэ Транквило, – сознался Гвидо. – Имеет место нарушение Баланса, причем такое, какое Проповеднику уже не выправить. Обнаружение нами башни Забвения и вмешательство в планы Тенебросо послужило сдвигом, последствия которого не могу предугадать даже я. Похоже, Арсений, что для Терра Нубладо начинаются суровые времена. Симулайф на пороге хаоса и в любой момент может разразиться катастрофа.

– Что произошло? Крэкерское вмешательство более высокого технологического уровня?

– Крэкеры здесь уже ни при чем. Они изменяли Баланс, всего лишь мухлюя с гириями и раскачивая рычаги весов. Человек, стоящий за дублем Тенебросо, нарушил равновесие, повредив весовой механизм. Но самое страшное, Арсений, в том, что этот человек являлся не кем иным, как нашим главным весовщиком.

– И это для вас неразрешимая проблема? Заставьте разгильдяя исправить то, в чем он напортачил. Или увольте его и примите на работу нового весовщика.

– Увы, найти такового едва ли проще, чем песчинку на дне моря.

– Ладно, брось темнить! – не выдержал я. – Расскажи конкретнее, что там у вас произошло – все-таки я тоже помогал тебе выводить Тенебросо на чистую воду!

– Конкретнее, к сожалению, не могу, – отрезал Патрик. – Есть вещи, респетадо Арсений, которые мне запрещено выдавать даже под страхом смерти. Причем настоящей, а не виртуальной...

Глава седьмая

– Что случилось, джентльмены? Мистер Адамс? Мистер Мэддок? И не припомню, чтобы за пять лет нашего сотрудничества вы вызывали меня на ковер.

– А вы сами не догадываетесь, зачем мы оторвали вас от отдыха, сеньор Васкес?

– Я бы вас попросил не называть меня так, мистер Адамс. Терпеть не могу эту фамилию. В Эйндоховене, где я отсидел восемь лет, мне по сорок раз на дню твердили: «Васкес – туда, Васкес – сюда...» Осточертело до коллик. Уйду в

отставку, обязательно сменю имя— может, хоть это поможет забыть проклятый Эйндховен.

— Тогда как изволите вас называть?

— Зовите меня как привыкли: Бета-креатор. Чем не имя? Красивое и со смыслом: «второй создатель». Черт, завидую своему Альфа-собрату — все-таки он имел честь быть первым.

— Хорошо, сеньор... Бета-креатор. Нам без разницы, как вас называть. Главное, чтобы вы четко следовали условиям контракта. А вот с этим как раз возникла проблема. Хотелось бы получить от вас объяснение насчет того, что творится сегодня в вашем симулайфе.

— Не понимаю, о чем вы, мистер Адамс! Разве в Терра Нубладо что-то не так?

— Только не делайте вид, будто вы не в курсе, какие безобразия творятся там сегодня!

— Но я правда не в курсе, мистер Адамс! Однако уже догадался, что у вас крупные неприятности и вину за них вы возложили на меня.

— А больше некого винить, мистер креатор! Беспорядки и разрушения в локации Транквило, взбесившаяся фауна, неоговоренный сценарием агрессивный дубль уровня «маэстро»... И это далеко не все аномальные явления, обнаруженные нами в Терра Нубладо за последнее время. Есть и другие, не менее настораживающие.

— Ну а я-то здесь при чем? Прежде чем мой материал попадает на транслятор, он проходит через столько дизайнерских рук, что иногда я сам с трудом узнаю наш конечный продукт. Ищите виноватого в аномалиях среди дизайнеров. Мне перед вами каяться не в чем — я условия контракта соблюдаю неукоснительно.

— Дизайнерской вины здесь нет. ВМВ-дизайнер может допустить ошибку при работе с внешним обликом игровых объектов или персонажей, но исковеркать сценарий ему не под силу.

— А крэкеры? Почему вы не обвиняете этих мерзавцев? Вы же сами постоянно жалуетесь, что они с каждым годом становятся все наглее и изворотливее.

— Так и есть. Но любое крэкерское вмешательство направлено на внесение изменений в досье их дублей. Дальше крэкерам пока что путь заблокирован. А вот кардинально видоизменять окружающую среду и устраивать природные катаклизмы в Терра Нубладо по плечу только одному человеку — вам, уважаемый Бета-креатор!

– Прекрасно! Я так понимаю, джентльмены, это ваши окончательные выводы и оправдываться мне бесполезно?

– А у вас имеются веские доводы в свое оправдание?

– Нет, черт побери! Похоже, кто-то меня очень грамотно подставляет! Для меня ваши обвинения звучат просто дико! Я и в мыслях не держал ничего подобного! Уму непостижимо! И зачем, по-вашему, мне пускаться во все тяжкие и осложнять себе жизнь, коверкая сценарий?

– Ваши мотивы на сей счет нам неведомы, сеньор креатор, а предъявлять вам в вину догадки мы не вправе. Но факты нарушения контракта налицо. И мы полагаем, что некоторые из них – это не простая небрежность с вашей стороны.

– Да как вы смеете! Я столько лет служил вам верой и правдой и теперь, перед отставкой, мне приходится выслушивать в свой адрес подобные упреки! Сдается, вы нарочно решили навесить на меня всех собак, чтобы в будущем урезать мне пенсию! Сначала обещаете золотые горы, а потом изобретаете отговорки и пытаетесь лишить меня честно заработанных денег! И это в такой солидной фирме! Клянусь, я этого так не оставлю! Я пойду на все, лишь бы!..

– Послушайте, сеньор Васкес!..

– Не надо затыкать мне рот, мистер Адамс! Все эти годы ваша проклятая «Терра» только этим и занималась! Я найму лучшего адвоката и устрою такой громкий процесс, какой вам и не снился!

– Да успокойтесь вы, в конце концов! Вас оторвали от отдыха и вызвали сюда не для того, чтобы начинать судебную тяжбу. Мы ценим ваши заслуги перед «Терра» и не собираемся лишать вас пенсии. Это всего лишь предупреждение – первое и последнее. Судебным процессом вам нас не напугать – вы подписали договор о неразглашении. За его несоблюдение мы можем не только взыскать с вас штраф, но и вернуть обратно в Эйндховен, куда вас, надо полагать, возвращаться вовсе не тянет. Но давайте оставим эту неприятную тему. Будем считать, что мы поняли друг друга и нам не придется больше обсуждать подобные проблемы. Допускаю, что иногда из-за усталости вы бываете раздражены и совершаете ошибки. Однако напомним, к чему они могут привести. Ваше настроение напрямую влияет на атмосферу в симулайфе. Вы должным образом не сосредотачиваетесь на сценарии и упускаете ключевые моменты, а потом начинаете домысливать то, что по рассеянности выпустили из поля зрения. Отсюда и проблемы. Сценаристы проводят кропотливую работу, чтобы преподнести вам отшлифованный до совершенства образец, в котором

сбалансированы все детали, все сюжетные повороты. Ваше дело— четко следовать сценарию и не допускать никаких импровизаций. Стоит вам только во время творческого процесса заикнуться на посторонних мыслях, и труд десятков людей идет насмарку. Мелкие косметические недостатки вашей работы исправят дизайнеры. Крупные не исправит никто, кроме вас. Поэтому так важно соблюдать наши инструкции и быть осторожным.

— Сначала страшаете меня нарушением контракта, а после хотите, чтобы я сохранял невозмутимость и гарантировал вам качественный материал? Да это вы, джентльмены, занимаетесь здесь неприкрытым саботажем! Это с вас следует спрашивать, почему в Терра Нубладо творится бардак! Лицемеры! Вы все равно за это заплатите!

— У вас есть сутки, сеньор креатор, чтобы обдумать наше предупреждение, успокоиться и приступить к дальнейшей работе. На этом все. Желаем успехов!..

— Не слишком ли сурово мы с ним обошлись, мистер Адамс? Вы же сами недавно предупреждали меня, чтобы в общении с Бета-креатором я вел себя дипломатично. А если за эти сутки он не сумеет обуздать эмоции?

— И пусть бесится! Нам осталось терпеть этого своенравного типа совсем недолго.

— Боюсь, я вас не понимаю.

— Сейчас поймете, Патрик. Пока вы проводили уикенд с дочерью, здесь у нас наметились кое-какие подвижки. В субботу со мной связался Гамма-креатор и порадовал хорошими новостями о Терра Олимпия.

— Почему же мистер Платт не сообщил эти хорошие новости сначала мне или профессору Эберту? Что за причина заставила Гамма-креатора прыгать через головы своего непосредственного начальства?

— До вас Морган Платт попросту не дозвонился, а Эберту он, оказывается, перестал доверять.

— Вот как? И когда же старина Элиот утратил его доверие?

— Платт сказал, что после того, как профессор без предупреждения впустил в его мир этого кровожадного мясника Джесси, Эберт больше не заслуживает уважения Гамма-креатора.

– Этого еще не хватало! И что такого революционного сообщил вам Морган за нашими спинами?

– Сейчас сами все от него и услышите. Гамма-креатор уже четверть часа дожидается в приемной моего приглашения...

– Это было... Это было... Это было озарение! Порыв вдохновения невиданной мощи! Мой дорогой мистер Адамс! Патрик, дружище! Когда я прочитал последний вариант доработанного сценария, у меня словно выросли крылья! Это именно то, чего нам и не хватало! Мир совершенной гармонии, где каждый может прожить именно ту жизнь, какую он пожелает! Я наконец-то понял, как это должно выглядеть на практике! Я прозрел, мистер Адамс! Патрик! Сейчас перед вами находится человек, открывший для себя абсолютную истину! И мне не терпится открыть ее остальному миру!

– Тише, Морган, не надо так волноваться! Присядьте, успокойтесь. Патрик, налейте мистеру Платту воды. Никуда ваша истина от нас не убежит, и мы обещаем, что человечество прикоснется к ней в самое ближайшее время. Давайте ближе к делу. Значит, вас полностью устраивает наш последний вариант сценария и вы готовы работать по нему на протяжении последующих нескольких лет?

– Да! И готов приступить к этому немедленно!

– Превосходно, мистер Платт! Признайтесь, вы нарочно приберегли свою новость в качестве сюрприза, чтобы порадовать меня накануне моего шестидесятилетия. Мистер Мэддок, как у нас в данный момент обстоят дела с технической частью Терра Олимпия?

– С технической частью почти все в порядке, мистер Адамс. Если перейдем в авральный режим работы, через месяц исправим последние недоделки. Осталось еще решить ряд организационных вопросов по лицензированию и снижению возрастного ценза для наших игроков. Дело щепетильное – после запуска жестокого Терра Нубладо все эти разрешительные комиссии до сих пор смотрят на нас косо.

– Это дело поправимое. Надавим на нужных людей, пусть суетятся – выборы на носу, скоро политики сами к нам за спонсорской помощью толпами побегут. Политику я беру на себя, доработка технической стороны проекта по-прежнему остается на вашей ответственности. Уложитесь в месячный срок?

– Сделаем все возможное и невозможное. Надеюсь, мистер Платт согласится потерпеть еще совсем недолго и не утратит свое вдохновение?

– О, Патрик, этот томительный месяц ожиданий станет для меня пыткой, так что вы уж поторопитесь, умоляю. Но я знаю, чем скрасить ожидание. Займусь изучением отчетов этого несносного хама Васкеса, дабы не повторять по незнанию его ошибок.

– Очень хорошая идея, Морган. Непременно займитесь ею. Мы не можем позволить себе наступать на одни и те же грабли. Но вы так и не прояснили до конца один щекотливый вопрос: что нам делать с Джесси. Он превосходно зарекомендовал себя в Терра Нубладо, и неразумно будет отказываться от его услуг в вашем мире. Вы не изменили своего решения насчет этого человека?

– Ни за что на свете! Никакого Проповедника в Терра Олимпия нет и не будет! Васкес потому и терпел у себя Проповедника, так как эти двое под стать друг другу – бывшие преступники. Выпускать их из тюрем было очень большой ошибкой, а допускать к созданию симулайфа – и того хуже. Я рад, мистер Адамс, что вы пересмотрели политику «Терра» и при создании симулайфа третьего поколения взяли курс на настоящее гуманное искусство. Вот увидите, вам непременно зачтется то, что вы не стали снова устраивать для игроков кровавую арену с массовой резней. Я, конечно, не наивен и знаю, что без насилия в Терра Олимпия все равно не обойтись. Такова, к сожалению, психология подавляющего большинства игроков: игра без насилия кажется им пресной и неинтересной. Но в моем симулайфе сражения станут не тупой резней, как в Терра Нубладо, а высоким искусством. В мире, где каждый обитатель может при желании забыть о законах гравитации, битвы будут выглядеть просто грандиозно. И никакой крови – это все-таки театр, где излишней реалистичностью можно и пренебречь. Получать удовольствие от игры можно и без крови – я готов доказать это и вам, и игрокам, и всему миру. Дайте только шанс, мистер Адамс!

– Всенепременно, мистер Платт. И все-таки мы настаиваем на своем: не хотелось бы оставлять за бортом вашего великолепного корабля нашего опытного просоленного матроса Джесси.

– И не просите, мистер Адамс. Для этого жуткого флибустьера на моем корабле места нет и не будет! Терра Олимпия не нуждается в Проповеднике. Чем было обусловлено его появление в мире Васкеса? Тем, что возможности дублей в Терра Нубладо являлись достаточно бедными. Игрокам хотелось полной свободы, и ради нее они не гнушались любыми средствами, в том числе запрещенными. Ваш

Проповедник просто-напросто обрезал свободолюбивым игрокам крылья. Не спорю, таковы были принципы того ограниченного мира, но в моем мире никто не посмеет ущемлять игрокам свободу! Хочешь стать богом? Пожалуйста! Только помни, что тебе придется уживаться в Терра Олимпия с другими богами. И найдете ли вы удовольствие в сражениях, если каждый из вас одарит себя бессмертием?

– Мы могли бы изменить Джесси облик и заставить его выполнять какую-нибудь безобидную работу. Могу пообещать, что он усмирит свою агрессию и станет повиноваться новым правилам игры.

– Дорогой Патрик! Я понимаю, почему вас так беспокоит судьба вашего чистильщика. Вы вложили в проект «Джесси Джеймс» столько сил и средств, что вам элементарно жаль вот так, по прихоти капризного старика, отказываться от него. Но пойти вам навстречу я не могу при всем уважении. И не из-за собственной прихоти, а опять же ради успеха нашего будущего мероприятия. Нельзя облачать волка в овечью шкуру и заставлять его ходить на задних лапках. Этот хищник неприручаем. Я бы смирился с присутствием Проповедника в Терра Олимпия, если бы в реальной жизни он являл собой порядочного законопослушного человека. Но я пока не забыл, кем являлся Джесси в действительности и каким путем он попал к профессору Эберту на операционный стол. Люди, подобные Джесси, с детства вызывают во мне стойкую антипатию, и пускать в мой мир таких, как он, я не намерен ни на каких условиях. Уж извините за неуступчивость, дорогой мой мистер Мэддок...

– Что ж, Патрик, как ни крути, но нам придется смириться с горькой правдой: Джесси – отработанный материал. Да, в мир Бета-креатора Проповедник вписался просто идеально. Но Морган Платт далек от Мануэля Васкеса, как скрипка от кувалды. Если Гамма-креатор требует у нас отказаться от проекта «Джесси Джеймс», значит, мы отказываемся. Ставить под угрозу будущее Терра Олимпия я не собираюсь.

– Прискорбно это слышать, мистер Адамс, но раз ничего не попишешь... Профессор Эберт будет очень расстроен. Мне приступит к сворачиванию проекта?

– Зачем? У Проповедника есть еще целый месяц, чтобы наслаждаться жизнью в туманном мире этого афериста Васкеса. Так что пусть пока живет – умертвить Джесси мы всегда успеем...

Решение продолжать жить я принял по возвращении из фуэртэ Саградо. Благодарить за это следовало солнце, которое всю обратную дорогу светило мне в лицо. К тому же идти назад, в столицу, приходилось практически все время под гору, так что в конце концов живительное тепло и легкость в теле направили мое настроение в оптимистическое русло.

«Ладно, проехали, – размышлял я, шагая по тракту и щурясь от ярких солнечных лучей. – Смирился с одной правдой, смирюсь и с этой. Испереживался так, будто всерьез верил, что Полина все эти годы бережно хранила обо мне память! Не хочет видеть брата, не надо. Что изменилось в конечном итоге? Все по-старому. Разве только неприятный осадок на душе остался. Да и черт с ним, с осадком, поди со временем и он растворится, как рафинад в кипятке...»

До фуэртэ Кабеса оставалось приблизительно пара дней пути, когда ко мне присоединился неожиданный попутчик. Точнее, попутчица. Я редко хаживал по туманному миру в компании, однако этой скиталице оказался рад настолько, что едва не запрыгал от счастья. Желание жить при этом только укрепилось, а все мрачные мысли моментально выветрились из головы.

Анабель «Кассандра» Мэддок сидела на придорожном камне под указателем на перекрестке трактов и, кажется, дремала. Я узнал свою давешнюю подругу по заточению издалека благодаря ее экстравагантному наряду, поразившему меня еще в башне Забвения. Девушка заметила меня, когда я подошел уже довольно близко – видимо, и впрямь пригрелась на солнце и заснула. Встрепенувшись, Кассандра знакомым мне жестом откинула со лба непослушную прядь, отчего разноцветные перстни прорицательницы сверкнули на солнце всеми цветами радуги. На диво эффектный получился жест – блеском самоцветов меня еще никто никогда не приветствовал.

Не дожидаясь, когда я подойду, Кассандра вскочила на ноги и припустила навстречу. В глазах ее тоже искрилась радость, причем куда ярче, чем перстни на пальцах. Я было подумал, что девушка с разбегу бросится мне на шею, и замер в нерешительности, однако от столь бурного проявления чувств Кассандра воздержалась. Но мне все равно стало приятно: наконец-то в этом трижды проклятом мире кто-то и впрямь искренне обрадовался встрече с Проповедником!

– Привет, Арсений! – Девушка ухватила мою руку своими теплыми ладошками и бережно, словно боясь причинить боль, пожала ее. Я тоже ответил ей улыбкой и мягким рукопожатием, заметив, что рука моя взволнованно подрагивает. Я удивился: с чего бы это вдруг – волнительная дрожь в обычной мирной

обстановке? Нехарактерное проявление эмоций для человека, хладнокровно осуществившего почти полтысячи Откровений.

– Здравствуй, – ответил я, не выпуская ладонь девушки из своих пальцев. Впрочем, Кассандра этой дерзости ничуть не противилась и одарила меня очередной улыбкой. – Как ты меня нашла?

– Отец мимоходом обмолвился, что отправил тебя вместо себя в фуэртэ Саградо, – призналась Анабель. – Решила пойти тебе навстречу, но с непривычки на солнце разморило. Присела немного передохнуть, а тут как раз ты... В Лондоне сейчас снег с дождем – туманно, слякотно и мерзко. Я пока из клиники домой добиралась, чуть с ума от тоски не сошла. Отец весь в делах, так что я, не отвлекая его, сразу сюда, к тебе...

Я вспомнил все, что рассказывал мне наемни Патрик о своей дочери, и внутри у меня сразу стало неуютно и грустно. Прямо как сейчас в Лондоне, за границей симулайфа. Немая от рождения, страдающая от тяжелой болезни и едва оклемавшаяся после мучительного приступа девушка торопится домой по промозглой погоде, чтобы поскорее вернуться в иллюзорный мир, где она вновь почувствует себя полноценным человеком... Воображенная мной картина получилась столь отчетливой, что я поневоле сник. Это не осталось незамеченным Кассандрой. Высвободив руку из моих пальцев, она тоже насупила брови и огорченно поинтересовалась:

– Вот как... Значит, ты не рад меня видеть?

– О чем ты – конечно, рад! – поспешил я утешить ее, после чего усилием воли изгнал мрачные мысли и улыбнулся, добавив в оправдание: – Просто не надеялся встретить тебя здесь. Все случилось так неожиданно... Но приятно. И ты пошла в фуэртэ Саградо только затем, чтобы отыскать меня?

– Ну ты же вернулся за мной во дворец Фило. Вот и я решила, что было бы верхом неприличия поступить с тобой так, как ты сделал в башне – ушел не попрощавшись... Шучу, конечно. К тому же я в любом случае пообещала отыскать тебя. Обещания надо сдерживать. В общем, спасибо, что не бросил меня в башне – отец сказал, что не заставлял тебя помогать ему... А я столько всего передумала, когда ты испарился прямо из-за стола. Сидел, разговаривал, и вдруг – хлоп! – только пустой стул остался. Невежливо так поступать с дамой, хоть бы записку черкнул... Ты не против, если я пару дней с тобой погуляю? Обещаю сильно не докучать.

У меня не было причин отказывать Кассандре в ее просьбе. А даже если бы и были, я все равно не прогнал бы девушку. Да пусть докучает сколько ей влезет! В кои-то веки судьба свела меня с человеком, которого не пугало и не раздражало мое общество. Раньше скитальцы пытались затесаться ко мне в спутники только затем, чтобы уговорить примкнуть к какому-нибудь альянсу, где позарез требовался лишний «ствол», либо использовать кровавое мастерство Проповедника в иных корыстных целях. Желающих разгуливать со мной ради удовольствия мне до сего дня еще не попадалось.

– И куда идем? – беззаботно осведомилась девушка, когда я заметил, что вовсе не против ее компании, и, не дожидаясь ответа, предложила: – А давай сходим в одно любопытное местечко. Здесь недалеко, часа за два доберемся. Могу поспорить, что в Терра Нубладо ты такого точно не видел.

– Что за место? – спросил я.

– Пока секрет, – загадочно подмигнула Кассандра. – Но тебе оно непременно понравится. Там так здорово. Мне рассказал о нем один скиталец, который однажды слушал мои истории про Терра Олимпия.

– Терра Олимпия? – переспросил я. – Это симулайф, который придет на смену Терра Нубладо?

– Да, и мне уже не раз доводилось там бывать, – с гордостью призналась девушка. – Отец часто позволяет мне погулять часок-другой по Терра Олимпия, так что я слежу за тем, как она создается, уже почти три года. Там все будто в сказке: фантастика, реалистичная настолько, что дух захватывает. Ни в одном фильме, ни на одной картине не увидишь подобной красоты. Знаешь, там есть такой колоссальный водопад...

– ...А неподалеку от него город, сплошь состоящий из огромных дворцов? – попробовал угадать я, живо воскресив в памяти мой единственный сон в Терра Нубладо.

– Верно, – закивала Кассандра. – Значит, и ты там побывал?

– Выходит, что да, – ответил я. – Правда, мне так никто и не объяснил, где я находился, но Терра Олимпия мне определенно понравилась. Если бы только не ее странные катаклизмы, от которых можно запросто рехнуться... И ты рассказываешь о новом симулайфе всем скитальцам, кто готов слушать твои «пророчества»? Поэтому тебя и нарекли прорицательницей?

– Поэтому и нарекли, – подтвердила Кассандра. – И куда бы я ни пришла, нигде нет недостатка в слушателях. Понятно, что названия «Терра Олимпия» я не произносила, но скитальцы легко догадывались, о чем именно идет речь. Одни полагали, что я фантазирую, другие мне верили, однако всем было интересно, что за мир придет на смену дикой анархии Терра Нубладо. Но я говорила правду. В обход Мертвой Темы, но всегда и везде только чистую правду: грядет светлое будущее. Такое, какое игроки видели до сей поры только в радужных мечтах.

– А что думал по этому поводу твой отец? Ведь ты выдавала служебные секреты «Терра».

– Поначалу бранился, но потом махнул рукой. Главных тайн я все равно не знала, а вот интерес к новой разработке его фирмы подогревала. Можно сказать, на добровольной основе занималась промоушеном. И мне это безумно нравилось: во-первых, дубль прорицательницы сам по себе уникален; во-вторых, я и впрямь страсть как люблю поболтать, и в-третьих, всегда приятно сообщать людям хорошие новости. Выслушав мои рассказы, скитальцы расходились довольные и окрыленные надеждами – разве это не прекрасно?

– Прекрасно, – согласился я, тут же подумав о своей «пастве», которой Проповедник не только не дарил надежды, но и отбирал последние. Какие мы все-таки с Кассандрой разные. Но тем не менее нас это ничуть не напрягало и, даже напротив, влекло друг к другу.

– Ну что, идем смотреть на чудо или нет? – в нетерпении переступила с ноги на ногу Кассандра. – Или серьезных и занятых скитальцев, вроде тебя и отца, чудеса не интересуют?

– Идем, – покорился я желанию прекрасной спутницы. Почему бы действительно не взглянуть на второе чудо за сегодня? Хотя я и от первого еще не отошел, поэтому сомневался, что после неожиданной и приятной встречи с Анабель найдется нечто, способное сейчас меня взволновать.

Взволновать не взволновало, но впечатление произвело. До сего момента я и не подозревал, что где-то в Терра Нубладо можно узреть подобную красоту...

Сойдя с тракта, мы с Кассандрой сначала долго шли по лесу, затем, дойдя до хребта Сьерра Вальенте, почти час поднимались по лесистому пологому склону. Путешествие оказалось утомительным, однако, когда оно подошло к концу, я убедился, что тяготы выдались не напрасными.

По всей видимости, Кассандра часто бывала в этой глуши – лично я даже после третьего посещения не запомнил бы дорогу к ее излюбленному месту для

уединения. Но девушка уверенно вела меня сквозь непролазные дебри, ориентируясь по ей одной известным приметам. В лесной чаще нам не попадалось ни тропок, ни иных следов человеческой цивилизации. То и дело вокруг нас шумели в кустах звери, причем, судя по треску веток и рычанию, достаточно крупные и недружелюбные. Но атаковать невидимые хищники не решались, хотя в туманном мире их нападение на человека не являлось такой уж редкостью. Единственная причина нерешительности плотоядной фауны наверняка крылась в Анабель, чей дубль обладал иммунитетом ко многим игровым неприятностям.

Перевалив через вершину гряды, мы начали спускаться по противоположному склону, но нисхождение наше длилось недолго. Не успел я перевести дух после утомительного подъема, как Кассандра вывела меня на неширокую террасу, ровную, но, судя по всему, образовавшуюся в склоне горы естественным путем (точнее, условно-естественным, поскольку жили мы все-таки в виртуальном мире). Едва мы вышли на террасу, как я сразу догадался, что она и была конечным пунктом нашей незапланированной прогулки. Открывшаяся панорама была достойна того, чтобы ради ее созерцания проделать это восхождение.

Кассандра, упорно хранившая цель нашего путешествия в секрете, теперь довольно поглядывала на меня, а я, в свою очередь, был не в силах отвести взгляд от живописного пейзажа, что раскинулось перед нами. Спутница деликатно помалкивала, давая мне в полной мере насладиться ощущениями, которые были родственны тем, что я пережил во время своей короткой и принятой за сон экскурсии в Терра Олимпия.

С нашей наблюдательной позиции горизонт также виделся окутанным туманом, но обозримое пространство теперь расширилось на несколько порядков, позволяя разглядеть даже шпили дворцов далекого фуэртэ Кабеса, лежащего от нас по правую руку. В этом и заключалась необычность явления: привыкнув с годами к ограниченному туманом горизонту, сейчас я чувствовал себя графом Монте-Кристо, вырвавшимся на волю после двадцати лет заточения в тесной камере замка Иф. При взгляде на масштабную панораму я даже задышал глубже и облегченнее. Место, что показала мне Кассандра, воистину обладало целительным эффектом. И блаженное ощущение легкости только усилилось, когда до меня дошло, что сегодня я вижу не сон и потому могу продлить удовольствие столько, сколько захочу.

– Спасибо тебе, Анабель, – негромко проговорил я. – Таких грандиозных подарков мне еще не дарили.

– Ага, и тебя проняло! – обрадованно воскликнула девушка. – Я пока в этой проклятой башне сидела, только и мечтала, что, если снова на свободе окажусь, сразу сюда наведаюсь. Здорово здесь, правда?

– Не то слово, – согласился я, совершая очередной глубокий и неторопливый вдох.

– На Терра Олимпия немного похоже, – заметила Кассандра, указав на далекие стены фуэртэ Кабеса. – Если тебе доводилось бывать на краю того плато, с которого водопад низвергается, ты сразу заметишь сходство.

– Нет, мне разрешили побродить в другом месте, да и то недолго, – признался я и полюбопытствовал: – А что за черные цунами в Терра Олимпия по суше перемещаются? Огромные волны, высотой километра три, не ниже. Так нарочно задумано?

– Не знаю, о чем ты говоришь, – пожала плечами прорицательница. – Никогда не видела в Терра Олимпия раскатывающих по суше трехкилометровых волн. Наверное, просто системный сбой случился – симулайф-то новый, несбалансированный.

– Да уж, такие сбои надолго запоминаются, – поежился я, вспомнив беззвучную черную стихию, что погребла меня под собой, словно букашку. – Будь я повпечатлительней и не верил бы в то, что сплю, рехнулся бы от этого зрелища.

– Кстати, хорошая примета: если тебя подключали к новому симулайфу, значит, твои благодетели уже готовят твоё переселение в Терра Олимпия, – обнадежила меня Кассандра. – Какой дубль ты хотел бы там носить?

– Пока не думал над этим, но явно что-нибудь попримечнее. – Я окинул презрительным взглядом свой изрядно поношенный плащ и стоптанные сапоги. Перспектива перебраться в мир из моего сна мне определенно понравилась. Хотелось верить, что к тому времени «Терра» разберется со всеми сбоями и недоработками.

– А я вот решила не менять себе дубль, – сообщила девушка. – Чем этот плох? Мне он всегда нравился. Как на твой взгляд?

Вопрос был задан, словно речь шла об одежде или украшениях. Что поделать: каков мир, такие в нем и ценности. Даже собственное тело оценивается здесь наряду с предметами повседневного обихода. Впрочем, у меня такое отношение к виртуальной жизни никогда бы не сформировалось. Дубль Проповедника – созданная неизвестным художником и выданная мне в долгосрочное пользование копия моего прежнего тела – являлся для Арсения Белкина сегодня куда ближе и

родней, чем его настоящее тело, чуждое и беспомощное, подключенное к капельницам и нейрокомплексу.

– Ты – самая очаровательная из всех скиталиц, которых я когда-либо встречал, – не покривив душой, ответил я, продолжая созерцать панораму. Впервые в жизни произнося девушке комплимент, я испугался посмотреть ей в глаза. И не припоминал, когда в последний раз смущался перед девушками. Да и ответ, который я дал, тоже говорил о многом. Речь шла об игровом дубле, но как и в случае с моим виртуальным телом, я отказывался считать дубль Кассандры лишь «скафандром» для путешествий по Терра Нубладо. Собственно говоря, я ведь даже понятия не имел, как выглядит Анабель Мэддок в действительности.

– Клянусь, ты никогда бы не сказал такое, если бы встретил меня за пределами Аута... – с грустью произнесла Кассандра, но голос ее оставался уверенным. Правда, это была мрачная уверенность, подобная той, с какой врачи произносят жуткое слово «неоперабельная». – Отец рассказывал тебе, чем я больна?

Я нехотя кивнул.

– Но он вряд ли сказал тебе, как выглядит его дочь в свои двадцать с небольшим лет, – предположила девушка. Действительно, об этом Патрик не упоминал. – Для него говорить на эту тему, пожалуй, еще мучительнее, чем мне. Но я уже давно свыклась со своей отталкивающей внешностью.

– Перестань, – запротестовал я. Несмотря на заверения Анабель, она явно лукавила. Говорить о себе с такой самокритичностью было что стегать себя просоленной кожаной плетью – занятие лишь для отпетого мазохиста, на которого моя собеседница вовсе не походила. Да и не в том она была возрасте, чтобы уметь полностью скрывать терзающую ее боль.

– Ну нет! – возразила Анабель. – Если отец поведал тебе о моем недуге, ты обязан знать всю правду... – И, немного помолчав, уточнила: – Я хочу, чтобы ты знал обо мне все. Это будет справедливо, раз уж мы с тобой решили...

Она не договорила о том, что мы с ней решили. Никаких общих решений, кроме как погулять вместе пару дней, мы вроде пока не принимали. Или я просто чего-то недопонял?

Словесный автопортрет, в красках нарисованный Анабель несмотря на мои протесты, оставил у меня в сознании не слишком приятный образ, впрочем, мисс Мэддок намеренно к этому и стремилась. Слабенькая, почти прозрачная девушка-дистрофик с руками-ногами спичками и непропорционально большой по отношению к телу головой; костлявые плечи, шея-иголочка, бледная тонкая кожа,

редкие пепельные волосы и влажные, воспаленные от хронического недосыпания глаза, в которых ничего, кроме вселенской усталости... Как только девушка жалилась надо мной и прекратила рассказ, я немедленно изгнал из памяти нарисованный ею образ. Уж лучше оставлю на этом месте прежний, пусть не такой детализированный, зато привычный и светлый. Какой мне прок от откровенной правды? Моя родная реальность здесь, и Анабель Мэддок являлась ее неотъемлемой частью. Именно такая Анабель – в образе прекрасной Кассандры, – какой я привык ее видеть.

– Ну что, не проникся еще ко мне отвращением? – мрачно сыронизировала девушка, ожидая, какова будет моя реакция на ее откровения.

– С какой это стати? – Я даже немного обиделся. – Почему же ты не испытываешь отвращения к старику-инвалиду, чье тело покрыто пролежнями и давно превратилось в студень?

– Для меня не имеет значения, кто ты вне симулайфа, – ответила Анабель. – И никогда не имело. Важно, каков ты здесь, и этого вполне достаточно. Общество привыкло обвинять наши игры во всяческих грехах, и больше половины этих упреков, к сожалению, справедливы. Но обвинители почему-то забывают об одном: симулайф – он ведь как зеркало. Дубль не станет хуже или лучше своего хозяина. Если твой персонаж в Терра Нубладо обманывает, предает, убивает исподтишка, нарушает клятвы и прочее, сомнительно, что за его спиной стоит человек высоких моральных принципов. И пусть в реальной жизни он – сущий ангел, все равно рано или поздно настанет момент, когда его подлая натура вылезет наружу. Здесь же этого момента ждать не надо. Ты можешь открыто исповедовать свои жизненные принципы, лелеять или губить собственную репутацию – твое право. Ты затем сюда и пожаловал, чтобы сбежать от реальности и делать то, что тебе заблагорассудится. Хочешь предать и посмотреть, что из этого выйдет, – пожалуйста. Убивать в спину тоже не возбраняется. Естественно, тебя осудят, но пережить осуждение в обличье дубля по силам даже самому совестливому человеку в мире. В Терра Нубладо мы прячем наши лица под масками, однако свои сущности при этом выставляем напоказ – в этом и заключается для меня главная положительная черта симулайфа. Если ты не вызываешь у меня неприязни здесь, вряд ли вызовешь ее в реальности. И совершенно неважно, кто ты при этом – старик-инвалид или осужденный на пожизненный срок преступник.

– Я всю свою сознательную жизнь был преступником, – признался я. Кассандра кивнула, давая понять, что отец ей тоже кое-что обо мне поведал. – Убивать, правда, не приходилось, но людей от моих поступков все равно пострадало достаточно. Мало того, признаюсь, что даже сейчас я не испытываю раскаяния за

свои грехи. Возможно, лет через десять или двадцать раскаяние все-таки наступит, но не сегодня и не завтра – это точно.

– Но ты допускаешь, что исключать этого не стоит! – подчеркнула девушка. – Так что, отпирайся, не отпирайся, но одной ногой на путь раскаяния ты уже ступил. И я наверняка не ошибусь, если предположу, в каком направлении ты двинешься дальше.

– Не исключено, что ты окажешься права, – не стал спорить я. – Но есть у меня за душой и грехи, о которых я горько сожалею уже давно и за которые мне придется расплачиваться независимо от того, покаюсь я в них или нет...

И я рассказал Анабель о том, каким отвратительным сыном и братом мне довелось быть. Во всех подробностях, не исключая и те, о которых узнал накануне от Патрика Мэддока. Это было нелегко, но я выдержал и довел свой рассказ до конца. Девушка слушала не перебивая – явно чувствовала, с каким трудом мне приходится подбирать слова. Я не занимался самобичеванием и вообще моя история мало чем напоминала покаяние. Просто бывший бандит, проживший молодость исключительно в свое удовольствие, с сожалением говорил о том, чего бы он никогда не совершил, появись у него шанс начать жизнь заново. Прожил бы Арсений Белкин новую жизнь как обещал или опять скатился бы во все тяжкие, не знал никто, даже он сам. Поэтому ожидать от судьбы столь щедрого подарка не приходилось. Она и без того уже наградила меня второй жизнью, и требовать для себя третью было бы немыслимой дерзостью.

Эта часть моей биографии также заинтересовала Кассандру. Девушка не стала выражать ни сочувствия, ни осуждения – первое мне не требовалось, а второе хоть и явилось бы справедливым, но оно безнадежно запоздало. Моя собеседница предпочла воздержаться от комментариев, вместо них она достала блокнотик и внесла в него какие-то пометки. После чего подошла к краю террасы и в молчании уселась на нагретый солнцем камень. Мне не хотелось беспокоить уклонившуюся от дальнейшего разговора прорицательницу, однако любопытство все же пересилило, и я спросил, над чем она задумалась.

– Отец сказал тебе, что ты лежишь в лондонской клинике профессора Элиота Эберта, – пояснила девушка. – Довольно странно. Я и не предполагала, что после всех скандалов вокруг имени Эберта ему разрешено продолжать медицинскую практику. Даже просто находишь он у руководства клиники, его заведение сразу бы обанкротилось. Во всем мире не нашлось бы дурака, который доверил бы свою жизнь «Маньяку» Эберту, как его в свое время пресса окрестила.

– Врач-маньяк?

– Утрировано, конечно, но то, чем профессор занимался до своего громкого разоблачения, слабо подпадало под девиз «не навреди». Страшно подумать, что Госс и Эберт когда-то вместе стажировались.

– Добрый и злой гении?

– Да нет... Первый-то и впрямь гений, а вот второй... Увенчайся варварские эксперименты Эберта над человеческим мозгом успехом, профессора и впрямь назвали бы гением. Но его жуткие опыты дали ему только прозвище «Маньяк» и репутацию второго Франкенштейна. Элиот Эберт зазывал для своих якобы научных экспериментов добровольцев из безработных и нищих, подписывал с ними заманчивые контракты, а после этого у себя в лаборатории превращал подопытных в безмозглых идиотов. Люди на всю жизнь оставались не просто инвалидами, а натуральными «овощами». Говорят, многие из них и пищу не могли потом самостоятельно принимать, не то чтобы мыслить или двигаться.

– Что за опыты проводил «Маньяк» Эберт? – Мне стало не по себе от мысли, что это животное в человеческом обличье имеет доступ к моему незащищенному, лежащему в коме телу. И не эксперименты ли кровавого профессора послужили причиной моей комы? Может быть, я зря обвиняю в этом злосчастную пулю?

– Эберт был помешан на теории, согласно которой наш мозг является не чем иным, как даром человечеству от некоего инопланетного разума, и, следовательно, носит в себе ответы на многие загадки Вселенной. В то время как Госс занимался исследованием ВМВ, Эберт выяснял, почему мы так слабо используем тот огромный потенциал, что заложен внутри нашей черепной коробки, и не позволит ли его раскрытие вывести человечество на новый уровень развития. Вот такие возвышенные цели преследовал Элиот Эберт. Только вся его помощь человечеству осуществлялась слишком нечеловеческими методами. Нацистские эксперименты по чистоте расы и те меркнут на фоне манипуляций Эберта на открытом мозге живого человека. Я видела несколько телепередач про этого живодера. Тщедушный старикашка, культурный, вежливый – и не скажешь, что за душой у него скрывается легион демонов. В общем, когда правда об антинаучной деятельности Маньяка всплыла на поверхность, такой шум поднялся, что эхо его долго по миру носилось... Да ты вроде должен помнить тот скандал – ведь он в две тысячи шестом или седьмом году разразился.

– Никаких ассоциаций, – помотал я головой после тщетной попытки припомнить нечто подобное. – Да и не особо я в те годы политикой интересовался. И что, надолго засадили этого Маньяка?

– Как же, засадишь его!.. – раздраженно бросила Кассандра. – Эберт свой зад заблаговременно прикрыл. Добровольцы по контракту сполна получили, включая солидные страховки за риск и негативные последствия от экспериментов. Правда, проку беднякам от тех компенсаций ноль, все равно все деньги на лекарства ушли. Наказание за нарушение медицинской этики Маньяк, конечно же, понес, но свободы его никто не лишал. А когда скандал улегся, об Элиоте Эberte вроде бы как позабыли... Вот я и засомневалась, откуда вдруг в Лондоне взялась клиника профессора Эберта. Хотя, окажись это правдой, значит, Маньяка реабилитировали, а если он оправдан, значит, было за что его прощать. Только за что? Каких-либо эпохальных открытий Эберт так и не совершил... Короче, ты меня заинтриговал, респетадо Белкин. Если такая клиника существует, я непременно ее отыщу.

– И наведишь бедную жертву чокнутого профессора с букетом цветов?

– Постараюсь, – Кассандра и не подумала воспринимать мои слова как шутку. – Надеюсь, ты будешь мне рад.

– Непременно буду, – подтвердил я, после чего слегка смущенно попросил: – Если все-таки попадешь ко мне в палату, сделай одолжение – ущипни меня за руку. Только крепко ущипни, изо всех сил, чтоб обязательно синяк остался – хочу почувствовать это и убедиться, что еще жив.

– О, можешь быть уверен, я заставлю тебя помучиться, – улыбнулась девушка. – Причинять людям страдания я умею...

Подтвердить или опровергнуть это признание мне еще только предстояло. Но гораздо раньше я убедился в том, что помимо страданий Анабель Мэддок может дарить и счастье. Простое человеческое счастье, которое способна дать прекрасная женщина понравившемуся ей мужчине. После этого Анабель не нужно было даже щипать меня в реальности – она убедительно доказала мне, что я жив иным, более приятным способом...

Эту ночь мы с Кассандрой провели на горной террасе под одним плащом. Наше лишенное церемонностей сближение лишней раз подтвердило высказывание девушки о спрятанных под маской лицах и выставленных напоказ сущностях. Все вышло просто и естественно. Кассандра не требовала от меня обязательного букета из комплиментов и ухаживаний, я не требовал от нее потакать моим желаниям. Проповедника влекло к прорицательнице, и ее тоже не оставил равнодушной угрюмый бродяга с загадочной биографией. В конце концов здесь, в Терра Нубладо, мы с Кассандрой были молоды, нам обоим хотелось любви, которую мы

при обоюдной симпатии могли легко друг другу подарить. Что мы и сделали уже через несколько часов, пролетевших с момента нашей встречи.

Между нами не возникло той всепоглощающей страсти, что сумела разбудить во мне лекарь Анна при помощи своего хваленого «Провокатора». И тем не менее в память об этой ночи я готов был забыть все остальные, что не оставили меня равнодушным как в симулайфе, так и за его пределами. Возможно, все дело было в искренности чувств, возможно, в чем-то еще. Собственно говоря, какая разница, из-за чего мы были счастливы? Главным было само счастье обладания друг другом, ощущения духовного и физического тепла, которое в искусственном мире было почему-то вдвойне приятней и никоим образом не походило на симуляцию.

И все-таки должна же была иметься разгадка у любви в симулайфе – мире, у обитателей которого попросту отсутствуют соответствующие гормоны. Любопытно, проводила ли «Терра» на сей счет какие-нибудь исследования. И как вообще объяснялось то, что находившиеся на расстоянии друг от друга мужчина и женщина ощущали в симулайфе столь реалистичную физическую близость? Объяснять это лишь привлекательностью виртуальных дублей и воздействием нейрокомплекса на нужные участки головного мозга игрока было как-то... неромантично, что ли? Здесь явно крылось нечто таинственное и возвышенное. По крайней мере, я бы долго оспаривал теории, основанные на одной физиологии. Было бы еще только с кем оспаривать...

Утолив любовную жажду, мы разожгли небольшой костерок, приготовили нехитрый ужин, подкрепились, а затем по обоюдному молчаливому согласию вернулись к нашему чрезвычайно увлекательному занятию. Дикая природа, уединение и экзотическое место воздействовали на меня весьма благоприятно. Это наверняка чувствовала и Кассандра, вскоре утратившая легкую скованность, что испытывала при первой близости. После этого наш «ментально-физический» контакт вошел в новую фазу интенсивности и откровенности. Как выяснилось, на самом деле моя прекрасная прорицательница обладала неплохим опытом любовных отношений, и меня распирало любопытство, что за специалист преподавал ей эту науку. Тем не менее тому наставнику следовало сказать спасибо, поскольку все его уроки были усвоены Кассандрой на твердую пятерку. Девушка умело направляла мое рвение в нужное ей русло, мне же оставалось только задавать темп, который, на мой взгляд, был для моей юной партнерши не слишком утомительным. Однако она не подгоняла меня, наоборот, всячески поощряла ласками и томными вздохами. А млеющий Проповедник при этом сильно удивлялся, откуда в нем, старике-коматознике, только берутся силы...

И без того непродолжительная ночь туманного мира сегодня показалась мне даже не ночью, а коротким солнечным затмением. Мы утомонились и уснули, когда начал заниматься рассвет. Никаких планов на грядущий день мы не строили. Единственное, что я успел подумать, прежде чем забылся в блаженной истоме, было то, что наша совместная прогулка с Кассандрой продлится явно дольше, нежели пару дней...

А наутро Анабель Мэддок меня покинула. Точнее, ее отсутствие я обнаружил ближе к обеду, когда окончательно продрал глаза и решил, что дальнейший сон уже не пойдет мне на пользу. То, что Анабель ушла, я понял не сразу, поскольку ее дубль продолжал оставаться со мной. Подтянув колени к подбородку, Кассандра в молчании сидела неподалеку и смотрела на давно погасший костер таким же потухшим взглядом. Меня она поприветствовала лишь лаконичным «здравствуй». Поначалу я было решил, что девушка пребывает в дурном настроении, но когда прочел протянутую ею записку, то понял, что прорицательница в полном порядке. Просто хозяйка ее дубля вернулась туда, куда я не мог попасть при всем желании – в реальный мир.

«Милый Арсений, – сообщала Анабель. – Будь другом, поухаживай за моей девочкой некоторое время. Без меня она слишком доверчива и легкомысленна, поэтому не вздумай приставать к ней, иначе сильно обижусь. Полагаюсь на твою исключительную порядочность. Бель».

Анабель не страдала мнительностью: после всего, что я поведал ей о своем прошлом, я бы на ее месте поостерегся полагаться на «исключительную порядочность» господина Белкина. Однако мисс Мэддок мне доверяла, и я не собирался злоупотреблять ее доверием.

Опыт общения с «бездушными» дублями у меня уже имелся. Покладистый старик Гвидо, прикрывавший мне спину при вторжении во дворец Фило, давал право надеяться, что поведение Кассандры тоже будет образцовым.

– Держись рядом и помалкивай, – приказал я ей перед тем, как выступить в дальнейший путь, и с удовлетворением отметил, что девушка безропотно подчиняется. Как и в случае с Гвидо, я не стал «за глаза» задавать Кассандре какие-либо вопросы об Анабель. Если я хотел выглядеть в глазах мисс Мэддок «исключительно порядочным», мне требовалось воздерживаться от подобных поступков.

Мы спустились с горной гряды, вернулись на тракт и зашагали в сторону фуэртэ Кабеса. Кассандра восприняла мое распоряжение буквально и следовала за мной как привязанная. Наверное, со стороны наша парочка походила на прогуливающуюся самурайскую семью – сцена, которая отложилась у меня в памяти после просмотра японского исторического фильма: муж, расправив плечи, важно вышагивает впереди, а жена семенит следом, потупив взор и не отходя ни на шаг. Мне почему-то казалось, что жители придорожных поселений начнут показывать в нас пальцами и смеяться – настолько забавно мы должны были выглядеть.

Однако уготованная нам первая же встреча с оседлыми вышла отнюдь не радостной. Улыбки и смех – вполне нормальная для оседлых реакция при встрече со скитальцами, – нас не ожидали. А тому, что ожидало, я поначалу не мог подобрать название. И что особенно неприятно: по дороге в фуэртэ Саградо в этой же деревеньке меня встречали пусть не радушно, но достаточно миролюбиво.

Вдобавок ко всему испортилась погода. За считанные минуты небо заволочло тучами, а дождь и ветер налетели с яростью прибойной волны. Неожиданный погодный каприз живо напомнил мне финал моей короткой экскурсии в Терра Олимпия. Сегодня, после заявлений Патрика Мэддока о сильно нарушенном Балансе, подобные выкрутасы симулайфа я рассматривал в порядке вещей. Прощедив сквозь зубы «то ли еще будет», я снял плащ и укутал им зябко нахохлившуюся Кассандру, чья одежда была не предназначена для прогулок по такому дождю. Сам я поднял воротник камзола, закрепил ремешком шляпу, дабы не сдуло ветром, и ускорил шаг, намереваясь поскорее добраться до фермерского поселка, где можно было переждать непогоду.

То, что в поселке не все в порядке, я догадался, как только мы с девушкой вышли на единственную деревенскую улицу, уже порядком раскисшую от воды. Дождь лил как из ведра, и оседлым давно было пора сидеть по домам, однако на улице столпилось, похоже, все местное мужское население, от безусых юношей до стариков. Сборище напоминало бы поселковое собрание, если бы не два «но»: отсутствие оратора и подозрительно флегматичное поведение собравшихся. Три десятка человек в молчании перегородили дорогу, стоя к нам спинами, и, по всей видимости, ждали кого-то, кто должен был с минуты на минуту появиться в поселке со стороны фуэртэ Кабеса. Несмотря на обыденность сцены, выглядела она достаточно жутко: мокрые взъерошенные затылки неподвижных оседлых, струи дождя, стекающие у них по спинам, и... тишина. Только плеск капель в лужах и журчание воды, сбегаящей с крыш в водостоки. Больше ничего: ни разговоров, ни хлюпанья ботинок по грязи. Аборигены стояли столбами и даже с

ноги на ногу не переминались. Не так давно Гвидо обратил в подобных истуканов оседлых рекрутов у дворца Фило. Что вогнало в ступор жителей этой деревеньки, мне было невдомек.

Я остановился в нерешительности, не приближаясь к толпе, и придержал Кассандру, чтобы та находилась рядом. Что бы здесь ни происходило, нам следовало трижды подумать, прежде чем спрашивать разрешения пройти. Я смотрел на большую группу людей и не замечал ни одного устремленного на нас взгляда. Как отреагируют на наше появление эти живые мертвецы? И надо ли вообще дожидаться, пока они обратят на нас внимание? Не лучше ли сразу обратиться отсюда подобру-поздорову?

Такой вариант понравился мне больше остальных. Обойти странную деревню околицей, а по прибытии в столицу сообщить о происшествии Гвидо – так я собрался поступить. Я поднес палец к губам, дав понять Кассандре, чтобы она держала рот на замке, после чего указал на проулок – путь нашего тихого отступления. Девушка без вопросов подчинилась, а я направился вслед за ней, стараясь поменьше чавкать ботинками по грязи.

И все бы у нас вышло удачно, не запутайся девушка в длинных полах великоватого для нее моего плаща и не плюхнись прямо в лужу. На фоне монотонного шума дождя всплеск воды мог бы остаться неслышанным, но тут масла в огонь подлил я. Не выпуская из виду оседлых, я проворонил момент, когда Кассандра упала, запнулся за ее ноги и сам растянулся в грязной воде, подняв фонтан брызг и едва не придавив собой бедную спутницу.

Звуки нашего «синхронного плавания» уже могли различить и не слишком чуткие уши. Вставая на ноги и помогая Кассандре, я со страхом наблюдал, как головы оседлых поворачиваются в нашу сторону, а их равнодушные до сей минуты лица искажаются гримасами злобы. А глаза!.. Таких глаз у живых людей мне пока не приходилось видеть. Взгляды «оттаявших» аборигенов были пронзительными и пустыми одновременно. И в то же время оседлые не походили на мертвецов, поскольку двигались достаточно резво и действовали осмысленно.

Не иначе в луже, куда упали мы с Кассандрой, находилась некая пусковая кнопка, и эту кнопку мы по неосторожности нажали. «Включенные» оседлые вышли из ступора, вмиг оживив атмосферу поселка криками и суетой, и все как один устремились к нам. Радушия в их криках совершенно не ощущалось.

Встреча с хозяевами не обещала нам ничего хорошего. Я сорвал с Кассандры плащ, дабы тот не сковывал ей движения, и приказал девушке бежать что есть духу к лесу. Сам я геройствовать тоже не собирался и припустил вслед за ней, то и дело

поскальзываясь на мокрой траве, но, к счастью, умудряясь удерживаться на ногах. Следует заметить, что преследователи испытывали при беге те же затруднения, и когда в их скученной компании спотыкался один, на него наталкивалось и, бывало, падало еще несколько человек.

Рассчитывать на спасение в лесу было нельзя, но оставаться в поселке, запершись в каком-нибудь доме, являлось куда более глупым поступком. Очумелая толпа за полчаса разнесет деревянный домишко голыми руками, а не захочет мозолить руки, то просто выкурит пленников, побросав в окна зажигательные бутылки с крепким амарго – местной разновидностью коктейля Молотова. Поэтому утомительная пробежка по лесу была для нас предпочтительнее осадного положения.

Земля в лесу еще не промокла, но бежать по мягкому дерну, запинаясь за корни деревьев, было тоже не слишком приятно. Часть преследователей – в основном старики, – вскоре отстала, но наиболее выносливые и агрессивные оседлые упорно гнали нас в глубь леса. Их не страшил даже мой «Экзекутор», который я пока не трогал – надеялся, что нас все-таки оставят в покое и все обойдется без кровопролития. Я вовсе не жалел бездушные дубли, зараженные массовой одержимостью, мне было жаль патроны. Когда по мне не стреляли, я тоже старался без особой нужды не спускать курок. Удар прикладом штуцера в зубы врага был единственным средством рукоприкладства, которое я сегодня признавал: просто, эффективно и дорогостоящие боеприпасы экономит. Раньше это обычно помогало, но сегодня вышло так, что прикладом уже не отмашешься. Так что пришлось выбрать иной, ранее не характерный для меня способ самозащиты: сверкать пятками, словно попавшийся на краже воришка.

Глубокий овраг с отвесными склонами и протекающей на дне речушкой перегородил наш путь совершенно неожиданно, и именно эта неожиданность нас спасла. Заметить мы овраг секундой-другой раньше, невольно сбавили бы темп из опасения сорваться вниз, после чего нас непременно схватили бы уже дышавшие в спину преследователи. Но мы продолжали мчаться во весь опор, сигая через кочки, корни и поддерживая друг друга, если кто-либо из нас спотыкался. Заросший по краям высокой травой овраг разинул перед нами свой зев, когда до него оставался буквально шаг, и не успели мы сообразить, как уже летели в прыжке над грязной бурной речушкой, ставшей таковой из-за дождя, не стихающего уже час с лишним.

Перемахнуть овраг с разбега мог разве что чемпион мира по тройному прыжку или одержимый Величием. Нам с Кассандрой было, разумеется, далеко до их феноменальной прыгучести, и доскочить до противоположного берега у нас не получилось бы при всем старании. Однако не все было так безнадежно. Засохшие

корни растущих рядом с оврагом деревьев торчали прямо из склона, свисая почти до воды, словно щупальца зарывшихся в землю чудовищ. Уцепиться за корни и не дать себе переломать ноги о каменистое дно было единственно верным выходом. Я едва успел перевесить штуцер на сгиб локтя, чтобы высвободить вторую руку, но все равно ухватиться как следует за влажные корни не получилось, и меня потянуло вниз. Ладони обожгло, но я сразу уперся носками ботинок в рыхлый земляной склон, и это остановило скольжение.

Кассандре повезло больше – ей под руку попался корень, конец которого врос обратно в склон. Вцепившись в эту «скобу» руками и ногами, прорицательница повисла на ней, будто амазонский ленивец, благо веса в девушке было не так много, чтобы вырвать корень из земли. Кассандре помогло и то, что она находилась на «автопилоте»: избавленный от лишних эмоций, дубль повиновался лишь инстинкту самосохранения, что давало в сложившейся ситуации несомненное преимущество. Сумела бы проделать такой трюк не слишком решительная Анабель? Возможно, да, но сказать уверенно было нельзя.

Наш отчаянная акробатика спутала планы преследователей, судя по всему, ожидавших, что овраг отрежет нам путь к отступлению. Кое-как закрепившись на склоне, я оглянулся, больше всего опасаясь, что у кого-либо из оседлых окажется при себе стрелковое оружие. В данную минуту подстрелить нас с Кассандрой было не сложнее, чем угодивших в силки зайцев, что и произошло бы, окажись мои опасения правдой.

Преследователи, выскочившие следом за нами на берег оврага, разразились яростной бранью. Некоторые взялись швырять в нас комья земли, некоторые бросились ломать длинные сучья деревьев, решив на скорую руку соорудить что-то наподобие багров или рогатин. Но десяток самых ловких и отчаянных последовали нашему примеру и тоже сиганули через овраг, рассчитывая, что им удастся если не схватить нас, то на худой конец столкнуть вниз, на камни. События принимали угрожающий поворот: я и так с трудом удерживался на весу, и о борьбе в этом неудобном положении не могло идти и речи.

Что заставило миролюбивых фермеров вдруг воспылать к нам гневом, из-за чего они очертя голову кинулись за нами даже в пропасть? На злоумышленников мы не походили, однако нас преследовали с таким упорством, словно мы успели крепко досадить каждому жителю этой безумной деревни. Ненавижу, когда бьют невиновных, тем более если невиновный – ты сам.

Четверым из десяти прыгунов не хватило разбега и они вообще не долетели до спасительных корней. Крича и размахивая руками, эти оседлые рухнули прямо в

реку, наглядно продемонстрировав мне и Кассандре, что было бы с нами, окажись мы не такими проворными. Я не следил за этими несчастными – меня больше интересовали те, кто допрыгнул до цели, – но из всех унесшихся вниз криков до моих ушей теперь долетал только один, исполненный боли и бессильной злобы. Кричавший оказался единственным из четырех товарищей по несчастью, которому посчастливилось не свернуть шею.

Шестеро оседлых, кому довелось повторить наш впечатляющий трюк, накинулись на нас, словно стая голодных макак на связку бананов. Такой экзотической борьбой в подвешенном состоянии я занимался впервые. Сил на нее уходило столько, что разумнее было бы просто разжать пальцы и не трепыхаться. Отбиваясь от разъяренных преследователей, я не сомневался, что в конце концов окажусь на дне оврага. Однако я продолжал бороться, вцепившись в корни и не желая сдаваться раньше времени.

Первый из врагов пал нечаянной жертвой своего же товарища, метнувшего в меня с противоположного берега увесистый камень. Этот преследователь приземлился на склон удачливее остальных: одной рукой он ухватился за корень, а другой – за ворот моего сюртука. Но едва оседлый собрался зарядить мне кулаком в ухо, как ему аккурат в затылок ударил ком земли. Челюсти врага клацнули, и он ткнулся лбом мне в плечо, будто решил изловить зубами блоху, после чего, закатив глаза, мешком рухнул вниз. Я тут же забыл про него, потому что сверху на меня наседали другой мерзавец, а слева, пытаясь от напряжения, подбирались по корням еще двое. Я переживал за Кассандру, которой в ближайшую минуту тоже предстояло сразиться с двумя ублюдками, подкрадывающимися к ней с выпученными глазами и пеной у рта.

Самый опасный враг зацепился за корни у меня над головой. Два его болезненных удара каблуком мне в плечо спихнули меня вниз на полметра. Отбиваясь, я замахал рукой и с третьей попытки изловил-таки оседлого за голенище сапога, а затем рванул на себя. Враг удержался, однако лишился обуви. А пока он сучил ногами, стараясь сохранить равновесие и осыпая меня комьями мокрой земли, я собрал в кулак силы и, хватаясь за корни, начал смещаться вправо, поближе к Кассандре. Меня заботило одно: висевший на сгибе локтя «Экзекутор», помощь которого пришлось бы сейчас очень кстати.

Намотав на левую руку тонкий корень, я сумел закрепиться на склоне и перехватить оружие для стрельбы. У меня в запасе было всего два выстрела – чтобы перезарядить штуцер в таком положении, требовалось отрастить как минимум еще одну руку. Упершись поудобнее спиной в склон, я первым делом начисто снес голову тому негодяю, который уже тянул свои грязные руки к

растрепанным волосам моей подруги. Лицо Кассандры обдало кровавыми ошметками – не слишком приятное ощущение для девушки, когда перед ее носом пуля разбивает человеку череп (в Терра Нубладо такие мерзости, как нарочно, были смоделированы с пугающей достоверностью). Я снова возблагодарил судьбу, что Анабель Мэддок в этот момент находилась вне симулайфа и не стала свидетелем столь отвратительной сцены.

Последней пулей было бы неплохо прикончить другого угрожающего Кассандре скитальца, однако тот подбирался к прорицательнице невыгодным для меня образом. Нельзя было подстрелить врага и не задеть при этом девушку. Слишком малое расстояние разделяло нас с Кассандрой и слишком убойной мощью обладал «Экзекутор». Впрочем, недостатка в мишенях я пока не испытывал.

То, чего я опасался, помогая девушке, можно было с успехом реализовать на другом фронте. Убить одной пулей пару крупных зайцев, находившихся на линии выстрела, было в принципе несложно. Всего пара метров отделяла от меня двух оседлых, друг за другом подбиравшихся ко мне слева. В крайне невыгодное положение угодили парни: ни спрятаться, ни пригнуться, ни убежать. Я даже не стал толком прицеливаться, поскольку с такого расстояния не промахнулся бы и ребенок...

Не успело смолкнуть эхо второго выстрела, а тела оседлых – долететь до дна оврага, как утративший сапог противник снова очутился у меня над головой и лупил меня голой пяткой с удвоенной злостью. Мне такая назойливость пришлась не по нраву. Увернувшись от очередного удара, я выбросил вверх руку со штуцером, будучи уверенным, что не промажу по одной мелкой, но стратегически важной цели...

Анатомия оседлых ничем не отличалась от анатомии скитальцев, которая, в свою очередь, один в один повторяла анатомию настоящего человека, вплоть до таких мелочей, как кожные поры и микротрещины. Неудивительно, что я так долго позволял «Терра» водить себя за нос, свято веря, что живу в реальном мире. Глядя на собственное тело, рассматривая в зеркале лицо, я не замечал никакой искусственности – все было более чем натурально. То же происходило и с физиологическими реакциями: голодом, инстинктами, болью... Неизвестно, чувствовали ли оседлые в действительности боль, однако реагировали они на нее предельно достоверно.

Стволы разряженного «Экзекутора» угодили оседлому точно в промежность и наткнулись именно на то, что и должно было там присутствовать у полноценного человека мужского пола. Противник вмиг забыл про меня. Перед ним остро встала

проблема, как теперь удержаться на склоне. Оседлому страсть как хотелось ухватиться за большое место, что не представлялось возможным, поскольку обе руки врага были заняты. Душераздирающий вой разнесся по оврагу, заставив содрогнуться даже меня – виновника сего неджентльменского поступка.

Не исключено, что страдалец все-таки стерпел бы боль и удержался, но второй тычок стволами штуцера в ту же самую цель истребил в противнике остаток стойкости. Видя, как враг срывается с корня, я поплотнее вжался в склон, чтобы оседлый не увлек за собой и меня. Проводив его прощальным взглядом, я поспешил к Кассандре. Сей же миг на меня обрушился град из камней и палок. Оставшимся на том берегу оседлым только и оставалось, что кидать в нас чем попало – после падения девяти собратьев желающих последовать их примеру больше не находилось.

До сего момента Кассандра просто держалась, повиснув на своем скобообразном корне, однако при виде приближающегося врага начала суетливо взбираться вверх. Девушка предпочла спасаться бегством, нежели вступать в «обезьянью» драку. Я и сам поступил бы так же, не маячь до этого у меня над головой противник. Проще было сначала выбраться на берег, а уже потом устраивать игры в царя горы.

Оседлый гнался за Кассандрой по пятам и карабкался куда шустрее, чем она. Я прикинул, что, двигаясь к ним по скользкому склону, вряд ли успею помочь девушке. Поэтому, стиснув до боли изодранными руками корень, я уподобился прорицательнице и полез вверх. Я рассчитывал, что выберусь из оврага и вытащу Кассандру до того, как оседлый настигнет ее и сбросит в реку. «Экзекутор» болтался на плече и всячески мешал моему передвижению: тыкался стволами в скулу, бил прикладом по коленке, оттягивал руку. Поведение старого боевого товарища нельзя было назвать иначе как саботаж, однако бросать оружие я не собирался. Мне осталось проползти около метра, в то время как Кассандре – не меньше двух. А пальцы преследователя уже хватили ее за подошвы...

Кряхтя от натуги и задыхаясь, с отбитой камнями спиной и исцарапанными в кровь ладонями, я кое-как выкарабкался на берег, вытянув себя за торчащий у кромки обрыва куст. Кассандра пронзительно кричала уже несколько секунд. Поначалу я с содроганием подумал, что она сорвалась и падает, но крик не умолкал. Не вставая на ноги, я перекатился по краю оврага туда, где девушка должна была выбраться из него, и, зацепившись ступнями за вывернутый из земли корень, свесился вниз. Работа предстояла рискованная – если у прорицательницы иссякли силы, тянуть ее вверх будет трудно. У самого-то после скоростного подъема едва хватало сил, чтобы отдышаться.

Кассандре осталось преодолеть до кромки всего полметра, когда оседлый настиг-таки беглянку и, схватив ее за лодыжку, рывками подтягивал девушку к себе. Прорицательница вцепилась в мокрый корень, но руки ее скользили и потому с каждым рывком преследователя она понемногу съезжала вниз. Оседлый хорошо закрепился на раскисшем склоне, встав ногами на тот самый скобообразный корень, на котором до этого висела Кассандра, и с безумным ликованием делал свое грязное дело. Товарищи на том берегу вторили ему гортанными воплями, в коих не было уже ничего человеческого.

Я видел, как побелевшие от напряжения пальцы моей спутницы медленно разжимаются. Еще чуть-чуть и...

– Дай руку! – взмолилась Кассандра. Вернее, это мне послышалось, что взмолилась. Голос дубля прорицательницы оставался хладнокровным, но для меня ее лаконичная просьба прозвучала как отчаянная мольба.

– Две секунды, милая! – прокричал я, извлекая из патронташа новую пару патронов. – Я скоро!..

Первой пульей я отстрелил у оседлого руку – ту, которая что было мочи тянула девушку в пропасть. И не успел еще мерзавец понять, что произошло, как вторая пуля обезглавила его и отправила туда, куда он собирался отправить Кассандру...

– Хватайся! – приказал я подруге, перехватывая «Экзекутор» за стволы и протягивая ей приклад. Кассандра из последних сил вцепилась в ремень, и мне оставалось лишь уповать, что стальные антабки на нем не разогнутся под весом девушки. Теперь предстояла самая ответственная часть спасательной операции, которую усложнял не только мой упадок сил, но и камни, продолжавшие лететь в нас с противоположного берега. Мне не терпелось выпустить в преследователей еще хотя бы пару-другую пуль, но для Кассандры сейчас была дорога каждая секунда, поэтому стрельбу пришлось отставить.

– Толкайся ногами, а то не вытяну! – прикрикнул я на прорицательницу, и она послушно начала помогать мне, вонзая каблуки сапог в склон, все выше и выше, пока я наконец не перехватил ее за руки и, медленно отползая от края обрыва, мало-помалу не вытащил девушку на берег. Земляной камень угодил ей в мягкое место, но она лишь заскрипела зубами, будучи даже не в силах вскрикнуть от боли.

Шатаясь словно пьяные, мы проковыляли несколько метров, укрылись за деревьями и в изнеможении повалились на влажную траву. Следовало срочно убираться отсюда подальше, так как не исключено, что где-то поблизости находилась переправа и наши враги уже со всех ног мчались туда. Но встать и

продолжить бегство было для нас в настоящую минуту не менее сложно, чем взлететь в воздух.

Пользуясь передышкой, я перезарядил штуцер и, давая Кассандре прийти в себя, устроился в изготовке для стрельбы, взяв под наблюдение округу. На другом берегу стало как-то подозрительно тихо. Никто не хрустел ветками, продираясь в поисках обходных путей, не орал и не бесновался от ярости. Странно, но даже выжившие при падении в овраг покалеченные оседлые и те заткнулись, будто кто-то вставил им во рты кляпы или добил из жалости. Несколько минут я пристально вслушивался в непривычную тишину, нарушаемую лишь шумом дождя да все еще осыпающимися с обрыва в воду комьями земли. Потом все же рискнул подняться и, с трудом переставляя ноги, вернулся на берег.

После всего произошедшего я уже не удивился увиденному. Вместо того чтобы вытаскивать из реки пострадавших, оседлые стояли, выстроившись вдоль берега в неподвижности, словно выстроганные по одному шаблону деревянные идолы. Глаза «истуканов» не отрываясь следили за мной, но ни криков, ни угроз в мой адрес не раздавалось. Я как будто находился под наблюдением множества охранных видеокамер, но пока не вызывал подозрения у операторов, и потому они не спешили поднимать тревогу. Пострадавшие внизу распластались на камнях и не подавали признаков жизни, хотя некоторые из них явно отделались лишь переломами ног. Походило на то, что, прогнав нас, «массовка» просто прекратила играть свою роль и теперь дожидалась следующих скитальцев, кто забредет в эти края, чтобы перед ними разыграть спектакль заново. А к нам местные жители потеряли всякий интерес.

Я попытался заговорить с оседлыми, грозил им кулаками, выражал крайнее недовольство здешним гостеприимством, потрясал оружием, обещая пристрелить еще кого-нибудь, только все было тщетно. Докричаться до впавших в ступор аборигенов не получалось. И хотя они наверняка меня слышали, до разговора так и не снизошли. Был только один способ проверить, живы они или нет – вернуться обратно, на противоположный берег. Но я воздержался от подобных экспериментов. Не так уж велико было мое любопытство, чтобы ради него идти на самопожертвование.

Перед тем как продолжить путь, я внимательно осмотрел Кассандру и пришел к выводу, что, если ее хозяйка вернется в симулайф завтра-послезавтра, Арсению Белкину будет учинена хорошая взбучка. Вернется Анабель позже, все царапины, шишки и кровоподтеки на теле Кассандры успеют благополучно зажить. В противном случае мне придется держать ответ за то, в какие передраги я втянул драгоценный дубль мисс Мэддок.

Но все это были мелочи. Происшествие, которое едва не вылилось для нас внеплановым возвращением на точку «Феникс», заставляло задуматься над тем, а стоит ли нам теперь совать нос в фермерские деревни. Однако действительно беспокоило не это, а сам характер происшествия, и вот почему. Бешенство, охватившее лошадей, носило повсеместный характер. Между бешенством животных и безумием оседлых волей-неволей возникала параллель. Отсюда напрашивались печальные выводы. Мир симулайфа погружался в войну, которой здешний свет еще не видывал. Ни один локальный конфликт не мог сравниться по масштабу с тем хаосом, что надвигался на Терра Нубладо. Бешеные лошади, чьим оружием были лишь зубы да копыта, не шли ни в какое сравнение с многочисленными и организованными сообществами оседлых. А наличие у них вооружения, мало чем уступающего скитальческим арсеналам, делало «массовку» серьезным противником. Здесь уже карательными рейдами ситуацию было не выправить. Да и о каких зачистках вообще стоило говорить, если потенциальными жертвами карателей становилось почти семьдесят процентов бездушного населения симулайфа.

О чем побоялся сообщить мне Патрик Мэддок? Что за таинственный «весовщик» скрывался за дублем Тенебросо, которому было по силам перевернуть этот мир вверх дном и против могущества которого пасовала даже «Терра» – создатель и владелец уникального симулайфа?

Баланс – единственно правильная религия, поддерживавшая устойчивость искусственного мира, катился в тартарары, и Проповедник был теперь бессилен что-либо предпринять. Настало время, когда Хаос и Порядок схлестнулись между собой на более высоком уровне. Мне же оставалось лишь безучастно наблюдать за разгорающейся схваткой со скамьи запасных и болеть за своих, победа которых ставилась сегодня под очень большой вопрос...

Глава восьмая

– Спасибо, дочка, что пригласила меня на эту встречу. Я рад, что ты позволяешь отцу хоть иногда общаться с тобой вот так, как в обычной жизни. Знаешь, я уже и не припомню, когда мы в последний раз встречались в «Бизнес-терра» и просто разговаривали... Постой, ты, кажется, чем-то взволнована?

– Да, папа... И тебе спасибо, что откликнулся на мою просьбу и нашел для меня время. Мне действительно надо с тобой очень серьезно поговорить.

– И о чем же?

– Об Арсении Белкине.

– О Джесси Дж... То есть о Проповеднике? Да я тебе и так все о нем рассказал: Белкин – бывший бандит из России, получивший травму головы и впавший в тяжелую кому. Мы случайно узнали о нем и договорились с клиникой, где Арсений находился без сознания уже много лет, о проведении небольшого эксперимента. Как видишь, он удался, и Белкин, можно сказать, получил вторую жизнь...

– Как у тебя все гладко получается, папа. Настолько гладко, что я и впрямь поначалу тебе поверила. Но ты же прекрасно знаешь, что это неправда. Сейчас даже смешно: ведь на самом деле это я сочинила легенду о коматознике, когда мы с Арсением сидели в башне Забвения. Он тут же поверил в мою версию и не придумал ничего лучше, как выложить ее тебе. Все, что от тебя требовалось, так это подтвердить ее да изобрести оправдание, почему от Белкина все эти годы скрывали правду. И дело в шляпе. Ему же все равно не узнать, говоришь ты правду или лжешь. Но зачем вам надо лгать Арсению, папа? Где Белкин находится на самом деле и что за опыты проводит над ним живодер Элиот Эберт?

– Кто рассказал тебе про Эберта?.. Подожди-ка, Бель! Я, кажется, догадываюсь, что произошло! Этот русский преступник оказался к тебе равнодушен и решил разыскать тебя, хотя я не однажды рекомендовал ему держаться от тебя подальше...

– Ошибаешься, папа. Я сама отыскала Арсения. И он давно не преступник, поэтому не смей больше называть его так! Таких скитальцев, как он, в Терра Нубладо не было, нет и не будет! Почему вы лжете ему? Почему, папа?

– Проклятье, я всегда боялся, что однажды моя дочь столкнется с «кубийцей крэкеров»! Но я, слепец, и не подозревал, как все это может обернуться на самом деле. Да, я был сильно расстроен твоей пропажей, поэтому не удержался и показал Арсению фотографию твоего дубля. Решил, что зря волнуюсь – в симулайфе так много других красавиц, и маловероятно, что Проповедник тобой заинтересуется... Но я и не подозревал, что ты способна заинтересоваться им – своенравным неприятным типом... Разве может он понравиться моей умнице Бель, подумал я. Это же просто смешно, это же... О чем конкретно он тебе рассказал?

– Обо всем, что ты ему наплел. Все эти сказки про милосердную «Терра» и доброго волшебника Элиота Эберта. И между прочим, Арсений верит тебе, папа. Верит, потому что ему больше некому верить. Однако я разузнала: нет в Лондоне

клиники такого профессора. И никогда не было: Маньяк сроду не заведовал клиниками и не занимался врачебной практикой, потому что лечить людей – это совсем не то, что ему нравится. Копаться у человека в мозгах, втыкать в них электроды, облучать радиацией и резать скальпелем во имя каких-то безумных идей – вот любимое занятие Маньяка Эберта. Поэтому или ты рассказываешь мне всю правду об Арсении Белкине, или я пересказываю журналистам твою историю о коматознике, Маньяке-рецидивисте и причастности к его опытам твоей любимой «Терра»! Уж кто-кто, а газетчики наверняка останутся довольны.

– Ты действительно сделаешь это, Бель?

– Клянусь! И не надо смотреть на меня, как на маленького ребенка! Я уже давно выросла, а ты настолько занят своей работой, что до сих пор этого не заметил.

– Да, похоже, ты и впрямь только что открыла мне на это глаза... Хорошо, я расскажу тебе об Арсении Белкине всю правду. Только хочу тебя заранее предупредить: твой новый друг обречен. Ему осталось жить в симулайфе всего полмесяца. Ни минуты больше того срока, который отмерен самой Терра Нубладо. После этого Проповедник исчезнет, и, возможно, навсегда.

– Но папа... А как же Терра Олимпия! Я ведь знаю, что вы уже подключали Арсения к новому симулайфу!

– Ничего хорошего из этого не вышло: возникла масса технических проблем, большинство которых оказались неразрешимыми.

– Но так нельзя! Арсений – живой человек, а вы лишаете его последнего шанса на жизнь! Это бесчеловечно! Это даже хуже, чем эксперименты Эберта! Неужели вы не можете ничего придумать? У вас трудятся лучшие умы планеты! С переносом дубля Кассандры у вас никогда не было проблем!

– Здесь от меня ничего не зависит, Бель. Мне самому жаль Арсения. Я сделал для него все, что мог.

– Все, что мог? Все, что мог?! Ты подарил ему вторую жизнь, и теперь ты за него в ответе! В таком же ответе, как за меня!

– Успокойся, Бель, прошу тебя. Ты захотела узнать всю правду об Арсении Белкине, и я согласился рассказать тебе о нем. Будешь слушать или нет?.. Что молчишь?

– Рассказывай.

– Вот и хорошо. И незачем преждевременно обвинять меня во всех смертных грехах. После того, как ты узнаешь, кто на самом деле твой новый друг, вряд ли тебе уже захочется защищать его и вообще встречаться с ним. Кто здесь только что твердил о том, что давно повзрослел? А раз ты, моя девочка, называешь себя взрослой, значит, должна смотреть на вещи трезвым взглядом. А по-иному тебе во взрослой жизни придется тяжело...

Имя одержимым Величием было Легион. То шестое чувство, тот внутренний индикатор, каким я раньше безошибочно выделял из толпы ярких приверженцев Дисбаланса, буквально зашкалил, когда при входе в фуэртэ Кабеса мне навстречу высыпала толпа разгоряченных скитальцев.

– Локо ! – завопил бежавший впереди парень, вскинув малокалиберное ружье и нацелив его на меня. – *Эй, все сюда! Здесь еще один локо!*

Мой «Экзекутор» мгновенно нацелился нервозному скитальцу в лоб, только парня это не слишком испугало – похоже, он истово верил в свою одержимость. Я не стрелял, лишь поспешно заслонил собой Кассандру, все еще пребывавшую в ипостаси покорной «самурайской жены». Однако вряд ли мне удалось бы защитить спутницу таким способом – количество вооруженных одержимых, на которых мы наткнулись, переваливало за полсотни.

– Конец тебе, локо ! – продолжал злобно ликовать обнаруживший нас парень. Я догадался, почему он медлит с выстрелом: слишком молод и потому хочет, чтобы старшие товарищи обязательно засвидетельствовали его триумф. И какой триумф – ухлопать в упор самого Проповедника. Авторитет начинающего игрока сразу подпрыгнет на несколько пунктов.

Я не желал становиться зачинщиком бессмысленной бойни с одержимыми. Даже под давлением служебного долга. Во-первых, ситуация сильно напоминала крыловского «Волка на псарне», с той лишь разницей, что волк-Проповедник угодил в лапы заклятых врагов не один, а со спутницей. Во-вторых, следовало ли волку грызться с псами, когда вокруг них носились отары бешеных овец? Стоит ли сегодня вспоминать о внутриродовой вражде? Я до последнего надеялся, что угрожающий мне винтовкой парень сохранил в этом хаосе хотя бы каплю разума...

– Не стрелять!!! – рявкнул на всю улицу командный голос, столь зычный, что он без труда заглушил собой гомон толпы. Державший меня на прицеле парень принялся испуганно озираться. Конечно, новичок! Какой еще идиот станет вертеть головой по сторонам под дулом вражеского оружия? Только тот, кто еще никогда

не получал в грудь пулю и продолжал считать, что перестрелки в симулайфе – всего лишь безобидное развлечение, вроде пейнтбола.

– Не стрелять! – уже тише повторил голос. Видимо, на всякий случай: трудно было поверить, что его не расслышали с первого раза.

Я не опознал главу скитальческого альянса по голосу лишь потому, что мне еще не приходилось слышать, чтобы этот скиталец говорил в таком тоне. Я и не ожидал встретить здесь респетадо Квинта – малознакомого мне игрока, которого я тем не менее относил к достойным людям.

Толпа скитальцев расступилась, пропуская вперед командира. Матерый скиталец сильно изменился с той поры, когда я виделся с ним в трактире «Посох пилигрима». С ног до головы обвешанный оружием, обмотанный патронташами, помеченный свежим шрамом на щеке, небритый и испачканный, Квинт отличался от себя самого месячной давности, как дикий лесной кот – от вылизанного домашнего сородича-лежебоки. Напяль на Квинта мою шляпу, которую я потерял вместе с плащом, убегая от оседлых три дня назад, вожак скитальцев напоминал бы Панчо Вильо. Лишь взгляд его остался прежним: пронизательным и настороженным.

– Респетадо Проповедник – не *локо* ! – во всеуслышание заявил Квинт, без опаски приблизившись ко мне и протягивая ладонь для рукопожатия, на которое я не мешкая ответил. – Кто из вас, отморожков, считает обратное, может проваливать в альянс Мстителей прямо сейчас!

И осуждающе посмотрел на скитальца, который собирался в меня стрелять. Тот потупился, виновато закашлялся, но с точкой зрения командира согласился и ряды собратьев не покинул.

– Кажется, догадался, кого вы называете *локос* , – понимающе кивнул я. Что в городе идет самая настоящая война, я понял еще на подходе к столице. Полторы недели назад я оставил фуэртэ Кабеса цветущей и спокойной, а вернулся в революционный Париж, ни больше ни меньше. Охваченная пожарами и беспорядками, столица за короткий срок изменилась до неузнаваемости. Причина этих изменений была предсказана мной еще три дня назад, едва мы с Кассандрой отбились от навязчивых обитателей той жуткой деревеньки. За это время оседлые успели не только превратиться для скитальцев в заклятых врагов, но и получить презрительное прозвище *локос* , или *локо* , что по-испански вроде бы означало «сумасшедший».

Пробираясь в фуэртэ Кабеса, мы с Кассандрой старались избегать нахоженных троп, благо заблудиться в пригородных лесах было сложно. Я не хотел рисковать доверенным мне бесценным дублем прорицательницы, и потому эти последние трое суток мы больше отсиживались в кустах, пережидая опасность, нежели продвигались вперед. Далекую канонаду и клубы дыма мы впервые расслышали вчера вечером, а до этого пришлось разминуться с несколькими шумными компаниями, шастающими по лесу с неопределенными целями. Я резонно полагал, что это были обезумевшие группы оседлых, гонявшие подвернувшихся им под горячую руку скитальцев. Однако сейчас стало очевидно, что в роли охотников с той же вероятностью могли выступать и скитальцы. Скорым на расправу бродягам достаточно было только прознать о чем-то таком, во что вляпались мы с Кассандрой, и они не мешкая отправились бы восстанавливать попорченную справедливость. В этом я лишний раз убедился, как только переступил городскую черту. Правда, не предполагал, что геноцид оседлых всего за три дня разросся до таких масштабов. Хотя кто здесь над кем учинял геноцид, еще следовало выяснить.

– Вы, похоже, не в курсе, что у нас творится, респетадо! – удивился Квинт моей неосведомленности.

– Да вроде бы все ясно, – ответил я. – Великая оседло-скитальческая война. И если она еще не прекратилась, значит, Дисбаланс, по всей видимости, продолжает править бал.

– Вы правы, респетадо, – подтвердил глава альянса. – В Терра Нубладо действительно восторжествовал Дисбаланс: локос охотятся за нами, мы – за локос. После «лошадиного бунта» эти ублюдки просто обезумели. Представляете, винят нас в том, что это мы стали причиной гибели их семей! А сами ни одной бешеной лошади не пристрелили, даже когда те у них на глазах женщин и детей копытами затаптывали. Баланс совершил катастрофическую ошибку, респетадо Проповедник, и похоже, ее не так-то просто исправить. Хочешь не хочешь, приходится воевать. Мои ребята метко прозвали эту смуту Времена Большой Охоты. Правда, закон Мертвой Темы пока в силе, поэтому, как видите, кое-что все-таки «балансирует». Но от прочих старых порядков остались только воспоминания. Баланс бросил нас на произвол судьбы, вот мы и выживаем как умеем. А вы случайно не знаете, зачем ваши покровители санкционировали весь этот беспредел?

– Я знаю о новых порядках не больше вас, респетадос, – признался я. – Сказать по правде, мне они самому не по нраву.

Ответ скитальца прозвучал для меня довольно неожиданно:

– Да не-е-ет, вы нас неправильно поняли, – отмахнулся Квинт. – Разве мы жалуемся? Может, силы Баланса и впрямь чего-то напортачили, но, если будете с ними говорить, передайте, что мы – простые скитальцы – не в обиде. Все отлично получилось: жестко, динамично, интересно и даже весело. Только надо заранее предупреждать о таких сюрпризах, а то ребята понастроили планов на будущее, а тут вдруг война, да еще такого масштаба... Эй, кого это я с вами вижу, респетадо Проповедник! Да это же Кассандра – та девчонка, которая якобы предсказывала будущее! Как странно видеть вас вместе... Вы избавили ее от одержимости?

– Она не была одержимой. Чересчур болтливой – да, но не одержимой, – сказал я и с недовольством добавил: – В отличие от некоторых ваших бойцов. Удивляюсь, как вам удастся поддерживать среди них дисциплину.

– Вас беспокоит, что среди нас столько отъявленных одержимых, не так ли? – Квинт обернулся на свое разношерстное воинство. – Но таковы правила этой войны, респетадо. Слишком жесткие правила. Они хороши для бойцов моего и вашего уровней, а вот молодым скитальцам в этой войне вообще ничего не светит. Тех из них, кто опоздал принять одержимость, локос разорвали на части еще в первый день бойни. И никто из погибших не вернулся назад.

– Почему? – настороженно прищурился я. Разговор начинал балансировать на грани Мертвой Темы.

– Храмы Огненной Птицы, – просветил меня Квинт. – Проклятые локос наглухо блокировали их, и теперь никто не может выйти из храмов наружу. Так что если наш брат-скиталец погибает на этой войне, то на сей раз...

Глава альянса не договорил, лишь беспомощно развел руками. Впрочем, все было понятно без слов. Обезумевшие оседлые окружили точки «Феникс» и взялись убивать каждого, кто возрождался на них, так сказать, еще «в колыбели». Учитывая то, что обычно скитальцы воскресали безоружными, вырваться за границы каменных кругов и спастись от оседлых являлось для воскресших весьма проблематично.

– Сегодня молодым можно простить заигрывание с одержимостью, – подытожил Квинт. – А лично я, как видите, в ней не нуждаюсь. Мне просто стыдно впасть в одержимость для войны с какими-то локос – от отсутствия боевого опыта пока не страдаю.

Я окинул взглядом столпившихся передо мной скитальцев. Действительно, молодых лиц, какие раньше встречались везде и всюду, не слишком-то и много. А те не умудренные «симу-жизнью» игроки, что здесь присутствовали, глядели на

меня исподлобья, явно в ожидании проповеди. Чуют кошки, чье мясо съели... Одержимые! Столько лет я боролся с ними, и вот настала пора, когда вынужден прощать им самый тяжкий грех этого мира. Хотя о чем это я? Отныне одержимость Величием не грех, а средство выживания. Нужны ли еще какие-нибудь доказательства в окончательном поражении Баланса?..

В кого превратился сегодня Проповедник? В свободного скитальца, каким всегда мечтал стать? Вон и маэстро Гвидо отказался от моих услуг: не лезь, дескать, Белкин, со своими картонными крыльями в стаю птиц высокого полета, не твоего скудного ума это дело... Значит, теперь я и впрямь свободен? Но что-то не греет мне душу долгожданная свобода в этом вселенском бедламе.

Благо у меня еще есть о чем мечтать. Терра Олимпия! Райская жизнь, которая, вероятно, уже не за горами. Приятно думать о рае, на который довелось взглянуть собственными глазами и куда в кои-то веки у меня появился шанс попасть...

– Не желаете присоединиться к моему альянсу, респетадо Проповедник? – осведомился Квинт.

– Арсений, – поправил я его. – Меня зовут Арсений. Кажется, Проповедник только что отправился на заслуженный отдых. Можете пожелать ему спокойной старости.

Я заметил, как молодежь, внимавшая каждому моему слову, после этого заявления заметно оживилась. Свирепый хищник отказался от охоты – чем не повод для радости?

– Респетадо Арсений... – повторил за мной Квинт. – Я непременно запомню это имя. Так что насчет моего предложения?

– Вынужден отклонить его, респетадо Квинт, – огорчил я скитальца. – Мы с Кассандрой уже навоевались. Уйдем куда-нибудь в горы, переждем смуту там. Надо только продуктами да патронами запастись. Надеюсь, лавку оружейника Чико еще не окончательно разгромили. Что, кстати, с ним самим?

– Очень жаль, что отказываетесь, респетадо Арсений, – погрустнел лидер альянса. – А вы могли бы нас многому научить. Конечно, локос в столице за эти дни заметно поубавилось, но эти гады прибывают сюда из провинций, так что покоя нам с ребятами в ближайшие две-три недели не видать. А насчет Чико... Никто из нас его не видел. Наверное, старик где-то с остальными локос ошивается. Или прикончили его уже – хоть Чико и оружейник, но вояка из него аховый. В его лавке вы сегодня вряд ли чем поживитесь, хотя... – Квинт смерил оценивающим взглядом «Экзекутор». – Не исключено, что для такого редкого ствола может что и заваялось. Только, респетадо, мой вам дружеский совет: раз уж решили

проваливать из столицы, лучше не мешкайте. На юго-западе фуэртэ Кабеса орудует альянс Мстителей. На вашем месте я бы поостерегся с ним сталкиваться.

– Альянс Мстителей? Группировка вроде вашей?

– Вроде нашей, только помимо родственников с нами целей у них имеется своя, особенная. И эта цель – вы, респетадо Арсений. Для Мстителей голова Проповедника – главная награда в Большой Охоте.

– Вот как? – удивился я. – Мстители считают меня локо? И за что они собираются мне мстить?

– Кем они вас считают, неизвестно. Их альянс сплошь состоит из бывших одержимых, которых вы однажды подвергли Откровению.

– Как же оперативно сформировалась эта компания, – хмыкнул я. – И когда только успели собраться.

– Я в курсе, что альянс Мстителей существует достаточно давно, – заметил Квинт. – Он – один из многих тайных альянсов, которых в Терра Нубладо – как грязи. Поговаривают, что в этой банде «обиженных» только официально числится больше сотни членов.

Я изумленно присвистнул – приличное сплотилось общество нелюбителей Проповедника! И не предполагал, что моя паства настолько злопамятна.

– ...И они якобы постоянно отслеживают ваше перемещение, – продолжал скиталец. – Последний раз вас видели здесь, в фуэртэ Кабеса. Причем вы пробыли в столице довольно долго, что для вас вроде бы нехарактерно. Вот эта банда и примчалась сюда по чьей-то наводке. Потом настали Времена Большой Охоты. Сколько на данный момент выжило членов альянса Мстителей, сказать не могу, но, по слухам, их группа не меньше нашей. Кого-либо со стороны они в свои ряды не принимают – только пострадавших за одержимость. И пострадавших незаслуженно, по их убежденному мнению.

– Не исключаю, что были и такие, – самокритично произнес я. – Сроду не интересовался, что за нужда заставляет скитальцев впадать в одержимость Величием. Может, и впрямь для кого-то это было вопросом жизни и смерти... Где, вы сказали, охотится альянс Мстителей? В юго-западном секторе? Это же на другом конце города! Лавочка Чико расположена совсем близко отсюда. Через полтора, максимум два часа ноги моей уже не будет в фуэртэ Кабеса.

– Мы не делили между собой территорию, – покачал головой Квинт. – Альянс «обиженных» может сейчас охотиться где угодно. Даже рядом с нами вам угрожает опасность...

Словно в подтверждение его слов на соседней улице раздалась беспорядочная стрельба и громкая брань в адрес «мерзких локос». Скитальцы забеспокоились, начав в нетерпении посматривать то на командира, то на проулок, откуда доносились выстрелы. Встрепенулся и Квинт, который тут же решил прервать нашу беседу.

– Удачи вам, респетадос! Внимательнее поглядывайте по сторонам! – бросил он на прощание и, махнув рукой своим людям, повел их продолжать карательную операцию. Судя по яростным звукам боя, воякам Квинта предстояла тяжелая работенка.

Времена Большой Охоты... Как, однако, быстро происходит в симулайфе смена эпох. И как быстро к ней приспособляются здешние обитатели. А вот мне, пожалуй, приспособиться к роли жертвы будет не так-то просто...

Вести себя в обличье Проповедника тише воды ниже травы мне доводилось редко. Для специалиста по проксимо-бою на первый план выходили иные качества: скорость реакции, меткость и умение за короткий срок конструировать в голове целостную модель грядущей схватки. Под осторожностью я подразумевал лишь искусство уклоняться от боя при невыгодном раскладе сил, отсрочивая его на некоторое время. А осторожность, какую обязан соблюдать, к примеру, маэстро шпионажа, мне при моей работе пригодились нечасто, поэтому навыки скрытности были отточены у меня отнюдь не до бритвенной остроты. Проповедник становился осторожным, только когда замечал противника, а если не замечал, значит, не считал нужным хорониться по закоулкам и подворотням. Я привык шагать по Терра Нубладо, гордо расправив плечи, а не шарахаться от каждой тени или громкого звука – как-никак статус обязывал.

Несколько последних дней хоть и изменили мое мировоззрение, но все же не переломили его окончательно. И даже известие о том, что в столице объявился некий альянс Мстителей, питающий ко мне далеко не дружеские чувства, не заставило меня взглянуть на проблему с полной серьезностью. Решив, что, как обычно, успею почуять угрозу издали, я направился в сторону оружейной лавки, пребывая в уверенности, что полностью обезопасил себя и спутницу. Места, где царил покой и грохотала стрельба, я огибал задворками, двигаясь по столице замысловатым маршрутом, какими не путешествовал по ней, даже когда

выслеживал здесь одержимых. Поэтому путь до лавки оседлого оружейника Чико занял у нас гораздо больше времени, чем предполагалось.

Едва я увидел знакомое заведение, то сразу понял, что найти в нем сегодня можно было разве что щепу для растопки печи. В окнах лавки не осталось даже рам, вырванных вместе с решетками. Дверь также отсутствовала. На стенах и вывеске виднелись отметины от пуль всевозможных калибров. Несколько тел лежало на подступах к лавке, одно свисало из оконного проема. Этот труп, судя по типично фермерскому одеянию, принадлежал локо, более-менее оригинальная одежда прочих мертвецов выдавала в них скитальцев. Картина произошедшего была ясна: первыми лавку захватили оседлые, быстро смекнувшие, от каких источников надо отрезать врагов, чтобы с успехом бить их потом и в хвост и в гриву (акция по блокированию точек «Феникс» и вовсе являлась для локос гениальным стратегическим ходом). Скитальцам, разумеется, такой поворот событий не понравился, и они ринулись на штурм, потеряли нескольких человек, но ключевой объект отвоевали. Так что окончательно разграбили арсеналы, по-видимому, уже носители естественного интеллекта. И тот факт, что лавка не охранялась, говорил о том, что в ней больше нечем поживиться нуждающемуся в боеприпасах или оружии игроку.

Да неужели? А что это там, возле входа рассыпано? Будь я проклят, если это не крупнокалиберные ружейные патроны! Жаль, издалека не определить, стреляные или нет. Впрочем, отстреливающийся из ружья человек вряд ли сидел бы так долго на открытом пространстве, он скорее всего ретировался бы за укрытие. Замеченная мной россыпь патронов больше походила на вскрытую и выброшенную упаковку. Похоже, так и есть: вон та скомканная бумажка вполне сошла бы за оберточную. Наверняка какой-нибудь скиталец от жадности нахватал всего, что попало под руку, но, выйдя на улицу, понял, что таскать лишний груз в боевой обстановке – себе дороже. Проверил на всякий случай, что внутри пачки, после чего выбросил ее за ненадобностью. Редко востребованный товар – патроны четвертого калибра; будь оружие под них распространено, можно было и оставить эти боеприпасы для последующего обмена, а так какой прок? Только карман оттягивают.

Версия показалась мне логичной. Конечно, опытный скиталец вроде Квинта избавился бы от ненужных патронов так, чтобы их случайно не подобрали враги, но сколько в столице предусмотрительных вояк вроде него? Куда больше тех, кого, кроме тупого отстрела врагов, вообще не заботит никакая тактика и осторожность. Вот я – молодец! Прежде чем кидаться на халявные боеприпасы, хорошенько осмотрелся и выждал. Осваиваюсь-таки помаленьку в суровых реалиях Большой Охоты.

Оставив Кассандру дожидаться меня под аркой одного из домов дальше по улице, я крадучись вышел из-за укрытия и, будто падальщик, подбирающийся к чужой недоеденной добыче, начал приближаться к россыпи патронов. Их было десятка два, не меньше – аккурат стандартное количество боеприпасов в упаковке. Эх, не помешало бы еще парой пачек разжиться для полного счастья. Ну да не будем забегать вперед – сначала соберу эти, а затем и в лавке пошарю...

Дикая боль обожгла бедро, а удар, вызвавший ее, уронил меня на бок. В глазах померкло, и я едва не задохнулся от шока. Спустя мгновение по ушам стеганул хлесткий и короткий звук, словно неподалеку невидимый великан переломил о колено сухое дерево. Не успел я сообразить, что к чему, как уже через мгновение левое плечо мне будто плетью огрели и второй удар перевернул меня на живот. И вновь вслед за ударом воздух разорвал громкий треск.

То ли боль в плече послужила тем клином, который вышиб из меня шок от первой боли, то ли сработал защитный инстинкт, но, как только стих второй грохот, я уже смотрел на мир незамутненным взором и полностью вник в ситуацию.

Снайперы! Треклятые снайперы, выставившие меня на перекрестный огонь, выманив из укрытия приманкой, как мальчишку – конфетой. И пусть ни оптических, ни лазерных прицелов в туманном мире не водилось, точных дальнобойных винтовок, равно как и хороших стрелков, здесь было предостаточно. У этих же снайперов отсутствие оптики было явно компенсировано одержимостью Величием. Встречались уже на моем пути стрелки, достигавшие завидной меткости запрещенными способами, вот только во всех предыдущих случаях мне всегда удавалось вычислить мерзавцев заранее. Чужло сердце: зря я спровадил Проповедника на пенсию. Сказано было в шутку, а он, кажется, воспринял это всерьез.

А ну-ка собраты! Разлегся, понимаешь, посреди улицы, будто уже ласты склеил! Не все законы Баланса еще нарушены в этом мире. В частности, тот, что регламентировал параметры ручного дальнобойного оружия, вряд ли кто-то отменил. Многозарядных снайперских винтовок здесь пока не изобрели, и любую из существующих даже маэстро стрельбы будет перезаряжать несколько секунд. Несколько секунд! Не так давно мне хватило их, чтобы подготовить к Воздаянию банду пирата Либро, а тут надо всего-то убежать из-под огня...

Раз! Два!.. Или, вернее, уже «три-четыре» – «раз-два» я потратил на раздумья... Мыслитель хренов!

Три! Четыре!

Снайперы уже заряжают в каморы новые патроны. Опираясь на руки, я подтягиваю под себя здоровую ногу и изо всех сил толкаю терзаемое болью тело в сторону двери оружейной лавки. Сразу допрыгнуть туда, естественно, не получается, ну да сразу, как известно, только кошки родятся...

Пять! Шесть!

Повторяю попытку. Теперь прыжок выходит немного ловчее – сказывается «разминочная попытка». Наверное, со стороны мои неказистые прыжки очень похожи на жабы.

Жаба с перебитой лапой...

До цели еще остается пара метров... Выстрелы? Нет, не слышно... Но вот-вот должны грянуть выстрелы. Зуб даю, что Мстители не посадили караулить Проповедника жалких дилетантов – что ни говори, метко стреляют, сволочи...

Семь! Во...

Выстрелы раздаются, когда «жаба» совершает третий и последний прыжок. Движение меня и спасает: одна снайперская пуля рикошетит от булыжной мостовой где-то позади, вторая впивается в дверной косяк в десяти сантиметрах от моего носа. Сделай стрелок правильное опережение, вместе с пулей на косяке остались бы и мои мозги...

Девять-десять!

Откатываюсь по полу в дальний угол помещения – тот, откуда снайперы не высмотрят меня в окна лавки. Теперь можно и передохнуть. Я сипло дышу, бранюсь и брызжу слюной – на меня новой волной накатывается боль. Нога и плечо кровоточат. Самое время оценить ущерб от повреждений...

Бедро было прострелено навывлет, плечо задето лишь вскользь – второй снайпер целился, когда я уже падал, так что в своем промахе он должен винить своего же напарника. Долго искать перевязочный материал не пришлось. Я разлегся на сорванной с окна шторы, на которой уже запеклась чья-то кровь. Штора была истоптана и замызгана грязью, но стоило ли переживать о стерильности в Терра Нубладо – мире, где даже мертвецы до недавнего времени воскресали? Я разорвал штору на полосы, туго забинтовал бедро, а на плечо наложил легкую повязку, лишь бы не стесняла движения. Болит, но ничего, жить можно. Жаль, бегать с прежней резвостью не получится, но я пока и не собирался покидать укрытие.

Я вспомнил о Кассандре и решил, что волноваться за нее сейчас не нужно. «Автопилотируемые» дубли хороши тем, что, получив приказ, они будут

выполнять его беспрекословно. Прорицательнице было приказано затаиться и не высовываться. Это значило, что она как мышка будет сидеть в укромном уголке до тех пор, пока не получит от меня другое распоряжение. Или до появления в симуляйфе Анабель – тут уже гарантировать покладистость Кассандры было нельзя. По моим расчетам, снайперы ее видеть не могли, так что охотиться за девушкой они не станут. В данный момент стрелков из альянса Мстителей (я не сомневался, что они были оттуда – слишком грамотно все подстроено, и наверняка каждую оружейную лавку столицы стерегли снайперы из банды «обиженных») волновал Проповедник, угодивший в ловушку и загнанный в нору, где его требовалось удержать любой ценой.

Второй выход! Разумеется, в лавке Чико имеется задняя дверь!

Дабы не тратить силы и не рисоваться в окнах, я прямо на четвереньках прополз через разгромленное торговое помещение, затем через склад и обнаружил второй выход именно там, где ему пристало быть. Замок на двери был выбит пулями, но сама дверь продолжала болтаться на петлях. Не высовываясь раньше времени, я медленно открыл ее с расстояния, зацепив ручку стволами штуцера, но уже через несколько секунд закрыл обратно. Передумать отступить задворками меня заставило то, что я рассмотрел в двух шагах от порога.

Те же аккуратно рассыпанные ружейные патроны, что и у парадной двери! Мстители были готовы к тому, что я могу заявиться в лавку с черного хода, а значит, где-то на крышах ближайших строений уютно расположилась еще одна парочка стрелков с винтовками.

Обреченность затмила мой рассудок и погасила почти весь боевой настрой. Да, внутри лавки Чико я защищен от снайперов, однако несложно догадаться, что гонцы Мстителей уже со всех ног бегут к своим главным ударным силам, чтобы порадовать собратьев хорошими новостями. Сколько времени имелось у меня в запасе до прибытия готовой к штурму ударной группы? Если ей придется добираться сюда из юго-западного сектора, то часа два. Если члены альянса окопались на соседней улице – минут пять-десять. Во втором случае у меня вряд ли получится выработать грамотную стратегию. Придется отстреливаться до последнего патрона, а потом... Конечно, Мстители будут брать Проповедника живьем – какой интерес издеваться над покойником? То, что издевательства будут долгими и изощренными, я не сомневался. Мне доходчиво напомнят обо всех четырехстах с лишним Воздаяниях и устроят такую казнь, в сравнении с которой экзекуции средневековых инквизиторов показались бы мне сеансами иглоукалывания.

Идею докричаться до Кассандры и попросить ее привести сюда Квинта я отменил сразу. Во-первых, рискованно отправлять безоружную девушку бегать по обезумевшему городу. Во-вторых, недостойно просить помощи у того, кто предельно ясно загодя предупредил меня об опасности. А в-третьих, даже если Квинт согласится помочь, это автоматически превратит его во врага Мстителей. Стравливать между собой скитальческие альянсы будет еще более недостойным поступком. Что ж, будем выкручиваться самостоятельно.

Я задержался на складе и дотошно осмотрел каждый уголок, каждый взломанный сейф в разграбленном подчистую помещении. Даже заглянул под стеллажи: не закатилась ли туда случайно парочка столь необходимых мне сейчас патронов. Пришлось с прискорбием констатировать, что Мстители унесли с собой все боеприпасы четвертого калибра; вероятно, члены этого альянса были в курсе, что такие редкие патроны имеются только в лавке Чико. Оседлый торговец никогда не держал их у себя в сейфе больше трех-четырёх пачек. И те, что были рассыпаны в качестве приманки у обеих дверей, возможно, были единственными пригодными для меня патронами во всей столице. Отличная приманка, продолжавшая испытывать мою выдержку даже сейчас. Сидя в двух шагах от кучи боеприпасов и не имея возможности набить ими карман, я напоминал голодного хищника, который давно обнаружил охотничий капкан, однако продолжал поглядывать на аппетитную приманку, истекая слюной и не в силах перебороть искушение.

Не желая становиться легкой добычей, я забаррикадировал заднюю дверь обломками стеллажей, потом подпер баррикаду двумя сейфами, после чего похромал обратно в торговое помещение. Тыл был защищен более-менее надежно. Окон на складе не имелось, что также играло мне на руку. Осталось пораскинуть мозгами, чем отвлечь снайперов, чтобы успеть слинять до того, как ко мне на огонек пожалуют старые знакомые. Я подозревал, что во Времена Большой Охоты у всех у них случился повальный рецидив одержимости Величием, поскольку горбатых, как известно, только могила исправляет. А так как для игроков могила в Терра Нубладо олицетворяла собой не конец, а начало новой жизни, стало быть, и упокоение во сырой земле никаких исправительных функций здесь не подразумевало.

Я еще не покинул склада, когда расслышал, как подстрелившие меня снайперы снова открыли огонь. Предполагая обнаружить самое худшее – покинувшую убежище Кассандру, – я метнулся к окну, но мои ожидания, к счастью, не оправдались. Снайперы палили не по прорицательнице, а по шагающему через улицу высокому человеку. Он был наряжен в черную судейскую мантию, чужеродно смотревшуюся в мире, лишенном судей. Голова незнакомца, лысая и

бугристая, как маленькая тыква, была непокрыта. Человек шел медленно и совершенно не таясь, что под огнем двух снайперов выглядело немислимой бравадой. Оружия при нем, кажется, не имелось, разве только оно скрывалось под мантией.

Я был уверен, что никогда раньше не встречал этого человека. И он не просто проходил мимо, он направлялся именно в лавку Чико. «Наверняка тоже хочет поживиться здесь чем-нибудь, – подумал я, гадая, чем вызвано у незнакомца пренебрежение к собственной жизни. Даже отъявленные одержимые не считали зазорным соблюдать элементарную осторожность. – Если доберется, конечно. По такой сверкающей лысине и близорукий не промахнется».

Но снайперы, взявшиеся стрелять поочередно с интервалом в четыре секунды, раз за разом всаживали пули в мостовую. То ли у обоих стрелков вдруг расстроилось зрение, то ли они на радостях, что поймали Проповедника, перебрали амарго, однако когда лысый господин должен был уже умереть, он продолжал идти по улице, даже не вздрагивая от грохочущих то слева, то справа выстрелов. А Мстители, явно задетые за живое своими обидными промахами, так увлеченно обстреливали его, что, похоже, напрочь позабыли обо мне. Впрочем, я не спешил воспользоваться моментом – просто чувял, что на меня подобное везение не распространяется.

Неуязвимость, которой часто грешили одержимые, выражалась у них лишь в виде исключительной ловкости и молниеносной реакции – умениях, которые честные скитальцы развивали годами. Превращать свою кожу в броню и тем более отклонять траекторию вражеских пуль игроки-крэкеры на данный момент пока не научились. Но то, что в косоглазии снайперов виновен именно идущий ко мне субъект, стало уже очевидно. Выражение его каменного лица изменилось лишь однажды, когда отколота пулей от лавочной вывески щепка оцарапала незнакомцу щеку. Отползая в дальний угол лавки, я положил штуцер на колени и взял дверь на прицел. Если «судья» надумает кинуться в драку, посмотрим, как он увернется в тесном проеме от ружейного выстрела. По зубам ли ему такой трюк: отклонить две мощные пули на короткой дистанции? Стрелять в незнакомца первым я не собирался. Принадлежи он к локос или Мстителям, тогда ладно, но незнакомец определенно был скитальцем и не имел отношения к нашим разборкам с альянсом «обиженных».

Пока лысый маячил в дверном проеме, еще две пули впились в балку у него над головой. Я не отрываясь следил за гостем, готовясь, если что, дуплетом вышвырнуть его на улицу. Заметив меня, незнакомец, впрочем, ничуть не удивился, проследовал в противоположный угол комнаты, поставил на ножки

перевернутый табурет и, приподняв полу мантии, неспешно опустился на него, не сводя с меня глаз. Взгляд странного визитера был мутным, как у пьяного.

Пока «судья» располагался, еще четыре пули, влетевшие в окна, ударили в прилавок рядом с ним. Затем стрельба стихла, хотя угол, где устроился лысый, отлично простреливался. Видимо, Мстители все-таки угомонили задетое самолюбие и решили побереечь патроны.

– Кто ты такой и что тебе угодно? – спросил я, поскольку стало очевидно, что незнакомец пожаловал сюда не за оружием.

– Мы уже встречались с тобой, Арнольд Шульц, – ответил лысый, пододвигая табурет к стене и устало прислоняясь к ней. – Это было совсем недавно в провинции Транквило. Если позабыл, напомню: на прощание мы оторвали друг другу головы.

– Тенебросо? – недоверчиво осведомился я. Медлительность лысого и его странное одеяние не вязались с образом того стремительного типа, который учинил побоище во дворце Фило. Впрочем, кому еще, как не могущественному Тенебросо, уклоняться от пуль таким невероятным способом? Да и имя Арнольда Шульца, которым назвал меня таинственный гость, Фило упоминал в его присутствии.

– Да, ты знаешь меня как Тенебросо, – подтвердил лысый. – Можешь и дальше называть меня так, хотя этого дубля зовут по-другому. Но в Терра Нубладо у меня столько имен, что некоторые из них я даже начинаю забывать.

– Надеюсь, настоящее-то еще помнишь?

– К сожалению, помню. – Ответ Тенебросо прозвучал странно. – Мануэль Васкес. Так написано в моих документах за пределами этого мира.

Присмотревшись к собеседнику, я пришел к выводу, что он не лжет. Иначе какого черта он вообще сюда явился? Всучить мне дезинформацию? Мог бы найти и более спокойное местечко.

– Твое имя мне совершенно ни о чем не говорит, – признался я. Отвечать откровенностью на откровенность я не намеревался. В отличие от Тенебросо, мне не хотелось раскрывать свое настоящее имя. – Так зачем я тебе понадобился, Васкес? Ты пришел снова меня убить?

– Вот еще! – хохотнул Мануэль. – За прошлую драку мы с тобой в полном расчете и затевать новую нам нет смысла. Ты поверишь, если я скажу, что забрел к тебе случайно? Тем не менее это правда. Иду по улице, вдруг слышу, как какой-то идиот орет другому идиоту, что они, дескать, Проповедника в плен взяли. Вот мне

и стало любопытно, врал ублюдок или нет. И впрямь не врал. А я ему зачем-то шею свернул... Да и какой мне прок от твоей смерти, амиго? Так, блажь, разве что пар со злости выпустить. А умереть тебе и без того в скором времени придется. Причем уже по-настоящему. Я это нутром чую – не светит тебе ничего в этой жизни без меня. Сначала уйду я, а за мной и ты.

– Нашел чем коматозника испугать! – буркнул я, но беспокойство все же закралось мне в душу. – Если ты знаешь, кто я в действительности, значит, тебе также известно, что Шульц – единственный скиталец, которому доводилось умирать не только в симулайфе, но и в реальности.

– И как это выглядит в реальности?

– Сказать по правде, симуляция смерти гораздо скучнее – ощущения пресные.

– Забавно, но ты меня утешил... Да, Шульц, мне многое о тебе известно, – подтвердил Тенебросо-Васкес. – Я ведь как-никак далеко не рядовой сотрудник «Терра». Впрочем, Мэддок, вероятно, кое-что тебе обо мне поведал.

– Только в общих чертах. Вроде бы ты и есть тот главный весовщик, который присматривает за весами Баланса.

– Не слишком удачное определение – весовщик... Но в чем-то верно: то, что этот мир такой, какой он есть, целиком и полностью моя заслуга. Все, что в нем происходит, инспирировано мной. Не будь я скромным человеком, давно объявил бы себя местным господом богом. Эта земля, это небо, этот город... – Тенебросо кивнул в сторону окна, – твои одежда, оружие – их тоже сотворил я. Оседлые, фауна, флора... Все мое, кроме скитальцев. Их дубли мне не принадлежат. Игроки сами создают их: кто-то – по предложенным образцам, кто-то выдумывает себе дубль самостоятельно.

– Значит, ты и есть главный программист симулайфа? – предположил я. – Что ж, рад познакомиться с гением.

– Программист? – снова рассмеялся Тенебросо. – Это я, что ли, программист? Нет, Шульц, ты заблуждаешься. Скажу по секрету: в сравнении даже с самым заштатным программистом «Терра» я в области высоких технологий – профан из профанов. И тем не менее без меня от всей этой армии толстолобых умников нет никакого толку. Моя должность называется не программист, а Бета-креатор. Ни о чем не говорит?

– Абсолютно ни о чем.

– Я так и думал. Даже в «Терра» о моем существовании знают единицы. А остальные и впрямь считают, что где-то в засекреченной лаборатории бригада самоотверженных программистов корпит в поте лица над созданием симулайфа. Святая наивность...

– Чем же конкретно ты занимаешься?

– Протираю мягкое кресло, целыми днями читаю гору скучной литературы.

– И все?

– Все.

– По-моему, ты бредишь... – Я пристально всмотрелся в мутные глаза Тенебросо, выражение которых с начала разговора так и не изменилось. – Или пьян!

– Что, не веришь мне, Шульц? Ну и не надо. Ничего больше тебе, ублюдку, не скажу!.. А ведь ты угадал: я и впрямь пьян. Разве, будь я трезвый, здесь творился бы такой бедлам? Неделю уже не просыхаю. Не в симулайфе, конечно, а там... – Имея в виду реальный мир, Тенебросо указал почему-то в пол. – Сижу сейчас в своем кресле, вторую бутылку виски за сегодня потихоньку допиваю. И вас, кретинов, между собой стравливаю. Забава, достойная бога. Смешно, не правда ли?

Вот так встреча! Одна из крупных шишек «Терра» – я был убежден, что заявление Васкеса недалеко от истины, – напилась и болтается по Терра Нубладо, в то время как должна следить за поддержанием Баланса. И не предполагал, что в этой крутой фирме такая отвратительная дисциплина. Извольте наглядный урок о вреде пьянства: стоило богу уйти в загул и забыть о своих обязанностях, как мир тут же скатился в хаос. Не по этой ли прозаической причине наступит однажды и библейский конец света? Помнится, в «Апокалипсисе» что-то даже говорится об ангелах и пролитых ими на Землю чашах. Не о пьянке ли на небесах там идет речь?

– Дай-ка попробую угадать, почему ты в загул ударился... – Наша беседа была крайне несвоевременной, однако когда бы мне еще выпал случай побеседовать со столь уникальным человеком, с которым мы, ко всему прочему, однажды оторвали друг другу головы. Безумие, скажете вы. Такова «симу-жизнь», отвечу я. И многое в ней действительно выглядело безумным. – Хоронишь свой некогда успешный бизнес? Сколько еще «Эребусов-Буцефалов» мог бы в свой гараж загнать, не обнаружь мы вашу башню Забвения?

Тенебросо долго и пристально изучал меня исподлобья, после чего осклабился и, погрозив пальцем, изрек:

– А ты парень не промах. Наверное, раньше был тот еще пройдоха. Как и я, впрочем. Восемь лет в Эйндховене! – Он с гордостью стукнул себя кулаком в грудь. – За финансовые махинации в особо крупных размерах и оказание сопротивления при аресте. А ты, я в курсе, со взрывчаткой за броневидами гонялся, так? Крупный куш, драйв и море адреналина! Знакомая ситуация.

– Не только за броневидами, – ответил я, чувствуя, как внутри у меня невольно запела струна, которую никто не задевал уже двадцать пять лет. Любопытно, а я-то считал, что струны эти давно полопались от времени. – Много чем в молодости пришлось промышлять.

– Эх, как бы я хотел с тобой выпить, Шульц! – дрогнувшим голосом произнес Тенебросо. По-моему, он даже готов был прослезиться. – Но на воле нам с тобой встретиться не суждено, а здесь я не пью. Вот ведь незадача: не торкает меня созданная мной выпивка! Всех скитальцев торкает, а меня – ну ни в какую! Почему так? Полагаю, «Терра» нарочно что-то в амарго и тропесар добавляет, дабы ее резиденты, которым приходится в симулайфе работать, не спивались на службе... А насчет похорон бизнеса, это ты, Шульц, в самую точку попал. Всегда жаль, когда тщательно выстроенная тобой большая сложная система рушится из-за какой-то дурацкой ошибки. Я с Танталом и Пираньей еще до Эйндховена был знаком. Им ведь каждому уже за пятьдесят – не верится, да? В начале века их хакерами называли, затем крэкерами... Когда после моего досрочного освобождения я сообщил этой парочке, куда меня взяли на службу, они от такой новости чуть не рехнулись. Я и не хотел поначалу ни с кем из прежних друзей общаться. Сам посуди: зарплата огромная, пенсия обещана щедрая, работа не то что непыльная – стерильнее не бывает...

– Как ты со своей репутацией вообще ее получил?

– Сам до сих пор удивляюсь. «Терра» в Эйндховене среди заключенных какие-то тесты устраивала, вот я и прошел их. Мне и досрочное освобождение только по этой причине организовали. Взяли, так сказать, на поруки.

– А что за тесты?

– Хоть убей, не помню. Всех претендентов сначала в гипнотический сон погружали и только потом тестировали... Так вот, пересеклись мы, значит, с Танталом и Пираньей после моего освобождения, хотя меня и не тянуло с ними встречаться. Но я им много чем обязан был. Не раз они мне в свое время репутацию отбеливали: документы фальшивые изготавливали, мои электронные досье в Интерполе уничтожали и все такое. Короче, долги надо было отдавать. Как – я тогда еще понятия не имел, но быстро осваивался на новой службе, и вся ее изнанка была у

меня перед глазами. Ребята согласились подождать, пока я обдумываю стратегию, в обмен на какой-нибудь мелкий секрет. Вот я и подарил им доступ к досье игровых дублей...

– Эй, да ты, похоже, совсем пьян! – воскликнул я. – Не понимаешь, чем рискуешь, признаваясь мне в таких вещах? А если я сдам тебя администрации?

– Не сдашь, – уверенно заявил Тенебросо. – Могу поспорить. У тебя, как и у меня, есть принципы, которые этим ублюдкам из «Терра» никогда не понять! И если я попрошу тебя держать язык за зубами, ты так и поступишь, разве нет? Более того, думаю, мне и просить тебя об этом не нужно.

Я примолк, не став ни подтверждать, ни отрицать это заявление. Гвидо был моим другом, но рассказывать ему о пьяных откровениях нашего врага я все равно не собирался. Да и какого, к чертовой матери, врага? Получалось, что обычного коллеги, который втихую проворачивал свои темные делишки и в итоге попался с поличным. Хочет теперь излить душу? Так и быть, пусть изливает, раз считает, что я для него достойный исповедник.

Васкес довольно ухмыльнулся, видимо, приняв мое молчание за знак согласия, после чего продолжил:

– Башня Забвения стала главным делом моей жизни, высшей точкой полета фантазии. Для меня моя башня – что «Сикстинская капелла» для Микеланджело. Даже не будь я обязан этой парочке крэкеров, я и без них сотворил бы свой шедевр. По сути, я открыл в симулайфе параллельную реальность. Тебе доводилось видеть специальные картины, на которых при долгом созерцании проявляется второе изображение? Так и у меня. Башня Забвения была тем самым скрытым рисунком, увидеть который ты мог лишь после того, как кто-либо посвященный указывал тебе на него. А коварство моей «картины» заключалось в следующем: увидев второе изображение, ты полностью сосредоточивался на нем и был уже не в силах воспринимать первое. Я обучил Тантала и Пиранию, как входить в башню Забвения и возвращаться обратно, переключая внимание между «изображениями». Однако у башни имелся еще один выход, о котором я не подозревал. Но выходом этим удалось воспользоваться только тебе, Проповедник, верный слуга Баланса, чье игровое досье обладало резервными копиями.

– Зачем вам вообще понадобилось брать в заложники меня и Анабель Мэддок? – недоуменно спросил я, вздрогнув и выглянув на улицу, откуда опять раздались шум и выстрелы. Штурм моего укрытия мог произойти с минуты на минуту, даже несмотря на то, что Тенебросо вроде бы прикончил бегущего за подмогой гонца Мстителей. Но снайперы стреляли не по нам. Несколько очумелых локос

двигались по улице, и Мстители не отказали себе в удовольствии перещелкать их сверху по одному. Уже через минуту стрельба у лавки стихла, давая возможность вновь слышать канонаду, доносившуюся из других районов столицы.

– В последние пару лет я практически отдал наш бизнес на откуп Танталу и Пиранье. Терра Нубладо процветала и развивалась, и мне стало некогда отвлекаться на мелкий побочный бизнес, – пояснил гость. – У крэкеров все шло настолько гладко, что в конце концов они попросту ошалели от легких денег и потеряли нюх. Я понятия не имел, в каком дубле расхаживает по Терра Нубладо Анабель Мэддок, но тебя-то, Шульц, я превосходно знал. Однако зажавшиеся крэкеры поленились проконсультироваться у меня, можно ли брать в заложники Проповедника или нет. Они, глупцы, считали тебя игроком-маньяком, который ради своего драгоценного дубля за ценой не постоит. Из-за этой самонадеянности и погорели.

Тенебросо примолк, потом целую минуту тупо пялился в одну точку, после чего поморщился и передернул плечами. То, чем он занимался сейчас в реальности, было понятно и без вопросов.

– Как же неудобно пить, когда у тебя на голове надета эта штуковина – нейрокомплекс... – посетовал он. – Чуть фляжку мимо рта не пронес. Даже занюхать нельзя – обоняние-то заблокировано. Вкусовые рецепторы, правда, тоже, но глотку дерет, и ладно... Хорошее виски. Жаль, не могу тебя угостить.

– Неужели тебя никто не контролирует? – полюбопытствовал я. – Не боишься, что будут неприятности?

– Попробовал бы кто без спроса войти ко мне в апартаменты! – заносчиво ответил Мануэль Васкес. – Даже Чарльз Адамс – председатель совета директоров корпорации, и тот не имеет права беспокоить меня на службе. У меня в апартаментах спокойнее и тише, чем в лаборатории точных измерений. Хотя не исключаю, что «Терра» уже понатыкала здесь всяких следящих устройств. Особенно после всего случившегося... Ты только подумай, они стали мне угрожать! Знают же прекрасно, что будет, если вывести меня из себя, а сами такое вытворяют! Я и без того был расстроен по поводу башни, а тут еще Мэддок и Адамс со своими претензиями... Я сразу смекнул: раз эти господа настолько осмелели, значит, не все так просто. Васкес не кретин! Они просто решили спровадить меня в отставку! А это значит, конец моему миру! Мы с тобой, Шульц, живем в последние дни гребаной Помпеи! Скоро в Терра Нубладо наступит полный Армагеддон, я тебе отвечаю! Все ублюдки-игроки переселят свои поганые

души в райскую Терра Олимпия, а нам с тобой суждено кануть в неизвестности. Мне – в отставку, пропивать заработанное. А тебе и вовсе в никуда!

– Что значит – в никуда? – оскорбился я. – Хочешь сказать, что я не заслужил себе теплого местечка под райским солнышком?

– Ты как никто другой заслужил себе право на райскую жизнь! – с жаром уверил меня Тенебросо. Похоже, в реальности его порядком развезло от выпитого. – Но этот чистоплюй Морган Платт, этот проклятый Гамма-креатор, таких, как мы с тобой, даже за людей не считает! Ты бы видел его рожу, когда однажды я попросился погулять по его Терра Олимпии! Позеленел, ногами затопал, заорал: «Никогда, слышите – никогда! – вы, сеньор Васкес, не будете топтать своими тюремными башмаками мои хрустальные грезы!» – и дальше в том же духе. Платт – полный шизофреник, поверь мне. Но псих с такими гениальными фантазиями, какие мне и под ЛСД не пригрезятся. Гамма-креатору тоже известно, какие башмаки ты, Шульц, носил в реальности. Неужто полагаешь, «Терра» позволит этому чокнутому гению впасть в депрессию из-за того, что ты начнешь разгуливать по его миру? Если «Терра» вдруг придется выбирать, чьей жизнью пожертвовать – Проповедника или Гамма-креатора, – лично я не дам за твою и ломаного цента...

Речь Мануэля Васкеса больше походила на пьяный бред, но, как гласила народная мудрость: что у трезвого в голове, то у пьяного на языке. Несмотря на то, что язык Тенебросо уже сильно заплетался, я не воспринял прогноз Бета-креатора касательно моей судьбы как шутку. И пусть прогноз этот не сулил мне ничего хорошего, я не собирался кусать локти из-за того, что в реальности с меня снимут нейрокомплекс и снова погрузят в коматозный сон. Разве только...

Анабель Мэддок. Девушка, которая, подобно мне, обрела в симулайфе полноценную жизнь. Только здесь мы с ней чувствовали себя настоящими людьми. Может быть, именно это обстоятельство и роднило наши души? И осознание того, что, вероятно, вскоре нам придется распрощаться, было весьма болезненным.

Странное и незнакомое ощущение – предчувствие близкого расставания. Даже когда Арсений Белкин покидал Россию, он не испытывал ничего подобного. Тогда я был убежден, что начинаю новую жизнь, ради которой следовало начисто порвать с прошлым. Даже с той его частью, вырвать которую из сердца было не так-то легко. Но я вырвал. Решительно, с болью и кровью, как вырывают при необходимости пассатижами больной зуб. Оставил на причале прошлого все: близких, бывших друзей, родные края. Теперь я понимал, почему без проблем пережил это. Не деньги, лежащие на моем счету в швейцарском банке, и не заманчивые перспективы на будущее были тому причиной. Просто в душе, где-то

на подсознательном уровне, я чувствовал, что непременно вернусь домой. Через десять, через двадцать лет, но вернусь. Вероятно, совсем другим человеком – повзрослевшим, солидным, с чистой репутацией, отмытой годами честной жизни... В общем, таким, какому будет уже гораздо проще заслужить прощение. Я почему-то верил, что родители обязательно доживут до этого знаменательного события.

Сегодня, после всего сказанного Тенебросо, во мне присутствовала иная уверенность. Учитывая годы, проведенные мной без движения на больничной койке, было несложно предсказать, сколько времени я еще протяну. Удивительно, что я вообще дожил в своем полумертвом состоянии до пятидесяти пяти лет. И потому угрожающее мне отключение от симулайфа я рассматривал как собственную смерть. Теперь уже самую что ни на есть настоящую. Единственное, что утешало, – смерть намечалась безболезненной, а такая «привилегия» выпадала не каждому неизлечимому больному. Как и Терра Нубладо, я доживал свои последние дни, и вскоре нам обоим предстояло кануть в небытие.

Что ж, пусть хотя бы эти последние дни я проведу вместе с Анабель. Не следует рассказывать ей о встрече с Тенебросо и его мрачных прогнозах. Так будет проще, когда настанет момент расставания. А он все равно настанет рано или поздно, независимо от того, прав окажется Бета-креатор или нет.

«Помни о смерти»... До недавнего времени я прекрасно помнил о прошлой смерти, но редко задумывался о будущей, поскольку жил по принципу «двум смертям не бывать...». Оказывается, я ошибался. В моем случае эта утешительная присказка должна была звучать так: «Больше двух смертей не бывать...» Правда, в отличие от первого варианта, второй меня уже не утешал...

– ...Только я был в Терра Нубладо твоим другом! Да что там другом – самым настоящим братом! – продолжал Мануэль Васкес, в очередной раз выдержав паузу, в ходе которой, похоже, снова принял на грудь. Речь изрядно захмелевшего Бета-креатора стала сбивчивой и эмоциональной. – Благодаря мне ты коптил здесь небо все эти годы! Я знал, что ты за тип, еще до того, как «Терра» выпустила тебя в мой симулайф. Но ведь не закричал же: «Эй, ублюдок, ты недостойн топтать мои грезы!» Наоборот, я разделил их с тобой по-братски и даже гордился тем, что Проповедник Шульц принадлежит к нашему роду-племени! Пусть тебе и приходилось фактически подчищать за мной грязь. Однако, несмотря на это, ты стал в моем мире великим человеком! Тебя боялись и уважали, как наверняка не боялись и не уважали при жизни! Я был богом Терра Нубладо, а ты – моим избранным! Я и ты – соль этого мира, и никакая гребаная «Терра» не сможет принизить наше достоинство! И сегодня о нас с тобой вытирают ноги – вот она,

благодарность за то, что мы заработали для этих мерзавцев миллионы! Да и плевать нам на них! Главное, наш мир будут помнить. Он был по-настоящему реален, не чета сопливой сказочке Моргана Платта, которая, я надеюсь, осточертеет всем уже через полгода. И когда это случится, тогда-то наш труд и оценят по достоинству. Только поздно окажется, поскольку ни Васкеса, ни Шульца уже не будет в той поганой реальности, где правят такие поганые законы! Мы с тобой уйдем в историю вместе с Терра Нубладо, и о нас сложат легенды! Вот за это я, пожалуй, и выпью напоследок! Но сначала я хочу, чтобы ты сказал мне спасибо! За все хорошее, что ты видел в моем мире. Просто спасибо – большего мне от тебя не надо... А?! Что там за вопли? Кого это, черт побери, сюда несет? Что за мерзавцы не дают мне спокойно поговорить с хорошим человеком!..

Снаружи раздавался гомон и топот множества ног – направлявшаяся сюда компания торопилась. Выглянув в окно, я увидел, как из-за поворота улицы показался крупный отряд возбужденных скитальцев. Знакомых среди них не обнаружилось, так что к нам приближались явно не вояки Квинта. Окончательное подтверждение этому я получил, когда глянул вверх – туда, где на крышах прятались снайперы. Оба стрелка, скрывавшиеся до сей поры за печными трубами, теперь стояли в полный рост и приветливо размахивали руками приближавшимся скитальцам.

Альянс Мстителей, похоже, заранее праздновал победу. Моя бывшая «паства» двигалась будто не на штурм, а на народное гулянье, разве что без песен и танцев. Да, теперь они могли позволить себе такую открытую демонстрацию силы. Мертвого льва, как известно, даже зайцы пинают. И пусть лев пока подавал признаки жизни, при таком количестве разъяренных зайцев это уже не имело значения.

Отправляться на заблокированную локос точку «Феникс» мне не хотелось и раньше, а теперь и подавно. Мне еще было что терять в этом мире, и прощаться с ним без борьбы я не собирался.

– Я обязательно скажу тебе спасибо, Мануэль, – пообещал я Тенебросо, – если ты окажешь мне последнюю услугу. Помогни выйти отсюда. Неподалеку меня ждет девушка, которой я много чем обязан, и мне нужно во что бы то ни стало вернуться к ней. Задержи этих ненормальных хотя бы на пару минут, и я буду благодарен тебе всю оставшуюся жизнь.

– Эта девушка – Анабель Мэддок, та самая неукротимая Кассандра? – понимающе подмигнул Бета-креатор влажным хмельным глазом.

– Верно, – не стал скрывать я. – Если бы не твоя башня Забвения, мы бы, вероятно, никогда с Кассандрой не встретились. Как видишь, даже в плохом отыскалось что-то хорошее.

– Уговорил! – Васкес расхохотался, довольно потер руки, еще раз подмигнул мне, а затем неторопливо поднялся с табуретки и сбросил с себя дурацкую мантию. На нем остался лишь черный комбинезон, похожий на тот, в каком я видел Тенебросо во дворце Фило. Без мантии лысый как глобус дубль Бета-креатора стал смахивать на Фантомаса. – Когда-то я сам разрешил этим подонкам чинить здесь беспредел. Пора искупать грехи молодости... – И посоветовал: – Сразу не беги, выжди, когда начнется веселье... В общем, удачи тебе, Арнольд Шульц.

Тенебросо провел рукой по воздуху, и в ней мгновенно появилась та самая тонкая серебристая спица, которая однажды нещадно прошла мне по шее.

– Одержимые! – презрительно бросил Тенебросо, переступая через порог. – Сейчас посмотрим, кто здесь настоящий одержимый...

Я устроился в стартовой позиции возле двери. Сквозная рана в бедре все еще кровоточила и нарывала, но спасибо щадящим законам симулайфа, уже не беспокоила, лишь тупо ныла да сводила мышцы, мешая простреленной ноге сгибаться как следует. Пока я только предполагал, с какой скоростью буду двигаться по усыпанной обломками улице, но на спринтерский темп рассчитывать уже не приходилось.

– Замрите на месте, неблагодарные! – прорычал Тенебросо жутким демоническим басом. Рык Бета-креатора был столь сокрушительным, что его, наверное, слышала вся столица. Мне не почудилось: едва мой неожиданный заступник вышел на улицу, как тут же изрядно прибавил в росте и разросся в плечах. Сейчас перед толпой оголтелых скитальцев стоял лысый трехметровый гигант чудовищной наружности и поигрывал своим необычным оружием, тоже увеличившимся пропорционально владельцу до размеров шпаги. – Замрите и не двигайтесь, пока я не позволю вам это!

От голоса Тенебросо пол подо мной завибрировал, словно рядом с лавкой проехал танк. Такой убедительный приказ остановил бы, наверное, даже несметную конницу Золотой Орды, не то что сотню агрессивных скитальцев. Первые ряды Мстителей встали как вкопанные. Бойцы из задних рядов еще несколько секунд напирали на них, но вскоре тоже умили пыл, прекратив толкать товарищей в лапы свирепому существу, которое, по всем приметам, спутало этот симулайф со сказочным Терра Куэнто. Наступившую тишину разорвали два снайперских выстрела, сделанных, видимо, для проформы – сомнительно, что стрелки на

крышах, опростоволосившиеся при стрельбе по обычному человеку, всерьез верили, что сумеют попортить шкуру монстру. Естественно, не попортили – обе пули снова прошли мимо и угодили в стену лавки.

– А ты что за пугало? – вякнул вышедший вперед скиталец, не иначе лидер альянса Мстителей. Голос его по сравнению с трубным гласом Тенебросо звучал как пастушья свирель рядом с соборным органом. – Не лезь не в свое дело! Ты хоть знаешь, кого защищаешь? Этот гад стольким хорошим людям игру поломал, что для него и казни-то подходящей в симулайфе не найти! Поймали бы урода вне Аута, с дерьмом бы смешали! А ну прочь с дороги альянса Мстителей!

Желая поддержать вожака, скитальцы тоже разразились по отношению к Тенебросо злобными выкриками и угрозами. Заклацали винтовочные затворы, кое-кто из Мстителей уже целился в преградившего им путь наглеца.

– И я столько лет позволял этим ничтожествам топтать мои грезы! – Бета-креатор даже не рычал, а изрыгал из себя похожие на слова звуки. – Вон из моего мира, жалкая кучка уродов! Во-о-он!!!

Яростный рев Тенебросо потонул в беспорядочном залпе из сотни ружей и револьверов. Я невольно вжался в пол, и вовремя: десяток пуль влетело в дверь, еще больше изрешетив и без того испещренный дырами прилавок. Но Тенебросо и бровью не повел, хотя стена позади него приняла в себя столько свинца, что пули, врезаясь в нее, наверное, слипались между собой в комки. Причем все до единой пули облетели Бета-креатора стороной, словно являлись не пулями, а стаей ос, избегающих столкновения с препятствием. Единственный непострадавший участок стены находился аккурат за спиной Тенебросо и был идентичен по форме его силуэту. А я-то, наивный, хотел отбиваться от незваного гостя при помощи штуцера! Что были бы для Васкеса две мои жалкие пули, если он без труда отвел от себя сотню.

Тенебросо в ответ на такое неповиновение рассвирепел похлеще медведя, в которого горе-охотник всадил по ошибке заряд утиной дроби. Снова земля содрогнулась от яростного рыка, а оружие Бета-креатора, напоминавшее тонкую блестящую шпагу, завращалось и засверкало на солнце быстрее спиц велосипедного колеса. Я снова получил шанс убедиться в сокрушительном потенциале этого молниеносного приспособления. Главарь Альянса был разрублен вдоль позвоночника с такой аккуратностью, что его половинки было бы не зазорно выставить в каком-нибудь виртуальном музее с биркой «дубль скитальца в разрезе». Несколько ближайших к главарю соратников, угодивших под косые рубящие удары, с хлюпаньем уронили на мостовую выпущенные кишки, разметали

отрубленные конечности и головы и забрызгали кровью бросившихся врассыпную товарищей. Пули так и летели в Тенебросо, однако он, упоенный кровавой баней, продолжал не обращать на них внимание. Заляпанный вражеской кровью и ошметками внутренностей, теперь он и вовсе не отличался от адского создания, вырвавшегося из жаркой преисподней с одной целью – утолить дикую жажду цистерной-другой человеческой крови. На Творца мира этот человекодемон уже походил слабо.

Лиса в курятнике – это о Тенебросо еще было мягко сказано. Резня, учиненная Бета-креатором, наглядно и масштабно иллюстрировала древнерусскую присказку «пустить клочки по заулочкам». Самым нерасторопным Мстителям повезло не больше, чем стае голубей, угодивших в самолетную турбину. Ворвавшись в ряды противника, гигант разил всех, кто только подворачивался под его удары. Сразу же выяснилось, кто из одержимых скитальцев вытянул козырь из колоды всевозможных одержимостей, доступных недобросовестным игрокам. Удача в этом бою благоволила не сильным и метким, а шустрым и прыгучим – тем, кто сумел вовремя ретироваться от разъяренного Тенебросо и держаться потом от него на расстоянии.

Обещанное Васкесом веселье выглядело весельем только для него. Безумно хохоча, он и впрямь испытывал неподдельное удовольствие от чинимой расправы. Буквально за несколько секунд Тенебросо сместил меня с пьедестала почетных врагов альянса Мстителей, отобрав мой титул при помощи безжалостной жестокости, против которой методы Проповедника выглядели более чем гуманно.

Бежать из укрытия было все еще опасно – стрельба по Тенебросо продолжалась и пули свистели повсюду. Однако я опасался, как бы Мстители не разделили силы. Обуздав панику, они могли оставить самых расторопных бойцов отвлекать гиганта и под их прикрытием отправить остальных доводить до конца главную задачу, из-за которой и был сформирован их альянс. Не дожидаясь, пока это произойдет, я выскочил из лавки и похромал прочь, держась ближе к стенам зданий, где то и дело попадались пригодные для укрытия выступы. Двигался я медленно, поэтому ни на секунду не выпускал из виду того, что творится у меня за спиной.

Звон стекла и вспыхнувшее прямо в гуще схватки пламя на миг ослепили меня, но я живо смекнул, что Мстители пустили в ход зажигательные бутылки с амарго, видимо, припасенные для выкуривания Проповедника из убежища. Кто-то из скитальцев все же изловчился в пылу кровопролития запалить фитиль и швырнуть бутылку в Тенебросо, что и послужило сигналом для остальных. Тратить драгоценные секунды на поджигание фитилей больше не требовалось: огонь

вспыхнул прямо под ногами гиганта, и все, что было необходимо Мстителям, так это быстро набросать в пекло как можно больше бутылок с горючим.

Крепкий амарго полыхает не хуже бензина. Сколько литров этого напитка было выплеснуто на мостовую, сказать трудно, но вслед за первой бутылкой полетели другие, зазвенев так, словно посреди улицы были опрокинуты несколько бутылочных стеллажей. Огонь чередой вспышек взметнулся вокруг Тенебросо, становясь с каждой брошенной бутылкой все выше и яростнее. Сокрушительный, как раскрученный маховик, гигант тем не менее был не слишком проворен. Едва он попытался выскочить из огненной бури, как возле него тут же разбивались новые бутылки, содержимое коих мгновенно занималось жарким пламенем.

Брешь в защите Тенебросо отыскалась быстро. По злой иронии судьбы, дубль Вакеса сгубила местная выпивка, которая, по его словам, не производила на него никакого эффекта при приеме вовнутрь. Отклоняющий пули и шутя рассекающий тела на части, Тенебросо оказался беззащитен против тактики, заготовленной Мстителями для загнанного в ловушку Проповедника. Либо Бета-креатор допустил ошибку при создании своего непобедимого дубля, либо просто не счел нужным сделать его «огнеупорным», но огненная стихия прикончила Тенебросо довольно быстро. Объятый пламенем, гигант сопротивлялся до последнего. Он дико ревел от боли, стараясь при этом удержаться на ногах, и даже норовил продолжить схватку. Но сил у него хватило лишь на то, чтобы в отчаянном предсмертном рывке броситься на ближайших врагов и подмять их под себя. Подняться Тенебросо уже не смог. Трое или четверо сгоревших вместе с ним Мстителей оказались последними жертвами этого безумца, и впрямь сумевшего продемонстрировать им, а также мне, как выглядит подлинная одержимость Величием. На обуздание такой одержимости требовался целый батальон Проповедников, обладающих куда более могущественными талантами, нежели слова Откровения.

Огонь перекинулся на лавку Чико и пару соседних с ней зданий, озаря оранжевыми бликами улицу, усеянную останками тел и обильно омытую кровью. Место отгремевшего побоища напоминало Ад в его классическом представлении. Выжившие скитальцы опустили оружие и пялились на труп сожженного врага, до сих пор не веря в свое везение.

– Спасибо тебе, Тенебросо, – вполголоса проговорил я, выполняя данное обещание. – Век этого не забуду, амиго.

И горько усмехнулся: ишь ты, замахнулся – век! Дали бы протянуть еще несколько недель, и то хорошо...

Мне следовало поторапливаться. Снайперы, проморгавшие мое бегство, уже упустили возможность подстрелить меня с крыш и теперь что-то яростно кричали своим приходящим в чувство соратникам – по всей видимости, указывали, куда я направился. Тенебросо серьезно потрепал альянс Мстителей, однако не настолько, чтобы те отказались от своего первоначального плана. Подстреленный и улепетывающий Проповедник являлся для них лакомой дичью, поимка которой после такой кровавой бани переросла для «обиженных» из простого стремления поквитаться в вопрос принципа.

Заслышав, как крики снайперов подхватывает ор разъяренных голосов, я взялся еще энергичнее перебирать ногами. Подобрал обломок деревянного шеста, я использовал его в качестве посоха, после чего продвижение мое пошло живее. До убежища, в котором меня дожидалась Кассандра, оставалось пройти всего ничего, но как потом отделаться от навязчивых преследователей, я даже не представлял. Впрочем, лабиринты столичных улиц вселяли в меня надежду. Окажись мы с девушкой в открытом поле, тогда и впрямь не стоило трепыхаться. Но пока руки мои не дрожали, а ноги пусть с трудом, но передвигались, сдаваться было рановато. Не для того пал смертью храбрых безумец Тенебросо, чтобы дать мне пробежать всего сотню метров. Наверное, Проповедник, ты и впрямь чего-то стоишь, если ради тебя пожертвовал жизнью сам Творец...

Глава девятая

– Когда это случилось?

– Вчера вечером, мистер Адамс.

– И вы докладываете мне об этом происшествии только сейчас?!

– Ну вы же понимаете, мистер Адамс: никто из нас не имел права беспокоить Бета-креатора в его апартаментах. И в том, что Васкес подолгу не покидал их, не было ничего странного.

– А камеры наблюдения? Их же там полдюжины, не меньше!

– Мануэль Васкес перерезал себе вены, принимая ванну. Когда в свое время мы оборудовали ему рабочее место, то сочли, что камеры в ванной комнате – явный перебор.

– Проклятье, Патрик! Какой может быть перебор, если речь идет о таком важном сотруднике, как креатор?! Вы допустили промашку и я это так не

оставлю!.. Дьявол, не могу в это поверить: Васкес, бывший преступник, человек со стальными нервами, и вдруг кончает жизнь самоубийством. Что на него нашло?

– Перед тем как покончить с собой, Бета-креатор выпил примерно литр виски.

– Что?! У него в апартаментах было виски?! Но как это-то ускользнуло от ваших видеокамер?

– Мануэль был достаточно изобретателен, мистер Адамс. Работая в нейрокомплексе, он всегда пил много жидкости. У него под рукой постоянно находилась его любимая сувенирная фляжка – якобы чей-то подарок. При случае мы всегда проверяли, что Васкес в нее заливал. Обычно это был какой-нибудь сок. Но вчера во фляжке оказалось виски.

– Еще один ваш просчет, мистер Мэддок, еще один катастрофический просчет... Впрочем, не только ваш: зря я тогда вызвал Васкеса на откровенный разговор. Пусть бы себе доработал спокойно, а потом бы и разбирались. Ну да что теперь поделывать... Полицию вызвали?

– Да, скоро придут. Не думаю, что у них возникнут какие-либо сомнения по поводу причины смерти Бета-креатора. Эмоциональное перенапряжение, нервный срыв... По себе знаю, насколько непереносимо это бывает.

– Но вы же, Патрик, не лезли из-за этого в петлю, хотя вам тоже порой приходилось несладко, особенно на первых порах.

– У меня семья, мистер Адамс. Это достаточно сильный стимул для того, чтобы жить. А Мануэль Васкес был одинок, и даже деньги не смогли удержать его на этом свете.

– Странно, всегда полагал, что его только деньги и интересуют... вернее, интересовали. Хотя, что мы в действительности знали об этом Васкесе? Только то, что у него была чрезмерно богатая фантазия. Не вздумайте сообщать о его смерти Гамма-креатору! Морган Платт находится на небывалом эмоциональном подъеме, и ничто не должно выбивать его сейчас из рабочего настроения. Лучше позаботьтесь о том, чтобы трагедия Васкеса не повторилась и с Платом. Этот человек, при всей своей уникальности, психически совершенно неуравновешен.

– Зато он безобиднее плюшевой игрушки и вряд ли пустится в сомнительные авантюры, как покойный Мануэль.

– Да, в случае с Гамма-креатором это несомненный плюс... Что ж, бедняга Васкес просто не оставил нам иного выбора, как досрочно свернуть проект Терра Нубладо. Нам грозят убытки, но к счастью – спасибо старине Моргану, – не

слишком крупные. Приступайте к ликвидации второго симулайфа, мистер Мэддок.

– Хорошо, мистер Адамс. Материала, что Васкес неделю назад передал ВМВ-дизайнерам, хватит еще на три дня полноценного функционирования Терра Нубладо. Мы оповестим об этом через новостные каналы всех наших клиентов.

– Надеюсь, их возмущение не выльется в массовые беспорядки?

– Массовые беспорядки уже давно начались, мистер Адамс. Не здесь – в симулайфе. Из-за предоставленного Бета-креатором недоброкачественного материала в Терра Нубладо сейчас тотальный дисбаланс, который уже не выправят ни ВМВ-дизайнеры, ни Джесси. Мир симулайфа в хаосе, и всяк творит там сегодня все, что горазд. Я беспокоюсь о дочери, которая все еще любит нашу игру, даже столь сомнительного качества. Поэтому я и не жалею, что вы приказали закрыть исчерпавший себя проект. Конечно, когда-то он безумно нравился Анабель, но сегодня она почти не получает удовольствия от игры. Видимо, из-за этого моя девочка вот уже несколько дней не садится в гейм-кресло, что раньше было для нее нехарактерно.

– Уверен, Патрик, ваша дочь утешится, когда узнает, что уже через пару недель мы откроем Терра Олимпия.

– О, для нее это будет большой праздник, мистер Адамс. А когда Анабель счастлива, мне в жизни больше ничего не надо...

Уносить ноги от альянса Мстителей пришлось в сторону центра столицы. Будь у меня выбор, я бы, конечно, дунул к окраинам. Затеряться в лесах и пересидеть вместе с Кассандрой «последние дни Помпеи» в тиши и уединении – кто скажет, что я не заслужил себе такой прощальный отдых? А еще лучше было бы вернуться на наше укромное местечко в горах, куда точно не заявятся ни локос, ни Мстители. Но обстоятельства вынуждали нас бежать в другом направлении. Охотники знали все вероятные пути нашего бегства и потому перегруппировались таким образом, чтобы не дать нам улизнуть по соседним улицам. Скитальцы травили нас широким фронтом, контролируя сразу несколько улиц, а надумай мы спрятаться в одном из многочисленных узких переулков, то мгновенно оказались бы заблокированы в нем с обеих сторон. Дозор преследователей постоянно удерживал нас в поле зрения и не давал шанса даже перевести дух, не то чтобы незаметно юркнуть в какую-нибудь дверь или подворотню.

Умница Кассандра все время тянула меня за руку, тем самым помогая не сбиться с темпа и даже в некотором роде придавая силы. «Экзекутор» тоже несла девушка. Я же полностью сосредоточился на своем импровизированном посохе и неровностях булыжной мостовой, споткнуться на которой хромоногому калеке было раз плюнуть. Куда бежать и где скрыться – два вопроса, требующие от меня срочных решений. Но «срочные» еще не означали «правильные». Второй раз загонять себя в ловушку я не собирался. Пока нас с Мстителями разделяло хоть какое-то расстояние, я продолжал покрикивать на Кассандру, дабы поменьше озиралась на меня и зорче смотрела вперед.

«Обиженные» до сих пор не настигли нас только потому, что два раза они ввязывались в перестрелки с мелкими группками локос. Нам с Кассандрой тоже пришлось однажды отбиваться от трех оседлых, кинувшихся на нас с ножами и саблями из какой-то подворотни. Нам удалось разобраться с возникшей проблемой прямо на ходу. Завидев бегущих локос, Кассандра без лишних напоминаний перебросила мне штуцер, и я, не сбавляя шага, уложил агрессивную троицу еще на подходе. Очевидно, крупных формирований локос в центре уже не осталось, и основные бои шли сейчас возле четырех городских ворот. Это подтверждал и характер канонады, доносившейся отовсюду: с севера – откуда мы явились – и востока – умеренный, с запада – гораздо громче, а на юге, кажется, всю кипела настоящая Сталинградская битва. Как и предполагал Квинт, локос стягивались к столице со всех окрестных провинций, не давая скитальцам и дня передышки. Удивительно, как нас угораздило проскочить в город – наверное, мы угодили akurat в период затишья между атаками оседлых. Да еще повезло, что наткнулись на группу Квинта – любой другой глава альянса, вероятно, и разговаривать бы с нами не стал, пустил в расход не колеблясь, как вражеских лазутчиков.

Ну и ляпнул: повезло!.. Вот бы всем так везло, как нам с Кассандрой! Хотя, если брать в расчет те беды, которых мы уже сегодня избежали, пока нам и впрямь фартило. И теперь, перефразируя известную песенку моей юности про лето, я молил, чтобы везение наше не кончалось и всегда за нами мчалось, за нами вслед... Но сейчас нам в затылок дышало отнюдь не везение, а настоящее проклятие, о существовании которого я узнал всего несколько часов назад и которое уже измотало нас до предела.

Главная площадь фуэртэ Кабеса, которая была примерно равна по величине самой крупной виденной мной в реальности площади – харьковской площади Свободы, – являлась далеко не идеальным маршрутом для бегства от хорошо вооруженных преследователей. Уличные повороты и выступы зданий позволяли нам избегать выстрелов в спину, здесь же, на открытом пространстве, эта угроза смертельной

тенью замаячила над нами, приближаясь с неизбежностью Страшного Суда. Поэтому я не рискнул пересекать опасный участок напрямую, предпочитая держаться вблизи окружающих площадь зданий. Мне было уже без разницы, куда улупетывать. Я просто планировал добраться до ближайшей уводящей с площади улицы и свернуть на нее. Она вела в южный сектор столицы – самый беспокойный, но не об этом следовало сейчас переживать. Главное, побыстрее ретироваться в лабиринты кривых улочек, по которым при удачном стечении обстоятельств можно было петлять до бесконечности.

Я уже обрел уверенность, что все у нас получилось, когда прямо из-за того поворота, к которому мы бежали, вырулила большая компания локос, человек пятнадцать-двадцать, по грубым подсчетам. У меня внутри все похолодело, и я едва не загремел на мостовую, угодив от растерянности посохом в сточный желоб.

Локос одновременно повернули головы в нашу сторону и так же дружно бросились к нам. Только агрессивные вопли оседлых звучали вразнобой, но все их угрозы сводились к одной: мерзкие скитальцы должны умереть, и чем быстрее, тем лучше. Поразительное единодушие, в полной мере присущее, пожалуй, только носителям искусственного интеллекта, хотя не чуждое и «живым» игрокам – вон с каким энтузиазмом нас преследовала шайка «обиженных».

Кассандра резко остановилась, выпустила мою руку и чуть ли не силой вложила в нее «Экзекутор». Расторопная девочка, однако слишком уж истово верит она в мои силы. Ни о какой драке в нашем незавидном положении я и не помышлял. Бежать, бежать, только бежать... Даже исполнись преследователи благородства и устрой со мной проксимо-бой по классическим правилам, все равно патронов у меня на всех не хватит. Как, впрочем, и сил на длительное бегство. К тому же бежать теперь оставалось лишь в одном направлении – через площадь.

Я уже не сомневался, что это занятие станет для меня таким же неосуществимым, как форсирование Урала вплавь – для легендарного комдива Чапаева. Поэтому и обернулся в поисках спасения на здание, рядом с которым мы пробегали: мрачное крепкостенное сооружение, отстроенное в готическом стиле и похожее на католический собор. Несмотря на идеальные пропорции и изысканность архитектуры, здание тем не менее оставалось на площади самым неприметным – его соседи выделялись более монументальными размерами и жизнерадостным видом. Массивные дубовые ворота привлекшего мое внимание строения были закрыты, однако я не припоминал, чтобы когда-либо видел их распахнутыми.

Библиотека... В мире, где никто не пишет, не издает и не читает книг, сооружение столь же абсурдное, как солярий в африканской пустыне или сортир в глухом лесу.

Помнится, не однажды в поисках правды я пытался попасть в столичную и прочие библиотеки, но неизменно натыкался на запертые двери, стучать в которые можно было хоть до посинения. Ни одна библиотека в Терра Нубладо не функционировала. Раньше я строил на сей счет всяческие догадки, правдоподобные и не очень. Сегодня, когда мне стало известно, что такое игровой симулайф, наличие в нем подобных культурных учреждений, к тому же неработающих, по-прежнему оставалось для меня тайной. Либо это была одна из нереализованных идей Бета-креатора Васкеса, либо его же назидательная шутка – абы азартный игровой люд не позабыл окончательно о существовании подлинных духовных ценностей – книг. Как бы то ни было, сейчас я вновь оказался у библиотечных ворот, только в этот раз нуждался не в правде, а в спасении.

Взбежав по ступеням высокого крыльца, я с разбегу ударил плечом в окованные железом библиотечные ворота, однако никакого результата, кроме легкого ушиба, не получил. Библиотека продолжала хранить свои секреты за семью замками, хотя хранила ли она вообще какие-нибудь секреты? Я бы не удивился, окажись эти ворота лишь искусной бутафорией, приделанной поверх глухой каменной стены. Однако донельзя разозленный, я все равно продолжил колотить в них прикладом и кулаками. А когда вконец отчаялся – сбегавшиеся со всех сторон враги только что отрезали нам последний путь к спасению, – отступил на шаг и выстрелил дуплетом в большой врезной замок, ключ от которого, судя по размеру скважины, должен был быть величиной с гантель. Плевать на приличия – раз хозяева не желают открывать гостю дверь, гость откроет ее своим ключом.

А вот это уже ни в какие рамки не лезло! Мощи двойного заряда «Экзекутора» вполне хватало, чтобы пробить в толстых досках дыру величиной с волейбольный мяч, но в библиотечных воротах две крупнокалиберные пули оставили лишь пару неглубоких, как от удара молотком, вмятин. Причем с виду ворота выглядели вполне обычными, а не разукрашенной под дерево броней. Я недоуменно вылупил на сплюсненные свинцовые комочки, упавшие мне под ноги, после чего чертыхнулся и приготовился повторить взлом – авось «одержимая» древесина дала-таки слабинку и сейчас поддастся. Однако второй раз спустить курки я не успел, так как внезапно припомнил кое-что дельное и своевременное.

Иногда экстремальная обстановка способствует просветлению памяти, в чем я только что убедился. Я частенько задавал вопросы насчет местных библиотек Гвидо и всегда получал однозначный ответ: понятия не имею, кто, когда и зачем их здесь выстроил. И лишь однажды, когда Зануда решил быть со мной откровенным, он ответил мне нечто конкретное. В то время совет маэстро был для

меня неактуален, но я обладал хорошей привычкой помнить любую полезную информацию, пусть зачастую в дальнейшем и не востребованную.

Грубо схватив Кассандру за плечо, я поставил ее напротив двери и строго-настрого наказал:

– Стучи как можно громче: один удар через каждые десять секунд! Стучи, пока не скажу прекратить! И не вздумай оглядываться! Все ясно? Действуй!

Покладистый дубль тотчас же усердно принялся за дело. Девушка сразу поняла, что колотить по массивным воротам ногой будет гораздо практичнее – шуму больше, а сил уходит меньше.

Бум!

Время пошло...

Мне уже не до стука. Заслонив собой Кассандру, я переворачиваю патронташ пряжкой назад – ячейки с патронами остались только на его тыловой части, – и готовлюсь к обороне. Шансов у нас практически не остается. Мы стоим на открытом крыльце и являем собой превосходные мишени как для Мстителей, так и для локос, которые тоже вооружены огнестрельным оружием. Две банды сломя голову бегут к нам, словно в моих руках был не штуцер, а ценный приз, обязанный достаться тому, кто первый взберется по ступеням. Я чувствую себя жалкой картонной мишенью, выставленной на полигоне перед целой ротой солдат. Вот через пару секунд сержант даст отмашку и скамандует «огонь!», после чего от мишени только обрывки полетят. Про таких, как мы, говорят: «На них сошелся клином белый свет». Как представлял себе это явление автор афоризма, неизвестно, но наверняка он имел в виду что-то совсем иное, не заканчивающееся летальным исходом.

Бум! Кассандра пинает дверь во второй раз. Неужели мы с ней прожили еще десять секунд? Уму непостижимо! Да, так и есть: пунктуальный дубль четко соблюдает приказ и ошибиться не может.

Одиночные выстрелы на площади перерастают в раскатистый шквал... Но его первые порывы обходят нас стороной. Завидевшие Мстителей локос моментально забывают про меня и переключаются на более внушительного противника. Мстителям не остается иного выхода, как опять отвлекаться на внеплановые разборки. Стихийно вспыхнувший на площади бой напоминает классическую баталию двух-трехвековой давности: две армии, столкнувшиеся лбами в чистом поле, обстреливают друг друга ружейными залпами, разве что боевые порядки у каждой из сторон далеки от идеальных. Скитальцы и оседлые рассыпаются

редкими неровными шеренгами и кто стоя, а кто с колена начинают методичный отстрел противника, не вдаваясь в хитрые полевые маневры. Первые уповают на высокую плотность огня, так как их армия почти в три раза больше. Вторых, впрочем, это нисколько не пугает. Превратившись перед лицом неминуемой смерти в берсерков и камикадзе, локос бросаются грудью прямо на выстрелы и, прежде чем пасть героической смертью, частенько умудряются с короткой дистанции застрелить одного или двух, а особо «везучие» – и трех Мстителей. Самоубийственный фатализм, только криков «банзай!» не хватает.

Грохот выстрелов, яростные вопли, пороховой дым и шальные пули, то и дело рикошетирующие от крыльца, дезориентируют меня, однако я предельно сосредоточиваюсь на происходящем внизу. В том, что мне придется иметь дело с Мстителями, я не сомневаюсь ни секунды – несмотря на беспримерный героизм оседлых, а точнее, благодаря именно ему силы локос тают на глазах...

Бум! Третий удар сапогом по воротам... Проклятье, неужели все напрасно? Нет, рановато пока судить об этом...

Этот удар я почти не слышу, поскольку вношу свою лепту во всеобщий ажиотаж. О нас наконец-то вспоминают. Трое Мстителей, расстрелявшие перед собой всех врагов и оставшиеся как бы не у дел, целятся в нас. Выстрелить я им, разумеется, не позволяю. Двоих с винтовками укладываю первыми; третьего «обиженного», который вскидывает револьвер, обезглавливаю после спешной перезарядки. Три пули – три трупа. Хороший результат для измотанного и израненного стрелка. К тому же увлеченные боем товарищи убитых Мстителей даже не сообразили, что это именно я прикончил левофланговых – ряды локос редели, но сопротивлялись безумцы яростно...

Бросаю мимолетный взгляд на Кассандру. Девушка втянула голову в плечи и ежесекундно вздрагивает от выстрелов, но сосредоточенно вслух отсчитывает время до следующего удара. Сколько еще нам топтаться у этой проклятой двери? Сколько еще народу я укокошу, прежде чем сам издохну на пороге самой непостижимой тайны туманного мира – библиотеки. Успею ли расстрелять весь боезапас или так и погибну с зажатыми в кулаке патронами? Все прояснится в следующую минуту... А может, уже в эту...

Бум! Кассандра наносит четвертый удар, а Мстители наносят сокрушительный контрудар по врагу, расправляясь с последними локос. В этой войне пленных не берут и раненых не щадят. В каждое из тел оседлых распаленные противники высаживают еще как минимум по пуле. От избытка гнева и для пущей гарантии.

Скитальцам остается разобраться только с одним врагом, которому они и без того подарили лишние тридцать секунд жизни.

Нужен ли я еще Мстителям живым? Трудно сказать. Враги потрепаны и знают, что, затяни они бой с Проповедником, новых жертв им не избежать. Хотя уверен: найдутся в рядах «обиженных» добровольцы, кто пойдет на самопожертвование ради общего дела. Крэкеры, которые отдадут на заклятие свои дубли, выйдут из игры, зато будут уверены, что соратники поквитались за них и восстановили попорченную честь... или что я там попирал у этих нечестивцев? А значит, если я действительно нужен Мстителям в относительно добром здравии, атаковать меня наобум они не станут. Тем более что бежать нам с Кассандрой некуда, мой «Экзекутор» страшен только вблизи, а следовательно, обезвредить Проповедника можно без лишней суеты.

Так и есть! Окончательно разделавшись с локос, ублюдки не рвутся получить от меня на орехи, а держатся на расстоянии, выстраиваясь в новый боевой порядок. Некто авторитетный, взявший на себя роль павшего лидера, воодушевленно руководит скитальцами, покрикивая на них и командными жестами отправляя бойцов во фланги. На диво оперативно у нового командира это получается. Как, однако, крепко сплачивает единая цель даже таких отъявленных бунтарей, какими раньше являлись обиженные мной Мстители.

Бум! И снова за этим «один, два, три...». Голос Кассандры отрешенный, будто она не пытается открыть под огнем спасительную дверь, а решила от скуки пересчитать свои бесчисленные амулеты. Заставь меня в данный момент считать до десяти, я бы сбился уже на половине. Мне бы сейчас тоже не помешала подобная невозмутимость: ослабевшие руки с трудом удерживают оружие, а здоровая нога, на которую пришлось перенести вес тела, готова вот-вот подкоситься. В глазах рябит, а стиснутые до скрипа зубы каким-то чудом еще не перетерлись друг о друга.

Выстроившись широким полумесяцем, мстители приближаются. «По ногам! – доносятся до меня злобные крики. – Стреляйте ему по ногам!» О, нет, только не это! Граждане «обиженные», имейте же совесть – оставьте в покое мои ноги! Сколько можно развлекаться со мной как малолетние озорники с пойманным пауком. Подарите уж лучше сразу пулю в лоб!

Впервые на моей памяти в Терра Нубладо у меня сдают нервы. Я спускаю курок совершенно неожиданно для себя, словно на спусковой крючок «Экзекутора» давит чей-то чужой палец. До ближайшего врага еще достаточно далеко, и попасть с такого расстояния я могу лишь наудачу. Однако удаче надоедает прикрывать

меня и она переходит на другую сторону. Мстители еще больше растягивают строй, начиная охватывать нас в клещи. Количество держащих меня на мушке стрелков столь велико, что, осуществи они залп, и я с гарантией лишусь не только ног, но и нижней части туловища. Возникшее перед глазами отвратительное зрелище получается столь ярким, что я не задумываясь открываю огонь по противнику.

Палец мой еще давит на крючок, стволы штуцера смотрят в сторону врага, а я, точно зная, что сейчас произойдет, хватаю Кассандру за шиворот и увлекаю ее за собой, на каменные плиты у ворот. Однако...

Бум!

...девушка все же успевает нанести по ним шестой удар. Как и предыдущие, безрезультатный...

Ну вот и конец игры...

Мы плюхнулись ниц так резко, словно нам по ногам хлестануло лопнувшим тросом. Это и спасло нас от первых выстрелов Мстителей. Вжавшись в плиты высокого крыльца, мы очутились в мертвой зоне для вражеских пуль, противно засвистевших в опасной близости от наших затылков. Правда, сам я при этом тоже перестал видеть врагов и отстреливаться из этой позиции уже не мог.

Предназначенные для нас пули забарабанили по пуленепробиваемым воротам, тоже не причиняя им вреда. Выстрелив дружным залпом, теперь Мстители палили вразнобой, не позволяя нам приподнять головы и осмотреться. Пытаясь отсрочить неминуемый исход, я лишь упростил скитальцам задачу. Поэтому даже не видя их, знал: сейчас они спешно окружают нас как стая волков – оленя с перебитой ногой, попутно решая, кому из них придется рискнуть жизнью и первым вцепиться в горло отчаянно брыкающейся жертве.

Поначалу я воспринял лязгающие удары позади нас за бряцание пуль по металлическим деталям ворот. Однако когда вслед за лязгом раздался натужный скрип, я поневоле обернулся, поскольку сложно было спутать звуки отпираемой двери с другими.

О, этот долгожданный скрип старой двери с заржавелыми петлями, что отворилась не иначе раз в столетие! И шум перед этим был не чем иным, как скрежетом замка, который тоже не смазывали с допотопных времен.

Действительно, левая створка ворот была приоткрыта. Ненамного – каких-то полметра, – но у меня не сразу получилось поверить, что это не иллюзия. И когда

наконец в моей гудящей набатом голове все встало на свои места, я вскочил на четвереньки и тем же неджентльменским манером – за шиворот – поволок Кассандру к воротам. Меня не беспокоили летящие вслед пули, когда до спасения оставалась всего пара шагов, однако мой риск был оправдан не только этим. Подобравшись вплотную к крыльцу, Мстители значительно увеличили для себя непростреливаемый сектор, отчего их пули теперь попадали не в ворота, а гораздо выше. Это позволило нам вздохнуть чуть свободнее и ретироваться без опаски быть изрешеченными прямо в воротах – вот действительно было бы обидно, так обидно.

Кто открыл нам ворота, неизвестно, но выяснять личность этого человека я пока не собирался. Втащив Кассандру внутрь темного, пропахшего сыростью помещения и грубо швырнув подругу на пол, я всем телом налег на приоткрытые ворота и что было дури заорал:

– Запирай!!! Запирай быстрее, мать твою!..

Толкая тяжелую тугую створку, я наблюдал в проем, как самые отчаянные Мстители уже вбегают с лестницы на площадку. Мой маневр стал для них досадной неожиданностью, и они рвались во что бы то ни стало помешать мне закрыть ворота.

– Запирай!!! – неизвестно кому продолжал орать я, не сводя глаз с перекошенных злобой вражеских физиономий. Узнать кого-либо из старых знакомых после их «реинкарнации» не представлялось возможным, но новая встреча с ними не входила в мои планы. А библиотекарь, который открыл нам ворота, куда-то запропастился и не спешил мне помогать. Решив, что он испугался и удрал, я пошарил рукой по замку, однако не обнаружил ни оставленного ключа, ни вообще какого-либо запирающего устройства – та же пустая скважина, что и снаружи. Вот ведь идиотская, нелепая проблема: получить доступ в укрытие с пуленепробиваемой дверью и не иметь возможности эту дверь запереть! Будь у меня в запасе пара минут, притолкал бы какой-нибудь шкаф или стеллаж, но сейчас озадачиваться этим вопросом было поздно. Кассандра не справится с тяжелой мебелью и не удержит ворота, пока я буду тащить сюда книжный шкаф, а бессовестный библиотекарь, как назло, сложил с себя ответственность за спасенные им жертвы. Так что куда ни кинь, всюду клин! Опять этот проклятый клин! А другого клина, чтобы вышибить его, к сожалению, нет...

Створка со скрипом захлопнулась, и именно в этот момент на нее снаружи с криками навалились Мстители. Я уперся в створку с усилием Самсона, вознамерившегося вырвать городские ворота Газы. Сейчас тугие воротные петли

мне помогали, но едва скитальцев станет больше, и я уже ни за что не удержу тяжелую створку. Подошвы предательски скользили по сырым камням пола – у меня никак не получалось отыскать выступ, в который можно было упереться ногами. А напор с той стороны ворот только усиливался...

Ржавый замок, в скважину которого я краем глаза видел царившую снаружи суету, заскрежетал и клацнул, провернувшись на один оборот безо всякого постороннего вмешательства. Затем, спустя пару секунд, ригель пришел в движение вновь, а потом еще и еще. Я все-таки не устоял и поскользнулся, растянувшись пластом на влажном полу. Но перед тем, как это случилось, ворота были заблокированы.

Замок и впрямь заперся автоматически. Все, что от меня потребовалось, – это придержать ворота в закрытом положении. Возможно, здесь и библиотекаря никакого не было – запирающее устройство среагировало на условный стук-код, пустило нас на запретную территорию, после чего снова перекрыло сюда доступ. Количество ударов и строго выверенный интервал между ними – попробуй-ка, злоумышленник, догадайся, как отпираются местные библиотеки. Такой высокотехнологичная, по местным меркам, система безопасности выглядела в Терра Нубладо чуждо, но теперь-то я догадался, что к чему. Для работающих в симулайфе «под прикрытием» резидентов «Терра», в чей офис мы, очевидно, вторглись, было бы вполне нормальным даже наличие здесь компьютеров. Однако резиденты предпочитали соблюдать законы Баланса и в своем анклаве, позволяя себе лишь незначительные, вроде этого замка, отклонения.

Я лежал на полу, слушал, как в ворота библиотеки неистово ломаются Мстители, и хохотал. Хохотал так, что казалось, будто ворота ходят ходуном от моего смеха, а не от вражеских ударов. После всего пережитого мне срочно требовалась психологическая разгрузка. Сейчас она была для меня даже необходимее отдыха и перевязки ран. Я смеялся до слез, до хрипоты, до рези в животе... Точно подметили мудрецы: «смех – лучшее лекарство». Конечно, не всегда и не везде, но для снятия напряжения эффективнее способа нет и не будет. Смех словно живительный бальзам изливался мне на вздыбленные нервы, успокаивая их, как мед успокаивает воспаленное горло. Мстители, которые буквально в метре от меня расстреливали в упор пуленепробиваемые ворота, выглядели через призму моего безудержного веселья труппой потешных клоунов. Слушая их бессильную брань, я покатывался от смеха, будучи не в силах остановиться и перевести дух. Неудивительно, если бы в данный момент я скончался от сердечной недостаточности. Выйти из стольких передрыг, чтобы очокуриться от хохота под носом у околпаченных преследователей – знавала ли история подобные казусы?

Вот интересно, понравилась бы Мстителям такая гибель их злейшего врага? Философский вопрос. Смертью Проповедника они, конечно, остались бы довольны, но устроила бы их моя предсмертная агония, неизвестно.

Вообразив подобное, я зашелся в очередном надрывном приступе хохота. Пот лил с меня градом, живот сводило спазмами, но я напрочь утратил самоконтроль – клинический случай для любого невропатолога. Безобидная психологическая разгрузка плавно перешла в истерику, обуздать которую силой воли было уже нельзя. И черт знает, сколько бы я еще катался по полу и давился смехом, если бы не нашелся сердобольный человек, избавивший меня от этого проклятия.

Пяток хороших звонких пощечин оказались весьма эффективной и своевременной шокотерапией. Знал бы о таком действенном способе, надавал бы себе по морде без посторонней помощи. Но Кассандра тоже подошла к вопросу изгнания из меня «демона смеха» со всей серьезностью. Хрупкая девушка врезала мне так, что в глазах у меня заискрились бенгальские огни.

– Да очнись ты наконец, псих! – прокричала она, трясая меня за грудки и замахиваясь для очередной пощечины. Но воздержалась, поскольку я внял-таки ее мольбе и утихомирился, с трудом соображая, почему лицо у меня пылает, будто по нему прошлись пучком крапивы. – Эй, да что с тобой такое?! Куда ты меня притащил и что тут вообще происходит?!

Судя по бесцеремонности, с какой Кассандра со мной обращалась, в симулайф вернулась Анабель Мэддок – покладистый молчаливый дубль сроду бы не догадался, как привести Проповедника в чувство. И тем более не стал бы обзывать его при этом психом.

Я валялся на спине, а обеспокоенная девушка сидела верхом у меня на животе, хлестала по щекам и испуганно поглядывала то на меня, то на содрогающиеся от ударов ворота. Мстители уже прекратили бесполезную стрельбу, но надежд попасть внутрь не утратили, продолжив пинать дверь культурного учреждения ногами. У них имелся шанс проникнуть в библиотеку, но, на свою беду, «обиженные» не знали алгоритм кодового стука. Впрочем, они все равно не угадали бы его: терпения Мстителей вряд ли хватило бы на то, чтобы выжидать между ударами длинные паузы.

Пикантное положение, в каком Кассандра приводила меня в чувство, мне определенно понравилось – нам с подругой еще не доводилось тесно общаться в такой позе. Но сейчас нам обоим было не до блаженных воспоминаний о проведенной вместе ночи. Беспокойство Анабель выглядело вовсе не наигранным: покинула симулайф во время лесной прогулки, а вернулась в какой-то полутемный

зал, в двери которого ломилась толпа недоброжелателей. При этом близкий друг, обязанный отвечать за твою безопасность, обезумел и катается в истерике по полу. Так и самой рехнуться недолго.

– Я в порядке, – успокоил я Кассандру, с трудом переводя дыхание и вытирая рукавом пот со лба.

– Ты уверен? – недоверчиво поинтересовалась девушка и, дождавшись моего кивка, слезла с меня. Хотя и всыпала по первое число, а все равно приветствие получилось дружеским и по-своему теплым.

Пока я, держась за стену и шатаясь от изнеможения, поднимался с пола, Анабель, прикрыв глаза на несколько секунд, провела короткое исследование памяти своего дубля. Так что когда мне удалось с грехом пополам встать на ноги, девушка была в курсе, какая насыщенная жизнь выдалась у нас в последние дни и кого нужно в первую очередь за это благодарить. Настроение Кассандры от таких новостей не улучшилось, а, наоборот, стало еще мрачнее. Я уже приготовился к суровому выговору, однако вместо него заслужил скупую похвалу.

– Спасибо, что приглядел за мной, – проговорила Кассандра после тяжелого вздоха, подытожившего ее воспоминания. В действительности грустила она по иному поводу, но я тогда об этом не подозревал. – Обо мне еще никто так не заботился в Терра Нубладо. Будет хоть что вспоминать, когда...

Она осеклась и бросила на меня странный взгляд. Его можно было в равной степени счесть и сочувственным, и виноватым. Но я не стал уточнять, чем вызвана эта грусть, поскольку полагал, что знаю – если вместо привычного виртуального мира тебя встречает полный бардак, тут уже не до веселья.

– Откуда тебе известно, как сюда войти? – полюбопытствовала девушка, пристально всматриваясь в дальний конец коридора. Мои глаза постепенно привыкли к полумраку, и я уже рассмотрел, что коридор выходит в большой зал, где горело несколько свечей. Их было явно недостаточно, чтобы полностью осветить просторное помещение. По-видимому, тот, кто зажег свечи, любил романтическую атмосферу. Хотя их мог никто и не зажигать: после фокуса с автоматическим замком я бы ничуть не удивился автоматической иллюминации.

– Твой отец научил меня, как попасть в библиотеку. Я должен был доставить сюда для него кое-какую информацию, – объяснил я, не вдаваясь в детали. – Но мне так и не довелось побывать здесь, поэтому на роль гида я не сгожусь... Пойдем, что ли? Чего у порога околачиваться?

Кассандра не возражала, и мы с ней направились в глубь здания, на свет. Нам было неведомо, каких сюрпризов следовало ждать или опасаться в этих стенах. Шагая по коридору, мы с девушкой напоминали двух глупых рыбешек, плывущих на фосфоресцирующую приманку прямо в пасть хищной рыбе-удильщику. Но сидеть у ворот в надежде, что рано или поздно Мстители отступятся, было не резон. Еще как минимум несколько часов скитальцы прождут у моря погоды: снаружи отчетливо слышались призывы поджечь ворота и чьи-то оправдания насчет полностью истраченных в схватке с Тенебросо бутылок с зажигательной смесью. Я не сомневался, что Мстители рано или поздно попытают счастья в игре с огнем, только слабо верилось, что им повезет. Создатели библиотеки должны были предусмотреть и такой вариант незаконного вторжения на их секретный объект.

Мне приходилось опираться на стену – простреленная нога отекала и совсем перестала сгибаться. Кассандра подставила мне плечо, но я отказался от помощи: такой изматывающий марафон выдержал, неужели теперь полсотни шагов не проковыляю? Хорошо было бы для полного счастья найти кровать и завалиться на нее, только откуда в библиотеке взяться кроватям? И простое кресло вполне подошло бы.

Стены полутемного сводчатого коридора были увешаны плакатами с надписями на непонятном мне языке.

– *Carthagenem esse delendam*, – задержавшись на мгновение, прочла Кассандра один из плакатов, после чего заметила: – Какой дальновидный человек начертал здесь это пророчество.

– Что оно означает? – спросил я, друживший только с английским и немецким языками. С испанским, на котором, похоже, было написано изречение, я водил лишь поверхностное знакомство.

– Это латынь: «Карфаген должен быть разрушен», – перевела прорицательница, но комментировать не стала, опять печально вздохнула и побрела дальше, оставив меня гадать о причинах своего многозначительного вздоха. Кажется, она соглашалась с автором изречения, которое могло в полной мере служить приговором обратившемуся в хаос симулайфу. Интересно, знай Анабель, чем грозит мне такой приговор, изменила бы она свою точку зрения?

Коридор закончился, и мы вышли в главный библиотечный зал, оказавшийся гораздо просторнее, чем это представлялось у входа. Об истинных масштабах помещения можно было лишь догадываться. Дюжина горящих свечей, расставленных в канделябрах вокруг массивного письменного стола и на нем, освещала только малую часть зала. Сам стол располагался неподалеку от входа,

поэтому тусклый свет и пробивался в коридор. На столе в беспорядке лежали толстые книги, половина из которых была рассортирована в неровные стопки, а другая половина раскрыта. Канцелярские принадлежности отсутствовали – тот, кто находился в библиотеке, видимо, перелистывал многотомные труды от нечего делать либо обладал отменной памятью и обходился без конспектирования. Но как бы то ни было, человек, работавший за письменным столом, отлучился совсем недавно и в спешке: крайняя стопка книг накренилась, и задетая ею покосившаяся свеча оставила на обложке верхнего фолианта лишь несколько капель расплавленного воска. Случись это хотя бы несколькими минутами раньше, вместо капель на книге уже красовался бы небольшой восковый сталагмит.

Завидев беспорядок, Кассандра немедленно кинулась спасать источники знаний, взявшись перекладывать стопку по-новому и поправлять свечу в канделябре. Я же обошел стол и со старческим кряхтением опустился в кресло. Мгновенно навалившаяся на меня усталость будто только и ждала, когда я расслаблюсь. Размытые огоньки свечей поплыли перед глазами, а незримая и непреодолимая сила поволокла мое сознание в сонную пропасть. Сразу же пропало всякое желание заниматься поисками человека, чье кресло я нахально оккупировал. Сбежал, и черт с ним. Надо будет, сам объявится.

Еще несколько секунд, и я бы полностью отключился, но Кассандра не позволила мне отрешиться от действительности.

– Эй! – окликнула она меня, уже стоящего одной ногой в глубоком забытьи. Я с неохотой разлепил веки. – Сильно тебя задело?

– Пустяки, – пробормотал я, потерев больное бедро. – Все равно ведь не по-настоящему. Пара дней покоя, и заживет. Но меня больше беспокоит не то, что болит, а то, что почему-то так и не заболело... – Я коснулся собственного предплечья. – Ты не выполнила мою просьбу?

– О чем ты?

– О маленькой услуге коматознику. Я просил, чтобы ты ущипнула меня, когда... если сумеешь отыскать в Лондоне клинику, где меня держат. Надо полагать, ты ее не нашла.

– Да, не нашла, – проговорила Кассандра упавшим голосом и опустила глаза. Добавлять что-либо еще она не захотела, и это выглядело странно. Эти непонятные виноватые взгляды, тяжкие вздохи, многозначительные замечания... А теперь еще нежелание распространяться на тему, которая поначалу заинтриговала Анабель, а

ныне угнетала ее. Мисс Мэддок не владела искусством лицемерия и не умела хорошо маскировать свои чувства.

Отношение Кассандры ко мне после ее возвращения в симулайф очень походило на отношение Тенебросо. На первый взгляд ничего общего, но если учитывать, что первая была молоденькой девушкой, а второй – третьим аферистом, от которого отвернулась фортуна, суть отношений этих людей к Проповеднику Белкину являлась одинаковой. Оба они сочувствовали мне. Каждый по-своему, но усомниться в их искренности я не мог.

Значит, Анабель все-таки что-то обо мне выведала, и это «что-то», я был практически убежден, имело прямую связь с мрачными пророчествами Бета-креатора Вакеса. Иначе с чего вдруг Кассандре впасть в траурное настроение перед переселением в новый, более совершенный виртуальный мир? Разве только она, как и я, знала о предстоящем для нас скором расставании?

– И даже мало-мальских улик не обнаружила? – переспросил я, уже не надеясь на откровенный ответ.

– Давай чуть попозже, хорошо? Ты устал и жутко выглядишь. Тебе надо немного отдохнуть и прийти в себя. – Она не уходила от разговора, просто оттягивала его, давая себе собраться с мыслями, а может, с духом. – На-ка выпей вот это...

Прорицательница порылась у себя в котомке, извлекла оттуда непрозрачный пузырек с каким-то снадобьем и протянула его мне.

Только сейчас я понял, насколько изможден. Казалось бы, плевое дело – взять из рук девушки мелкую склянку, – однако осуществить это не удалось даже с третьей попытки. Всякий раз я неизменно хватал пальцами воздух.

– Ладно, сиди, не дергайся, – сжалилась надо мной Кассандра, после чего сама вытащила из пузырька пробку и заботливо напоила меня своим лекарством.

Поначалу ничего не происходило: рана все так же ныла, и меня клонило в сон. Но потом я словно в ледяную прорубь окунулся. Воздействие снадобья иначе как шоковым назвать было нельзя. От столь мощного тонизирующего эффекта я чуть не подпрыгнул в кресле, ощутив себя боксером, для которого вот-вот прозвучит гонг к началу боя. Усталость выветрилась бесследно, заодно прихватив с собой боль и апатию. Я протер глаза: свечи теперь горели яркими ровными огоньками, не чета тем размазанным световым пятнам, какие я наблюдал буквально минуту назад.

– Ага, и впрямь не соврала Анна: «Один глоток моего фирменного средства, милочка, и ты себя просто не узнаешь!» – удовлетворенно заметила Кассандра, вытряхнув из бутылки последние капли себе на язык. – Что чувствуешь?

– Ты... этот напиток... у Анны приобрела? – настороженно спросил я, исполненный противоречивых предчувствий. Уж я-то знал, каков мог быть побочный эффект у чудодейственных препаратов целительницы из фуэртэ Транквило! В другое время и в другом месте я ничего не имел бы против такого эффекта, но сейчас он был мне даром не нужен.

– Да, купила его у той сучки перед визитом во дворец к ее поделнику, – подтвердила девушка. – Надо же было чем-то отплатить за гостеприимство. Вот и отплатила.

– А Анна не сказала тебе, как называется снадобье? – осведомился я, продолжая чутко прислушиваться к собственным ощущениям.

– Говорила, только я все равно не запомнила, – отмахнулась прорицательница. – Какая теперь разница? Ладно, хоть здесь мерзавка не солгала. Посмотри на себя: ишь как порозовел, а то сидел бледнее, чем эта бумага.

Кажется, и впрямь кроме тонизирующих свойств испытанное на мне средство не имело больше ничего общего с приснопамятным «Провокатором». По крайней мере, когда в прошлый раз я пользовался препаратом очаровательной вымогательницы, его взрывная реакция не заставила себя долго ждать. Сегодня жизненная сила влилась в меня именно там, где это было действительно необходимо, и не направила свое течение в иное русло. Убедившись, что можно не просить девушку привязывать меня к креслу, я немного успокоился, однако все равно продолжал держать под неусыпным контролем потенциально опасные инстинкты. Кто даст гарантии, что извержение вулкана не случиться через час или два?

– По-моему, мы здесь не одни, – озвучила Кассандра мысль, которую я только собрался высказать сам. Причем высказать куда с большей уверенностью.

– Сейчас выясним, – отозвался я, поднимаясь из кресла на диво бодрым и отдохнувшим – не чета той конченной развалине, какая садилась в него пять минут назад.

На мои настойчивые и вежливые призывы никто не отозвался. Тогда, взяв со стола канделябр, я двинулся исследовать темный зал, заглядывая по пути в каждую стенную нишу и за каждый стеллаж. Кассандра не пожелала оставаться в

одиночестве и, прихватив другой подсвечник, последовала за мной. Я продолжал звать во мрак, но все так же безответно.

Книжные стеллажи располагались по залу в строгом порядке, составленные дюжинами вокруг одинаковых письменных столов, не загроможденных книгами в отличие от освещенного. Стены зала украшали картины – исключительно пейзажи, на которых я часто узнавал знакомые места Терра Нубладо: вот берег моря Встречного Ветра и легендарный маяк Солидо, а вот Пуреса, изображенная, если мне не изменяла память, с высокого холма близ разбойничьего притона фуэртэ Ваго; у кого только хватило смелости заниматься живописью в той жуткой провинции?.. Проклятье, сколько раз бывал в этих местах, но только сейчас понял, насколько каждое из них по-своему неповторимо и прекрасно. Чуть слеза не навернулась, когда представил, что, вероятно, никогда больше не увижу ни маяк Солидо, ни Пуресу, ни множество других привычных вещей, с которыми успел сродниться...

Отвлеченный грустными мыслями, я едва не врезался лбом в стоящий между стеллажами огромный мольберт – инструмент художественного промысла, совершенно не характерный для библиотеки. К мольберту, ножки коего были очень маленькими, крепился портрет пожилого человека в полный рост. Человек на портрете, выполненном, похоже, в масштабе один к одному, был невысок, в меру упитан, но обладал довольно яркими и даже комичными чертами лица – большим носом-картошкой, сжатыми в тонкую линию губами, горящим восторженным взором и торчащими параллельно земле длинными, как у Дона Кихота, усами. Одежда на человеке была изысканной – такую обычно носили диктаторы и их приближенные. Нарисованный господин был изображен довольно тщательно, но без фона, из чего я сделал вывод, что портрет еще не закончен. Однако я не видел, чтобы поблизости валялись кисти, краски, палитры и прочие атрибуты, что были неотъемлемой частью любой художественной мастерской или, как в нашем случае, – уголка для рисования.

Я был не настолько искушен в изобразительном искусстве, чтобы определить, одной кисти или нет принадлежат портрет и развешанные по стенам пейзажи. Но мне почему-то казалось, что я вижу не просто чей-то портрет, а автопортрет художника, создавшего их. Глядящий на нас свысока нарисованный незнакомец определенно имел отношение к искусству: абсолютно невоинственный вид, импозантная внешность и темпераментный взгляд, какой, наверное, бывает у маэстро кисти в минуты тесного общения с музой.

Мне редко приходилось общаться с людьми подобного типа, но впечатление от общения с ними всегда оставалось негативным. Заносчивые эксцентричные

господа, которые полагали, что они либо живут на вершине Олимпа, либо в своем особом, более совершенно мирке, и потому простому смертному, вроде Арсения Белкина, вовек не дано понять их утонченные вкусы и возвышенные принципы. Такие люди вызывали у меня отторжение после первой минуты беседы. Будучи трезвым, я обычно воздерживался от грубости и не высказывал им в глаза все, что о них думал, но зато когда напивался... Помнится, однажды за такую нелицеприятную критику я был даже жестоко побит и изгнан из компании ценителей уже не помню каких видов искусств. Скорее всего, мы дискутировали тогда по поводу обнаженной женской натуры, ибо в молодости она являлась моей излюбленной темой для полемики.

– Ой, а я ведь знаю этого человека! – воскликнула Кассандра, тоже заинтересовавшись портретом. – Это же мистер Морган Платт! Он руководит проектированием нового симулайфа и как-то раз даже сопровождал меня по Терра Олимпия. Любопытно, откуда здесь взялся портрет мистера Платта?

«Этого человека зовут Морган Платт? Гамма-креатор Морган Платт?» – едва не вырвалось у меня, но в последний момент я предпочел не задавать вопрос. Лгать, что о Платте мне рассказал отец Анабель, я не мог, а признаваться, кто на самом деле снабдил меня информацией о Гамма-креаторе, значило посвящать подругу в тайны, в которые я ее посвящать не хотел. Все, что происходило со мной в оружейной лавке Чико – от коварной снайперской засады до чудесного освобождения, – Кассандра не видела, и такое положение вещей меня вполне устраивало. Во-первых, я пообещал Васкесу никому не сообщать о нашей беседе, а во-вторых, неизвестно, как бы отреагировала Анабель, когда узнала, что я якшался на дружеской ноге с самим Тенебросо. Вдруг оскорбилась бы и ушла? Поэтому, дабы не усложнять и без того непростую ситуацию, лучше было держать язык за зубами, благо запредельных усилий это не требовало.

– Да, занятный старикан, – согласился я, старательно делая вид, что знать не знаю ни о каком Моргане Платте. Подойдя вплотную к портрету, я поднес свечи к нарисованному лицу Гамма-креатора настолько близко, что, казалось, еще немного, и затрещат его подпаленные усы, а в воздухе запахнет жженой щетиной. Я же, покосившись на Кассандру, вполголоса добавил: – Так, значит, вот кто не желает, чтобы мы с Васкесом топтали его грезы...

Гамма-креатор на портрете презрительно сморщился. Я вздрогнул и отдернул канделябр, поскольку испугался, что от жара свечи потекла краска. О мистической природе данного явления я как-то не подумал, хотя в действительности такое объяснение было куда правдоподобнее.

– Я попросил бы вас быть поосторожнее с огнем, герр Шульц, – произнес нарисованный Морган Платт. – Вы можете нечаянно выжечь мне глаз.

Кассандра испуганно взвизгнула и отскочила мне за спину. Я, конечно, таким впечатлительным не был, но тоже ощутил, как от неожиданности по коже пробежали мурашки. Гамма-креатор тем временем переступил с ноги на ногу, словно устал стоять в неподвижной позе, после чего брезгливым тоном произнес:

– Вас не затруднит уступить мне дорогу, герр Шульц. Я хотел бы покинуть дубль-редактор. Пребывание в нем для меня пренеприятно.

– Да ради бога, – как ни в чем не бывало ответил я и шагнул в сторону. Вместе со мной отступила и Кассандра. Она уже не кричала, лишь настороженно выглядывала у меня из-за плеча. Прорицательница, наверное, вспомнила, что видела в сказочном Терра Куэнто наяву и не такие чудеса. Но что ни говори, появление Гамма-креатора все равно произвело на нее впечатление, а на меня и подавно.

Морган Платт вышел из картины, как из русской бани: весь в окружении белесого тумана, тянувшегося следом за ним густым шлейфом. Само же таинство материализации происходило следующим образом. Изображение постепенно становилось выпуклым, словно Бета-креатор лежал на дне мелкого бассейна, из которого вытекала вода. Когда же процесс отделения изображения от картины завершился, на холсте остался лишь черный контур, а тот, кому он принадлежал, предстал перед наши очи вполне нормальным человеком, разве что оставляющим за собой странный «кильватерный» след из полупрозрачного пара. Пар не рассеивался, так и оставался висеть в воздухе, четко повторяя движения Моргана. Прямо как на фотонегативе, отснятом с очень большой выдержкой, только запечатленный субъект при этом выглядел четко и продолжал двигаться.

Но шоу спецэффектов длилось недолго. Платт совершил несколько шагов, и шлейф отстал от него, рывком втянувшись обратно в картину. Черный человеческий контур после этого сразу исчез, словно пропавший шлейф состоял из распыленной белой краски, загрунтовавшей испорченный портрет плотным слоем. Бета-креатор теперь топтался возле абсолютно чистого холста и напоминал художника, решившего заняться творчеством, но позабывшего, куда он задевал свои аксессуары. Похожие на стрелки компаса остроконечные усы Платта наяву смотрелись еще комичнее. Меня так и подмывало проверить их подлинность, дернув за них. Слабо верилось, что в реальности подобные усы еще кто-то носит.

Важно надув щеки и ни слова не говоря, Морган Платт проследовал мимо нас к освещенному столу и уселся в кресло, после чего, в упор не замечая посетителей,

уткнулся носом в раскрытую книгу. Такое поведение Гамма-креатора удивило меня не меньше, чем поведение его коллеги, тоже весьма экстравагантного типа, однако не столь высокомерного. Морган всем своим видом демонстрировал, что не намерен общаться с нами и вообще мы здесь лишние. Я был знаком с Платтом всего-то пару минут, но уже прекрасно понимал Васкеса, на дух не переносящего своего сослуживца. Ненависть к подобного рода людям возникала в таких, как мы с Мануэлем, сразу и надолго. Если кто-либо из наших прежних собратьев вдруг начинал мнить себя центром вселенной и ни в грош не ставить остальных, скорый закат его карьеры был неизбежен. С этим человеком отказывались сотрудничать, от него уходили друзья, а репутация его поддерживалась исключительно за счет денег, что являлось надежной опорой лишь до поры до времени. Вот и сейчас у меня отсутствовало всякое желание заводить с Платтом беседу, но Кассандра, в силу возраста еще не научившаяся различать в людях скрытую враждебность, подошла к Гамма-креатору и слегка обиженным голосом обратилась к нему:

– Здравствуйте, мистер Платт! Неужели вы меня не узнали?! Это же я, Анабель! Мой отец, Патрик Мэддок, знакомил нас однажды, когда разрешил мне немного погулять по вашей Терра Олимпия.

Платт недовольно оторвался от книги, с прищуром взгляделся в лицо Кассандры, затем согласно кивнул и снизошел до ответа:

– Ах да, Анабель Мэддок... Прости, сразу не признал – здесь так темно... Давненько не виделись, милая. Как твои дела?

– Да не очень, мистер Платт...

– Ну, надеюсь, скоро у тебя все наладится... – Моргана дела Анабель волновали не больше, чем меня – политическая обстановка в Зимбабве. А герр Шульц так и вовсе представлял для Платта пустое место, поскольку в мою сторону он даже не глядел.

Ответив Кассандре, Бета-креатор снова уткнулся в книгу, давая понять, что разговор исчерпан. Но девушка не понимала намеков.

– А скажите, мистер Платт, что сейчас с вами произошло? Это что-то вроде точки «Феникс»? – любопытствовала Кассандра, не меньше меня заинтригованная ожившим шедевром изобразительного искусства.

– Это, милая, всего лишь компактный дубль-редактор. Я просто решил... немного подкорректировать себе внешность, поэтому и не расслышал, как вы вошли, – пока сдержанно, но уже не столь любезно ответил Бета-креатор. Яснее ясного, пижон просто побоялся сознаться, что трусливо спрятался в дубль-редактор, когда просек,

что те, кто стрелял снаружи, открывают ворота библиотеки. Не отпирайся они автоматически, вряд ли мы вообще дождались бы помощи от мистера Платта. – Точки «Феникс» как таковой здесь нет. Разве тебе не известно, милая, что резиденты «Терра» не нуждаются в точке возрождения? При необходимости мы можем возрождаться в любом месте симулайфа и на любом уровне развития дубля. Исключение составляет только герр Шульц, который живет здесь по особым правилам.

Гляди-ка, заметил! Какая честь для герра Шульца: заслужить внимание небожителя!

– И что это за особые правила? – поинтересовался я.

– А разве ваш друг Васкес не ознакомил вас с ними? – сверкнув глазами, с вызовом ответил Платт.

– Васкес мне не друг, – возразил я, поглядев на Кассандру, но ее реакция на эту фамилию была равнодушной. Вот и хорошо, решил я. Если называть Тенебросо в присутствии Анабель его настоящим именем, девушка, возможно, ни о чем не догадается. Только бы этот старый хрыч не раскрыл моей тайны, однако он, кажется, не пользовался в разговоре игровыми псевдонимами.

– Ну, судя по тому, что вам известны детали одной из наших с Мануэлем частных бесед, я бы так не сказал, – возразил Гамма-креатор, имея в виду мои слова о потоптанных грезах, невольно сорвавшиеся с языка перед его портретом. Знал бы, что это за коварный портрет, помалкивал бы в тряпочку. – Да и не верю я, что два бывших преступника за все эти годы так и не спелись.

– Вы ошибаетесь, мистер Платт! – вступилась за меня Кассандра. – Арсений – уже давно не преступник!

– Кто это – Арсений? – не понял Морган.

– Мое настоящее имя на самом деле не Арнольд Шульц, а Арсений Белкин, – уточнил я. – Но можете называть меня как вам удобнее.

– Милая Анабель, не заблуждайся! – рассмеялся Гамма-креатор холодным надменным смехом. – Зачем, спрашивается, человеку с чистой совестью иметь несколько имен даже здесь? Бывших преступников не существует. В их раскаяние верит только церковь, но не я и остальная здравомыслящая часть общества. Место этих монстров за решеткой, а не в симулайфе!

Кассандра обиженно потупилась. Для нее только что открылось истинное лицо доброго дяденьки Моргана, когда-то водившего ее за ручку по сказочному миру. Я

же не стал обижаться на «монстра», поскольку при всей моей неприязни к Платту тот называл вещи своими именами. Я посмотрел в глаза человеку, который, со слов Мануэля, был для грядущего симулайфа таким же богом, как Васкес – для Терра Нубладо, и у меня разом пропало всякое желание переселяться в Терра Олимпия. Тенебросо оказался прав на все сто – чистоплюй и аристократ Морган Платт рогами в землю упрется, но не допустит, чтобы по его совершенному миру-фантазии бродили монстры из насквозь прогнившей реальности. Действительно, не бывает бывших чудовищ – они становятся прекрасными принцами только в сказках. Но в сказку Гамма-креатора мне путь заказан... Я получил последнее доказательство тому, что у меня не было ни единого шанса на будущее, гори оно синим пламенем.

– Что ж, теперь я понимаю, мистер Платт, какие «технические проблемы» мешают вам впустить Арсения в новый симулайф! – произнесла Кассандра дрогнувшим гневным голосом. – Главная проблема не в оборудовании, в чем так долго пытался убедить меня отец. Главная проблема – в вас! Вы ненавидите Арсения и только поэтому не включили его в свой проект!

– Послушай, милая!.. – открыл было рот Морган, но девушка говорила уже не с ним, а со мной.

– Да, Арсений, «Терра» больше не нуждается в твоих услугах, и это чистая правда, – призналась она. Глаза у нее заблестели, а голос задрожал сильнее. – Ты спрашивал, что я о тебе разузнала. Все! Отец раскрыл мне правду, когда я пригрозила рассказать прессе о сотрудничестве «Терра» с профессором Маньяком. Никакой клиники Эберта и никакого коматозника Шульца не существует в природе. Тебя действительно застрелили двадцать пять лет назад при ограблении броневика. Только вот похоронили не сразу, а после того, как Маньяк Эберт вволю поглумился над твоим телом...

Если Морган Платт только что поставил точку в моих надеждах на будущее, то эмоциональный рассказ Анабель, который давался ей тяжелее, чем исповедь в собственных грехах, подвел-таки финальную черту под моим прошлым. Вернее, не подвел, а указал, где конкретно она пролежала: пятого сентября две тысячи восьмого года. Именно в этот день жизнь Арсения Белкина оборвалась окончательно и бесповоротно. Все, что происходило со мной в дальнейшем, можно было называть как угодно, только не жизнью, не ее симуляцией и уж тем более не грезами подключенного к нейрокомплексу коматозника...

В две тысячи восьмом «Терра» уже владела правами на внедрение ВМВ и после отказа Госса работать на нее тайно привлекла к сотрудничеству опального профессора Эберта. Свалившиеся на голову Маньяка недавние скандалы и громкие разоблачения отнюдь не остудили его исследовательский пыл, и Эберт был готов под любым предлогом продолжать свою антигуманную научную деятельность. Он постоянно выпрашивал у своих работодателей новый экспериментальный материал для исследований, но ему отказывали и заставляли сосредоточиться на изучении выкупленных технологий Госса. Однако настойчивые просьбы Эберта были приняты во внимание, и «Терра» помнила о них. Почему? Может быть, потому, что Маньяк не давал ей об этом забыть, но, скорее всего, как любая дальновидная организация, она не исключала в будущем извлечь выгоду также из разработок этого непризнанного гения.

Тот проклятый броневик и охрана, стрелявшая в меня, принадлежали компании «Fortress-on-wheels», которая входила в корпорацию «Терра» и занималась для нее переправкой ценных грузов. Поэтому неудивительно, что доклад о предотвращенном ограблении поступил сначала к непосредственному начальству перевозчиков, а полиция была уведомлена позже. Ничего предосудительного, все по инструкции, разве что второй доклад немного отличался от первого. В нем сообщалось, что грабители испугались подросшей охраны и скрылись. Причем скрылись все до единого, так что инцидент, согласно официальной версии событий, обошелся без человеческих жертв с обеих сторон. Получившие травмы и контузии водитель броневика и охранники, что находились внутри сейфа на колесах, были отправлены в ближайший госпиталь еще до приезда полиции на одном из автомобилей охраны.

Куда же тогда подевалось тело расстрелянного в упор подрывника Шульца, спросите вы? Нет, не спросите, поскольку уже явно догадались, что мой еще не остывший труп уехал с места происшествия на том же автомобиле эскорта. Только попал этот труп не в госпиталь и не в морг, а напрямик в руки профессора Эберта, чьи мольбы были услышаны, и счастливый Маньяк смог наконец-то разжиться экспериментальным материалом. Пусть уже непригодным для полноценных исследований, зато не подписывавшим с Эбертом никаких страховочных контрактов. Ну а как использовать полученный материал с максимальной пользой до того, как он начнет, извините, распространять душок, профессора учить не требовалось. Было бы что использовать, а каким образом это будет реализовано, у любого исследователя-практика всегда найдется предостаточно идей.

В тот момент, когда меня доставили на операционный стол к Элиоту Эберту, мое тело было уже мертво, но мозг пока не умер, даже несмотря на сидящую в голове

пулю. У Маньяка имелось достаточно необходимого оборудования, чтобы продлить жизнь моего мозга на максимально возможный срок. Какие опыты проводил профессор и какие незаконченные труды хотел довести до завершения, неизвестно, но единственное весомое открытие за всю свою жизнь он сделал случайно и при помощи идей академика Госса. Эберта чрезвычайно заинтересовало, что будет, если к нейрокомплексу – тогда еще несовершенному прототипу современных «астралов» – подключить мертвеца. Точнее, тот недоостреленный труп, какой я из себя представлял.

Результаты получились ошарашивающие, хотя какой-либо практической пользы от них в две тысячи восьмом году еще не было. Мой медленно умирающий мозг транслировал на частоте Внешних Ментальных Волн периодически повторяющийся сигнал длительностью около полуминуты. Между трансляциями возникала пауза в несколько секунд, после чего они начинались заново. У обычных – живых – пользователей нейрокомплекса сроду не фиксировалось ничего даже близко похожего на этот сигнал. Обнаруженная Эбертом ментальная трансляция напоминала работу бортового радиопередатчика, запрограммированного терпящими бедствие моряками или летчиками отсылать в эфир бесконечно повторяющийся сигнал SOS. Кому мой мозг отсылал сигналы перед смертью, до сих пор остается загадкой. Вселенной? Инопланетному разуму? Господу Богу? Представителям иных высших сфер, о которых человечество даже не подозревает?

А Арсений Белкин, он же Арнольд Шульц, скончался в лаборатории Эберта через двое суток, оставив после себя только эти непонятные ментальные всплески, зафиксированные на специальных ВМВ-накопителях...

Эх, знал бы кто, как грустно говорить о себе подобные вещи...

Со временем Эберту все-таки удалось расшифровать содержание странных сигналов. Дешифровка «наследия» грабителя Шульца произошла уже через пятнадцать лет после его смерти, когда был только запущен в эксплуатацию первый симулайф Терра Куэнто. Досконально изученные, а также открытые со временем более продвинутые ВМВ-технологии, на базе которых и создаются теперь симулайфы, позволили расшифровать загадочное послание умирающего человеческого мозга. Творцы виртуальных миров нового поколения пользовались огромными объемами информации, которую для ускоренной пересылки по служебным каналам требовалось архивировать, «сжимая» в плотные потоки. Увидев однажды, что представляет из себя заархивированное ВМВ-досье игрового дубля, Элиот Эберт, к тому моменту завязавший с практикой, но оставленный на административном посту директора научного отдела, долго не мог избавиться от стойкого дежа-вю, пока не вспомнил, что с чем-то подобным он уже сталкивался

полтора десятилетия назад. Подняв секретные архивы, Маньяк извлек на свет те самые записи, наделавшие в две тысячи восьмом в тесных научных кругах «Терра» столько шума. Совершенно непонятные тогда, сегодня сигналы моего мозга уже не выглядели для Эберта китайской грамотой. Подсунь их любому из ВМВ-дизайнеров, и он сразу определил бы этот материал как сильно «сжатое» досье какого-нибудь игрового персонажа. Причем с учетом гигантского объема заархивированных файлов, досье не искусственного дубля, а полноценного живого игрока, который уже прошел тесты для регистрации в симулайфе.

Но как удивился бы ВМВ-дизайнер, если бы вдруг узнал, что владелец этого досье уже полтора десятка лет покоится в могиле!

Вот что за сигнал транслировал мой мозг в ВМВ-диапазоне перед тем, как обратиться в кусок мертвой плоти! Подробнейшая информация о человеке по имени Арсений Белкин, хранящая в себе мой облик на момент смерти, содержимое памяти и многое другое, что пригодилось бы для воссоздания моей полноценной личности. Но для каких создателей предназначались эти данные, перехваченные первым нейрокомплексом? Не для «Терра» же, в конце концов!

Элиот Эберт снова напялил лабораторный халат и вернулся к научной деятельности, возглавив секретные работы по исследованию ВМВ-досье покойного Арнольда Шульца. Благодаря моему криминальному прошлому, проект получил ироничное название «Джесси Джеймс» – надо заметить, весьма авторитетное для меня при жизни имя. При более скрупулезном изучении научной загадки выяснилось, что на самом деле «сундук мертвеца» таил в себе помимо легко дешифруемых материалов много таких, природа коих на данном этапе развития ВМВ-технологий была абсолютно неизвестна. Они-то и вызывали опасение, из-за которого грабителя Шульца не рискнули воскресить еще в Терра Куэнто. Существовала вероятность глобального сбоя по причине отторжения симулайфом неисследованных файлов в моем досье. Однако при проектировании Терра Нубладо были учтены все вероятные сбои и подготовлены механизмы для экстренного устранения их последствий. Мое второе рождение стало неизбежным. Оставалось лишь подобрать для возрожденного «Джесси Джеймса» достойную легенду, чтобы дитя выросло прилежным и слушалось родителей. Проблема распоясавшихся крэкеров явилась благодатной почвой для выращивания таких благородных идей...

Сегодня, когда проекту «Джесси Джеймс» исполнилось почти пять лет, Эберт предполагал, что он знает, какая информация зашифрована в неисследованных фрагментах моего досье. Отличие его от досье живых игроков заключалось в том, что оно непостижимым образом существовало само по себе. Прочие игровые

ВМВ-досье не обладали такими устойчивыми качествами, бесследно исчезая, когда их владелец отсутствовал в симулайфе больше сорока дней; причина, по которой виртуальные дубли погибали без «подзарядки» от живых людей, также еще выяснялась. Профессор высказал версию, что в предсмертных сигналах моего мозга был сокрыт код человеческой души, который соединял вместе и оживлял остальные фрагменты моей закодированной личности, сохраненные в расшифрованных участках досье. Эти не поддающиеся расшифровке связующие звенья кода и делали меня полноценным человеком, даже несмотря на отсутствие настоящего тела за пределами искусственного мира.

Со слов Маньяка, проект «Джесси Джеймс» наглядно доказывал бессмертие души, а также предоставлял доказательства самого ее существования в виде все тех же загадочных фрагментов кода. Иными словами, я не мог умереть до тех пор, пока в архивах «Терра» будут храниться записи того ВМВ-сигнала, которые, естественно, уничтожить никто не собирался. Арсений Белкин являлся первым человеком в мире, который обрел подлинное бессмертие, так что впереди меня ожидала не смерть, а всего лишь забвение. Возможно, на годы, возможно, на десятилетия, а возможно, и на века...

Но будет ли забвение лучше смерти? Кто знает... Точно известно одно: забвение в любом случае будет хуже, чем даже самая незавидная и мучительная жизнь. Уж поверьте бессмертному на слово...

Морган Платт снисходительно смотрел мне в глаза и усмехался. Наверное, у меня и впрямь был глупый вид. А разве можно выглядеть по-другому, когда вам со всей серьезностью сообщают, что вас нет в природе и последние доказательства вашего существования давным-давно истлели в могиле? Конечно, можете возразить, что ничего страшного в этом нет: вот же они, руки, ноги, туловище, голова – все на месте. И ничуть не искусственные – для мира, где я сейчас живу, они вполне реальны. Совершенно с вами согласен. Однако когда осознаешь, что в Единственно Правильной Реальности тебя не ждет даже собственное тело, пусть обрюзгшее и парализованное, но все-таки дающее мало-мальское ощущение полноценности, в душе возникает такая огромная дыра, что после этого ее уже никак нельзя считать душой. Так, жалкие обрывки некогда гордого знамени, трепещущие на ветру жизни и ничего, кроме отвращения, не вызывающие.

– Мистер Платт, выслушайте меня, пожалуйста! – умоляюще произнесла Кассандра, закончив свой рассказ, взволновавший ее куда больше, чем меня. Девушка уже не могла сдерживать слезы. Мне было ее искренне жаль, однако я

совершенно не представлял, чем ее утешить. Тем, что Проповедник бессмертен и потому не пострадает от упрямства Гамма-креатора? Анабель раньше меня узнала это, однако все равно была крайне расстроена. – Прошу вас, разрешите Арсению жить в Терра Олимпия! Почему вы так ненавидите его? Неужели пятилетний срок честной службы Арсения в «Терра» не убеждает вас, что ему можно доверять? Ведь на самом деле никаких технических проблем не существует и все зависит только от вашего слова, разве не так?

– Перестань, Анабель, – попросил я. – Даже если мистер Платт согласится, он не даст мне в Терра Олимпия никакой свободы. А жить под постоянным надзором я не смогу.

– Милая девочка! – Платт раздраженно отпихнул книгу и, уперев руки в стол, откинулся на спинку кресла. – Моя стойкая неприязнь к твоему другу Арсению и есть та самая неразрешимая техническая проблема! Рассказав тебе о проекте «Джесси Джеймс», твой отец выдал служебный секрет, а это значит, он тебе доверяет. Что ж, тем лучше. Значит, я тоже могу с чистой совестью посвятить тебя в кое-какие секреты, чтобы ты прекратила обвинять дядюшку Моргана в жестокосердии. Поверь, будь все так просто, разве я отказал бы в просьбе дочери своего коллеги и друга? Даже в такой серьезной просьбе, которая заставила бы меня поступиться принципами? Разве я могу спокойно глядеть на твои слезы? Все отнюдь не так, как ты думаешь. На самом деле я не руковожу проектом Терра Олимпия, как значится в официальных документах, а, по существу, являюсь им. Моя настоящая должность – Гамма-креатор, творец третьего по счету симулайфа. Но «творец» не в том смысле, как ты себе это представляешь. Я не работаю дни и ночи напролет на ультрасовременном дизайнерском оборудовании, создавая детальные модели игровых миров. Все, что есть в моем рабочем офисе, – это последняя профессиональная модель нейрокомплекса «Астрал» и вот такие горы сценариев. – Платт похлопал по самой большой из книжных стопок. – В них – подробнейшее описание мира Терра Олимпия, его законы, выдуманное прошлое и варианты развития событий в будущем. Больше ничего. Каждый день до обеда я дотошно читаю сценарии, а после обеда надеваю нейрокомплекс и просто мысленно представляю себе прочитанное. Заостряю внимание на каждой мелочи, порой кое-что домысливаю, импровизирую. Частенько отклоняю предложенный вариант сценария, поскольку симулайф пока в разработке и я волен менять в нем правила по своему усмотрению. Но когда моя Терра Олимпия будет заселена игроками, вносить радикальные изменения станет уже невозможно, и мне придется удерживать свои бурные фантазии в границах существующих норм. А также придется заботиться еще о некоторых вещах, таких, как регулярная подача необходимого объема информации ВМВ-дизайнерам. Симулайф – он как большое

озеро, поток мысли креатора – та река, что наполняет его, а ВМВ-дизайнеры – смотрители дамбы, которые следят за количеством, а в нашем случае еще и качеством поступающей в озеро воды. И чтобы рыбе – то есть игрокам – в этом озере жилось предельно комфортно, смотрители проводят большую профилактическую работу: фильтруют воду, следят за экологией водоема, регулярно подкармливают рыбу, а также создают необходимые резервные запасы воды – должен же и я когда-то отдыхать? Поток моей мысли богат, но порой сумбурен и нуждается в упорядочивании. Поэтому перед тем, как отправить его на ВМВ-транслятор, дизайнеры корректируют недочеты моей работы, «домысливая» за меня некоторую отсебятину. Ведь как и любой другой человек, я не застрахован от ошибок и не могу охватить мыслью все без исключения аспекты искусственного мира.

– И это все, чем вы занимаетесь: день и ночь насилуете собственное воображение? – спросил я, припоминая, что уже задавал подобный вопрос Тенебросо, который описал мне свою «стерильную работенку» слишком уж лаконично. Кажется, тогда я обозвал откровения Васкеса пьяным бредом. Откровения Платта выглядели не лучше, но конкретики в них было на порядок больше, и к тому же Морган был совершенно трезв. Хочешь не хочешь, пришлось ему поверить.

– Да, таков круг моих обязанностей, – подтвердил Гамма-креатор. – ВМВ-технологии до предела упростили процесс моделирования миров. Ведь человеческий мозг не только принимает ментальные волны, но и в огромном объеме генерирует их! Наши фантазии и есть не что иное, как сгенерированные ментальные волны. Сев в мое кресло, каждый может создать свой собственный мир! И не только создать, но и полностью населить его – в удивительные времена мы живем, не правда ли? Конструируя свой игровой дубль, вы просто представляете его, а если вам не хватает воображения, просто смотрите на картинку и включаете свою фантазию принудительно. Как, например, делаю это я, читая готовые сценарии. Они требуются мне для того, чтобы понять, что конкретно «Терра» от меня нужно. Если же дать Моргану Платту волю, он такого в симулайфе нагородит...

Гамма-креатор улыбнулся. Но не мне, а просто своим словам. На меня он по-прежнему глядел с холодным презрением. И разговаривал Платт, по существу, не со мной, а с Анабель, поскольку это ей он пообещал раскрыть кое-какие карты.

– Если каждый болван может сегодня творить миры, в чем же тогда заключается уникальность вас, креаторов? – недоуменно поинтересовался я. – Насколько мне известно, вашего коллегу Васкеса сначала подвергали каким-то тестам, и когда он

их с честью выдержал, ему даже устроили досрочное освобождение из тюрьмы. Неужели нельзя было вместо него взять с улицы первого встречного?

– Что я знаю о ваших фантазиях, герр Шульц? – задал Платт встречный вопрос. – Что я знаю о фантазиях этой милой девочки? О фантазиях любого живущего на земле человека? Абсолютно ничего! Не сомневаюсь, что для вас воображаемые вами картины и события выглядят потрясающе достоверно и живо. Но покажутся ли они таковыми мне или Анабель, если нам доведется прикоснуться к ним? Поэтому при помощи тестов «Терра» и отбирает тех, кто способен возводить у себя в фантазиях воистину грандиозные по реализму и детальности миры. Такие миры, придаться к которым не сумеет даже самый требовательный эстет. В отсутствие правильного тестирования кандидатов и заключалась ошибка создателей первого симулайфа Терра Куэнто. В Альфа-креаторы был отобран один из лучших в мире на тот момент художников-дизайнеров по созданию онлайн-игровых вселенных. Казалось бы, кто, как не он, разбирается в моделировании фантастических декораций? Однако что из этого вышло? Художник представлял симулайф таким, какими он десятки раз до этого рисовал свои игровые миры, ограниченные техническими возможностями оборудования, на котором он работал. В итоге получилась яркая красочная сказка с эффектом полного присутствия, но до подлинного реализма ей было очень далеко. Да, с одной стороны, фантазии Альфа-креатору было не занимать, но он оказался просто физически не в состоянии раскрыть весь потенциал технологий ВМВ.

– И поэтому «Терра» переключилась с художников на уголовников? – вырвалось у меня.

– Я постоянно твердил и буду твердить, что это являлось ошибочной политикой, – нахмурился Платт. – Однако могу понять, чем она была продиктована. Уставшие от сказок игроки требовали кровавого реализма, безраздельной свободы и жестокости. Кто, по-вашему, мог выстроить мир, идеально отвечающий этим требованиям? Только один из ваших братьев, герр Шульц. Кадровые психологи «Терра» отправились по тюрьмам. И эти господа поразились результатам своих поисков. Видимо, по причине изоляции от окружающего мира фантазии у преступников оказались настолько богатыми, что «Терра» даже пришлось выбирать, кого именно из полусотни прошедших тесты претендентов допустить к созданию второго симулайфа. Попадались среди них и такие, на чьей совести было по нескольку зверски загубленных жизней. Но «Терра» все же одумалась, решив, что чересчур неприкрытого натурализма не вынесут даже самые экстремальные игроки. Так здесь и появился Мануэль Васкес – человек, повидавший жизнь, в меру

жестокий и не в меру удачливый. Неудивительно, что вы чувствовали себя в его мире, как рыба в воде.

– А ваш водоем, значит, для меня слишком стерилен?

– Я бы мог пустить вас к себе в симулайф. Однако разве вы забыли, что стряслось, когда вас подключили к Терра Олимпия без моего на то согласия? Обнаружив незваного гостя, я страшно разозлился, и эти эмоции нарушили ровный поток моих фантазий. Не уверен, что вам понравился способ, которым я уничтожил ваш дубль. На вас обрушился мой гнев, который я непроизвольно представил в виде гигантской черной волны, сметающей все на своем пути.

– Да, я видел это цунами, – подтвердил я. – Поверьте, вы сумели меня напугать до икоты.

– Эмоции, герр Шульц, – страшнейший враг любого креатора, – заключил Платт. – Они выводят мысли из равновесия, мешают сосредоточиться на конструировании симулайфа и вносят в него такой дисбаланс, что исправить его потом довольно сложно. Выгляните наружу. Что вы там видите? Беспорядок и хаос. Каковы же его причины? А они достаточно просты: Мануэль Васкес чем-то сильно расстроен и не может должным образом сконцентрироваться на работе. У него в голове посторонние мысли, он зол, теряет над собой контроль, отчего медленно, но верно губит, не побоюсь этого сравнения, дело всей своей жизни...

«Расстроен – это еще мягко сказано, – подумал я. – Мануэль в ярости, и не губит, а уже полностью погубил свою мечту».

– ...И это, заметьте, человек со стальными нервами! Что же говорить про меня? Я не занимался криминалом, герр Шульц, и впадаю в дрожь перед лицом любых трудностей. Я слаб и телом, и духом. Морган Платт – всего лишь обычный поэт, причем далеко не знаменитый. Я не убиваю людей, я пишу стихи. И еще много и образно фантазирую. О таких, как я, хорошо сказал Уильям Бэйтс Йетс: «Я – бедняк, и все мое богатство – грезы. Я расстелю перед вами только их...» И вы, герр Шульц, будете в прямом смысле топтать мои грезы, а я этого не хочу. Поймите, что, поселившись в моем мире, вы просто уничтожите его, став причиной непоправимого дисбаланса. Моя неприязнь к вам лежит на подсознательном уровне, и мне, увы, никак с ней не совладать. Надеюсь, милая Анабель поймет меня и простит... И вы тоже.

Анабель Мэддок угрюмо молчала. Конечно, она была далеко не глупа и все прекрасно понимала. Упрашивая Гамма-креатора взять Арсения Белкина на борт его «корабля», она тем самым пыталась пронести туда бомбу замедленного

действия с уже запущенным таймером. Случись это, и корабль под гордым названием «Терра Олимпия» пойдет ко дну, еще не покинув портовой гавани. Всеми силами стараясь помочь мне, Анабель ставила под угрозу судьбы многих людей. И прежде всего тех, для кого запуск грядущего симулайфа означал как минимум пять-шесть лет стабильного заработка и семейного благополучия. Беспокойство о судьбе умершего четверть века назад преступника выглядело на этом фоне просто нелепо.

– Все в порядке, – ободряюще подмигнул я Кассандре. – Нет так нет, что тут поделывать. Ну да хоть отосплюсь теперь по-человечески за все годы службы.

– Ничего не в порядке! – раздраженно бросила девушка, отворачиваясь, словно боялась посмотреть мне в глаза. – С тобой с самого начала поступали несправедливо и бессовестно врал все эти годы. И что вместо извинений? Просто берут твое досье и зашвыривают его на дальнюю полку. Они даже не позволили тебе встретиться с сестрой! Нарушение секретности, видите ли, непредсказуемые последствия и прочая ахинея!..

– Что значит не позволили встретиться? Твой отец сказал, что это Полина отказалась со мной встречаться.

– Мой отец солгал, как поступал с тобой сотню раз до этого. Полина Лагутина и знать не знала о тебе, пока вчера я с ней не связалась и не рассказала, что ее брат... ее брат... – Анабель осеклась. Она явно хотела сказать «жив», но не смогла. Потом все же вышла из неловкого положения: –...что ее брат сейчас находится в симулайфе. Для Полины это был большой сюрприз, но я убедила ее, что это правда. И она согласилась с тобой встретиться.

– Где и когда?! – встрепнулся я, моментально забыв и о Гамма-креаторе, и о его призрачно-недостижимом симулайфе.

– Завтра утром, на ближайшей к столице точке «Феникс». У дочерей Полины есть нейрокомплекс, и сегодня они помогут ей зарегистрироваться в Терра Нубладо под ее настоящим именем и внешностью. И если ты придумаешь, как отсюда выбраться, то завтра получишь шанс встретиться с сестрой...

– Ничего не выйдет!.. – раздался позади нас знакомый голос.

Мы обернулись. Заложив руки за спину, из-за книжных стеллажей вышел маэстро Гвидо, он же Патрик Мэддок, он же самый бессовестный лжец, которого я когда-либо встречал.

– Папа? – воскликнула Анабель.

– Мистер Мэддок? – удивленно произнес Морган Платт.

Не удивился только я, поскольку наблюдал подобные фокусы уже не первый раз. Раньше у меня вызывало интерес, как Гвидо умудряется так бесшумно ко мне подкрадываться. Сегодня, когда причина этого трюка была известна, во мне осталось только одно-единственное желание: начистить лицемеру физиономию. Но делать я этого не стал: все равно бесполезное занятие, да и низкий это поступок – лупить отцов в присутствии дочерей. Вернее, самому получать от них взбучку.

– Все точки «Феникс» заблокированы оседлыми, и два часа назад мы приняли решение отключить систему возрождения, – Патрик говорил подчеркнуто-официальным тоном, словно командир воинского подразделения, разъясняющий бойцам текущую ситуацию. – Само собой, регистрация новых пользователей тоже отменена. Также довожу до сведения всех присутствующих, что завтра утром симулайф Терра Нубладо прекратит свое существование. Примите мои сожаления. Мистер Платт, вы готовы принять эстафету?

– Разумеется, мистер Мэддок! Видит бог, давно готов! – по-юношески восторженно отозвался Гамма-креатор.

– Раз так, то попрошу вас закончить изучение архивов Васкеса и вернуться в офис. Через час у нас назначено внеплановое совещание, и вы обязаны на нем присутствовать.

– Непременно буду, мистер Мэддок, – с готовностью доложил Платт, после чего выскочил из-за стола и взялся наводить на нем порядок, расставляя книги обратно на стеллажи.

– Папа, ты должен перенести отключение симулайфа и позволить Полине встретиться с Арсением! – вскричала Анабель. – Если ты помешаешь этому, я... я...

Девушка захлебнулась словами.

– Это не в моей компетенции, – нарочито холодно, видимо, чтобы держать себя в руках, ответил Мэддок, бросив в меня косой взгляд. – Решение принято на самом высоком уровне. Когда в следующий раз ты запланируешь такое серьезное мероприятие, Бель, обязательно посоветуйся со мной. К тому же ты нарушила свое обещание не рассказывать Арсению о том, во что я тебя посвятил...

– А сколько обещаний ты нарушил!.. – Выкрикнув это, Анабель сорвалась с места, подскочила к отцу и залепила ему такую звонкую пощечину, что Морган Платт от

неожиданности выронил книгу, которую в этот момент ставил на полку. – Лжец! Мерзавец! Ты... Ты... Ты подлее тех крэкеров, папа! В сто, в тысячу раз подлее!

Патрик от пощечины не вздрогнул и не поморщился, стоически выдержав карающую руку разгневанной дочери. Он даже не стал ругаться, хотя было видно, что его буквально распирают эмоции.

– Сожалею, Бель, – только и вымолвил он.

А Анабель демонстративно отвернулась от отца, после чего подошла ко мне и, обняв за шею, уткнулась лицом мне в плечо. Девушка не плакала, просто стояла и молчала. Словно извинялась, что все ее хлопоты выдались напрасными. Или же таким способом прощалась. А я, обняв Анабель, не отрываясь, смотрел на потупившего взор Патрика, молча потирающего раскрасневшуюся щеку. Один Морган Платт что-то бурчал себе в усы и продолжал как ни в чем не бывало наводить порядок, делая вид, что выяснения отношений между Мэддоками его не касаются.

Как бы старательно ни изображал перед нами Патрик сурового делового человека, как бы ни крепился, но когда он все-таки отважился взглянуть мне в глаза, стало ясно, что ему тоже нелегко. Возможно, даже тяжелее, чем мне. Патрик действительно сожалел о случившемся, а не просто отмахивался дежурной фразой. У него в глазах было столько же боли, сколько и в тот момент, когда он рассказывал мне о болезни дочери. Мэддоку было не так-то просто выдержать мой взгляд, однако он уже не пытался избегать его. Сильный человек, что там говорить, хоть и не без грехов за душой...

В библиотеке протекало настоящее сражение. В этом сражении противники не двигались, не выкрикивали угрозы, не обменивались ударами и не проливали кровь, но и без этих атрибутов схватка была яростной. Мы с Патриком стояли напротив и глядели друг другу в глаза. Больше ничего, только этот молчаливый обмен взглядами. Даже слова были отложены нами за ненадобностью.

Я атаковал, Патрик защищался. Я чувствовал за собой правду и потому бил крепко и не беспокоился об обороне. Патрик прикрывался щитом служебного долга, но меня такой защитой было не удержать. Против закаленного меча моего праведного осуждения этот щит, наспех сколоченный из уже знакомых мне отговорок, выглядел жалко. Но Мэддок не сдавался и, похоже, готов был стоять до последнего. Иначе зачем он вообще принимал этот неравный бой? Желал себя наказать? Не исключено. Если это действительно так, значит, у Патрика еще имелась совесть. Впрочем, в нашей битве совесть была для него не оружием, а ахиллесовой пятой.

Я был жесток, но не беспощаден. Мэддок легко читал в моих глазах, что я дарую ему прощение даже в случае, если он не сдастся и останется верен своему долгу. Именно это Патрика и смущало. Он явно ожидал от меня более бескомпромиссной тактики: лютой мести за многолетнюю ложь и особенно за некрасивую историю с Полиной. Мести, подкрепленной жаркими словесными обвинениями, а вероятно, и кулаками. Однако мое абсолютное спокойствие и нежелание втоптывать противника в грязь Мэддока просто обезоруживали. Я побеждал скупыми, но предельно выверенными действиями, не прилагая к этому лишних усилий. Взгляд Патрика из колючего постепенно превращался в удивленный, а затем и в растерянный. И когда это произошло, он сам догадался, что сопротивляться уже бесполезно – я не выйду из себя и не изменю своей простой, но сокрушительной тактики. Я был готов смотреть в глаза Мэддоку хоть день, хоть год, хоть вечность, и даже спустя тысячелетие выражение моего взгляда не изменилось бы ни на йоту.

На Востоке есть пословица: «Если долго сидеть у реки, можно увидеть, как по ней проплывет тело твоего врага». В России говорят: вода камень точит. Обе истины весьма красноречиво характеризовали мою тактику в этой бессловесной битве с маэстро Гвидо. Другого стиля боя я сегодня не признавал, поскольку именно так и побеждают бессмертные...

– Послушай, Арсений, – нарушил-таки тишину Мэддок, опуская глаза и тем самым выбрасывая белый флаг. – Я не хочу, чтобы ты...

– Брось свои оправдания, – перебил я его. – Ошибаешься, думая, что они нужны созданному вами персонажу, говорящей двуногой декорации. Делай то, что должен. И если вдруг в далеком будущем опять надумаете воскресить Проповедника, будьте добры, не стирайте мне память о Терра Нубладо. Я не хочу помнить об этом проклятом симулайфе, я боюсь, что забуду Анабель. Этот мир недостоин ее, но иначе мы бы не встретились. – Я обнял девушку покрепче. Анабель подняла лицо и благодарно посмотрела на меня. И впервые за сегодня улыбнулась, лишней раз доказывая мне, что лучшей награды в память о туманном мире я выбрать не мог. – Пообещай, Патрик, что выполнишь мою просьбу. И мы будем с тобой в расчете.

– Я... сделаю так, как ты сказал, – заверил меня Мэддок. Заверение это не выглядело твердым, но я знал, что Мэддок хотя бы постарается. – И я попробую... помочь Полине с регистрацией. Мы начнем отключение с дальних провинций и оставим Кабеса напоследок. У тебя будет время... пообщаться с сестрой. Немного, но будет.

– Спасибо и на том, – кивнул я. Анабель обернулась, исподлобья глянула на отца, но промолчала. Благодарить его она не стала, но, кажется, Патрик все же немного реабилитировался в глазах дочери. Впрочем, как и в моих.

– Я бы не советовал тебе идти к точке «Феникс» через город, – продолжал Мэддок. – Те идиоты, что сходят с ума за воротами, явно останутся в Терра Нубладо до последнего, даже несмотря на наши просьбы покинуть симулайф во избежание возможных сбоев с алгоритмами выхода. Но слишком велико искушение стать свидетелем конца света... Есть более быстрый и безопасный способ попасть за городские стены. Следуйте за мной...

Патрик провел нас через зал и остановился напротив одной из больших картин-пейзажей, после чего подтащил стремянку, влез на нее и начал снимать картину со стены. Пока он занимался этим, я пригляделся и рассмотрел, что изображено на картине: участок высокой крепостной стены, примыкающие к ней лачуги оседлых и уходящие за ними вдаль лесистые холмы. Местность была мне незнакома, но по специфической форме нарисованных башен оборонного периметра стало очевидно, что художник писал свое полотно где-то в западном районе пригорода фуэртэ Кабеса. Назвать ракурс удачным было нельзя, да и место выглядело не слишком живописным, однако художник поработал с душой: все детали пейзажа были отображены тщательно и красочно.

Что задумал маэстро Гвидо, я приблизительно понял, когда он открепил от мольберта чистый холст и вместо него водрузил туда снятую с гвоздя картину.

– Это наш закрытый односторонний канал для служебных перемещений, – пояснил Патрик. – Нечто вроде телепорта внутри игрового мира. К счастью, пока еще функционирует. Надеюсь, как пользоваться шлюзом, ты уже догадался?

– Мистер Платт проявил любезность и продемонстрировал нам, как это делается, – ответил я.

– Тем лучше... Как окажешься на месте, двигайся по этой просеке. Она выведет тебя вон к тому холму. За ним будет овраг... – Гвидо водил рукой по картине, будто экскурсовод, разъясняющий посетителям картинной галереи замысел художника. Я тщательно запоминал маршрут, поскольку заплутать в незнакомых лесах было бы самой досадной оплошностью, которая могла испортить мне последние часы пребывания в Терра Нубладо.

– Все ясно, – сказал я, когда Патрик закончил. – Если не буду задерживаться, аккуратно к утру доберусь.

– Я иду с тобой! – твердо заявила Кассандра.

– Леса кишат оседлыми, – добавил маэстро. – Лучше, если Арсений пойдет один. Так ему будет проще пробраться незамеченным. Да и возле точки «Феникс» тоже небезопасно... Ума не приложу, как ты собираешься встречаться с сестрой в такой обстановке.

– У Арсения прострелена нога, – возразила Кассандра. – В дороге ему может потребоваться помощь.

– Все в порядке, – успокоил я девушку. – Анна обманывала нас в чем угодно, но только не в эффективности своих колдовских зелий. До места дотяну, а там поглядим. А ты, Анабель, лучше бы предупредила Полину, когда можно будет пройти регистрацию. А потом возвращайся вместе с ней через точку «Феникс» – обещаю к утру навести вокруг нее порядок.

Со мной Анабель спорить не стала...

– Ну прощай, Патрик, – обратился я к Зануде перед тем, как воспользоваться шлюзом. То есть в буквальном смысле влезть в картину. – Будет возможность, передай благодарность Мануэлю Васкесу. За то, что он позволял мне столько времени топтать его грезы.

– Мануэлю Васкесу?.. – растерянно проговорил Патрик, почему-то оглядываясь на Моргана Платта. – Хм, ладно, передам... Когда встречу его... Да, прощай, Арсений Белкин. И тебе спасибо за все, что ты для нас сделал. Я, конечно, был несправедлив к тебе, но давай не будем помнить зла, хорошо?

И протянул мне руку.

– Договорились, – согласился я, пожимая ее. – Но мне-то проще: ведь я и так скоро ничего не буду помнить...

Наверное, со стороны это напоминало глюк обдолбанного ЛСД наркомана: человек пригибается и входит в картину, словно в оконный проем. Я даже ничего не почувствовал – просто перенес ногу через раму и поставил ее на землю уже внутри... непонятно чего. Потом осторожно, будто погружаясь в горячую ванну, пролез в картину сам. Перенося вторую ногу, я от волнения зацепился носком сапога за раму, споткнулся и упал. И только когда поднялся, набрался смелости оглянуться, совершенно не предполагая, что увижу у себя за спиной. Висящий где-нибудь на стене пригородного дома групповой портрет маэстро Гвидо и прорицательницы Кассандры?

Позади ничего не было. Даже стены. Я выпал на задворках какой-то лачуги прямо из воздуха – тоже наверняка впечатляющее получилось зрелище! К счастью,

свидетелей моей материализации поблизости не оказалось, а иначе опять пришлось бы доказывать какому-нибудь скептику, что я не локо.

Не поверил бы. И правильно сделал, поскольку правда прозвучала бы для него куда безумнее...

Глава десятая

«Здравствуйте, таинственная незнакомка, знающая мою девичью фамилию и оставившая мне свой номер. Вы меня очень заинтриговали. Однако удивлена, что вы выбрали столь древний способ общения. И не припомню, чтобы когда-нибудь мне приходилось отсылать по видеомобу текстовые сообщения – оказалось, что это очень трудоемкое занятие. Поэтому не удивляйтесь, если госпожа Лагутина будет отвечать вам не сразу. Кто вы? Судя по всему, я тоже должна вас помнить».

«Здравствуйте, уважаемая Полина Лагутина. Вы меня совершенно не знаете, и мы с вами ни разу в жизни не встречались. Меня зовут Анабель Мэддок. Мне двадцать лет, и я живу в Лондоне. По причине врожденной немоты я не имею возможности нормально общаться с вами по видеомобу, поэтому мы и обмениваемся текстовыми посланиями. Мой отец – один из исполнительных директоров корпорации «Терра». Его имя – Патрик Мэддок. Недавно он или кто-то другой из «Терра» должны были связаться с вами, чтобы передать просьбу одного человека о встрече. Насколько я в курсе, вы отказались встречаться с этим человеком. Если это правда, то чем вызван ваш отказ?»

«Дорогая Анабель, мне нечего ответить вам на этот счет. Никто из „Терра“ со мной не связывался и никаких встреч не назначал. Я много слышана об этой корпорации, однако не понимаю, какой интерес для нее может представлять московская пианистка, пусть и с мировым именем? Наверное, здесь просто какая-то ошибка».

«Уверяю вас, уважаемая Полина, что никакой ошибки здесь нет. Причина, по которой „Терра“ должна была связаться с вами, но почему-то не сделала этого, в следующем. Речь идет о вашем старшем брате Арсении Белкине. Сразу хочу уведомить вас, уважаемая Полина, что Арсений, которого вы, наверное, очень давно считаете пропавшим без вести, погиб в окрестностях Лондона в две тысячи восьмом году при трагических обстоятельствах. Где он сегодня похоронен, я, к сожалению, не знаю. Но прежде чем сообщить вам главное, я

прошу вас... убедительно прошу вас мне поверить, поскольку сейчас вы можете посчитать меня сумасшедшей. Это не так. Перед смертью мозг вашего брата был подвергнут научному, если можно так выразиться, эксперименту по изучению Внешних Ментальных Волн. Я не буду вдаваться в подробности опытов, потому что сама ничего в этом не смыслю, но, говоря простым языком, умерев в реальности, ваш брат сумел выжить в Ауте, или, как говорили во времена вашей юности, – в виртуальном мире. В данный момент Арсений Белкин проживает в симулайфе Терра Нубладо. И это не описка – он действительно полноценный человек, как говорится, в здравом уме и твердой памяти и выглядит на тридцать с небольшим лет. Только выйти за пределы виртуального мира Арсению, сами понимаете, не суждено. И он очень, очень переживает и раскаивается по поводу того, что причинил вам и вашим родителям в молодости столько горя. Арсений просит у вас прощения, уважаемая Полина, и хочет с вами встретиться. Сегодня такое вполне возможно, и я могу вам в этом помочь, так как с недавних пор общаюсь с Арсением постоянно».

«Дорогая Анабель, извините, что так долго не отвечала. Надеюсь, понимаете, как меня шокировала ваша новость. Если это такая изощренная шутка, то смею заметить, шутка весьма неудачная и жестокая. Только я почему-то уверена, что вы не шутите. У меня действительно был, а не исключено, что до сих пор где-то есть старший брат Арсений. Чем он занимался или занимается, я понятия не имею, поскольку его связи с семьей полностью оборвались задолго до две тысячи восьмого года. Однако теперь я все больше склоняюсь к мысли, что он все-таки жив и по прошествии стольких лет наконец-то вспомнил о моем существовании. А все эти истории насчет собственной смерти и жестоких научных экспериментов придумал нарочно, поскольку даже сейчас боится показываться мне на глаза. Поэтому и назначает встречу в симулайфе; я слежу за веяниями времени и имею представление, что такое современные виртуальные миры. Говорите, он раскаивается? И в это охотно верю. Что ж, лучше поздно, чем никогда. Разумеется, я согласна с ним встретиться, тем более что благодаря современным технологиям и лететь никуда не придется. Спасибо вам, дорогая Анабель, за обнадеживающие новости и за помощь. Уверена, вы – очень хорошая, отзывчивая девушка, но мне обидно, что вам приходится идти на поводу у Арсения и помогать ему пытаться морочить мне голову всяческими небылицами. Итак, где и когда должна состояться наша встреча?..»

Патронов для «Экзекутора» осталось всего шесть, а локос, окруживших храм Огненной Птицы, было более трех десятков. Но для них у меня имелось еще

кое-что. По дороге сюда я наткнулся на два растерзанных скитальческих трупа и самым бесстыдным образом обобрал их, разжившись парой неплохих револьверов. Револьверные барабаны были пусты – погибшие скитальцы отстреливались до последнего патрона, но, видимо, напиравшие отовсюду оседлые просто не дали отважным парням перезарядить оружие. За мной пока никто не гнался, и потому я без спешки забил револьверные каморы патронами, извлеченными из патронташей убитых. Оставшиеся патроны рассыпал по карманам сюртука. Я не сомневался, что, угодив в подобную плачевную ситуацию, обрету столь же бесславный конец, как и эти несчастные.

И угодил... Пока я пробирался к месту встречи по просекам и оврагам, до последнего надеялся, что раз точки «Феникс» перестали воскрешать игроков, локоз волей-неволей надоест отираться у иссякшего источника вражьих сил и они направятся ловить уцелевших скитальцев в более густонаселенные районы. Как выяснилось, зря надеялся. Превратившись за минувшие дни в абсолютно бесстрастные машины для убийств, оседлые упорно не снимали отныне бесполезное оцепление. Стволы их оружия были все еще нацелены в центр храма Огненной Птицы, а у кого не имелось винтовок и пистолетов, держали наготове сабли, тесаки и прочий колюще-режущий инструмент.

Опасаясь выходить на опушку, я пока отсиживался в лесу. У меня еще было в запасе время – мне так не терпелось добраться до места встречи с сестрой, что я прибежал к точке «Феникс» гораздо раньше намеченного срока. Спешка снова вымотала мои силы, не до конца восстановленные после столичной погони, однако подарила лишних полчаса на обдумывание тактики предстоящего боя.

Тактика была проста – быстро бегать и метко стрелять. В идеале, при точном попадании первых восемнадцати выстрелов, за которыми последует долгая перезарядка револьверов, я мог уничтожить половину вражеской группы, а то и больше. Затем – как карта ляжет. Если удастся стремительной атакой вывести из строя больше стрелков, чем фехтовальщиков, возможно, мне и повезет. Если наоборот, шансы на успех резко падали. Играть со стрелками в салочки с одновременной перезарядкой – занятие не для хромоногого, который к тому же не слишком искушен в стрельбе из револьвера. Начинать атаку следовало со стрелков, и только с них! – иного выбора просто нет. Но вот попробуй-ка устроить выборочный отстрел в кутерьме, которая начнется сразу после первых выстрелов!

Я в сердцах сплюнул. Время на раздумье закончилось, и потрачено оно было впустую. Взятая на вооружение стратегия пришла мне в голову, едва я только засек врагов, и лучшей стратегии после этого у меня так и не появилось. Скорость,

точность и везение – вот будет мой девиз в это беспокойное утро. Впрочем, то же самое я твердил в любое другое жаркое времечко, выпадавшее порой на мою долю.

Локос – несчастные жертвы нервного срыва Бета-креатора Васкеса – оцепили храм плотным кольцом. Я решил подобраться к ним поближе, чтобы шесть мощных штуцерных пуль, выпущенных в гущу противника, поразили как можно больше целей. Однако едва я вышел из-за дерева и взял штуцер на изготовку, как позади меня раздалось сопение, покашливание и шуршание множества ног по траве. Вздвогнув, я резко обернулся, уже готовясь получить в упор с десятков пуль или быть нанизанным на такое же количество клинков. А то и пережить все эти удовольствия заодно.

Чуть меньшая, чем окружившая точку «Феникс», компания оседлых подкараулила меня, пока я прятался в лесу, и беззвучно подкралась, выдав себя только сейчас. Естественно, что моя и без того шаткая стратегия развалилась мгновенно. Но даже в таком заведомо проигрышном положении я все-таки удержался от соблазна начать убивать направо и налево, лишь бы не пропадать задаром. Мой палец не дрогнул на спусковом крючке, как это случилось на крыльце библиотеки, хотя сейчас я удивился бы нервному срыву куда меньше.

Причина моей заминки крылась в странном поведении подкрававшихся ко мне локос. До сей поры их обычной тактикой служила либо яростная атака сильного противника, либо столь же яростное преследование слабого. Но эта группа оседлых вела себя на удивление сдержанно. Я еще не забыл безумные глаза тех локос, которые гнались за нами с Кассандрой по лесу, и других, с которыми мы сталкивались потом в фуэртэ Кабеса. Оседлые, обступившие меня полукругом, вели себя так, будто я был их командиром и привел их за собой с целью вычистить местность от других локос. О нападении на меня эти изверги, похоже, не помышляли – их оружие было опущено, а об агрессивности говорили лишь мрачные лица, но не поведение.

От неожиданности я попятился, и оседлые как привязанные двинулись за мной, продолжая, однако, сохранять дистанцию. Ни один ружейный ствол не дернулся вверх, ни одна секира или сабля не взметнулись в ударе... Пялясь во все глаза на странных преследователей, я чуть было не упустил из виду тех локос, с которыми только что собирался воевать. Заслышав, как они тоже пришли в движение, я обернулся, думая, что наконец-то все встает на свои места и сейчас веселье помчится во весь опор!..

Такие же угрюмые лица и та же апатичная реакция на мое появление... Как только оседлые повернулись в мою сторону, их нацеленное на храм оружие сразу

опустилось. Я снова оторопел. Не собраты ли этих लोकос еще вчера жаждали разорвать меня на куски с такой страстью, что бросались грудью прямо на пули? Что же такое переломное могло случиться, отчего оседлые за одну ночь утратили ко мне всякий интерес?

И когда адреналин во мне перекипел, а я окончательно убедился, что लोकос не намерены превращать меня в фарш, догадка не заставила себя ждать. И была она элементарнее некуда. И в той маленькой придорожной деревеньке, и в столице я не ощутил бы на себе ярость осатаневших оседлых, попадись я им навстречу один, без своей спутницы. Те लोकос гонялись вовсе не за мной, а за Кассандрой, и меня атаковали только потому, что я защищал скиталицу, не останавливаясь ни перед чем. Сегодня утром я попался लोकос в одиночестве, поэтому они безошибочно опознали неким внутренним чутьем во мне своего.

Именно своего! Ошибался старина Квинт, когда заявлял своим бойцам: «Респетадо Проповедник – не локо!» Разве не был Арсений Белкин в симулайфе таким же оседлым, как прочие его коренные обитатели? Пусть чересчур разумным по сравнению с обычным аборигеном, пусть ведущим скитальческий образ жизни, пусть обладающим более широкими правами и возможностями... Но что из того? Если взглянуть на вещи трезво, Проповедник являл собой все ту же говорящую движущуюся декорацию, как и прочие оседлые, будь они торговцами, земледельцами или рекрутами. И возразить на это было трудно. Что связывало меня с реальностью, как скитальцев, к которым до недавних пор я себя незаслуженно причислял? Только воспоминания и больше ничего.

Я был искусственным персонажем, знающим, что такое настоящая реальность, и в деталях помнившим прошлую жизнь покойного господина Белкина. Если бы Бета-креатор пожелал, он одарил бы подробной памятью любого из оседлых. Просто им она была ни к чему, а вот мне по чьей-то милости или халатности оставлена. А может, «файлы» моей памяти принадлежали к тем загадочным фрагментам ВМВ-кода, которые якобы хранили информацию о моей душе? Тогда это вселяло уверенность, что память об Анабель останется в неприкосновенности и я непременно буду помнить о Кассандре в следующей жизни, далекой и загадочной, как граница Вселенной...

Я опустил оружие и устало прислонился к одной из ритуальных глыб, что окружали точку «Феникс». Проповедник вернулся в общество своих сородичей, родство с которыми он столько времени отвергал. Локос еще с минуту взирали на меня, как на блудного сына, после чего разбрелись по опушке: кто блокировал до этого точку, вернулись в оцепление, остальные направились назад, в лес.

Война отменялась, но стоявшая передо мной проблема от этого не исчезла. Несложно было предугадать, какотреагируют локос на появление Анабель и Полины. Что мне делать с врагами, я знал. Моя беспринципность позволила бы обойтись так же и с «сородичами» – родство родством, но сегодня мое отношение к оседлым все равно не стало теплее. Однако их удвоившееся количество отправило в мусорную корзину все до единого тактические сценарии. Оставалось только одно средство, но применять его на безмозглых болванах было что стрелять в луну, надеясь превратить ее в бублик. И все же я попробовал, поскольку деваться-то один черт было некуда.

Какая только непривычная работа не сваливалась порой мне на голову и при жизни, и в Терра Нубладо, но ораторствовать пока не доводилось ни там, ни здесь. Скажу сразу: людям, что занимаются этим профессионально, надо всем до единого присваивать звание героя еще при жизни. За нечеловеческую самоотверженность в навязывании своего мнения другим, ибо сизифов труд, и тот в сравнении с ораторским делом выглядел куда как осмысленно. Именно такое мнение сложилось у меня, когда, взгромоздясь на невысокий булыжник, я, надрывая голос, сначала созвал к себе локос, а потом развернул перед ними речь. Чувствовал я себя при этом если не Цицероном, то по крайней мере уличным оратором лондонского Гайд-парка.

Надо признать, оседлые откликнулись на мой призыв довольно воодушевленно. Бойцы оцепления побросали позиции и сразу столпились возле моей трибуны, «лесные братья» подтянулись через несколько минут. Я воспрянул духом: локос собирались меня выслушать, а это напрямую указывало, что остатки разума в них все-таки теплились. Теперь оставалось только уверовать в могущество собственного слова. Мне предстояло убедить народные массы немедленно выступить в крестовый поход против скитальцев. Неважно куда, главное, массы должны были в полном составе рвануть с этой поляны как можно быстрее и подальше. Фуэртэ Кабеса – оплот «неверных» – вполне подходила для локос в качестве достойной цели.

Опыт Проповедника, изгнавшего при помощи слов Откровения одержимость из полутысячи строптивцев, оказался сегодня совершенно бесполезен. И не потому что без поддержки сил Баланса моя речь звучала блекло и неубедительно. Наоборот, я пребывал просто в ударе и наверняка не осрамился бы не только в Гайд-парке, но и на трибуне Генассамблеи ООН. Вся загвоздка была не в ораторе, а в публике. Созвать ее и заставить слушать не составило труда – я бы мог просто стоять и тупо орать, и локос также сбежались бы ко мне, как зеваки на пожар. А вот найти у слушателей отклик и разжечь в них побуждающий к действиям

праведный гнев было невозможно, даже пообещай я каждому из бойцов выдать по винтовке и ящику патронов в придачу. Мои пламенные призывы влетали оседлым в уши и с такой же легкостью вылетали обратно, не вызывая в локос никаких чувств. Пятьдесят с лишним пар глаз уныло пялились на размахивающего руками Проповедника и продолжали бы пялиться с тем же равнодушием, даже начни я вытворять цирковые трюки. В своих тщетных потугах докричаться до публики я напоминал сумасшедшего коммивояжера, который решил поведать о преимуществах своего товара стаду коров. Коровы жевали жвачку, и им было абсолютно все равно, чем рекламируемый товар отличается от продукции конкурентов этого велеречивого идиота. Коровам было плевать не только на товар, но и на самого коммивояжера, однако стадо продолжало наблюдать за сумасшедшим человеком, нарушающим своими криками сонную коровью идиллию.

Охрипшее горло и ощущение полнейшей беспомощности – это все, чего я добился своей получасовой речью. Локос и не помышляли последовать моему совету и украсить свои вигвамы вражескими скальпами. Однако речь слушали, словно тем самым выказывали уважение и не желали оскорбить меня своим уходом. Спровадить локос от точки «Феникс» можно было только одним способом: поймать резвого скитальца, показать его издалека оседлым, а затем, пожелав герою попутного ветра, отпустить на все четыре стороны. Это сработало бы однозначно, только откуда здесь было взяться такому скороходу. Давно перестали дуть у храма Огненной Птицы те ветры, что изредка, да проносили по этой глуши случайных путников.

Закончив надрывать голос, я в отчаянии махнул рукой и спрыгнул с импровизированной трибуны. Оседлые простояли еще пару минут, и когда до них дошло, что возмутитель спокойствия угомонился, снова разошлись по позициям. Я же развернулся к неблагодарным слушателям спиной и, не желая смотреть на их постные лица, уселся лицом на восток. Мысли мои были тяжелы и мрачны, как глыбы храма Огненной Птицы. Долгожданная встреча с сестрой обещала продлиться ровно столько времени, сколько я сумею прикрывать ее дубль, пока она будет вводить алгоритм выхода из симулайфа. Нечего Полине делать в этом доживающем последние часы мире. Убежать с ней отсюда я не стану даже пытаться. Скорые на расправу локос не дадут ей сделать по Терра Нубладо и шагу. Я не допущу, чтобы дубль Полины растерзали прямо у меня на глазах – это будет для меня чересчур жестоким испытанием. А я так стремился увидеться с сестрой! И вот теперь приходилось молиться о том, чтобы наша встреча по какой-либо причине сорвалась. По-видимому, эту несправедливость стоило считать очередным кругом моего посмертного ада. Седьмым и самым тяжким кругом...

Последний рассвет над Терра Нубладо выглядел божественно красиво. Это был даже не рассвет, а настоящая Прощальная Феерия Восходящего Солнца. Облака, затянувшие было утренний небосклон, разбежались словно овечки, едва первый солнечный луч пастушьей плетью прошелся по их загривкам. Вскоре показался и сам лучезарный пастырь в сияющей багровой папахе. При созерцании такой красоты могли бы разрыдаться от переизбытка чувств самые черствые циники. Однако пролить скупую слезу у меня не получалось даже в день похорон туманного мира. Просто я основательно позабыл, как это делается. Много бы отдал, чтобы вернуть себе эту простую человеческую слабость, только вылечить меня от черствости нельзя было уже никакими снадобьями. Бесполезно ставить в воду окончательно увядшие цветы – что мертво, то мертво... Умершие чувства – драконова плата за бессмертие души. Но задолженности по этому счету у меня никогда не было, поскольку полную выплату я произвел авансом, еще при жизни...

Восход солнца все же сумел на некоторое время отвлечь меня от неразговорчивых упрямых «сородичей», которым и раньше не было никакого дела до природных красот, а ныне и подавно.

– Угораздило же встречать последний рассвет в такой отвратительной компании! – пожаловался я сам себе. – Хоть бы кто вслух порадовался, что ли, а то тишина, как в могиле! Проклятое мертвое царство, проклятые мертвые ублюдки! Ну ладно, готовьтесь, скоро начнем очередное мероприятие. И на сей раз, клянусь, я сорву ваши овации!

Странная, однако, тишина творилась позади. Ни сопения, ни кряхтения, ни бряцания оружием – такое впечатление, что локос и впрямь все как один вместе со мной замерли в восхищении, любуясь рассветом. Неужто в день конца света в оседлых вдруг проснулось чувство прекрасного? Я обернулся, желая выяснить причину подозрительного молчания.

Локос на поляне не было.

Не веря своим глазам, я поднялся с земли и прошелся вокруг храма Огненной Птицы, где только что стояла линия вражеского оцепления. Ни души; лишь утоптанная трава да рассыпанные гильзы указывали на то, что все это время я не наблюдал здесь толпу призраков. Было непохоже, что оседлые с запозданием вняли моему призыву и отправились в столицу – уход такой крупной компании я бы однозначно не проворонил. Значит, все-таки призраки? Или очередная причуда вконец разбалансированного симулайфа?

Расхаживая по опушке и пристально всматриваясь в лесные дебри, я вдруг слышал исходящий из храма легкий свист и заметил зеленое пульсирующее

свечение. Мне уже было известно, что все это означает. Свист и свечение указывали на то, что на точке «Феникс» начался процесс воскрешения дубля. Забыв про все и кинувшись к каменному кольцу, я, однако, еще на бегу заметил, что дубль «новорожденного» был мне знаком, поскольку принадлежал Кассандре.

– Арсений! – закричала девушка, едва процесс материализации завершился. – Арсений, ты где?!

– На месте! – обрадованно откликнулся я и предупредил: – погоди, здесь может быть опасно! Не выходи из храма – надо уточнить, куда пропали локос!

– Ушли в историю, – ответила Кассандра, не слушаясь моего совета и приближаясь ко мне. – Нет больше оседлых в Терра Нубладо – отец досрочно стер их из симулайфа. Он всю ночь после своего заседания только этим и занимался. Я так боялась, что он опоздает и ты пострадешь. Так боялась...

Она обняла меня и поцеловала в губы. После чего призналась:

– Я специально пришла раньше Полины – хотела удостовериться, что все в порядке. Мы договорились, что если я не вернусь через пять минут, значит, она может спокойно подключаться. Ты правильно поступил, что не ввязался в драку... Или все-таки ввязался?

– Ты не поверишь, что здесь творилось. – Я покачал головой, все еще не веря, что, казалось бы, неразрешимая проблема разрешилась настолько элементарно. – Эти ребята признали во мне своего. Еще немного, и мы бы устроили здесь корпоративную вечеринку...

Девушка улыбнулась, приняв это за шутку. Все-таки удивительно, что кто-то продолжал считать меня человеком даже несмотря на то, что сам я полностью смирился со своей искусственной сущностью.

Помнится в одной старой песенке еще советских времен поднимался философский вопрос: пять минут – это много или мало? В ожидании Полины, которая должна была появиться через пять минут после Анабель, я не находил себе места, расхаживая взад-вперед и пытаюсь привести в порядок нервы. Для меня эти пять минут растянулись как целый час, а то и дольше. Я понятия не имел, что буду говорить сестре при встрече, а Анабель на все мои расспросы отвечала коротко и уклончиво. Объяснила лишь, что Полина знает обо мне всю правду, кроме обстоятельств трагической смерти – у мисс Мэддок просто не хватило духу рассказать об этом моей сестре.

Когда же я высказал опасение, что Полина воспримет меня всего лишь как бездушную компьютерную программу, Анабель ответила, что это вряд ли.

– Скорее всего, получится наоборот, – рассудила она, но конкретизировать, почему так произойдет, не стала, поскольку в центре храма Огненной Птицы снова запульсировало зеленое свечение, сопровождаемое тонким свистом звучащей на высокой ноте флейты. Полина не испугалась вероятной опасности и не передумала встречаться с братом, от которого не было ни слуху ни духу без малого тридцать лет. Отважная женщина... Эх, мне бы сейчас хоть немного ее отваги!

Я стоял, потупив очи, пока происходило появление дубля, и когда наконец осмелился поднять взгляд, Полина уже шла ко мне, щурясь от ярких солнечных лучей, что светили ей прямо в лицо. В последний раз я видел сестру, когда ей только исполнилось пятнадцать, и безусловно лицо ее изменилось. Но не настолько, что я не узнал его – все до единой памятные мне черты присутствовали на нем, как и прежде. И даже прическа Полины оставалась той же, какую сестра предпочитала еще в школе: стрижка «каре» под Мирей Матье; этот стиль очень шел и худенькой девушке-подростку, и взрослой женщине, фигурка которой оставалась миниатюрной и изящной. Анабель упоминала, что Полина решила зарегистрироваться в симулайфе под своей натуральной внешностью, а значит, никакого обмана здесь не было – в свои сорок с лишним сестра выглядела просто великолепно. А выбранный ею скромный, но со вкусом костюм скиталицы только подчеркивал это.

Возникал, правда, один заковыристый вопрос: кого теперь из нас считать старше – благодаря остановленному, а потом вновь запущенному таймеру моей жизни я чувствовал себя на тридцать с копейками. Жизненный опыт Полины за это время не только сравнялся с моим, но и превзошел его.

Полина приближалась, а я мялся перед ней, как двоечник на родительском собрании, и ничего не мог с собой поделать. Я чувствовал, что даже не сумею первым начать разговор, поскольку тут же начну краснеть и заикаться. Благо Полина освободила меня от этой обязанности – в отличие от стусевавшегося брата, она выглядела куда увереннее.

– Здравствуй, Арсений, – сказала она, останавливаясь и осматривая меня с ног до головы. Бросаться в объятия сестра не стремилась. Впрочем, на откровенно теплую встречу я и не рассчитывал – слишком велика была пропасть, которую я вырыл между нами за столько лет. – А ты практически не изменился. Неужели сейчас действительно так выглядишь?

– Здравствуй, Полина, – промямлил я. И это после того, как четверть часа назад произнес перед локос столь впечатляющую речь! – Ты тоже... хорошо выглядишь... А я... Да, я почти тот же самый... Разве только вот...

Что именно «вот», я сформулировать так и не сумел. Рассказывать сестре о том, что призраки не стареют, желание отсутствовало.

– Удивительно, как благотворно влияет на человека жизнь вдали от родного дома, – заметила Полина с укоризной. – Может, поэтому ты столько лет туда глаз не кажешь? Когда были живы родители, ни разу не написал им и не позвонил, а сейчас даже на их могилу не желаешь навеститься. В чем причина? Чего-то боишься или до сих пор в душе какую обиду держишь?

– Разве Анабель не рассказала тебе почему? – Я покосился на Кассандру, которая оставила нас наедине и теперь прохаживалась у края опушки, деликатно отвернувшись и одновременно любуясь последним рассветом.

– Конечно, рассказала, – подтвердила сестра. – Любопытная история. Сам придумал? И не подозревала раньше, что ты фантастикой увлекаешься. Тебе бы с такой фантазией в Голливуд, сценаристом.

– Но... это чистая правда! – оторопел я. К холодному приему я был, разумеется, готов, но не предполагал, что Полина сочтет рассказанную Анабель историю выдумкой. Да, действительно, она звучала неправдоподобно, но как можно было не поверить дочери такого влиятельного человека? Оказывается, можно...

– Мне-то откуда знать, правда это или розыгрыш? – махнула рукой Полина. – Ты появляешься нежданно-негаданно через тридцать лет, рассказываешь удивительную и душераздирающую историю, припутываешь к ней эту доверчивую девочку и хочешь, чтобы я тебе поверила? Знаешь, Арсений, мне уже давно не пятнадцать, чтобы верить в такие небылицы. Для взрослой женщины надо было изобрести версию поубедительней. А еще лучше взять и честно признаться, что просто боишься встречаться в реальности. Но я не осуждаю тебя за такое малодушие. На самом деле оно говорит о многом. И в первую очередь, что в тебе еще осталась совесть. Анабель сказала, что ты хотел попросить у меня прощения...

– Да, хотел.

– И я обязательно прощу тебя, но только с одним условием: ты должен будешь сделать это не так, как сейчас. Отключайся от симулайфа, покупай билет на самолет и прилетай в Москву. Я встречу тебя в аэропорту, познакомлю со своей семьей – уверяю, муж и дочери будут рады тебя видеть. А потом мы слетаем на родину, навестим могилу родителей, побродим по знакомым местам, заглянем в

гости к родственникам... Просто сделай так, Арсений, и мне не потребуются от тебя никакие извинения. Вот увидишь, это совсем несложно. Тем более ты теперь знаешь, что никто тебя не прогонит и не будет осуждать. Итак, мы договорились?..

– Полина, я... Я и вправду не могу... На самом деле я давно бы сделал как ты говоришь, но это от меня совершенно не зависит.

– Ты в тюрьме? Где? Какой срок тебе дали?

– Да, в тюрьме, – согласился я, поскольку такой ответ не являлся ложью. Конечно, не был он и полностью правдив, но зато точнее всего отражал истинный порядок вещей. – Где, я и сам не знаю. А сидеть мне здесь еще целую вечность без права на помилование.

– У тебя «пожизненное»? Что ты натворил? Убил кого-нибудь?

– К счастью нет, но совокупности преступлений вполне хватило, чтобы навсегда заставить меня забыть о свободе.

– Да перестань ты наконец говорить загадками! – возмутилась Полина. – Объясни конкретно, за что сидишь и как тебя отыскать! Я часто бываю в Европе, чуть реже – в Америке, поэтому смогу в самое ближайшее время тебя навестить. Не думаю, что тебя лишили свободы где-то в странах третьего мира – там нейрокомплексы для тюрем пока не выделяют.

– Долго придется меня разыскивать, – ответил я. – Жизни не хватит. Так что лучше и не пытайся. К тому же в моей тюрьме не практикуются свидания с родственниками. Даже в симулайфе. И если бы не помощь Анабель, эта наша встреча никогда бы не состоялась.

– Опять обманываешь! – раздраженно бросила Полина, недоверчиво взглянув мне в глаза. – Не существует сегодня тюрем с такими жестокими порядками. Тем более в цивилизованных странах. И как вообще можно не знать место, где тебя содержат?.. Очередная сказка! Нет, не понимаю, почему ты так упорно отказываешься со мной встретиться. Тебе нужно, чтобы я просто простила тебя, и все? Так, для успокоения совести, разнывшейся под старость лет.ставишь галочку над одним из искупленных грехов, только и всего. А встречаться со мной ты не желаешь, как и раньше. Действительно, разве это такой уж тяжкий грех – нежелание видаться с сестрой?..

Я и до этого с трудом подбирал слова, а теперь вовсе не знал, что сказать. Кроме свидетельств Анабель, у меня больше не было доводов заставить Полину поверить в мою историю. Но для скептически настроенной госпожи Лагутиной этого было

явно недостаточно. Мои клятвы для нее ничего не стоили. Чтобы вернуть им ценность, мне требовалось согласиться на то, чего я не мог сделать просто физически. И мое нежелание выполнить просьбу Полины лишь убеждало сестру в собственной правоте. Арсения Белкина считали лжецом, даже когда он говорил правду. Все закономерно, если вспомнить, сколько лжи мне довелось выдавать за правду в молодости.

– Ладно, будь по-твоему, – смягчилась Полина. – Тебе требовалось мое прощение? Можешь считать, что ты его получил. Мне незачем таить на тебя зло – в конце концов, ты ведь не поломал мне жизнь. У меня все в порядке, жаловаться не на что. Езжу по миру, даю концерты, так что отсутствием финансов не страдаем. Муж Александр преподает в консерватории. У нас две дочери, прекрасные девочки. Старшая Алена заканчивает учиться на экономиста. Младшая Ангелина по моим стопам пошла – в прошлом году поступила в Берлинскую высшую школу музыки, тоже на класс фортепиано... Как видишь, мне от тебя скрывать нечего.

– Тебе есть чем гордиться. Я рад за тебя. Правда, рад, – заметил я и спросил: – Давно родителей не стало?

– Отец в двадцать первом году умер, мать его на пять лет пережила. До последних дней ждали, когда ты объявишься, все разыскать тебя пытались. Бесполезно – ты как в воду канул. Отец с матерью тебя гораздо раньше меня простили, так что можешь на этот счет тоже успокоиться.

– Ты права: теперь я и впрямь успокоюсь, – угрюмо кивнул я. – Расставлю где нужно все галочки и буду до конца своих дней знать, что ни ты, ни родители не держали на меня зла. И ты пометь где-нибудь, что я сожалею о том, как относился ко всем вам. Жаль, что уже ничего нельзя исправить.

– Кое-что тебе по силам исправить, – возразила Полина. – И я говорила, каким образом. Я от своих слов не отказываюсь: ты можешь приехать к нам в любое время. Через год, через два, через десять... Когда все-таки уяснишь, что мы для тебя не чужие. Если и правда отбываешь срок, приезжай как освободишься. Захочешь остаться в России – тоже никаких проблем. С жильем и работой поможем. Обдумай это хорошенько, и, надеюсь, в следующий раз мы будем говорить при других обстоятельствах, а не в этих фальшивых телах среди фальшивых декораций. Нечего стесняться собственной жизни, какой бы неправильной она ни была, если ты еще не научился просить прощения. Больше мне тебе в этом фальшивом мире сказать нечего. Надеюсь, мы поняли друг друга, поэтому до встречи в реальности, Арсений. Пора бы тебе туда наконец вернуться...

Полина ушла, полностью аннулировав свой дубль, как уходили те скитальцы, кто не желал больше продолжать игру. Сестру ждала вполне реальная жизнь, со всеми насущными проблемами и простыми человеческими радостями. Привычный мир Полины Лагутиной собирался просуществовать еще достаточно долго – несколько миллионов лет, как минимум, – а мир ее брата доживал последние минуты. Какая гигантская пропасть пролегла между этими отрезками времени, однако пропасть, что разделяла меня с реальностью, выглядела гораздо шире. Было обидно, что я не оправдал надежд Полины, согласившейся ждать меня на том краю пропасти. Но я хотя бы знал, что надежды сестры на мое возвращение были искренними.

Я еще немного постоял возле точки «Феникс», приходя в себя от этой короткой, но в целом не разочаровавшей меня встречи, после чего пошел к Кассандре, расположившейся на другой стороне храма Огненной Птицы. Девушка выбрала для себя солнечное местечко и, рассевшись на траве, грела лицо под последними лучами виртуального светила. Последние лучи – непривычно было говорить такое о недавно взошедшем солнце, но что поделать, если закат сегодня намечался гораздо раньше срока.

– Она не поверила тебе, да? – полюбопытствовала Кассандра, когда я в молчании опустился рядом с ней на траву. – Прости, что не предупредила тебя. Полина ведь и мне не поверила, хотя на встречу все-таки согласилась.

– Не поверила, – подтвердил я. – Впрочем, это даже хорошо, что не поверила. Иначе Полина не говорила бы со мной как с живым человеком, и мне не пришлось тратить время и доказывать, что я – не компьютерная программа. Знаешь, я боялся, что все станет только хуже, но, как ни странно, все прошло просто замечательно. Мне дали и кнута и пряника, хотя, если честно, на второе я совсем не рассчитывал. Даже не знаю, Анабель, какими словами выразить тебе благодарность.

– Еще выразишь, – с легкой грустью в голосе пообещала девушка. Говорила она спокойно и твердо – видимо, смирилась-таки с нашим неизбежным расставанием. – Будут и другие миры помимо Терра Олимпия. Неужели у каждого из них окажется такой несговорчивый Творец?..

Неизменная туманная дымка резко окрасилась по всему горизонту из сизо-белого в непроглядно-черный цвет. Подыскать сравнение для этого явления было невозможно: оно не напоминало ни грозовую тучу, ни внезапные сумерки, ни приснопамятное черное цунами – олицетворение ярости разгневанного Гамма-креатора. Больше всего походило на то, что на самом деле симулайф освещался не бутафорским солнцем, а некими невидимыми фонарями, и вот теперь эти фонари повсеместно гасли. Согласно планам «Терра», массовое отключение

«света жизни» уже всюду шло в дальних провинциях и в скором времени должно было докатиться до нашей. Конец Света полностью оправдывал свое название: свет в прямом смысле заканчивался, мгновенно уступая место крошечной тьме. И никакой при этом кары грешников и спасения праведников. Кто-нибудь непременно возразит, что Терра Нубладо была лишь моделью реального мира, причем далеко не идеальной, и настоящий Конец Света будет выглядеть вовсе не так. Но как и в моделировании любого процесса, в гибели виртуального мира наверняка присутствовало множество признаков грядущего апокалипсиса.

– Это оно... – затаив дыхание, прокомментировала Анабель начавшееся вокруг нас панорамное шоу. – И уже совсем близко... – Девушка зябко передернула плечами и прижалась ко мне, после чего с сожалением произнесла: – Знаешь, когда ты заговорил о благодарности, я подумала, может быть, ты хочешь сказать мне нечто такое, особое... Конечно, нельзя требовать эти слова в качестве благодарности. Их надо говорить, только когда искренне в них веришь, но...

– Я люблю тебя, Анабель, – признался я, целуя ее в уголок губ. – Хотел сказать тебе это еще вчера, но такой нервный день выдался. Может, это и не те слова, которые ты хотела услышать, но зато они абсолютно искренние.

– Это именно те слова, какие мне от тебя и требовались, – удовлетворенно кивнула девушка, подставляя губы для полноценного поцелуя.

Что ни говори, а получать целый апельсин куда приятнее, чем его дольку. Вкусив сладость, мы вернулись к прерванному занятию – созерцанию почерневшего горизонта. Мысли наши, судя по брошенным друг на друга грустными выразительными взглядами, были одинаковы: жаль, что, кроме поцелуев, у нас не осталось времени на другие, более приятные способы прощания.

– Я тоже люблю тебя, Арсений, – проговорила Анабель. – Поздновато мы встретились и плохое время выбрали для признаний, правда?

– Но зато какое запоминающееся, – добавил я и вздрогнул вместе с девушкой, когда тьма рывком отвоевала у света очередную область Терра Нубладо. Вместо того чтобы поглотить провинцию Кабеса целиком, тьма обкусывала симулайф по краям, пугая нас своими агрессивными выпадами. Диаметр пространства, замкнутого в черное кольцо мрака, сузился почти вдвое. По всем признакам, следующий скачок тьмы обещал стать фатальным и полностью потопить в ней туманный мир. Но солнце пока согревало нас лучами, и это было несказанно здорово, поскольку сейчас оно в прямом смысле светило лишь для нас двоих.

– Тебе пора возвращаться, – сказал я Анабель. – Не забудь про возможные проблемы с алгоритмом выхода. Незачем зря рисковать.

– Ты столько раз рисковал ради меня. Почему я не могу хотя бы разок сделать это ради тебя? – воспротивилась девушка. – К тому же настоящие влюбленные должны быть вместе, пока смерть не разлучит их.

– Это не смерть, – попытался я в очередной раз утешить подругу. – Это всего лишь окончание очередной жизни. И для тебя, и для меня. Завтра переселишься в Терра Олимпия и...

– Я не вернусь в Терра Олимпия! – с блеском в глазах заявила Анабель. – Я поклялась, что больше не появлюсь ни в одном симулайфе, будь он хоть воплощением Абсолютной Свободы, хоть самой сказочной из всех сказок. Хватит, наигралась! Не нужны мне больше чужие миры. В них нет справедливости, как и в настоящем мире, так зачем тешить себя дурацкими иллюзиями?

– Напрасно ты так решила, – покачал головой я. – Если все это из-за меня, то уверяю тебя...

Я полагал, что у нас есть в запасе еще пара минут, но тьма рванула вперед гораздо раньше. Резкое стягивание петли мрака заставило меня поперхнуться словами и втянуть голову в плечи. Анабель вздрогнула и крепко стиснула мне руку. Я ожидал от наступающей темноты всего, чего угодно: боли, паралича, дикого холода, раскаленного жара, вакуума, высокого давления, превращающего меня в лепешку, или, наоборот, низкого, разрывающего изнутри мое тело, словно воздушный шарик... Однако тьма не оправдала мои ожидания. По неизвестной причине она разделила свой последний прыжок на два: уже сделанный длинный и обязательный последовать за ним финальный – предельно короткий. Мир сузился до пределов поляны, на которой мы находились, и вмещал в себя несколько не поглощенных тьмой деревьев, храм Огненной Птицы да солнце, хранившее верность нам, влюбленным, в обрамлении узкого ореола голубого неба. Все остальное скрывалось в густом мраке, а точнее уже попросту не существовало в природе.

Мы с Анабель взирали на этот микроскопический, в сравнении с прежним, мир, который был на удивление живым и уютным: камни храма отбрасывали тени, трава и листья деревьев шевелились на слабом ветру, а воздух все также пах лесной свежестью.

– Вот, возьми-ка это. – Спohватившись, Анабель, сняла один из своих амулетов и нацепила его мне на шею. – Может, когда снова воскреснешь, мой подарок останется с тобой и ты сразу вспомнишь обо мне.

– Этот амулет будет теперь частью моей души, как и ты, – пообещал я. – А значит, он непременно сохранится. Жаль, мне нечего тебе подарить – все исчезнет вместе с этим миром.

– Все, кроме памяти о тебе, – уточнила Анабель. – Это и станет твоим прощальным подарком.

– Как пожелаешь... А теперь пора. Видишь: тьма решила меня подождать. Не хотелось бы томить в ожидании старую знакомую... – Я обреченно вздохнул, после чего поднялся на ноги и неторопливо побрел туда, где тьма подступала к нам ближе всего. Анабель догнала меня, схватила под локоть и пошла рядом. Смотреть на приближающийся мрак было неудобно – я шел навстречу собственной участи словно с закрытыми глазами. Поэтому я и не смотрел в темноту, предпочтя сделать несколько последних шагов глядя на прекрасное лицо девушки.

– Давай не будем прощаться, – попросила она. – Как будто вовсе и не расстаемся. Так мне будет легче войти... туда...

– Давай, – согласился я. – Но поверь: на самом деле во тьме нет ничего страшного. Я ведь прожил в ней почти двадцать лет...

Лукавил, конечно же. Даже с учетом моего опыта жизни в крошечном мраке возвращение туда вызывало страх. Но лучше было все-таки добровольно шагнуть в темноту, чем дать ей настичуть нас, словно беспомощных жертв.

Темнота, плотная и бездонная, находилась от нас на расстоянии вытянутой руки. Нам оставалось пройти лишь шаг, а затем... Впрочем, кому суждено знать, что ждет его по ту сторону закрытой двери?.. Гадать бессмысленно, надо просто открыть дверь и проверить.

Крепко взявшись за руки, мы с Анабель именно так и поступили – шагнули во мрак, который в следующее мгновение ледяным ветром рванул с места и полностью поглотил последний осколок туманного мира.

В истории грандиозных «песчаных замков» современности завершилась еще одна глава. И никого больше не волновала судьба песчинок, из которых был выстроен замок Терра Нубладо, только что смытый неумолимой волной времени...

Эпилог

– *Что желаете, мистер Мэддок: чай, кофе?*

– Знаете, мистер Адамс, я бы не отказался от вашего фирменного бурбона.

– О, простите, Патрик, все не могу привыкнуть, что со вчерашнего дня вы у нас больше не служите. Теперь вы для меня не подчиненный, а просто гость. И старый добрый друг, разумеется... К тому же для бурбона есть и повод – ваша отставка... Не выразить словами, как ошарашили вы меня месяц назад этой новостью. Я два дня ходил сам не свой, все не мог уложить в голове ваш поступок. Терра Олимпия стартовала так мощно, что уже через три месяца она должна полностью окупиться. Военные без ума от демонстрационной версии Терра ди Гуэрро и готовы с руками оторвать у нас этот симулайф даже в недоработанном виде. Область применения технологий ВМВрасширяется, и скоро мы потопим материки конкурентов один за одним. Акции «Терра» растут как на дрожжах. Уверяю вас: через пару лет мы непременно войдем в пятерку влиятельнейших корпораций планеты. И вы, Патрик, решились нас покинуть в такое эпохальное время! Глупый, необдуманый поступок, уж извините за прямоту. Такого я от вас никак не ожидал! Ну да ладно, опоздал я уже со своими отговорами... Мы славно потрудились бок о бок, и я благодарен, что вы были с нами в самые суровые времена... Давайте выпьем за ваш спокойный отдых!

– И за дальнейшее процветание «Терра», мистер Адамс!

– И за это тоже... Так чем планируете заниматься на пенсии? Туризм? Рыбалка? Мемуары?

– Всем понемногу... Разве что без мемуаров – кого заинтересуют воспоминания такого зануды, как я?

– Заблуждаетесь, Патрик. Рано или поздно секретность с наших разработок будет снята, и вы могли бы сколотить на этом еще кое-какой капитал. Так что если не хотите упустить момент, мой вам совет – начните творить мемуары как можно скорее. Да и память – она ведь не вино, с годами крепче не становится.

– Я непременно обдумаю ваше предложение, мистер Адамс. Только придется брать в соавторы Элиота Эберта – без него мои воспоминания получатся необъективными.

– У Эберта хватит материалов на свой полноценный труд, но его мемуары, в отличие от ваших, мы никому не позволим издать. Поэтому даже не заикайтесь при Маньяке о подобных вещах, а то он и впрямь надумает выложить на бумаге свои больные откровения... Хотя я сомневаюсь, Патрик, что и вы последуете моему совету. Нуждайтесь вы в деньгах, разве бросили бы «Терра» и вдобавок стали выкупать у нас то старье десятилетней давности? Зачем оно вам понадобилось?

Я, конечно, понимаю, что у вас с ним связана масса воспоминаний. Но как бы ни дорожили вы памятью о тех славных годах, стоило ли ради этого вышвыривать на ветер полтора миллиона? Вы не похожи на чокнутого миллионера, который любит растрачивать деньги на сентиментальные прихоти.

– «Старье», о котором вы говорите, мистер Адамс, действительно очень много для меня значит. С ним связаны самые сложные, но и лучшие годы моей жизни. Возможно, это и впрямь сентиментальная прихоть выжившего из ума пенсионера, однако я был готов заплатить за нее и полную стоимость, не скинь вы мне цену по старой дружбе.

– Дружба дружбой, а я все-таки напоминаю, чтобы вы как можно надежнее хранили свой «памятный сувенир». Кое-кто заплатил бы и в пять раз больше, чтобы заполучить этот экспонат, причем уже не для коллекции. До полного снятия секретности, о которой я только что говорил, нам еще далеко. Если ваш «сувенир» вдруг угодит не в те руки, наша дружба серьезно пострадает. Я и без того пошел на грандиозную уступку, подписав ваш фиктивный отчет об утилизации хлама, что загροмождал лаборатории «Терра» более десяти лет.

– На сей счет не переживайте, мистер Адамс. Все детали нашей сделки останутся между нами. А помещение для хранения «сувенира» у меня подготовлено на совесть. Даже жене запрещено входить туда в мое отсутствие.

– Что ж, верю на слово и полностью полагаюсь на вашу ответственность... Нет, что ни говори, а странные вы все-таки люди: покойный Мануэль Васкес, Морган Платт, вы, Патрик Мэддок... Но я горжусь тем, что мне довелось работать вместе с вами. Когда-нибудь человечество непременно узнает имена таких первопроходцев ВМВ-океанов, как вы. Вас не забудут – будьте уверены.

– Не исключено, мистер Адамс. Но если брать в расчет, сколько имен подобных нам первооткрывателей уже кануло в Лету, я бы не стал чересчур уповать на будущую известность. Человеческая память коротка и, как вы верно подметили, с годами не улучшается. Порой мы забываем даже тех, кому обязаны многим. И если мы дорожим собственной честью, нам приходится искупать грехи такого забвения. Это искупление всегда дается нелегко, но грош ему цена, когда оно безнадежно опаздывает...

В Терра Куэнтто все совершенно не так, как в Терра Нубладо. Вот и сейчас, вытирая пучком травы с меча и доспехов липкую и черную, как смола, кровь убиенного мной орка, я не могу отделаться от мысли, что вчера под мой клинок угодила эта

же самая двуногая скотина. Или ее брат-близнец. Или еще какой ближайший родственник – орки для меня все на одну морду. В туманном мире я сроду не испытывал подобных сомнений – там аборигены обладали «штучной» внешностью. Правда, и принадлежали они только к одному виду – человеческому.

Здесь же счет на виды, к названию которых можно было приписывать «сапиенс», переваливал за три десятка. Карлики, великаны, безносые, остроухие, рогатые, хвостатые, крылатые, копытные, клюворылые, ящероголовые; покрытые шерстью, чешуей, перьями, слизью и прочей мерзостью; имеющие от двух конечностей и более; а про другие анатомические особенности этих созданий и вовсе не следует заикаться... Человеческим расам в Терра Куэнто было отведено не самое достойное место – всего лишь полдюжины маленьких королевств на востоке. В этом мире правили бал не люди – обладатели весьма средних физических способностей и не имеющие врожденный талант к магии, – а другие, более высокоразвитые во всех отношениях создания. Эх, знал бы кто, каково оно – чувствовать себя не царем природы, а ее жалким холопом...

Меня утешало лишь то, что в Терра Куэнто мы – представители рода «хомо сапиенс»: люди, эльфы, гномы и хоббиты – плелись не в самом арьергарде прогресса. Вот, к примеру, этот узколобый орангутан-переросток, который помешал нашему завтраку и которому пришлось за такую дерзость выпустить кишки, топтался где-то у основания местной иерархической лестницы родов. Причем без каких-либо шансов подняться по ней выше. А люди пусть медленно, но верно отвоевывали себе местечки на все более высоких ступеньках. Именно в этом и заключалась главная сила человека: обладая от рождения весьма скромными талантами, мы впитывали чужие знания как губка, подгоняли их под себя и в конечном итоге дотягивались до уровня тех существ, от кого эти знания перенимали. Особо преуспели в присвоении чужой интеллектуальной собственности выскочки-эльфы.

И опять не требовалось далеко ходить за примером. Сопровождающая меня в моих странствиях верная супруга – очаровательная волшебница-эльфийка Кассандриэль – приобрела свои чудодейственные навыки путем изучения магического наследия высокоразвитых народов. Сегодня она могла бы стать уже настоящей ходячей магической энциклопедией, если бы не отказывалась штудировать труды, касающиеся черной магии. Однако Кассандриэль принципиально отвергала мистические учения, несущие вред и разрушения. Даже сейчас, выслушивая мое брюзжание по поводу того, что пришлось всю поляну заляпать кровью и внутренностями, когда можно было аккуратно и гигиенично зажарить орка молнией, волшебница не находила в моих словах резона.

– Милый Арсенарр, – укоризненно качая головой, возразила мне добрая фея. – Не стоит путать божий дар с яичницей. У каждого из нас свое предназначение. Твое – наказывать зло, мое – по мере сил помогать жертвам этого зла. А вместе мы представляем собой единый могучий инструмент добра, что бы там и ни твердили некоторые про твою зверскую физиономию. Если бы это недружелюбное существо... – Кассандриэль брезгливо отпихнула ножкой отрубленную орочью голову, – лежало здесь беспомощное и истекало кровью, я бы непременно пришла ему на выручку, а тебя попросила бы подождать в сторонке. Но поскольку оно возжелало нашей крови, у нас не оставалось иного выбора, как защищаться. В связи с четким разграничением наших обязанностей за защиту отвечаешь ты, а какие методы вам, сударь, приходится применять – вопрос исключительно вашего вкуса. Но если тебе надоело размахивать своей железякой, мог бы в свободное время и сам выучить какое-нибудь простое заклинание, вроде молнии.

– Нет уж, увольте, – воспротивился я. – Старые проверенные средства – они как-то надежнее. А молния или огонь – вещи непредсказуемые, ими таким профанам в магии, как я, расшвыриваться нельзя... Но хоть костер-то ты можешь научиться разжигать? А то спички вечно отсыревают, да и по семейному бюджету бьют. Что это за идиотский мир, в котором надо за коробку спичек два гектара леса от гоблинов вычистить?

– Ты чего с утра разворчался? Не с той ноги встал?.. – уперла руки в боки Кассандриэль. – Не собираюсь я из-за такой мелочи, как костер, месяц расшифровывать свитки магического клана Саламандры. Сегодня тебе огонь разожги, а завтра будешь умолять лес спалить, поскольку тебе вдруг станет лень гонять своих зеленых гоблинов. Вам, варварам, только окажи услугу – сразу на шею сядете!

– Попрошу соблюдать политкорректность: не варварам, а северным куэнтийцам!

– Тогда и я тебя попрошу не отпускать больше плоские шуточки по поводу моих остроконечных ушек!..

Вполне нормальное будничное утро в странствующей семье грубого варвара и благородной эльфийки...

Ах да, забыл представиться: Арсенарр Беллсон, воин-наемник из расы северных куэнтийцев... или варваров – кому как угодно. С этим милым остроухим... извиняюсь – прелестноухим – существом эльфийского происхождения я встретился полгода назад, на следующий день после своего возрождения в Терра Куэнто. Белокурая эльфийка угодила в серьезную переделку, и если бы не проходивший мимо Арсенарр, девушке сильно бы не поздоровилось. Добрая фея

исполнилась сострадания к дракону, отравившемуся несъедобным орком, и решила вылечить эту мерзкую перепончатокрылую тварь своей белой магией.

В жизни не встречал более наивных людей!.. Естественно, не в этой новой жизни, а в двух предыдущих: Арсения Белкина и Проповедника соответственно. На какую драконью благодарность рассчитывала Кассандриэль, врачую «бедную ящерку», одному их эльфийскому богу известно. Когда же чудовище выздоровело, оно немедленно захотело перекусить, а вокруг – какая досада! – никого, кроме сердобольной целительницы, не оказалось. И даже худоба юной эльфийки не остановила оголодавшую тварь, коварно позарившуюся на свою спасительницу.

Так мы и повстречались с красавицей Кассандриэль. Девушка легкими грациозными прыжками бежала по лесу мне навстречу, а следом за ней, вздымая с земли пыль размашистыми крыльями, несся по воздуху чешуйчатый монстр. Неблагодарное чудовище при этом пронзительно верещало, прочищая горло перед своим коронным огненным плевком.

Именно в раскрытую драконью пасть я и послал мое тяжелое варварское копье, продемонстрировав, надо заметить, недюжинную для начинающего копьеметателя сноровку. Дракон изловил копье аккуратно на вдохе, поперхнулся, после чего захрипел, задрывал лапами, потерял координацию и рухнул на землю, с треском повалив несколько деревьев. От конвульсий сраженного чудовища задрожала земля, но вскоре судороги прекратились и тварь угомонилась навсегда. Я облегченно вздохнул – дрогнул у меня рука, и пришлось бы драпать вслед за волшебницей, а неуклюжим варварам с быстроногими эльфами в проворстве не тягаться.

Но реакция спасенной эльфийки почему-то мало отличалась от реакции выхоженного ею дракона. Девушка накинулась на меня и забарабанила кулачками мне по груди, рассерженно крича о том, что грязного варвара никто не просил вмешиваться, а чудовище вскоре и так поняло бы всю бесперспективность погони за эльфом и само отвязалось бы через десяток-другой километров. А теперь из-за моего тупого геройства молодой волшебнице придется ставить в одном из пунктов списка добрых дел отметку «провалено».

Девушка дубасила меня почему зря до тех пор, пока вдруг не обратила внимание на амулет, висевший у меня на шее. И только тогда подняла лицо и взглянула мне в глаза...

Да, это была та самая Кассандра, воспоминания о которой не давали мне покоя с момента возрождения в этом нелепом, но по-своему привлекательном мире. Пусть девушка надела непривычный наряд, слегка постройнела, отрастила длинные, до

пояса волосы и сообразно имиджу произвела пластическую хирургию ушей, но я узнал ее мгновенно. Как, впрочем, и она меня, хотя сам я намедни с трудом опознал в озере свое новое отражение. Забыв о скоропостижно скончавшемся «пациенте», Кассандра, она же Кассандриэль, с радостным криком бросилась мне на шею и впиалась в губы страстным поцелуем. Я даже не успел произнести «ну и дела», поскольку целоваться и одновременно комментировать события было непосильной задачей даже для могучего варвара...

– Я знала, что ты придешь в этот мир. Но не подозревала, что мы встретимся так скоро, – сообщила Кассандриэль, когда возбуждение от неожиданной встречи перестало сводить нас с ума. Произошло это уже вечером, ну а до вечера, сами понимаете, нам было чем заняться на лоне природы. Да и нельзя требовать от возбужденного варвара спартанской выдержки, а тем более галантных манер. Впрочем, как выяснилось, утонченные эльфийки проявляли к такой невоспитанности потрясающую терпимость.

– Откуда ты знала? – обессиленно распластавшись на мягкой траве, спросил я.

– Я видела это в воде, – хитро усмехнулась добрая волшебница. – К тому же не забывай, что в прошлой жизни я была прорицательницей...

Кассандриэль хранит этот магический секрет до сих пор. Как и причину, по которой я вновь воскрес, причем воскрес в уже давно не существующем симулайфе. Я не перестаю задавать моей спутнице волнующий меня вопрос, но она каждый раз лишь многозначительно улыбается и ловко уходит от темы.

Кстати, о темах для здешних бесед. Оказывается, сегодня в Терра Куэнто разрешено разговаривать о чем угодно. Закон Мертвой Темы, который, помнится, был впервые введен именно в этом сказочном симулайфе, теперь здесь не действует. И я вскоре догадался почему. Болтая обо всем подряд, мы с Анабель не портили впечатление от игры другим скитальцам, потому что таковых, кроме нас, в Терра Куэнто не было. Встреченные нами за полгода персонажи этой масштабной сказки все до единого являлись искусственными. И несмотря на это, общаться с ними было на порядок интереснее, чем с оседлыми из Терра Нубладо. Многочисленные друзья, которыми мы успели обзавестись за время странствий, ни на секунду не давали усомниться в своем ненатуральном происхождении. Его искусственная природа определялась лишь наметанным глазом вроде моего.

Да, симулайф Терра Куэнто не был столь совершенен, как его туманный отпрыск, и местами явно походил на театральные декорации, но у меня язык не поворачивался назвать существа, населяющие мой новый мир, дублями. В окружении их я чувствовал себя гораздо уютнее, чем бывало даже в компаниях «одушевленных»

скитальцев. Хотя кто знает, возможно, чем дольше я жил в симулайфах, тем сильнее проявлялось мое родство с их коренными обитателями...

Однако, судя по отношению ко мне Анабель, она упорно продолжала считать меня полноценным человеком. Скажете, любовь слепа? Да, не спорю, но ведь не на пустом же месте она родилась, верно?

Удивительная штука, эта любовь. Даже на сцене гигантского фантастического театра, куда я угодил на сей раз, наша любовь оставалась настоящей и искренней. Именно благодаря любви я безропотно принял новые правила игры, что, по сравнению с прежними, были предельно свободными. Никто не требовал от меня следования непонятному долгу. Единственный долг, который я на себя возложил, была забота о моей прекрасной спутнице. Мой неизвестный благодетель позволял мне жить так, как я сам считал необходимым. И пусть жизнь эта протекала в театральных антуражах и нескончаемой игре, ради любви и полной свободы я готов был с головой вжиться даже в такую непривычную роль и играть ее бесконечно.

После короткой беспутной жизни и четверти века неопределенного «посмертного» существования Арсений Белкин все-таки нашел для себя подходящую реальность. И другая была ему теперь абсолютно не нужна...

* * *

«Уму непостижимо, но я и впрямь воспользовался советом своего бывшего босса Чарльза Адамса и засел за мемуары! Не ради денег, нет. Просто захотелось немного облегчить душу, только и всего. Даже не знаю, что из этого получится. Ну да ладно, говорят, что главное – это сделать первый шаг, а дальше будет намного легче. Хотелось бы надеяться, поскольку не в моих правилах бросать незаконченные дела.

Что ж, приступим...

Мое имя – Патрик Г. Мэддок. Все знают меня как бывшего исполнительного директора отдела медиа-игр корпорации «Терра». Многие помнят, что когда-то, в молодости, я работал художником-дизайнером онлайн-игровых вселенных и успел снискать себе славу в создании нескольких громких проектов. Однако мало кто в курсе, что прежде чем занять свой последний высокий пост, мне пришлось пять лет руководить проектом под названием «Терра Куэнтто» – первым в мире глобальным игровым симулайфом, полностью основанным на технологиях ВМВ.

«Руководитель проекта» – так значилась моя должность в официальных документах. На самом деле я являлся так называемым Альфа-креатором – живым генератором ментальных образов, на базе которых и формировался внешний вид, а также законы и порядки виртуального мира «Терра Куэнто». Для того чтобы направить поток моей фантазии в нужное русло, для меня писались подробнейшие сценарии и рисовались грандиозные картины. Люди, сотворившие эти шедевры, даже не предполагали, каким именно образом используются их произведения. Наверное, сильно бы удивились, когда узнали, что им приходилось создавать всего лишь наглядные пособия, предназначенные стать пищей для ума одного-единственного человека.

Не скрою, почетно быть первым. Даже когда знаешь, что твоя слава не выйдет за пределы узкого круга посвященных лиц. Рожденный мной мир открыл дорогу целой плеяде следующих за ним миров, разумеется, более продуманных и реалистичных, однако право приоритета в данной области было и будет оставаться за моей Терра Куэнто.

К сожалению, за право быть маленьким Богом мне пришлось расплачиваться. Но не деньгами, а развинченными до предела нервами, бессонницей и полным душевным истощением. Мануэль Васкес, мой Бета-собрат, не дослужил до отставки и покончил с собой, не пережив нервного срыва. В последний год существования Терра Куэнто я тоже был недалек от этого. Однако, хвала Господу и моей семье, удержался от подобного шага. Как сложится судьба Моргана Платта, покажет время. Возможно, он отделается лучше нас...

Конечно, покинув пост Альфа-креатора, я постепенно вернулся к нормальному ритму жизни, но, увы, прежним Патриком Мэддоком уже не стал. И это тоже можно считать расплатой за бывшее могущество. Мое внутреннее истощение оказалось невосполнимо. Вся моя душевная энергия была истрачена на поддержание жизнеспособности рожденного мной призрачного мира. Я превратился в черствого, жестокосердного человека, перестал уделять внимание своей больной дочери, жене, прочим близким людям... Я оправдывал такое отношение к ним своей постоянной занятостью, думал, что зарабатываемые мной деньги восполняют недостаток такого невнимания. Недавно я хотел вспомнить, когда в последний раз приносил Беатрис цветы, и не смог. Я не помню, сколько лет было Анабель, когда папочка возил ее на экскурсию в Голливуд. Человек, сотворивший целый мир, забыл о таких простых вещах! Да будь у меня за душой хоть десять подобных миров, это все равно не служило бы мне оправданием в глазах жены и дочери.

Это далеко не все грехи, в которых мне следует исповедоваться. Есть и другие – например, ложь. За последние годы мне приходилось лгать не меньше, чем до этого – фантазировать. И если бы кто сумел придать моей лжи ту же форму, что и фантазиям, получилось бы, что мой второй мир был целиком соткан из сей ядовитой субстанции. И отречься от порожденного мной мерзкого мира лжи я не могу, как и от Терра Куэнто.

Я бы мог еще долго и обстоятельно каяться в собственных злодеяниях, но предпочитаю иной выход. Что толку в покаянии, если оно не подкреплено делом? Незачем сотрясать воздух сожалениями о содеянном, когда еще есть возможность искупить свою вину. У Патрика Мэддока достаточно сил и средств, чтобы попытаться помочь тем, кому пришлось страдать от его лжи и равнодушия.

Альфа-креатор возрождает Терра Куэнто. Теперь это целиком и полностью мой мир, и я мог бы подарить его любому, кому пожелал. Но я подарил свои грезы только тем, кто действительно этого заслуживал. Думаю, это достойный подарок.

Трудно восстанавливать такой грандиозный проект в домашних условиях, без помощи консультантов и специалистов. Впрочем, у меня достаточно опыта, чтобы обойтись без них. Хорошие книги и фильмы заменяют мне тот ворох сценариев, что приходилось разгребать когда-то на службе. Но главное – это, конечно, поддержка моей дочери. Без Бель у меня бы точно ничего не получилось. Теперь мы с ней много времени проводим вместе, обсуждая те или иные детали нашего семейного симулайфа. Больше всего дочери нравится придумывать и описывать всевозможных персонажей. Они получаются у нее настолько живыми и яркими, что мне приходится задействовать все ресурсы воображения, чтобы сказочные создания Бель были в Терра Куэнто именно такими, какими она хочет их видеть.

Разумеется, наш симулайф никогда не будет столь же совершенным, как гениальные творения Васкеса и Платта. Однако когда я вижу глаза Анабель, сверкающие от счастья после ее очередной прогулки по Терра Куэнто, я горжусь тем, что делаю. Впервые в жизни я узнал, что такое – настоящая гордость, не замутившая тщеславием и эгоизмом. И Патрик Мэддок не собирается останавливаться на достигнутом. Он продолжит двигаться дальше, поскольку отныне у него всегда будет, к чему стремиться.

Нет предела совершенству, а совершенству фантазии – и давно...